

Жуклов А.А.

К 80-ЛЕТИЮ САРАТОВСКОГО АРХЕОЛОГА И КРАЕВЕДА ЕВГЕНИЯ КОНСТАНТИНОВИЧА МАКСИМОВА

Евгений Константинович Максимов родился 22 октября 1927 года в городе Вольске Саратовской области. В младшие школьные годы мечтал стать астрономом, в старших классах – кинорежиссером. Готовился даже выступить на диспуте в горкоме комсомола на тему «Кем я буду» с докладом о советских кинорежиссерах. Но после окончания школы подал документы на исторический факультет Саратовского государственного университета. Одной из причин такого решения была нелюбовь к математике.

На истфак СГУ Евгений Константинович поступал в 1945 году. В школе он учился легко, поэтому поступать было несложно. На экзаменах Евгений Константинович набрал 19 баллов. Он вспоминает, что основной контингент учащихся тогда составляли девушки и демобилизовавшиеся после госпиталей военнослужащие. На втором курсе добавились вернувшиеся с фронта, которые поначалу держались обособленно, а впоследствии слились с коллективом. Первоначально на курс Е.К. Максимова поступило более 130 человек. Многие ушли на первом курсе, поняв, что историческая наука не для них. Выпустилось же 39 человек, самых стойких. Евгений Константинович до сих пор тепло вспоминает многих своих однокурсников, будущих преподавателей разных ВУЗов нашей страны: Порох (СГУ), Козенко (Самарский ГУ), Демиховский (Горьковский ГУ), Хорумова (СГСЭУ), Ходаков (Сельскохозяйственный институт), Пегов (ПИСГУ) – вот далеко не полный их список.

Учиться в первые послевоенные годы было нелегко. Не хватало учебников. Так, например, по археологии имелись лишь распечатки лекций Арциховского в количестве двух экземпляров на весь курс. На всем факультете был лишь один учебник по истории древнего Востока, под редакцией Струве. Не было второго тома учебника Равдоникаса по истории первобытного общества. Не преподавалась этнография. Курс истории стран Азии и Африки носил название «История колониальных и зависимых стран» (преподавал ее бывший советский дипломат в Германии М.Г. Тихомиров). Но, вместе с тем, два года учили латынь, причем, спрашивали ее строго (сам Евгений Константинович вспоминает, как трудно было ему ее сдавать, но до сих пор на память цитирует «Записки о галльской войне» Цезаря). В те же годы на нашем факультете начали преподавать курс по истории славян. Изучали и такую дис-

циплину, как «Теория и история государства и права». Преподавали на истфаке в те годы и древнерусский язык. Студенты глубоко изучали отечественную литературу, начиная с древнерусской. Знакомились и с основными тенденциями развития зарубежной литературы.

Вспоминает Евгений Константинович и как проходили занятия в университете. Они шли в 10 аудитории старого 4-го корпуса (на Театральной площади). Каждый день было по три пары лекций, которые начинались в 9.00. Мебели не хватало, поэтому между парами студенты носили табуретки с собой. После лекций (в 14.00) студенты шли в столовую, которая находилась во дворе, на углу ул. Кутякова и Астраханской (где сейчас Губернский рынок). Питались по карточкам – на завтрак, обед и ужин, – которые предпочитали использовать за один раз. Иногда студентам от местного комитета партии выдавали карточки на дополнительное питание. Е.К. Максимов до сих пор помнит, как они назывались официально и, как их называли студенты: СП – спецпитание («скоро подохнешь») и УДП – усиленное дополнительное питание («умрешь днем позже»). До шести вечера студенты отдыхали в общежитии (на ул. Вольской), а затем шли готовиться на кафедры, которые были открыты с 18.00 до 22.00. По мнению Евгения Константиновича, там можно было лучше, чем в университетской библиотеке, подготовить задания к семинарам, курсовые и контрольные работы.

Общежития были мужскими и женскими. Но внутри общежитий не было разделения на факультеты. В одной комнате с Евгением Константиновичем жили будущие филологи и химики. Благодаря этому приобреталось множество знакомых на других факультетах.

Впечатляет более поздний круг знакомств Евгения Константиновича Максимова в научном мире. Благодаря этим научным связям, несколько саратовских археологов попали в «Словарь протоисториков и археологов», изданный в 50-х годах в Венгрии. С одним из его составителей – венгерским археологом Михаем Пардуцем – Евгений Константинович долго поддерживал переписку. Он лично был знаком также с создателем методики антропологических реконструкций лица по черепу М.М. Герасимовым. Евгению Константиновичу запомнилась мягкость и открытость Михаила Михайловича в обращении с людьми. Он получал у него в Москве готовый скульптурный бюст женщины с деформированным черепом из катакомбного погребения 1-го Бережновского могильника, присутствовал на знаменитом докладе М.М. Герасимова о восстановлении портрета Ивана Грозного.

Одними из самых ярких воспоминаний студенческой поры, конечно же, являются первые выезды в археологические экспедиции, которые Евгений Константинович совершил вместе со своим научным руководителем Иваном Васильевичем Синецким на территории современного Западного Казахстана. Ему запомнилась природа пустыни, которую до этого он видел только на иллюстрациях в учебниках географии: курящиеся барханы, такыры, верблюжья колючка, безлюдье, отсутствие воды. Последнее особенно тяготило неподготовленного человека. Евгений Константинович вспоминает, как однажды он в поисках воды забрался в старый кудук (колодец в пустыне) и еле выбрался из затягивавшего его песка. Свообразна была и методика раскопок на дюнах: поскольку песок постоянно перемещается – одно погребение приходилось чистить вчетвером так быстро, чтобы его не успело засыпать до

фиксации. Запомнилось и гостеприимство местных жителей, иногда излишне радушное, их совершенно иное восприятие привычных норм цивилизации.

Все это студент Евгений Максимов узнал, специализируясь на кафедре Истории древнего мира и археологии. По результатам исследований 1948–1949 гг. он защитил дипломную работу на тему «Археологические исследования в Западном Казахстане» (научный руководитель – И.В. Синицын, оппонент – П.Д. Степанов, высоко оценивший дипломную работу выпускника).

Так начинал свой путь в науке Евгений Константинович Максимов. Впоследствии он участвовал во многих экспедициях (см. приложение), где было сделано много важных для науки открытий, публиковал их результаты. Многим поколениям студентов, в том числе и автору этой статьи, он преподавал основы археологической науки, сумев привить им любовь к этому предмету и уважение к труду археолога. Сейчас в СГУ и за его пределами работают его многочисленные ученики, ведущие собственные научные изыскания. Наконец, он известен как видный краевед. Впечатляет список его трудов, посвященных истории Саратовского края, и их разнообразная научная тематика. И сейчас Евгений Константинович работает над рядом произведений по нижневолжскому краеведению. Хочется от всей души поздравить Евгения Константиновича с юбилеем, пожелать ему плодотворной научной работы, здоровья и долголетия.

Приложения:

Археологические экспедиции с участием или под руководством Максимова Е.К.

1948 – разведки: Александров Гай (Саратовская область) – Казталовка – Новая Казанка (Западный Казахстан); раскопки Курпе-Байского курганного могильника у с. Новая Казанка.

1949 – раскопки курганов у с. Пролейка (Сталинградской области), с. Новая Казанка (Западный Казахстан); обследование дюн у хут. Мухорский, Бородинский и др. (там же).

1951 – работы Заволжского отряда Сталинградской археологической экспедиции АН СССР. Разведки: Саратов – Ровное – Черebaево (раскопки курганов) – Курнаевка (раскопки курганов) – Потемкино (раскопки курганов) – Бережновка (раскопки 1-го курганного могильника).

1952 – разведки по проектируемой трассе канала Волга – Урал: Осадная балка – Ленинск – Сайхин (на ж/д линии) и далее в Западный Казахстан – Урда – оз. Аралсор – Калмыково (на Урале); с Урала – на Фурманово – Палассовка – и далее на Саратов; возле Сайхина и Калмыково – раскопки курганов.

1953 – раскопки курганов у с. Скатовка (Саратовская область).

1954 – раскопки второго Бережновского могильника (Сталинградская область); раскопки разрушенного при строительстве ж/д полотна кургана у ст. Карамыш (Красноармейский район).

1956 – разведки: ст. Вихляйка (Ново-Бурасский район) – М. Озерки – Кутьино – Антиповка – Березовка 2-я – Бобровка – Березовка 1-я – Гудошниково – Петровск (раскопки курганов).

1957 – раскопки курганов у с. Ровное.

1959 – исследование разрушенного кургана в Энгельсе у станции Мелиорации; разведки в Балашовском районе: Балашов – Пинеровка – Репное – Дурникино – Романовка; раскопки кургана на поле между Дурникино и Пинеровкой; разведки в Красноармейском районе: Б. Дмитриевка – Рыбушка – Паницкая – Бобровка – Красноармейск; разведки в Екатериновском и Аткарском районах: Салтыковка – Борки – Гривки – Колено.

1960 – раскопки Танавского городища.

1961 – исследование разрушенного погребения с дирхемами на р. Малый Узень у с. Черная Падина (Ершовский район); раскопки Танавского городища.

1962-1964 – раскопки поселения на р. Гуселка и курганов у с. Долгий Буерак.

1965 – исследование разрушенного Волгоградским водохранилищем савроматского погребения у с. Ново-Привольное (Ровенский район).

1966 – разведки в Ртищевском районе: Дивовка – Урусовка – с/х Темп – Таптулино – Ртищево; раскопки распаханых курганов у с. Таптулино.

1968 – раскопки курганов на р. Б. Караман у с. Ново-Липовка (Советский район).

1969 – раскопки курганов на р. Б. Караман у с. Крутояровка (Советский район); раскопки курганов у шоссе Саратов – Волгоград (Красноармейский район).

1971 – раскопки курганов у с. Крутояровка (Советский район); разведки на границе с Куйбышевской областью по р. Стерех и на дюнах близ с. Дубовка.

1975 – раскопки курганов у с. Низовка (Самойловский район); разведки: Березняки – Кошели (Воскресенский район).

1976 – раскопки курганов у с. Максимовка (Базарно-Карабулакский район).

1978 – раскопки курганов у с. Малые Копены (Аткарский район).

1979 – раскопки кургана у с. Горюши (Хвалынский район).

Список научных трудов Е.К. Максимова

1956

Позднейшие сармато-аланские погребения V–VII вв. на территории Нижнего Поволжья // Труды СОМК. Саратов, 1956. Вып. 1. С. 65–85.

Памятник эпохи бронзы у ст. Карамыш Саратовской области // Там же. С. 115–123.

1957

Сарматское погребение у с. Б. Дмитриевка Саратовской области // СА. 1957. № 4. С. 155–161.

Археологические работы Саратовского музея в 1956 г // Там же. С. 290.

1958

Раннесредневековые сармато-аланские памятники Нижнего Поволжья // Науч. ежегодник Сарат. гос. ун-та за 1955 год. Отд. 2, истфак. Саратов, 1958. С. 124–125.

Карамышский курган эпохи бронзы // Там же. С. 126–127.

Разведка археологических памятников // Задания туристским отрядам Саратовской области, участникам Второй Всесоюзной экспедиции пионеров и школьников 1958–1959 гг. Б/м, 1958. С. 10–17.

1959

Меч и копье из коллекции Саратовского музея // СА. 1959. № 1. С. 261–265.

Археологические исследования в Петровском районе Саратовской области // Труды СОМК. Саратов, 1959. Вып. 2. С. 87–94.

1960

О хронологии савроматских памятников Нижнего Поволжья // Труды СОМК. Саратов, 1960. Вып. 3. С. 90–132.

Находка древнерусского шлема в Саратовском Заволжье // СА. 1960. № 4. С. 191–193.

Краткий путеводитель по залам музея. Саратов, 1960. (Совм. с Л.Н. Любомировой).

1962

Материалы из Хвалынского музея // СА. 1962. № 3. С. 282–288.

1964

Вятическое семилопастное кольцо из Нижнего Поволжья // СА. 1964. № 4. С. 225–227.

1965

Этих дней не смолкнет слава: историко-революционные памятники Саратовской области [Плакат]. Саратов, 1965. (Совместно с Л.Н. Любомировой).

1966

Это необычный портрет... // Волга. 1966. № 1. С. 198.

Сарматские бронзовые котлы и их изготовление // СА. 1966. № 1. С. 51–60.

Взгляните на эти снимки... // Волга. 1966. № 2. С. 191.

Сарматские диагональные погребения Восточной Европы // Археологический сборник. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1966. С. 63–83.

1968

Ульяновы в Саратове [Буклет]. Саратов, 1968.

Ново-Липовские курганы // АО 1968 года. М., 1969. С. 154–156.

1969

Позднекочевнические погребения Урало-Волжского района // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 130–138. (МИА № 169).

1970

Флейта Пана: (рассказы археолога) // Уральский следопыт. 1970. № 5. С. 47–48.

Раскопки курганов в Саратовском Поволжье // АО 1969 года. М., 1970. С. 147–148.

1971

Заметки об акинаках // СА. 1971. № 1. С. 238–242. (Совм. с М.Р. Полесских).

Ю.В. Деревягин: (некролог) // СА. 1971. № 3. С. 314–315. (Совм. с В.А. Фисенко, В.Г. Мироновым).

1972

Перелобский клад медных серпов // СА. 1972. № 2. С. 171–181.

Археологические раскопки в Саратовском Левобережье // АО 1971 года. М., 1972. С. 211–212.

1974

Ртищевские курганы // КСИА АН СССР. 1974. Вып. 140. С. 64–67.

1975

Застройка и архитектура Саратова // БСЭ. 3-е изд. М., 1975. Т. 22. С. 590.

1976

Новые находки савроматского звериного стиля в Поволжье // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. М., 1976. С. 210–218.

1978

...Как и всегда, ...как и каждый час я буду мыслями в Саратове // Полит. агитация. Саратов, 1978. № 14. С. 30–42.

Историко-краеведческие карты и текст к ним. Атлас Саратовской области. М., 1978. С. 26–31.

К вопросу о датировке Покровских курганов // Науч. тр. Куйбышевского пединта, 1978. Т. 221: Древние культуры Поволжья и Приуралья. С. 57–58.

К читателям // Синицын И.В. Древние памятники Восточного Маныча / И.В.Синицын. Древние памятники Восточного Маныча. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1978. Ч 1. С. 3–5.

1979

Методические указания и программы спецкурса и спецсеминара по археологии Нижнего Поволжья // Метод. пособие по спец. дисциплинам истории СССР: для студ. заоч. отд. 3–6 курсов истфак СГУ. 2-е изд., испр. и доп. Саратов, 1979. С. 49–52, 88–92.

Дорогие каждому места: памятные места Н.Г. Чернышевского в Саратове. Саратов, 1979. (Совм. с Г.П. Мурениной).

Археологические разведки по реке Стерех // Науч. тр. Куйбышевского пединта, 1979. Т. 230: Древняя история Поволжья. С. 110–117.

Памятники эпохи бронзы Саратовского Правобережья по раскопкам 1975–1976 гг // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: тез. докл. Донецк, 1979. С. 81–82.

1980

Древнеямные погребения Крутойярвских курганов (Советский р-н Саратов. обл.) // КСИА АН СССР. 1980. Вып. 161. С. 71–76.

1981

Находка раннеболгарских погребений близ Саратова // Из истории ранних болгар. Казань, 1981. С. 108–110.

1982

Практические задания по дисциплине «Основы археологии»: метод. указания для студ. 1-го курса ист.фак. Саратов, 1982.

Исследование археологических памятников в зоне строительства Приволжской АЭС в Саратовском Заволжье. (Заключительный отчет 1981 г.) // Рукопись деп. в ВЦНТИ. Инв. № 0281.1002517.6 п.л. (Совм. с Н.М. Маловым).

Исследование археологических памятников в зоне строительства Приволжской оросительной системы (южный массив). 1-я очередь: (отчет за 1982 г.) // Рукопись деп. в ВЦНТИ. Инв. № 02840061303. 2,1 п.л. (Совм. с Н.М. Маловым, О.В. Кочерженко).

1983

Исследование археологических памятников в зоне строительства Приволжской оросительной системы (южный массив). 1-я очередь: (отчет за 1983 г.) // Рукопись деп. в ВЦНТИ. Инв. № 02840061302. 1,4 п.л. (Совм. с Н.М. Маловым).

1985

Известен рабочим как «Саратовец» // Полит. агитация. Саратов. 1985. № 2. С. 5–7.

Практические задания по дисциплине «Основы археологии»: метод. указания для студ. 1-го курса ист.фак. 2-е изд., перераб. и доп. Саратов, 1985.

1986

Имя твоей улицы. Саратов, 1986.

Троицкий собор в Саратове как памятник архитектуры. // О современном православии. Саратов, 1986. С. 33–39.

1989

Саратов: история, градостроительство, культура (1590–1861 годы): программа спецкурса: метод. пособие по спецдисциплинам истории СССР. 3-е изд., исп. и доп. Саратов, 1989. С. 42–47.

Павел Сергеевич Рыков: (к 100-летию со дня рождения) // АВЕС: межвуз. науч. сб. Саратов, 1989. С. 3–11.

Полевые исследования Саратовского Университета в 1945–1984 гг. как продолжение рыковских традиций // Там же. С. 11–24 (Совм. с В.Г. Мироновым).

1990

Саратов на старых открытках. Саратов, 1990. (Совм. с В.Х. Валеевым).

Григорий Засекин – основатель Саратова // Годы и люди. Саратов, 1990. Вып. 5. С. 4–11.

1991

Церковь Покрова на горах. // Гонец. Саратов, 1991. № 1. С. 64.

Из истории «Саратовских епархиальных ведомостей» // Саратовские епархиальные ведомости, 1991. № 2. С. 7–8.

Белогорские курганы // АВЕС: межвуз. науч. сб. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 71–88 (Совм. с Н.М. Маловым, М.Г. Ким).

Архиерейский дом в Саратове // Саратовские епархиальные ведомости, 1991. № 4. С. 24–25.

Саратовский край: учеб. пособие по истории родного края для учащихся 8–9-х классов. Саратов, 1991. С. 3–34. (Совм. с В.П. Тотфалушиным, М.В. Булычевым).

П.С. Рыков и археология Нижнего Поволжья // Историкографический сб.: межвуз. науч. сб. Саратов, 1991. Вып. 15. С. 50–62.

О топониме «Саратов» // Четыре века: сб. ст., посвященный 400-летию Саратова. Саратов, 1991. С. 3–18. (Совм. с Л.Г. Хижняк).

Жизнь и труды Е.Н. Кушиевой // Там же. С. 141–154. (Совм. с И.В. Порохом).

1992

«Где циркуль зодчего, палитра и резец» // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 6. С. 26–34.

Троицкий собор в Саратове – памятник московского барокко // Труды Саратовского историко-краеведческого общества. Саратов, 1992. Вып. 2. С. 14–23.

Историческое краеведение в системе подготовки учителя // Новое в подготовке учителя истории: сб. метод. материалов. Саратов, 1992. С. 41–43.

Путешествие в историю площади // Годы и люди. Саратов, 1992. Вып. 7. С. 187–205.

Во имя Сергия Радонежского // Саратовские епархиальные ведомости. 1992. № 3–4. С. 3–5.

Утраченные памятники архитектуры Саратова // Саратовские епархиальные ведомости. 1992. № 3–4. С. 29–32. (Совм. с А.С. Касовичем).

Церкви-школы Саратова // Саратовские епархиальные ведомости. 1993. № 2. С. 29–30.

1993

Была ли «Желтая гора»? // Краеведческие чтения: докл. и сообщения 1–3 чтений. Саратов, 1993. С. 22–30. (Совм. с Л.Г. Хижняк).

К вопросу о Караманской станице // Там же. С. 40–43.

Утраченные памятники архитектуры Саратова // Там же. С. 75–77. (Совм. с А.С. Касовичем).

Материалы раскопок Покровских курганов // Памятники срубной культуры: Волго-Уральское междуречье. Саратов, 1993. Т.1. Археология России. САИ В 1–10.

Предисловие, глава 1 и заключение // *Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов, 1993. Т. 1. С. 3–27, 260–263.*

1994

Григорий Устинов – помещик из Алмазова Яра // *Из истории Прихоперья: материалы науч. конф. Балашов, 1994. С. 6–7.*

Шелководство в Нижнем Поволжье в ХУШ в. // *Краеведческие чтения: докл. и сообщения 4–6 чтений. Саратов, 1994. С. 17–19.*

Род дворян Устиновых // *Там же. С. 72–74.*

Саратовские мукомолы Шмидты, Рейнеке, Борели // *Там же. С. 135–137.*

Новые материалы о П.С. Рыкове и Н.К. Арзютове // *Там же. С. 151–152. (Совм. с Л.А. Войтенко).*

Максимовские курганы // *Древности Волго-Донских степей: сб. науч. ст. Волгоград, 1994. Вып. 4. С. 106–115.*

По следам Рылеева // *Степные просторы. 1994. № 9–10. С. 40–43.*

Неизвестное в биографиях П.С. Рыкова и Н.К. Арзютова // *Срубная культурно-историческая область: материалы 3 Рыковских чтений. Саратов, 1994. С. 3–5.*

Саратовская родня М.Ю. Лермонтова // *Пензенский временник любителей старины. Пенза, 1994. Вып. 10. С. 31–34.*

1995

Мариинка – с вedomа императрицы Марии // *Степные просторы. 1995. № 3. С. 14–15.*

Купцы Вакуровы // *Степные просторы. 1995. № 4–5. С. 26–31. (Совм. с М.В. Булычевым).*

Памятники Александру в Саратове // *Волга. 1995. № 5–6. С. 105–111. (Совм. с С.Н. Уткиным).*

Колокольцовские шали // *Степные просторы. 1995. № 10. С. 35–37.*

Торговля. Транспорт // *Очерки истории Саратовского Поволжья. Саратов. 1995. Т. 2. Ч. 1. С. 145–167.*

1996

Моя жизнь – музей // *Труды СОМК. 1996. Вып. 4. С. 5–10. (Совм. с Н.Н. Бедняковой).*

Творение И.Ф. Колодина в Саратове // *Там же. С. 32–61.*

Вторая мужская гимназия в Саратове // *Там же. С. 222–242. (Совм. с С.М. Соломатиной).*

Бековская усадьба Устиновых // *Российская провинция 18–20 веков: реалии культурной жизни. Пенза, 1996. Кн. 2. С. 312–319.*

Великий комбинатор был саратовцем // *Степные просторы. 1996. № 2–3. С. 43–47. (Совм. с М.В. Булычевым).*

Пауль Рау – ученый, писатель, художник: (к 100-летию со дня рождения) // *История и культура российских немцев. Саратов, 1996. Вып. 3. Ч. 2. С. 107–124. (Совм. с Е.М. Ериной, И.В. Семеновой).*

1997

Из жизни и деятельности П.Д. Рау // *Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. Ч. 1. С. 5–8.*

Археолог из Покровска: (к 100-летию со дня рождения П.Д. Рау) // *Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. Ч. 2. С. 5–30. (Совм. с И.В. Семеновой, Е.М. Ериной).*

Торговый дом «Э.И. Борель» в Саратове // *Сообщения Энгельсского краеведческого музея. Саратов, 1997. Вып. 5. С. 26–32.*

Саратов петровского времени: учеб. пособие для студ. Саратов, 1997. (Совм. с С.А. Мезиным).

Два века губернии: Саратовский край – из прошлого в настоящее. Саратов, 1997. С. 12–41. (В коллективе авторов).

Памятники Отечественной войне 1812 года на территории Саратовского края // Военно-исторические исследования в Поволжье.: сб. науч. тр. Саратов, 1997. Вып. 2. С. 79–88. (Совм. с В.П. Тотфалушиным).

1998

Николай Константинович Арзютов // РА. 1998. № 2. С. 194–196.

Усадьба Устиновых в Бекове // Дворянские усадьбы Саратовской губернии. Саратов, 1998. С. 3–16.

Неизвестные письма А.В. Терещенко // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1998. Вып. 6. С. 150–157. (Совм. с А.А. Демченко).

1999

Очерки истории Саратовского Поволжья. 1894–1917. Саратов, 1999. Т. 2, ч. 2. С. 55–83, 406–416.

К биографии Сергея Николаевича Чернова // Историки и историография. Саратов, 1999. С. 193–196.

«Из купцов он купец и купец образец...» // Саратовское Поволжье: история и современность. Саратов, 1999. С. 98–104.

2000

Слово о Валерии Григорьевиче Миронове // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 1. С. 5–15. Список его научных работ. (Совм. с И.В. Семеновой).

«Враги народа» на музейном фронте // Там же. С. 194–203.

Генерал Рылеев 2-й // Военно-исторические исследования в Поволжье. Саратов, 2000. Вып. 4. С. 74–81.

Профессор Иван Васильевич Синицын – советский археолог XX века // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000. С. 9–12. (Совм. с Н.М. Маловым).

Н.П. Корбутровский и злобовская школа садоводства // Саратовское Поволжье в панораме веков: история, традиции, проблемы. Саратов, 2000. С. 357–365.

Русский мукомол С.И. Степашкин // Там же. С. 377–382.

Археология России: учеб. пособие. Саратов, 2000. (Совм. с Н.М. Маловым).

История Саратовского края: учеб. пособие для учащихся всех типов школ. 2-е изд. Саратов, 2000. (В коллективе авторов).

2002

Историко-архитектурные памятники на Троицком взвозе в Саратове // Саратовский краеведческий сборник. Саратов, 2002. С. 75–89.

Энциклопедия Саратовского края: в очерках, фактах, событиях, людях. Саратов, 2002. (В коллективе авторов).

2003

Фотосалоны Саратовского края: каталог паспарту 1854–1917. Саратов, 2003. (Совм. с Ю.А. Сафроновым).

2004

Жизнь и дела Степана Петрова // Сообщения Энгельсского краеведческого музея. Саратов, 2004. Вып. 6. С. 111–123. (Совм. с О.Е. Скучаевой).

2005

«Средь шумного бала» // Проблемы истории Российской цивилизации. Саратов, 2005. С. 149–153.

Архитекторы Саратова: биографический словарь. Саратов, 2005. (Совм. с Б.Н. Донецким).

2006

Утраченное // Тектоника. 2006. № 1. С. 30–32.

Кто поможет спасти Музейную площадь // Общественное мнение. 2006. № 2. С. 42–43.

Из истории народных училищ в Саратове // Ученье – свет. Саратов, 2006. С. 4–7.

Мариинский институт благородных девиц // Там же. С. 93–99. (Совм. с С.М. Соломатиной).

Вторая мужская гимназия // Там же. С. 99–114. (Совм. с С.М. Соломатиной).

Саратовский Крытый рынок. Саратов, 2006. С. 34–77. (В коллективе авторов).

2007

Саратовское Поволжье в годы Первой Мировой войны. Саратов, 2007. (Совм. с В.П. Тотфалушиным).

Торговля чаем в Саратове. Вторая половина XIX – начало XX веков // Бренд и стиль. 2007. № 1(3). С. 41–43.

ЭПОХА КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Федосов М.Ю.

ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕДОНСКОЙ КАТАКОМБНОЙ КУЛЬТУРЫ В ВОЛГО-ДОНСКОМ МЕЖДУРЕЧЬЕ

Область распространения памятников среднедонской катакомбной культуры на территории Волго-Донского междуречья ограничена р. Мышкова на юге (рис. 1). Ландшафт региона включает несколько возвышенностей. Большую часть рассматриваемой территории занимает левобережная часть бассейна р. Дон с речными системами Хопра, Медведицы и Иловли. Верховья Иловли смыкаются с бассейном Волги (р. Камышинка) до четырех километров (так называемая «переволока» в районе г. Петров Вал). Долины этих притоков направлены меридионально.

В качестве объекта изучения при написании данной работы использовались погребальные комплексы. Главным показателем материала при подборке являлась его информативность с учетом всех имеющихся признаков – данных о погребальном сооружении, погребенном, вещественном материале и т. д. Основным критерием при культурной интерпретации погребения выступал керамический инвентарь, поскольку именно он является всеми признанным маркером, определяющим своеобразие среднедонской катакомбной культуры. Также учитывались не содержащие керамики (или с малоинформативной керамикой) комплексы в тех случаях, когда в силу стратиграфической позиции в сочетании с обрядом их культурная принадлежность не вызвала сомнений.

При этом в выборку не вошли так называемые «погребения с керамикой с елочной орнаментацией», так как точка зрения А.М. Смирнова на данную проблему [Смирнов, 1996], хотя и не снимает всех вопросов, представляется нам на данный момент наиболее проработанной и убедительной. При этом необходимо не смешивать этот тип памятников с погребениями волго-донской культуры, имеющими схожую керамическую традицию, но совершенно другой погребальный обряд, восходящий не к доно-донецкой, а к волго-уральской обрядовой традиции. В целом проблема нуждается в серьезном исследовании, невозможном в рамках данной работы.

Таким образом, выборка включила в себя 139 погребальных комплексов из 29 курганных могильников (80 курганов) и 2 грунтовых (рис. 1). Значительная часть материала не публиковалась. Также большая его часть, включая опубликованные памятники, ранее не использовалась исследователями сред-

недонской катакомбной культуры. Количество погребений среднедонской катакомбной культуры в курганах колеблется от 1 до 6 (в среднем 2-3). В 39 (28%) случаях они были основными в кургане, из них в 9 (6,5%) – единственными. Керамический материал содержался в 128 захоронениях. В ряде курганов зафиксированы остатки жертвенников (в том числе человеческих) и тризн.

Курганы исследовались в разное время и на разном методическом уровне, поэтому полученные данные неодинаково информативны. В целом же выборка позволяет говорить о репрезентативности.

Как это видно на рис. 1., можно (с известной долей условности) очертить следующие археологические микрорайоны Волго-Донского междуречья: бассейн нижнего течения Хопра, бассейн верхнего течения Медведицы, бассейн нижнего течения Медведицы, бассейн Иловли, «узкая» южная часть междуречья (от устья Иловли на севере до р. Мышкова на юге).

Погребения среднедонской катакомбной культуры совершались как в ямных, так и в катакомбно-подбойных конструкциях.

Из анализируемого количества погребений в **ямах** совершено 83 (59,7%; 7:19:20:18:18¹). В зависимости от формы ямы делятся на 4 вида:

Тип 1. Прямоугольные – 46 (55,4%²; 5:12:11:10:8).

Тип 2. Квадратные – 11 (13,3%; 2:4:1:1:3).

Тип 3. Овальные – 13 (15,7%; 0:3:2:0:6).

Тип 4. Неправильной формы – 6 (7,2%; 0:0:5:1:0).

Еще в 7 (8,4%) случаях погребение было совершено в насыпь или сильно повреждено землероями.

В 12 (8,6% всех захоронений; 14,5% ям) случаях ямы были с заплечиками (0:1:4:4:3).

Как видно, наибольший удельный вес ям овальной формы в могильниках южного микрорайона (5 из 6 в близкорасположенных Пичуга-I и Варламов-I).

Катакомбные конструкции в среднедонской культуре представляют собой Н-катакомбы (с камерой под длинной стенкой шахты) и, в общем-то, слабо отличаются от подбойных могил, поэтому рассматривались с ними в совокупности. Дромос, как правило, отсутствует (единственное исключение – Челюскинец 1/3³). Всего было выявлено 59 (42,4% выборки; 21:21:2:6:9) катакомбно-подбойных конструкций. Их классификация приведена в табл. 2.

¹ Здесь и далее цифрами указана встречаемость признаков по микрорайонам в следующем порядке: нижнее течение Хопра; нижнее течение Медведицы; верхнее течение Медведицы; бассейн Иловли; южная часть Волго-Донского междуречья.

² От общего числа ям.

³ Здесь и далее в числителе указан номер кургана, в знаменателе – номер погребения.

Таблица 1.

Типология подбойно-катакомбных конструкций.

Шахта\камера	1. Прямоуг.	2. Квадратная	3. Овальная	4. Неправильной формы
1. Прямоуг.	18 (5:10:0:0:3)	-	16 (8:5:1:1:1)	2 (1:0:0:0:1)
2. Квадратная	-	-	2 (0:1:0:1:0)	-
3. Овальная	3 (0:1:0:0:2)	-	5 (1:2:0:2:0)	3 (1:0:0:1:1)
4. Неправильной формы	2 (2:0:0:0:0)	-	5 (1:2:1:1:0)	2 (1:0:0:0:1)

Исходя из результатов, представляется возможным выделить следующие типы:

Тип 1. Прямоугольная в плане входная шахта, с прямоугольной формы подбоем (камерой) – 18 случаев (31%).

Тип 2. Прямоугольная шахта, с овальной формы подбоем – 16 (29,1%).

Тип 3. Прямоугольная шахта, с подбоем неправильной формы – 2 (3,4%).

Тип 4. Подквадратная шахта, с овальным подбоем – 2 (3,4%).

Тип 5. Овальная шахта, с прямоугольным подбоем – 3 (5,2%).

Тип 6. Овальная шахта, с овальным подбоем – 5 (7,3%).

Тип 7. Овальная шахта, с неправильной формы подбоем – 4 (6,9%).

Тип 8. Неправильной формы шахта, с прямоугольным подбоем – 2 (3,4%).

Тип 9. Неправильной формы шахта, с овальным подбоем – 5 (8,6%).

Тип 10. Неправильной формы шахта, с неправильной формы подбоем – 2 (3,6%).

В двух случаях форма входной шахты не прослежена. И ямы, и вход в камеру часто перекрывались деревянным заслоном.

Самый большой удельный вес катакомбно-подбойных могил представлен в могильниках северо-западной части междуречья (77,9% всех погребений нижнего Прихоперьья и 52,5% нижнего течения Медведицы; табл. 2; рис. 2).

В основу классификации погребального обряда положены поза умершего (на правом боку, на левом боку, на спине) и его ориентировка по сторонам света. По всем этим критериям удалось охарактеризовать 145 костяков. Результаты представлены на рис. 2. Кроме того, у 94 погребенных возможно было определить положение одной или обеих рук (см. табл. 1). Отмечены следующие положения рук:

Тип 1. Рука вытянута вдоль тела.

Тип 2. Рука вытянута или согнута в локте под тупым углом, кисть у колен.

Тип 3. Рука вытянута или согнута в локте под тупым углом, кисть между бедренных костей.

Тип 4. Рука согнута в локте под тупым углом, кисть лежит на тазовых костях.

Тип 5. Рука согнута в локте под прямым углом, кисть лежит на груди.

Тип 6. Рука согнута в локте под прямым углом, отведена в сторону.

Тип 7. Рука согнута в локте под острым углом, кисть у лица.

Тип 8. Рука отведена за спину и таз.

Тип 1 встречается, во-первых, у погребенных на спине (в коллективных захоронениях, 3 случая); во-вторых, в сочетании с позицией руки типа 4 (39 четко выраженных случаев, возможно до 46). Практически все подобные случаи можно охарактеризовать как положение умершего «скорченно на боку с завалом на спину», в отличие от нижеследующих.

Типы 2 и 3 являются, в сущности, явлением одного порядка и различия между ними определяется степенью скорченности погребенного. Как правило (30 случаев), в подобных позициях находятся обе руки. Тип 6 зафиксирован в 4 случаях (трижды – обе руки и 1 раз – в сочетании с типом 1). Типы 5 и 8 отмечены дважды – в сочетании с типом 4 (второй рукой на тазовых костях); один раз – сочетание тип 5 + тип 1. Тип 7 (поза «адорации») встречен 2 раза. В 3 случаях руки умершего были отведены в сторону и перекрещены (связаны?). Зависимости положения рук от право- или левобочного положения умершего, его ориентировки или типа погребального сооружения не выявлено.

Если анализировать данный признак с позиции стратиграфии в кургане, то можно отметить, с одной стороны, что погребения с положением умершего «с завалом на спину», с одной рукой кистью на тазовых костях (тип 4), а другой вытянутой вдоль тела (тип 1) в целом более ранние, нежели погребения с умершим «чисто» на боку с руками у колен или между бедренных костей. Это, во-первых, вполне согласуется с выводами С.Н. Братченко [1976, 2002], который соотносит первое положение с позднедонецкими памятниками, а второе – считает одним из определяющих признаков для материалов бахмутского типа (или постдонецких катакомбных культурных групп).

С другой стороны, мы не можем говорить о смене положения рук как об устойчивом хронологическом маркере. Об этом свидетельствуют: зафиксированные случаи обратной стратиграфии признаков, а также группа погребений со смешением вышеуказанных устойчивых сочетаний положений рук. Кроме того, положение рук на тазовых костях часто фиксируется в погребениях посткатакомбной бабинской культуры. В то же время подтверждается предположение Ю.П. Матвеева о недопустимости использования левобочного положения умершего в качестве маркера позднего этапа среднедонской катакомбной культуры [Матвеев, 1998. С. 15].

На рис. 2 видна зависимость позы и ориентировки умершего не только от формы погребального сооружения, но и от территории. Особенно это проявляется на примере левобочных погребений, которые в южных районах тяготеют к восточной ориентировке, а в северных – к северной. Для правобочных погребений во всем регионе – это западная и южная ориентировки. В верховьях Медведицы, кроме того, локализуется довольно компактная группа правобочных погребений с северо-восточной ориентировкой умершего, безыскусных или с минимальным набором инвентаря, совершенных преимущественно в ямах, что сближает их с так называемой криволукской культурной группой (за той лишь разницей, что у последних преобладает положение умерших на левом боку). Такой признак, как положение на правый бок с северной ориентировкой (III обрядовая группа Б по А.Т. Синюку [Синюк, 1996. С. 93]), таким образом, практически «размывается» (к ней можно отнести всего 17 погребенных, и ни одного с положением рук между бед-

ренных костей). Более того, изучение фактов курганной стратиграфии позволяет говорить о сосуществовании всех указанных ориентировок, что, в свою очередь, свидетельствует о сложном характере генезиса среднедонской катакомбной культуры и участии в нем представителей различных обрядовых традиций автохтонной доно-волжской (левый бок – Север) и пришлых доно-донецкой (правый бок – Запад и Юг) и волго-уральской (левый бок – Восток).

Из общей картины выделяется погребение Большие Копены-I 2/4. Здесь поза и ориентировка умершего ближайšie аналогии находит в ранних памятниках бабинской культуры.

Керамика является самой массовой категорией погребального инвентаря в комплексах среднедонской катакомбной керамики (табл. 3). В задачи данной работы не входит разработка принципиально новой классификации керамического материала. Для решения поставленных задач на текущем уровне, на наш взгляд, вполне достаточно классификаций среднедонской керамики, предложенных А.Т. Синуком [1996] и Т.Ю. Березуцкой [2003], в основе которых лежит разработанная С.Н. Братченко типология катакомбной керамики [Братченко, 1976].

Нами было проанализировано 124 сосуда (включая курильницы; в тех случаях, когда по жаровне можно было восстановить изначальную форму сосуда, он включался в общую схему). По морфологическим признакам были выделены следующие типы сосудов:

Тип 1. Раструбошейные горшки биконической или округлой формы. Высота горла превышает 1/8 часть всей высоты сосуда. Соответствуют Группе В Отдела III по С.Н. Братченко [1976. С. 27] и Т.Ю. Березуцкой; [2003. С. 32–33].

Подтип 1А. Сосуды с выраженным внутренним ребром в месте перехода тулова в горло – 13 единиц.

Подтип 1Б. Сосуды без выраженного внутреннего ребра в месте перехода тулова в горло – 82 экземпляра.

Тип 2. Слабопрофилированные сосуды кубковидной формы, с высокой, слегка расширенной или прямой шейкой. Диаметр устья превышает диаметр дна. Наиболее близки Группе Б Отдела III по С.Н. Братченко [1976. С. 27]. Всего 2 сосуда.

Тип 3. Стройные высокошейные сосуды, с хорошо выраженным прямым горлом. Наиболее близки Группе Д Отдела III по С.Н. Братченко [1976. С. 27] и Т.Ю. Березуцкой [2003. С. 33]. Всего 7 сосудов.

Тип 4. Сосуды с выраженным плечиком и отогнутым невысоким венчиком.

Подтип 4А. Высокие сосуды стройных пропорций. Высота венчика не превышает 1/8 высоты сосуда. Наиболее близки Группе Д Отдела II по С.Н. Братченко [1976. С. 26] и Т.Ю. Березуцкой [2003. С. 32]. Всего 1 сосуд.

Подтип 4Б. Невысокие сосуды с выпуклыми боками. Наиболее близки Группе В Отдела II по С.Н. Братченко [1976. С. 26] и Т.Ю. Березуцкой [2003. С. 32]. Всего 3 сосуда.

Тип 5. Бесшейные сосуды.

Подтип 5А. Миски открытые, с сужающимися ко дну стенками. Соответствуют Группе А Отдела VI по С.Н. Братченко [1976. С. 28] и Т.Ю. Березуцкой [2003. С. 34]. Всего 5 единиц.

Подтип 5Б. Миски с поддоном – 1 сосуд.

Подтип 5В. Миски закрытые, с выгнутыми стенками. Соответствуют Группе А Отдела VI по С.Н. Братченко [1976. С. 28] и Т.Ю. Березуцкой [2003. С. 34]. Два сосуда.

Подтип 5Г. Реповидные сосуды. Соответствуют Группе В Отдела I по С.Н. Братченко [1976. С. 26] и Т.Ю. Березуцкой [2003. С. 31]. Миниатюрные, со стянутым устьем. Представлены одним экземпляром (всего в погребениях среднедонской катакомбной культуры известно 6 подобных сосудов).

Тип 6. Курильницы. Круглые, овальные или подпрямоугольные чаши на сросшихся или отдельно стоящих ножках; на крестовидном, прямоугольном или круглом основании. В силу малочисленности (8 экземпляров из включенных в выборку погребений) и большого количества выделяемых признаков типология данной категории керамического инвентаря в данной работе не приводится. Тем не менее, будет уместным упоминание, что все курильницы, за одним исключением (Глазуновский 11/1, Нехаево 5/2), имеют отделение в плоске, что является позднекатакомбным признаком.

К керамическим изделиям относится также орнаментированная воронка из погребения 36/11 Первомайского VII.

Технология изготовления погребальной керамики среднедонской катакомбной культуры довольно однообразна. Вся она изготовлена способом ручной лепки. В глине визуальнo фиксируются добавки мелкозернистого песка (дресвы) или шамота. Обращает на себя внимание серия из 4-х сосудов с примесью ракушки в тесте (Горбатый Мост 29/2 – тип 1А, Котово ОК/1 – тип 1, Б. Копены-1 1/5 – тип 1, Б. Копены-1 1/6 – тип 1А).

В орнаментации сосудов преобладают валики (налепные и защипные), различные виды оттисков шнура и зубчатого штампа. Господствует вертикально-зональное построение композиции. При этом сложность для исследователя при анализе орнамента создает следующее обстоятельство. Один и тот же сюжет может быть выполнен несколькими способами. Например, так называемый «веревочный» орнамент может быть выполнен как действительным оттиском шнура, так и его имитацией: прочерченной линией, насечками. Точно так же «личиный штамп» может быть выполнен оттиском шнура, намотанного на палочку, либо мелкозубчатым штампом. Это обстоятельство довольно часто упускалось из виду археологами – авторами отчетов, подходивших к описанию формально. Между тем, С.Н. Санжаров довольно убедительно показал эволюцию способов нанесения орнамента в связи с изменением технологии изготовления керамики (при этом сюжет отличался большей консервативностью и изменялся медленнее) [Санжаров, 2005]. В этой связи уместным будет замечание, что ни на одном из 6 миниатюрных вотивных сосудиков (Белогорское-1 ГМ/2, Первомайский-1 ОК2/4, VII 5/6, VII 36/11, VIII 7/5, разрушенный курган у г. Царицына) не присутствует валиковая орнаментация.

Связь морфологии сосуда с определенным орнаментом прослеживается только для сосудов подтипа 5А. Для них (за одним исключением) характерно украшение горизонтальными рядами «личиного» штампа, в нескольких

случаях образующего «елочки». В качестве разделительной линии выступает двойной шнур. На сосудах 1 типа «личиночный» штамп выполняет дополняющую функцию. К другим второстепенным элементам относятся ногтевые вдавления, наколы.

Такая характерная черта керамического комплекса волго-донской культуры, как размещение горизонтальной елочки в центральной части сосуда, для среднедонских катакомбных памятников не характерна. Шнуровой орнамент здесь также тяготеет к верхней части сосуда, зато гребенчатый штамп – к придонной. Часто он несет пережиточный, или символический характер: намечены 2–3 ряда «елочки», или просто несколько вертикальных либо наклонных линий у дна сосуда. Всего доля сосудов с елочно-гребенчатым орнаментом в общей массе раструбошейных сосудов Волго-Донского междуречья не превышает 20%, что сближает их с керамическим комплексом донецкой катакомбной культуры позднего этапа. Подтверждает эту датировку погребение 7/5 из Первомайского VIII, где с двумя сосудами типа 1Б (без орнамента и миниатюрный: горизонтальные параллельные ряды двойного шнура по горлу, выполненные этим же приемом «свисающие» треугольники в верхней части тулова и ряд «елочки» у дна) найден сосуд типа 5В с орнаментированным дном в традициях фатьяновской культуры.

Хорошо иллюстрируют керамическую традицию среднедонской катакомбной культуры Волго-Донского междуречья и ее эволюцию посуда из хронологически компактных групп погребений ряда курганов (в хронологическом порядке: Красновский-1 курган 1, Баранниково курган 4, Большие Копены-1 курган 1). Мы видим сосуществование различных способов орнаментации: архаичных (спиралевидных и серповидных вдавлений из отгисков перевитого шнура) и позднекатакомбных (валики). Откровенно поздней выглядит лишь небольшая группа сосудов 1 типа с относительно невысоким горлом, украшенных исключительно горизонтальными налепными валиками, по которым проходят насечки отступающей лопаточкой. Она находит прямые аналогии в керамике наиболее поздних слоев поселенческих памятников (и представлена в погребениях почти исключительно жаровнями).

Существует другая группа керамики, которую можно датировать финальной стадией среднедонской катакомбной культуры. К ней относится один из двух сосудов с валиковой орнаментацией, которые происходят из погребений южной части Волго-Донского междуречья (тип 5А, Челюскинец 1/3). Он же является единственной целой формой, украшенной подобным образом (сплошные вертикальные или наклонные налепные валики, по которым проходят насечки отступающей лопаточкой), керамики. Во всех других случаях она зафиксирована в виде жаровен. В тесте подобных сосудов, как правило, – примесь песка.

Такого, выделяемого А.Т. Синюком [1996] и Ю.П. Матвеевым [1998] маркера финального этапа среднедонской катакомбной культуры, как сосуды вытянутых пропорций, с умеренно высоким прямым или раструбным горлом, орнаментированные прочерченными линиями, часто в виде вертикальной елочки [Синюк, 1996, рис. 36, 38; Погорелов, 1996, рис. 5–9], на изучаемой территории не обнаружено. Прочерченные линии, в качестве самостоятельного орнамента, встречаются на 3 сосудах 1 типа, а также – на миниатюрном реповидном сосудике из комплекса Орешкин 11/2. Тем не менее, за исключе-

нием последнего, действительно, можно предположить их позднюю хронологическую позицию (в Больших Копенах-Г1/4 вместе с подобным сосудом и сосудом с валиковой орнаментацией найден кремневый черешковый накопчик стрелы, характерный для покровско-потаповских памятников; паркетный орнамент на жаровне из Рыбушки 4/1 и сосуде из погребения 2 того же могильника, расчески на керамике – признаки керамической традиции ДВАК). К этой же культурно-хронологической группе, по всей видимости, можно отнести группу сосудов с подобными «паркетными» орнаментальными сюжетами, выполненными мелкозубчатым штампом. Все они (как и сосуды 1А типа) происходят из территориально близких могильников северо-востока изучаемого региона, прилегающих к Поволжью. В то же время, прочерченная орнаментация здесь сочетается (и сосуществует) с валиковой и шнуровой.

Изделия из металла в погребениях среднедонской катакомбной культуры довольно редки. Они представлены бронзовыми ножами, шильями, подвесками. Ножи найдены по одному в 8 погребениях. Из них 6 экземпляров хорошей сохранности. Все ножи, за одним исключением, относятся ко второй группе по классификации С.Н. Корневского [1978. С. 36–40]. Время бытования таких ножей археологи определяют хронологическими рамками эпохи средней бронзы в целом [Там же. С. 45–47] или временем существования памятников бахмутской и маньчской групп [Братченко, 1976. С. 143–144]. А.В. Кияшко относит их к костромскому типу и датирует финальной стадией существования катакомбных культур и ранним этапом бабинской [Кияшко, 2002. С. 19, 36, рис. 8]. Вместе с тем, два ножа (из погребений Сидоры 30/1 и Орешкин-Г 22/5) не имеют ярко выраженного пламевидного окончания, что сближает их с клинками хронологически предшествующего второго привольненского типа, соответствующего, в основном, раннедонецкому горизонту катакомбных древностей). Широко известен и не раз публиковался набор металлических изделий с теслом костромского типа из разрушенного погребения близ Волгограда (раскопки Ф.Н. Чернова 1909 г., см. Кияшко, 2002, рис. 22, 7–11).

Шильев всего 5. Два из них происходят из одного комплекса (Линевы 7/5). В трех случаях шило найдено вместе с ножом (Желтухин 6/4, Вертячий 7/22, Сидоры 37/7). Все они четырехгранные, без упора, и представляют собой типичные орудия такого рода для эпохи средней бронзы.

Бронзовые подвески представлены в 5 погребениях. Это круглые подвески в 1,5 оборота, многовитковая спиральная очковидная подвеска (Первомайский VII 15/10). Вещи, подобные последней, по всей видимости, имеют кавказские прототипы, однако близкие по типу изделия распространены и в абашевских памятниках Среднего Поволжья [Кияшко, 2002. С. 27]. Вместе с многовитковой найдена фрагментированная круглая серебряная подвеска.

Другой категорией украшений являются бронзовые бусы: бочонковидные, цилиндрические со спиральными нарезками и фаянсовые бородавчатые. Все они находят аналогии в позднедонецких и предкавказских памятниках [Смирнов, 1996, рис. 24, 6, 16; 41, 5–9, 28; 47, 26, 31].

Изделия из камня и кости представлены тремя наборами «мастера-изготовителя стрел» (Подгорный 7/1, Желтухин 6/4, Мазин 1/1), каменными

терочниками и пестами, кремневыми отщепами. Уникальными находками являются: мраморная булава из упомянутого желтухинского комплекса, каменный молоток (Подгорный 2/1) и каменный ладьевидный топор (Линево 7/5). Важной датирующей находкой является упомянутый выше черешковый наконечник стрелы (Большие Копены-I 1/4). В трех комплексах найдены костяные кольца, обычные в погребениях позднедонецкого времени.

Уникальной находкой для региона является также глиняное колесико из кенотафа Винновка 1/4 (яма с заплечиками).

В четырех погребениях зафиксированы следы деревянной посуды. В одном (Орешкин-I 18/1) – фрагменты алебастрового сосуда (форма не восстанавливается).

При рассмотрении особых погребений за основу была взята классификация В.И. Мельника. Она учитывает качественную сторону, т. е. состояние тела умершего, и количественную, т. е. число костяков в погребении [Мельник, 1991. С. 6–13]. На изучаемой территории представлены все виды особых погребений среднедонской катакомбной культуры, а именно: вторичные и совместные погребения, подзахоронения, кенотафы.

М.А. Балабанова и Е.В. Перерва выделяют следующие признаки неординарных захоронений: нарушение анатомической целостности скелета, «имитация» позы погребенного выкладкой, захоронение «пакетом», рассечение (остеотомия, в том числе декапитация), следы экскарнаций или декарнаций [Балабанова, Перерва, 2006. С. 268–270, 278–282].

Обращает на себя довольно большое (17) количество коллективных захоронений (7 – основные в кургане). Количество погребенных колеблется от 2 до 7 (Линево 7/5). Их можно разделить на две категории.

Комплексы, в которых позы и ориентировки умерших совпадают. Они, как правило, парные, и чаще всего являются захоронением взрослого и ребенка. По инвентарю – обычно не отличаются от прочих «стандартных» погребений.

Комплексы с различным положением и ориентировкой умерших. В двух случаях (Сидоры 37/7, Подгорный ГМ/2) один из умерших занимает явно подчиненную позицию (в ногах, с отведенными и перекрещенными (связанными?) руками). Как правило, они сопровождаются неординарным погребальным инвентарем (несколько сосудов, орудия труда, украшения и т. п.). В Сидорах один из захороненных (мужчина) декапитирован. Череп лежит в юго-западном углу камеры, место головы у скелета густо посыпано красной охрой. Архаично выглядят поза и ориентировка умерших в парном комплексе Большие Копены-I 4/1, во многом напоминающие позднейшие традиции. Данное погребение (основное и единственное в кургане) сопровождалось сосудом 1 типа, орнаментированным по тулову горизонтальными рядами одинарного и перевитого шнура, а также – оттисками раковины.

Вторичные погребения также не составляют единой группы. Во-первых, это захоронения-«пакеты» (Орешкин-I 22/1, Первомайский-VII 41/1, Ольховка-I 3/6; все – впускные). Во-вторых, это 3 захоронения, представляющие собой имитацию, «выкладку» скелета. На костях зафиксированы следы декарнации [Балабанова, Перерва, 2006]. Они совершены в насыпь, безинвентарны (в одном случае там же найдены кости МРС) и, по всей видимости, должны

интерпретироваться как жертвенники (происходят из курганов 2, 4, 5 могильника Ольховка-I).

Особняком в этом ряду стоит погребение 6/4 могильника Желтухин-I. Могила была окружена валом материкового выброса, в котором с юго-запада к ней был оставлен проход. Под выкидом, перекрытый им, на древнем горизонте обнаружен череп взрослого человека, положенный на левый бок, лицевыми костями на С (жертвоприношение?). Могильное сооружение представляло собой катакомбу с прямоугольной в плане входной ямой, длинной осью ориентированной по линии СВ-ЮЗ. Вдоль ЮВ стенки входной ямы была оставлена ступенька, а в СЗ стенке вырыта прямоугольная погребальная камера, ориентированная параллельно входному колодцу. Дно камеры было выстлано камышовой подстилкой. В центре, на подстилке, выложена прямоугольная площадка из желтого суглинка. На краю этой площадки уложены кости подростка 13-14 лет: череп, часть ребер, кости рук, ног, таза и позвоночника. Из всех костей лишь позвонки находились в естественном сочленении. Видимо, при совершении вторичного захоронения не все мягкие ткани успели разложиться. Кости были накрыты корой. У СВ стенки погребальной камеры лежала «жаровня» – боковина богато орнаментированного сосуда. Ее внешняя поверхность покрыта налепными валиками, образующими косые пересекающиеся линии. На валиках – вдавления лопаточкой. В «жаровне» находилась кучка углей. Возле костей погребенного найдено навершие булавы грушевидной формы из полированного светлого мрамора. Вдоль северо-восточной стенки погребальной камеры, на краю упомянутой площадки, положен набор орудий: три абразива, точильный камень, бронзовое шило, бронзовый черешковый нож костромского типа, два роговых стерженька, кремневые орудия – нуклеус и два отщепы, три скребка, резец, скобель.

Пять комплексов являются кенотафами. Три из них совершены в ямах с заплечиками, на которых устанавливалось деревянное перекрытие. Один – подбойная конструкция. Один – простая прямоугольная яма.

В трех случаях зафиксирован факт подзахоронения в уже существовавшую могилу (подбой: Красновский-I 1/1,2; Вертячий 7/9, 11; яма: Белогорское-I, погр. 9, 10). Таким образом, несмотря на справедливое замечание А.М. Смирнова об изменении функции погребального сооружения в позднекатакомбное время и рассматривании его как средства транспортировки умершего⁴ [Смирнов, 1996. С. 117], его склеповая функция сохраняет свое значение.

На основании анализа практически всех доступных источников можно утверждать автохтонный характер памятников среднедонской катакомбной культуры на большей части рассматриваемого региона. Действительно, классические полтавкинские и волго-донские комплексы в Волго-Донском междуречье, предшествуя им хронологически⁵, как бы «оггибают» основной ареал среднедонской культуры своеобразной дугой от Саратова на юг по иловлинско-волжскому междуречью и по наиболее узкой части междуречья Волго-

⁴ Об этом свидетельствует, в частности, что череп либо ноги КРС в могиле всегда располагались во входной шахте, либо в максимально удаленном от умершего углу ямы, а также – уже упомянутая глиняная модель колеса. Другие части скелета КРС располагались рядом с погребенным и выполняли функцию заупокойной пищи.

⁵ Маркируется ножами успешного типа [Кияшко, 2002. Табл. XIII]

Донского. За пределами этой «буферной» зоны, в рассматриваемом регионе волго-донские комплексы единичны. Косвенно в пользу этого свидетельствует также крайне незначительное число комплексов предкавказских (маньчских) культур на территории распространения среднедонских памятников, которые, в основном, локализируются все в том же «буферном» районе, доходя на север практически до Саратова (Белогорское-I, погр. 8). В этом отношении весьма интересны стратиграфические позиции погребений в кургане 4 могильника Петрунино-II, где окончательное сооружение насыпи связано с погребением 7 предкавказской культуры (основное погребение для первичной насыпи полностью разрушено), а затем в готовый курган были впущены погребения 2 (предкавказское) и 9 (среднедонское) [Сергацков, 1999. С. 18]. В то же время, общую синхронность маньчских и среднедонских памятников подтверждают общие категории металлических изделий, находки на среднем Дону миниатюрных реповидных сосудов, общие виды катакомбных конструкций (типы 1 и 2 по А.М. Смирнову [1996, рис. 29]).

Что касается погребений донецкого обряда с керамикой с елочной орнаментацией (для номенклатурно-терминологического удобства целесообразно выделить их в отдельный тип, например, «павловский»), то необходимо отметить следующее.

Во-первых, их незначительный хронологический приоритет над памятниками среднедонской катакомбной культуры. Показательна стратиграфия погребений кургана 5 могильника Ольховка-I. Наиболее древним из них является погребение 5 (волго-донское), вторым по древности является погребение 2 (из группы синкретических погребений с донецким обрядом и елочно-гребенчатой керамикой), затем в курган было впущено среднедонское погребение 4 [Сергацков и др., 2006. С. 228-230]. Более того, сам факт появления большого количества таких смешанных донецко-волго-донских комплексов без харьковско-воронежских признаков указывают на то, что контакты протекали преимущественно в период, предшествовавший окончательному складыванию среднедонской катакомбной культуры.

Во-вторых, период их сосуществования. В могильнике Первомайский-VII основным является среднедонское погребение 15/10, впускными являются: среднедонское 15/2 и волго-донское 15/2. Подобный случай зафиксирован и в Правобережье Среднего Дона [Березуцкая, 2003. С. 64]. Раструбошейный сосуд встречен в одном погребении донецкого обряда (Усть-Курдюм-I 5/3, самом позднем в кургане) со слабопрофилированными «гребенчатыми» горшками [Лопатин, Якубовский, 1993. С. 145-147]. Есть подобные примеры сочетания (с ножом успенского типа) и в Правобережье Нижнего Дона [Кияшко, 2002, рис. 67, 10-13].

Исследование палеопочв курганов, сооруженных носителями среднедонской и волго-донской катакомбных культур (могильники Линево, курганы 7 и 8; Ольховка-I, курган 5), а также их сравнение с палеопочвами курганов с основными погребениями хронологически им предшествующих и последующих образований показывает следующее. Пик аридизации, по всей видимости, пришелся на раннекатакомбный-раннедонецкий периоды. Последующая постепенная гумидизация климата в Волго-Донском междуречье протекала в направлении север-юг с хронодиссонансом около 100-200 лет [Демкин и др., 2006. С. 352-354, 357-358]. Именно в этот временной отрезок

«сползания» лесостепи на юг и протекал процесс генезиса среднедонской катакомбной культуры.

Все это свидетельствует о позднем и очень сложном характере становления среднедонской катакомбной культуры, участии в ее становлении множества этнокультурных компонентов. Анализ поз и ориентировок умерших позволил выделить три главных субстрата: доно-донецкий, доно-волжский и волго-уральский. Их окончательного смешения не произошло на протяжении всего существования культуры. Менее значительной, и отразившейся прежде всего в керамике, можно назвать роль маньчских и поздних шнуровых групп, занимавших сопредельные природно-ландшафтные ниши. Учитывая все вышесказанное, мы не считаем целесообразным выводить характерную высокошейную форму сосуда (тип 1 по нашей классификации) среднедонской катакомбной культуры из какого-либо одного прототипа. Наиболее логичным было бы предположить синкретический характер его происхождения.

Большая территория, занимаемая среднедонской катакомбной культурой, существенно различающаяся по удельному весу этнокультурных субстратов в различных археологических микрорайонах, обусловила крайнюю неоднородность ее памятников, даже в рамках рассматриваемого региона.

Процесс развития среднедонской катакомбной культуры в Волго-Донском междуречье (и, по всей видимости, на Среднем Дону) предвзительно можно разделить на два этапа – ранний и поздний. Первый датируется финалом позднедонецкого периода и характеризуется преобладанием на сосудах, наряду с валиковым, различных видов шнурового орнамента, зубчатого «личиного» и «елочно-гребенчатого» штампа. Валики преобладают волнистые и совмещаются на посуде с другими разновидностями орнамента. В тесте, в качестве отощителя, чаще всего используется шамот. Собственно, по большинству признаков это и есть керамика бахмутского типа. Таким образом, большинство так называемых памятников бахмутского типа с характерной высоко- и раструбошейной керамикой, на наш взгляд, необходимо отождествлять со среднедонской катакомбной культурой на определенном этапе ее развития, а сам термин использовать для определения периода, следующего позднедонецкий и предшествовавшего новокумакскому горизонту древностей.

Уже в это время территория основного распространения памятников среднедонской катакомбной культуры распространяется за пределы бассейна Среднего Дона, в узком понимании этого термина, и охватывает всю территорию Волго-Донского междуречья вплоть до р. Мышкова. Ее комплексы встречаются и южнее (вплоть до Жутово и Кривой Луки), но там они достаточно редки. В донском Левобережье, южнее Мышковы, преобладают уже маньчские (предкавказские) памятники. За Волгой они отсутствуют. Верхнюю границу раннего этапа, по всей видимости, маркируют комплексы из кургана 4 Баранниковского могильника.

Даже на этом этапе широко проявляется региональная специфика среднедонских комплексов. В бассейне нижнего течения Хопра господствуют катакомбно-подбойные погребальные конструкции, отсутствуют погребения волго-уральской обрядовой традиции, сосуды с елочной орнаментацией и мотивом «свисающих треугольников». В нижнем течении Медведицы и бас-

сейне Иловли – примерно равное соотношение ямных и катакомбно-подбойных сооружений, доминирует двухзонный или трехзонный орнамент сосудов с мотивом «свисающих треугольников», или «зигзагом». В верховьях Медведицы господствуют погребения в ямах, значительный процент умерших похоронен на правом боку с ориентировкой на северо-восток, на керамике отсутствует мотив «треугольников», значительная часть сосудов имеет внутреннее ребро. В южной части междуречья господствуют погребения в ямах, с умершими на левом боку с северной или восточной ориентировкой, высокой долей елочно-гребенчатых сосудов и единичными – с валиковой орнаментацией, отсутствием в качестве обрядовой пищи КРС.

На позднем этапе среднедонской катакомбной культуры преобладающей становится валиковая орнаментация посуды. Типичным становится напелной валик с насечками отступающей лопаточкой на нем. Появляются прочерченные линии в качестве самостоятельного элемента декора. В керамическом комплексе северных территорий фиксируется влияние постпшнуровых, в первую очередь – абашевских и вольских традиций в виде «паркетного» орнамента на сосудах, расчесов. Общая высота горла относительно высоты всего сосуда уменьшается. В тесте чаще фиксируется примесь песка, в сосудах из погребений верховьев Медведицы – раковины и дресвы.

Имеющиеся данные позволяют частично синхронизировать данный этап среднедонской катакомбной культуры в Волго-Донском междуречье с ранними этапами бабинской культуры и ДВАК. Помимо уже упомянутых в данной работе материалов могильника Большие Копены-I, это случаи обратной стратиграфии и взаимовстречаемости разнокультурных предметов в закрытых комплексах этих культур [например, см. Матвеев, 1998⁶. С. 9-11, 16-18; Синюк, 2002; Дремов, Тихонов, Тупалов, 2005; ср. также с сосудом из насыпи ОК Беева Могила с основным бабинским погребением – Полидович, 1993, рис. 47, 2].

Что касается погребений так называемой криволукской культурной группы, то проведенный анализ археологических источников, за редким исключением (Линево 6/6,7; Власовский-I 14/1), не выявил на большей части Волго-Донского междуречья (кроме его самой южной части) комплексов, которые возможно однозначно атрибутировать данным образом. Если ориентироваться на выборку Р.А. Мимохода [2005], нельзя не отметить ее формализованный характер. Однако даже если ее принять, то окажется, что между ареалами криволукских и бабинских памятников возникает обширная лакуна именно в бассейне Среднего Дона, преимущественно его Левобережной части, хотя многие районы его достаточно хорошо изучены. При этом в Правобережье Дона на территории Волгоградской области – регионе, исследованном гораздо слабее, – бабинские погребения известны. На частичную синхронность среднедонской и бабинской культур указывает и тот факт, что подбойно-катакомбные могилы КМК сосредоточены только в низовьях Дона, ниже Цимлянского водохранилища, т. е. в зоне предполагаемого первого

⁶ Однако, признавая поздний характер сосудов с прочерченной орнаментацией в рамках керамической традиции среднедонской катакомбной культуры, необходимо отметить, что данный признак в разных частях ее территории распространения проявлялся в разной степени. Отмеченные Ю.П. Матвеевым сосуды [Матвеев, 1998. Рис. 3, 2, 4, 6, 10] характерны только для довольно компактной территории Правобережья Среднего Дона.

контакта племен ранней КМК с позднекатакомбным населением [Литвиненко, 2000. С. 70]. Абашевские комплексы на юге лесостепи и, тем более, в степи также единичны, за катакомбными погребениями в курганах Волго-Донского междуречья следуют типично покровские. Более того, в результате гумидизации климата в финале средней бронзы зона лесостепи в Правобережье Волги продвинулась вплоть до излучины Волги в районе Волгограда, что маркируют исследованные здесь довольно многочисленные памятники лесостепной среднедонской катакомбной культуры. По этой же причине – смещения природных зон в поселенческих и курганных памятниках Верхнего Дона – не встречается катакомбная керамика наиболее позднего облика – факт, который не раз отмечался исследователями [Бессуднов, Ивашов, 2003. С. 40, 41]. Таким образом, наиболее логичным является предположение о соотношении поздних памятников среднедонской катакомбной культуры Волго-Донского междуречья с новокумакским горизонтом. Несомненным выглядит общий хронологический приоритет катакомбных памятников над абашевскими, однако настолько же очевиден их непосредственный стык.

Необходимо еще раз отметить, что, очерченная в данной работе периодизация среднедонской катакомбной культуры, безусловно, имеет предварительный характер. Вполне возможно, на наш взгляд, на большей выборке, с привлечением материалов сопредельных Волго-Донскому междуречью территорий и детальным анализом керамического материала, разработать трехэтапную периодизацию среднедонской катакомбной культуры (точнее, скорректировать уже имеющуюся). В таком случае, таблица относительной хронологии культур эпохи средней бронзы Юго-Востока Европы будет выглядеть приблизительно следующим образом (табл. 2).

Итак, проведенный анализ памятников эпохи средней бронзы Волго-Донского междуречья позволяет нам по-новому взглянуть на место и роль этой территории в решении комплекса проблем, связанных с изучением среднедонской катакомбной культуры.

Во-первых, были уточнены восточные и юго-восточные границы распространения среднедонской катакомбной культуры. Можно с уверенностью рассматривать большую территорию Волго-Донского междуречья как часть ее основного ареала (с незначительной корректировкой, это точка зрения Ю.П. Матвеева) [см. Березуцкая, 2003, рис. 1], а саму культуру как автохтонную для территории вплоть до устья Карамыша и верховьев Иловли на северо-востоке, Иловли на востоке и ее устья на юге. Южная часть Волго-Донского междуречья и междуречье Иловли и Волги, т. е. граничащие с сухой степью районы, являлись «буферной» зоной. Впоследствии эта территория также была занята носителями среднедонской катакомбной культуры.

Во-вторых, было скорректировано положение о синкретическом характере генезиса среднедонской культуры и определены основные субстраты, отразившиеся на сосуществовании на всех этапах в ее рамках различных обрядовых традиций – автохтонной доно-волжской (восходящей к местному позднеямному населению), пришлых доно-донецкой и волго-уральской. Отмечена детерминирующая роль сопредельных этно-культурных образований, как в рамках катакомбной КИО, так и вне ее (шнуровые и постшнуровые образования). Процессы, приведшие к возникновению среднедонской культуры и определившие специфику ее развития, лежат в двух плоскостях:

это импульс (идеологический и переселенческий) со стороны Кавказского очага культуруогенеза, а также природно-климатические условия региона (зона лесостепи).

В-третьих, определены относительная хронологическая позиция среднедонской катакомбной культуры в рамках эпохи средней бронзы, а также направления для последующей корректировки ее внутренней периодизации. В целом подтверждается позднекатакомбный характер культуры. Более того, ее финальные памятники синхронизируются с культурами новокумакского горизонта.

В-четвертых, выявлены локально-территориальные особенности памятников среднедонской катакомбной культуры в различных археологических микрорайонах. Подобные различия указывают на неоднородность культуры, различный удельный вес ее субстратных компонентов на различных территориях, а также намечают возможность для выделения не двух локальных (Правобережного и Левобережного) вариантов культуры, а большего числа групп. При этом локально-территориальная специфика отмечается на всех этапах развития культуры, но сами различия носят скорее этнокультурный характер.

Литература:

Балабанова М.А., Перерва Е.В. Новые антропологические данные к изучению погребальных обрядов древнего и средневекового населения северной части Волго-Донского междуречья // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3.

Березуцкая Т.Ю. Среднедонская катакомбная культура и ее локальные варианты: (по материалам погребальных памятников). Воронеж, 2003.

Бессуднов А.Н., Ивашов М.В. Материалы бронзового века поселения Студеновка-III на Верхнем Дону // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. К., 1976.

Дремов И.И., Тихонов В.В., Тупалов И.В. Курган у с. Широкий Карамыш с покровскими и катакомбными признаками // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.

Кияшко А.В. Культуруогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.

Корневский С.Н. О металлических ножах ямной, полтавкинской и катакомбной культур // СА. № 2.

Литвиненко Р.А. О появлении КМК в бассейне Нижнего Дона // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии. Саратов, 2000.

Лопатин В.А., Якубовский Г.Л. Погребения эпохи средней бронзы из курганов у села Усть-Курдюм // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.

Матвеев Ю.П. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. Воронеж, 1998.

Мельник В.И. Особые виды погребений катакомбной общности. М., 1991.

Мимоход Р.А. Блок посткатакомбных культурных образований (к постановке проблемы) // Материали та дослідження з археології Східної України. Луганск, 2005. Т. 3.

Полидович Ю.Б. Новые погребальные памятники эпохи бронзы с территории Донецкой области // Археологический альманах. Донецк, 1993. № 2.

Санжаров С.Н. Финальнокатакомбная керамика Проказинского поселения // Проблеми дослідження пам'яток археології Східної України. Луганск, 2005.

Сергацков И.В. Памятники эпохи средней бронзы на р. Иловле (раскопки 1989-1992 гг.) // Историко-археологические исследования в Нижнем Поволжье. Волгоград, 1999. Вып. 3.

Сергацков И.В., Скрипкин А.С., Коробкова Е.А., Яворская Л.В. Курганный могильник Ольховка-I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Синюк А.Т. Курган № 57 Павловского могильника // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2002.

Смирнов А.М. Курганы и катакомбы эпохи бронзы на Северском Донце. М., 1996.

Таблица 2.

Относительная хронология культур развитой и финальной средней бронзы Юго-Восточной Европы.

период	Северский Донец	Нижний Дон	Средний Дон	Волго-Донское междуречье	Заволжье	Верхний Дон и Среднее Поволжье
раннедонецкий	ранний этап донецкой	ранний этап донецкой	ямно-катакомбные памятники с отдельными раннедонецкими	ямно-катакомбные памятники, поздний этап полтавжинской	поздний этап полтавжинской	шнуровые, иванобугорская
			памятники «павловского» типа с отдельными раннедонецкими	памятники «павловского» типа с отдельными раннедонецкими, ранний этап волгодонской на юге и восточнее Иловли	ранний этап волгодонской	
позднедонецкий	поздний этап донецкой	поздний этап донецкой	памятники «павловского» типа, ранний этап среднедонской	памятники «павловского» типа, ранний этап среднедонской, волгодонская на юге и восточнее Иловли	волгодонская	поздние шнуровые, ранний этап среднедонской
финальнокатакомбный (бахмутский)	развитый этап среднедонской, отдельные памятники маньчских групп	развитый этап среднедонской, маньчские группы	развитый этап среднедонской	развитый этап среднедонской	волгодонская	поздние шнуровые, развитый этап среднедонской
						вольский тип, воронежская (?)
новокумакский горизонт	поздний этап среднедонской, ранний этап бабинской	ранний этап бабинской	Поздний этап среднедонской, отдельные раннебабинские памятники	поздний этап среднедонской	волгодонская (?), потаповский тип (?)	вольский тип, ДВАК, воронежская (?)

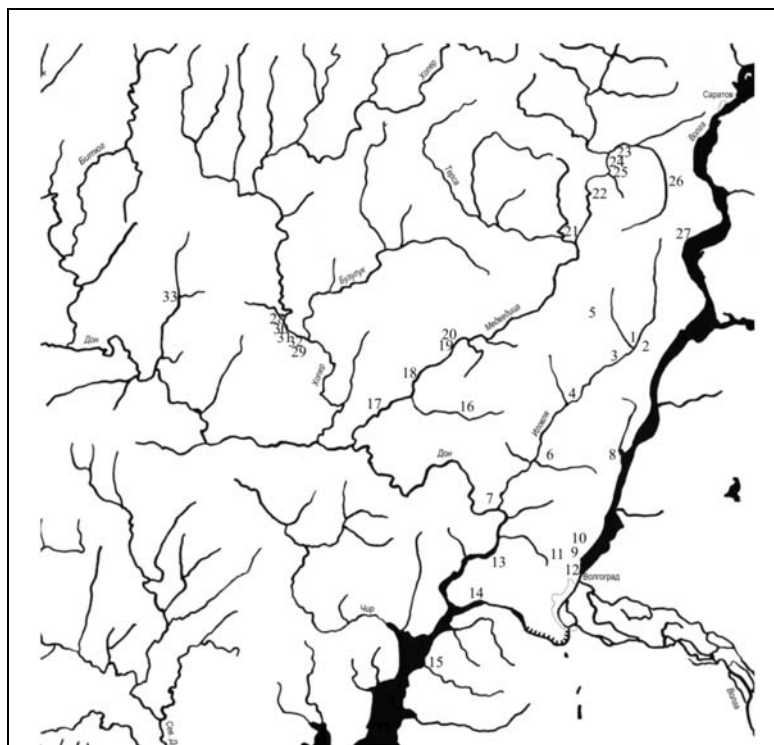

Рис. 1. Памятники среднедонской катакомбной культуры в Волго-Донском междуречье, 1 – Барановка (Сергацков И.В.), 2 – Петров Вал (Фисенко В.А.), 3 – Петрушино-II (Сергацков И.В.), 4 – Ольховка-I (Сергацков И.В.), 5 – Котово (Мамонтов В.И.), 6 – Петропавловка (Мамонтов В.И.), 7 – Желтухин (Сергацков И.В.), 8 – Усть-Погожье-I (Мамонтов В.И.), 9 – Пичуга-I (Мамонтов В.И.), 10 – Челоскинец (Мамонтов В.И.), 11 – Варламов-I (Лисицын И.П.), 12 – Виновка (Мамонтов В.И.), 13 – Вертячий (Мамонтов В.И.), 14 – Ильевка (Мамонтов В.И.), 15 – Первомайский-I, VII, VIII, XIII (Мамонтов В.И.), 16 – Амелин-II (Скворцов Н.Б.), 17 – Глазуновский (Мамонтов В.И.), 18 – Подгорный (Мамонтов В.И.), 19 – Орешкин-I (Дьяченко А.Н.), 20 – Сидоры (Шилов В.П., Мамонтов В.И.), 21 – Баранниково (Мыськов Е.П.), 22 – Линево (Сергацков И.В.), 23 – Горбатый Мост (Тихонов В.В.), 24 – Горелый-I (Тихонов В.В.), 25 – Большие Копены-I, III, IV (Матюхин А.Д.), 26 – Рыбушка (Четвериков С.И.), 27 – Белогорское-I (Дремов И.И.), 28 – Павловская (Мамонтов В.И.), 29 – Красновский-I, II (Дьяченко А.Н., Мамонтов В.И.), 30 – Нехаевская (Скрипкин А.С.), 31 – Мазил-I (Дьяченко А.Н.), 32 – Артановский (Дьяченко А.Н.), 33 – Новомеловатовский (Погорелое В.И.),

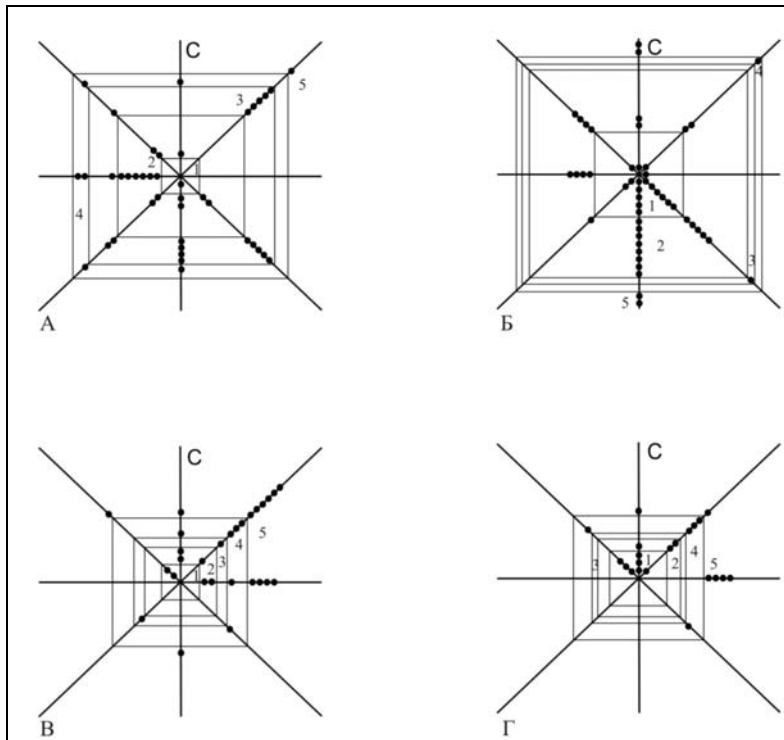

Рис. 2. Ориентировка умерших в погребениях.
 А – на правом боку в ямах; Б – на правом боку в подбоях и катакомбах;
 В – на левом боку в ямах; Г – на левом боку в подбоях и катакомбах.
 Цифрами обозначены археологические микрорайоны:
 1 – нижнее течение р. Хопер; 2 – нижнее течение р. Медведица;
 3 – верхнее течение р. Медведица; 4 – басс. р. Иловля;
 5 – южная часть Волго-Донского междуречья.

Малов Н.М.

ПОКРОВСКАЯ КУЛЬТУРА
НАЧАЛА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ: ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЙ СРУБНОЙ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ

К истории изучения и историографии вопроса. В самом начале XX века археологи-краеведы Саратовской архивной комиссии (СУАК) впервые стали изучать в Нижнем Поволжье поселения, которые гораздо позже будут включать в состав срубной культурно-исторической области (СКИО) или доново-волжской абашевской культуры (ДВАК). Всего до 1917 г. было открыто, преимущественно в пограничье степи-лесостепи Саратовского правобережья, более 30-ти бытовых памятников эпохи поздней бронзы. В коллекциях некоторых из них встречены единичные фрагменты глиняной посуды «абашевского типа», или с «абашевскими чертами». Сейчас исследователи рассматривают археологические комплексы с такой керамикой, преимущественно, как памятники «покровского культурного типа» (ПКТ), «покровской археологической культуры» (ПК) СКИО, или позднего этапа ДВАК.

Тогда же эти поселения относили в основном к неолиту, старшему или среднему медному веку, что соответствовало уровню развития нижеволжской археологии тех лет [Малов, Сергеева, 2004; Малов, 2007]. Архивщики ориентировались на работы об окрашенных и скорченных костяках А.А. Спицына и его доклад, прочитанный в 1912 г. в г. Саратове. Вопрос о выделении ямной, катакомбной и срубной культур был еще только поставлен В.А. Городцовым. Курганы близ с. Абашево в Чувашии В.Ф. Смолин начнет раскапывать только в 1925 г. Поэтому тогда не было оснований говорить об абашевской или срубной культурной принадлежности керамики Саратовских поселений.

Однако вскоре у археологов СУАК появилась возможность использовать классификационно-хронологическую схему смены четырех групп донецких погребений В.А. Городцова, три из которых с 1915 г. профессор рассматривал как самостоятельные культуры: ямную, катакомбную и срубную. Посещая поволжские музеи, В.А. Городцов познакомился с археологическими коллекциями, хранящимися в г. Саратове. Во время визита В.А. Городцов оставил запись в «Памятной книге посещения музея и библиотеки» СУАК от 5 июля 1914 г. [Малов, 2003а. С. 59]. В 1916 г. исследователь впервые отнес погребаль-

ный комплекс из кургана около с. Адоевщина Хвалынского уезда Саратовской губернии к срубной культуре, «<...> следы которой найдены в Воронежской, Саратовской, Харьковской, Екатеринославской и др. губерниях, а также на Сев. Кавказе» [Городцов, 1916. С. 102].

Некоторые археологи-любители СУАК переписывались с В.А. Городцовым и консультировались у исследователя, но еще не выделяли памятники с керамикой срубной культуры, поскольку находились под влиянием концептуальных подходов А.А. Спицына. Это объясняется более давними научными связями А.А. Спицына с СУАК, почетным членом которой он являлся с 1895 г. Профессор поддерживал научные контакты с отдельными ее деятелями¹: «А.А. Спицын был одним из первых археологов старого поколения, живо интересовавшихся изучением древних памятников Нижнего Поволжья. Его раскопки по р. Иловле, произведенные в 1895 году, и раскопки на Ахматовском городище (1912 г.) положили начало научному изучению археологических памятников на юге Поволжья. Позже А.А. Спицын, в своих многочисленных письмах на имя Саратовской ученой Архивной комиссии и ее отдельных членов, неоднократно и настоятельно указывал на необходимость проведения археологических исследований в Поволжье и на возможность открытия в его пределах разновременных памятников» [Спицын, 1948. С. 143]².

В 1895 г. состоялся первый, официально зарегистрированный визит А.А. Спицына в Саратов. Главной целью следующего визита А.А. Спицына в Саратов в июле 1912 г., носившего научный и практическо-обучающий характер, было изучение «финских» городищ и проведение показательных раскопок. Под его руководством обследовали два многослойных поселения на правом берегу Волги около с. Ахмат современного Красноармейского р-на Саратовской области. На Ахматском городище заложили шурфы, а на стоянке в урочище Мартышкино – несколько траншей, древнейшие материалы с которой А.А. Спицын отнес к медному веку [Онезорге, 1916; Спицын, 1923. С. 34]. А.А. Спицын подчеркнул культурное своеобразие нижневолжских стоянок старшего и младшего типов, интерпретировав их как оседло-земледельческие «Саратовские стоянки медного века»³.

¹ Например, А.А. Спицын консультировал А.А. Кроткова, готовившего к публикации Археологическую карту Саратовской губернии. Письма А.А. Спицына есть в личном архиве Александра Августиновича, хранящемся в СОМК и в фондах ГАСО.

² А.А. Спицын исследовал некоторые археологические памятники в регионе, сообщал в своих заметках и статьях о случайных нижневолжских находках и приобретениях ИАК, опубликовал Сосново-Мазинский клад. В 1893 г. он посетил «Жареный бугор» и другие золотоордынские поселения Нижнего Поволжья. Он ориентировался в археологическом собрании музея СУАК. К тому же, А.А. Спицын помог получить образование в Петербургском университете и Археологическом институте некоторым саратовцам: П.Г. Любомирову, С.Н. Чернову, В.Ф. Орехову, Б.Ф. Федотову и другим членам СУАК [Миронов, 1993]. Около сел Гуселка, Ней-Норка и станции Лебяжье бывшего Камышинского уезда А.А. Спицын открыл курганы с интересными погребениями и инвентарем ямной и катакомбной культур сарматского и более позднего времени. В соответствии с принципами своей классификации, погребения со скорченными и окрашенными костяками, выявленные на р. Иловля, исследователь включил в среднедонскую группу, не сделав других более широких обобщений и выводов [Фисенко, 1970. С. 9].

³ В этом же сборнике опубликованы отчеты П.С. Рыкова и П.Н. Шишкина, где памятники эпохи бронзы уже интерпретировались на основе работ В.А. Городцова. П.Н. Шишкин отнес впускное захоронение с колоколовидным и баночными сосудами из Покровского кургана № 9 «к поре бронзовых орудий (культура погребений в насыпи)» [Шишкин, 1923. С. 25-26].

Открытие историко-филологического факультета в СГУ существенно повысило уровень теоретического, полевого и кабинетного изучения музейных коллекций и археологических памятников Нижнего Поволжья. Это позволило на более высоком научном уровне проанализировать уже имеющиеся археологические материалы и продолжить исследование памятников эпохи бронзы Нижнего Поволжья в соответствии с новыми теоретическими разработками отечественной академической и вузовской археологической науки тех лет. С 1918 г. в СГУ преподавали представители «московской археологической школы», связанные с В.А. Городцовым и Историческим музеем, среди которых наиболее плодотворно работал Ф.В. Баллод⁴. В сентябре 1920 г. В.А. Городцов посещает Казань и Саратов⁵ [Баллод, 1923. С. 123; Халиков, 1991. С. 199–207]. Ф.В. Баллод стоит у истоков поволжской археологической научной школы в СГУ и открытия при нем Археологического института. В годы Гражданской войны и последовавшего затем страшного голода Франц Владимирович осуществил экспедиционное обследование правобережной Саратовско-Царицынской приволжской полосы и городищ «Старого и Нового Сарая» в Заволжье⁶.

Ф.В. Баллод составил «Археологический профиль» от Саратова до Добринки (соответствующей Еруслану) – правый берег, по данным на 15 сентября

⁴ П.С. Рыков был слушателем студенческого семинара В.А. Городцова, а профессор Ф.В. Баллод, А.А. Захаров и А.С. Башкиров преподавали вместе с ним в Московском университете и Археологическом институте [Малов, 2006]. В.А. Городцов, как почетный член СУАК и Истархэт при СГУ (с 22 декабря 1922 г.), а также как член комиссии по реформированию музеев и заведующий археологическим подотделом музейного отдела Наркомпроса был в курсе организационных изменений, происходивших в саратовском музейном деле и вузовской археологии. Поэтому он имел непосредственное отношение к организационному становлению поволжской археологии в СГУ, к созданию в системе Наркомпроса Саратовского Археологического института (затем НИИ Краеведения), организации Истархэт, НВООК и археологического отдела Саратовского областного музея.

⁵ Скорее всего, его визит в Саратов был связан с открытием при СГУ Археологического института, при организации которого складывалась конфликтная ситуация. Под предлогом «спасения» от «Виноградовщины, Баллодовщины, Веретенниковщины», профессор С.Н. Чернов начал организовывать собственную инициативную группу по созданию при «РАИМК» Саратовского Областного института [Андреева, Соломонов, 2006. С. 153–154].

⁶ За сравнительно короткий срок Ф.В. Баллод опубликовал отчет об экспедиционных исследованиях и монографию по археологии Нижнего Поволжья, охватывающую все археологические эпохи. В истории нижеволжской региональной археологии появилась первая публикация итогового типа. Подобного обобщающего научного исследования, где анализировались разные типы памятников от эпохи камня до позднего средневековья, с качественными отчетными чертежами и планами, археологи СУАК не издавали. Поэтому книга «Приволжские «Помпеи» занимает особое место в истории и историографии нижеволжской региональной археологии 1920-х годов. Эта работа открывает собой начало новой эпохи в нижеволжской археологии, дальнейшая история которой связана с деятельностью центральных и региональных советских научных учреждений, финансируемых из государственного бюджета, – а не с любительскими краеведческими обществами. К сожалению, Археологическую карту Саратовской губернии, составленную в 1911 г. талантливым и трудолюбивым археологом А.А. Кротковым, правление СУАК так и не опубликовало «из-за отсутствия средств и наступившего затем бумажного кризиса». В то же время средства на издание других трудов комиссия изыскивала. По странному обстоятельству рукопись «Археологической карты» А.А. Кроткова не сохранилась в архиве и музее СУАК. Ни один ее экземпляр до сих пор не встречен среди педантично сохраняемых архивщиками разнообразных документов: протоколов заседаний, отчетов, личных архивов, писем, опубликованных и неопубликованных рукописей статей членов СУАК. От нее сохранилась только рабочая картотека в личном архиве исследователя, поступившем в СОМК уже после смерти А.А. Кроткова.

1921 г. [Баллод, 1923. С. 125, рис. 38]. В нем конкретные археологические памятники и местонахождения впервые распределялись в хронологическом порядке по эпохам позднего палеолита и мезолита, бронзы и железа, с выделением ранней и поздней поры в каждой⁷.

Ф.В. Баллод и П.С. Рыков⁸ первыми из саратовских археологов стали опираться в своих работах на исследования Городцова по эпохе бронзы Восточной Европы. Франц Владимирович впервые попытался выделить в правобережной полосе Нижнего Поволжья бытовые и погребальные памятники ямной культуры ранней поры эпохи бронзы (пора медных орудий). Поздняя пора бронзовой эпохи (пора бронзовых орудий) представлена тремя культурами: катакомбной, срубной и культурой погребений в насыпях курганов [Баллод, 1923. С. 126]. Кроме того, Баллод обратил внимание на хвалынскую культуру, выделяемую В.А. Городцовым: «Молоты ставят в связь с «хвалынским медным кладом», что и послужило поводом возникновения теории о «хвалынской культуре» [Баллод, 1923. С. 129].

В 1920-е годы археологи бывшей СУАК и студенты СГУ могли получить наглядное представление о памятниках ямной, катакомбной и срубной культур в Саратовском археологическом музее, который вначале возглавлял Ф.В. Баллод, а затем П.С. Рыков. В 1926 г. в вестибюле музея выставили «<...> муляж в вертикальном разрезе кургана бронзовой эпохи, а в зале также вывешены таблицы археологической классификации проф. В.А. Городцова <...>» [Отчет о работе Археологического отдела. 1927, Л. 40-47, 51].

Во второй половине 1920-х годов активизируются контакты и консультации П.С. Рыкова с В.А. Городцовым и А.А. Тальгреном по изучению культур эпохи бронзы. В августе 1927 г. Василий Алексеевич в течение недели изучал коллекцию Саратовского Археологического отдела Областного музея. Тогда же он познакомился с археологическими экспонатами музея в г. Покровске из раскопок П.Д. Рау. В 1925-1927 гг. Саратовский археологический отдел – му-

⁷ Кажется, Ф.В. Баллод одним из первых отечественных исследователей стал употреблять и термин «мезолит» применительно к Нижнему Поволжью. До этого ни в одной публикации археологов СУАК нами не встречена общая схема периодизации памятников эпохи камня и бронзы с разделением на ранние и поздние, где присутствовала бы триада культур: ямная, катакомбная и срубная. Впервые это представлено в обобщенном виде только в монографии Ф.В. Баллода. Перечисляя неолитические находки, Ф.В. Баллод отмечает: «Проф. В.А. Городцов, знакомясь с памятниками древности в Сарат. Археологическом музее в 1920 году, определил относящимися к ранней поре неолитической эпохи хранящиеся в музее микролиты с Покровских дюн, к поздней поре – вставку из кости для топора, найденную в 1912 г. в Даниловке, на городище, Б.В. Зайковским, а также наконечники стрел и дротик с Терновского городища (см. профиль, 5) и Камышинских дюн (см. профиль, 4)» [Баллод, 1923. С. 123-124].

⁸ П.С. Рыков вычленяет в Покровских курганах ямные погребения ранней поры бронзовой эпохи, а также захоронения в насыпи и на горизонте [Рыков, 1923]. П.С. Рыковым отмечено возможное присутствие катакомбной культуры в курганах, а Ивановское селище в Хвалынском уезде, по его мнению, содержало материалы срубной, и какой-то другой культуры. Исследователь уже тогда заинтересовал вопрос о связи хвалынской культуры со срубной, оставившей в Саратовском крае «многочисленные и несомненные следы». В конце 1920-х – середине 1930-х годов П.С. Рыков впервые выделил и охарактеризовал погребальные памятники ПКГ в качестве стадий «С» и «Д» «хвалынской» или «срубно-хвалынской культуры» [Сагайдак, 1979; 1989; Малов, 1983а]. Во второй половине XX века такие погребения из Покровских и других курганов рассматривали как «эталонные» памятники первого этапа срубной культуры Нижнего Поволжья. Затем в этих захоронениях, где костяки помещены в позу «адорации», а не на спине, как у абашевцев, выявилась «абашевская керамика», что позволило А.Д. Пряжину включить их в новую доно-волжскую абашевскую культуру [Малов, 1986].

зей был также связан по разработке общих вопросов бронзовой эпохи с Финляндским музеем и профессором А.А. Тальгреном [Годовой отчет. 1926/27. Л. 17/18]. В 1928 г. А.А. Тальгреном посетил Центральный музей Немреспублики в г. Покровске [Семенова и др., 1997. С. 15]. Одновременно выдающийся финский археолог изучал коллекции Саратовского археологического музея⁹.

На бытовые нижеволжские памятники срубной культуры с «абашоидной» керамикой длительное время не обращали особого внимания. В процессе изучения древностей «донской абашевской культуры» П.Д. Либеров впервые попытался вычленив абашевскую керамику на поселении, располагавшемся в г. Вольске Саратовской области. Ученый отнес к абашевской культуре керамику из предполагаемого нижнего слоя поселения «Попово блюдечко», или каменоломни Малинычева, которую обычно считали неолитической [Либеров, 1964. С. 150–151]. Однако исследователи вполне справедливо отметили слабость аргументации П.Д. Либерова [Формозов, 1965. С. 95; Пряхин, 1976. С. 66; Васильев, 1975а. С. 83; Качалова, 1976. С. 10], хотя по технологии, формам и орнаментации сосудов вольская керамика близка к абашевской: «вазообразные» формы, внутренний уступ на некоторых венчиках, геометрическая орнаментация крупнозубчатым штампом, примесь толченых раковин в тесте, копоть или нагар на внутренней поверхности стенок, уплощенные днища¹⁰.

Существенное влияние на последующую интерпретацию нижеволжских поселений и погребений с «абашевскими элементами» оказали исследования А.Д. Пряхина. В 1970-е годы А.Д. Пряхин впервые учел почти все известные к тому времени памятники Нижнего Поволжья с «абашевской керамикой». Заслуживает А.Д. Пряхина является то, что профессор впервые выделил значительную серию местонахождений «абашевской керамики» и на нижеволжских поселениях СКИО, хотя и включил их в ДВАК [Пряхин, 1971. С. 105; 1976. С. 12–13, рис. 1]. Они частично указаны также на карте территории абашевской культурно-исторической общности [Халиков, Пряхин, 1987. С. 126–127, 131. карта 23]. По данным А.Д. Пряхина, «синкретические» погребения в позе «адорации» появились в процессе контактов абашевцев со сруб-

⁹ Поэтому, П.С. Рыков особо подчеркивал, что СОМК «<...> можно считать одним из ценных и интересных в научном отношении музеев Республики, судя по тем компетентным отзывам ученых, которые с ним знакомились. Достаточно назвать такие имена, как проф. В.А. Городцов или финский археолог проф. А.М. Тальгреном» [Рыков, 1927. С. 7].

¹⁰ Последующие исследования показали, что керамика, аналогичная «Попову блюдечку», происходит с памятников особого «вольского культурного типа», представляющих слабо изученную и еще не выделенную археологическую культуру эпохи палеометаллов пограничья степи-лесостепи Нижнего и Среднего Поволжья. Время бытования памятников «вольского культурного типа» в Нижнем Поволжье и «вольско-лбищенских» в Среднем Поволжье в общих чертах сейчас определяют «полтавкинско-катакомбным временем», или концом III – первой четвертью II тыс. до н. э. [Малов, 1979. С. 82–83; Малов, Филипченко, 1995; Синюк, 1996. С. 273–274; Васильев, 2003]. Вольские поселения и погребения бытовали раньше ДВАК и ПКТ. Некоторые вольские керамические традиции сохраняются в ПКТ [Малов, 1992. С. 14; 1992б. С. 84; 1992в. С. 132; Цимиданов, 2005. С. 75]. На вольской керамике иногда есть «воротнички» и мелкозубчатый штамп из створок раковин, что восходит к более древним неолитическим традициям, как и использование кварцита в каменной индустрии. Может оказаться диагностическим и то, что вольская керамика обнаружена на тех поселениях (Утес Степана Разина, Хлопковское городище), где расположены и неолитические грунтовые погребения. В этой связи нельзя не отметить сходство некоторых орнаментальных элементов и композиций вольской и хвалынской неолитической керамики. Поэтому возможно, что хвалынские неолитические керамические традиции проявились в вольской посуде.

никами и алакульцами, имевших место почти на всей территории лесостепи и прилегающих степных районов: от Донца на западе и Тобола на востоке [Пряхин, 1976. С. 119]. В целом поздний абашевский период исследователь связал со временем «сейминского хронологического горизонта», предполагая, что позднеабашевским памятникам в Поволжье предшествует пласт более ранних срубных древностей¹¹ [Пряхин, 1976. С. 105, 119].

Существовал и иной концептуальный подход в оценке ПКТ, определяющую роль в развитии которого сыграли исследования Н.К. Качаловой. Анализ погребальных комплексов с абашевскими элементами Нижнего Поволжья не выявил точек соприкосновения с полтавкинцами¹², указал на их «гибридный характер» и не позволил отнести не только к абашевской, но и к срубной культуре [Качалова, 1976]. Н.К. Качалова отметила, что в степных срубных материалах полностью отсутствует какой бы то ни было формирующий абашевский импульс, и эта зона не входит в первоначальную территорию расселения абашевцев [Качалова, 1984. С. 33].

В последней трети XX века российские исследователи стали рассматривать погребения в позе «адорации» с «абашевской керамикой» как «срубно-абашевские», или синкретические «памятники покровского типа» [Качалова, 1984; Малов, 1986; Цимиданов, 2005]. Поселения с такой посудой кратко освещались при рассмотрении истории изучения и историографии, определении территории распространения «абашевских и срубно-абашевских» памятников Нижнего Поволжья [Малов, 1983а; 1985; 1986. С. 30, рис. 2]. Новые материалы, появившиеся в результате активных полевых исследований саратовских археологов, кратко характеризовались в статьях и докладах.

А.А. Хреков опубликовал немногочисленную керамику, встреченную на пяти «позднеабашевских, абашевско-срубных, или срубных с отдельными абашевскими чертами» бытовых памятниках в районе г. Балашова на границе с Воронежской областью [Хреков, 1985]. Первый опыт характеристики

¹¹ Однако мнение исследователя об отсутствии случаев обнаружения абашевской и срубной керамики в одном и том же погребении в Нижнем Поволжье [Пряхин, 1971. С. 131] уже тогда не соответствовало действительности. Таким поздним закрытым погребальным памятником ПКТ являлся I-й Чардымский курган, включенный П.С. Рыковым в лесостепную стадию «Д», следовавшую за более ранней стадией «С» хвалынской культуры. Этот курган, повторно исследованный В.Г. Мироновым, пока еще не опубликован.

¹² На Дону и на Нижней Волге катакомбные и полтавкинские памятники, в целом, предшествовали ДВАК [Пряхин, 1977. С. 101]. Это лимитировало нижний предел для так называемых «протоабашевских» и ранних абашевских комплексов Подонья, тем более что процедура выделения и определения места для «воронежской культуры» еще не завершилась. Вместе с тем, несмотря на отсутствие достоверных стратиграфических данных, исследователь допускает, что «<...> предположение об одновременном существовании катакомбников и абашевцев постепенно становится все более очевидным, катакомбные и абашевские памятники частично совпадают территориально, а порой и хронологически <...> На так называемой протоабашевской территории обстановка осложнилась с приходом носителей катакомбной общности, что и привело к смещению абашевцев» [Пряхин, 1977. С. 102, 130, 132]. Однако это вызвало обоснованные возражения [Малов, 1986. С. 31-32; Литвищенко, 1996; Цимиданов, 2005. С. 76]. В более ранней работе А.Д. Пряхин относится к этому более корректно, считая, что «памятники абашевской культуры на Дону укладываются стратиграфически в период между поздними катакомбниками и срубниками второго периода» [Пряхин, 1971. С. 160]. За это время по данному вопросу не сделано существенных уточнений: «<...> с позиции среднедонской катакомбной культуры время массового проникновения абашевского населения на данную территорию определяется достаточно четко: финальным ее периодом», а основной массив, недостаточно изученной ранней ДВАК, располагается севернее, включая Верхнее Подонье [Матвеев, 1998. С. 19].

«срубно-абашевской» керамики, происходящей с некоторых, из раскапывавшихся археологами СГУ, поселений Саратовского Правобережья, был представлен в докладе О.В. Сергеевой [Сергеева, 1991]. В начале 1990-х годов нижневолжские поселения с материалами ПКТ специально рассматривались в одной из глав нашего диссертационного исследования, а также – при характеристике украшений и литейных форм [Малов, 1992. С. 7–8; 1992а; 2005]. Впервые краткая информация об отдельных местонахождениях покровско-абашевской керамики на некоторых поселениях срубной культуры Волго-Уральского междуречья (Натальино-5, Преображенка-1, Крутояровка, Верхнесаратовское, Вихляный Овраг-1, 2, Трумбишкое, Скатовка и др.) опубликована в специальном выпуске САИ [Памятники срубной культуры. 1993. № 34, 40, 45, 51, 58]. Основная же масса поселений с покровско-абашевскими материалами не вошла в это издание, поскольку располагалась в Саратовском правобережье. В.А. Лопатин уделил определенное внимание находкам «срубно-абашевской» керамики на бытовых памятниках степного Волго-Уралья [Лопатин, 1996; 2002. С. 53, 57, 60–61].

Разрабатывая периодизацию памятников ПКТ, Н.К. Качалова констатировала, что в степном Заволжье абашевские и другие инокультурные элементы фиксируются на трех последовательных этапах развития СКИО [Качалова, 1984. С. 32–33, рис. 1; 1985. С. 58, рис. 5], то есть схема периодизации покровских памятников представлялась археологу трехчленной. Затем среди нижневолжских погребальных покровских памятников выделили ранние – с «протоабашевской», «раннеабашевской», «петровско-синташтинской» посудой и металлом, близким к турбинскому (Медянново, к. 6; Переметная, к. 1; Максютново, к. 3; Покровск, ю.в. гр., к. 15; к. 35; Терновка, к. 4 и др.) и поздние: Чардым, к. 1; Покровск, ю.в. гр., к. 40; Бережновка-I, к. 25; Аткарск [Малов, 1992. С. 14–15]. До сих пор это не вызывало серьезных возражений среди специалистов, тем более что основная масса перечисленных комплексов опубликована и доступна для анализа.

Достаточно давно, в основном по неопубликованным архивным отчетам, стали накапливаться стратиграфические наблюдения, указывающие на то, что некоторые погребения ПКТ, являющиеся основными, перекрываются срубными, или срубные являются впускными по отношению к ним. Случаи обратной стратиграфии пока нам не известны. Вместе с тем были и свидетельства об их стратиграфической и хронологической одновременности, то есть, согласно курганной стратиграфии, ПК должна предшествовать срубной культуре, а затем какое-то время поздние памятники ПК сосуществуют с раннесрубными. Эти данные учитывались при определении места ПКТ и ПК, а также при разработке концептуальных основ выделения культурных типов памятников СКИО Нижнего Поволжья [Малов, 1992, 1994].

Другие российские исследователи также обратили внимание на подобные случаи курганной стратиграфии. Так, например, Е.П. Мысков совершенно верно использовал часть этих наблюдений, но почему-то отнес стратиграфически более ранние заволжские захоронения с северной ориентировкой к «бережновской группе», а не к ППТ, хотя и указал, что в Волго-Донском междуречье очень древние покровские комплексы иногда перекрываются срубными [Мысков, 1994. С. 150–161]. Стратиграфический приоритет погребальных памятников ПК перед срубными подтверждался и другими закрытыми комплексами. В итоге И.В. Сергацков вполне обоснован-

но констатировал: «В Волго-Донском междуречье севернее широты Волгограда в стратифицированных курганах пока отмечено, что покровские памятники предшествуют бережновским и ни разу не зафиксировано обратное» [Сергацков, 1994. С. 75-76]. Позже эти и другие стратиграфические наблюдения, полученные и уже учтенные саратовскими и волгоградскими исследователями, использовались в исследовании В.В. Отрощенко [Отрощенко, 2001. С. 266-270., мал. С. 20-24].

Из ранних погребальных памятников ПКТ на левом берегу Волги следует отметить закрытые комплексы Терновского кургана № 4 с металлическими ножами [Памятники, 1993. С. 136, табл. 5, табл. 6, 3, 6, 8, 9, 15], которые В.В. Отрощенко без какой-либо аргументации¹³ недавно включил, вместе со срубными, в первый период так называемой «покровско-мосоловской срубной культуры» [Отрощенко, 2003. С. 78-79, рис. 3, 45, 46]. Аналоги Терновским ножам имеются в Турбино, Канинской пещере и других сейминско – турбинских бронзах [Черных, Кузьминых, 1989. С. 92-106, рис. 51, 1, 4, рис. 55, рис. 61, 2, 6]. К тому же, ранний возраст одного из этих комплексов подтвержден радиоуглеродным определением древесины от перекрытия из Терновского кургана 4, погребение 21. В результате анализа материала из данного захоронения для значения σ (Le - 4825) получена дата 3580 ± 50 л. т. н.: 1977-1875, 1837-1817, 1801-1785 cal BC /1 σ / или 2036-1750 cal BC /2 σ / [Малов, 2001]¹⁴.

Как справедливо подчеркнул В.В. Цимиданов, затем погребения в позах адорации раннего, развитого и позднего периодов ПКТ стали трактоваться и использоваться исследователями ДВАК крайне тенденциозно и противоречиво [Цимиданов, 2005]. Особенно это коснулось тех захоронений ПК, которые были определены в нашем неопубликованном исследовании как ранние и поздние. А.Д. Пряхин, В.В. Отрощенко и другие исследователи стали отрывать от ПК самую раннюю группу, включая ее в число развитых и даже, порой ранних, памятников ДВАК. Остальные же группы, развитого и позднего периодов ПКТ, трактуются как «позднеабашевские», «раннесрубные» или «переходного горизонта», то есть теперь исследователи существенно видоизменяют позицию ранних «синкретических абашевско-срубных» памятников, до этого включавшихся только в поздний этап ДВАК. Сейчас признается хронологическая неоднородность бывших, так называемых поздних «синкретических абашевско-срубных» памятников ДВАК.

Например, Ю.П. Матвеев, отметив явную хронологическую неоднородность и «самобытность» «переходных» погребальных покровских комплексов, полагает, что керамика более раннего их горизонта ближе к абашевской, а в

¹³ Наши заключения о памятниках ПКТ и ПК не точно излагаются в публикациях В.В. Отрощенко. Так, например, исследователь написал: «Позднее О.В. Кузьмина и Н.М. Малов уточнили свои позиции, признав принадлежность памятников покровского типа к срубной культуре» [Отрощенко, 2003. С. 72]. Мы же включаем ПКТ и ПК не в срубную культуру, а в начальный этап СКИО, где только позднепокровские комплексы синхронизируются и сосуществуют с раннесрубными [Малов, 1994]. Более того, в нашем представлении термины «памятники покровского культурного типа» (ПКТ) и «раннесрубные памятники» не являются синонимами [Малов, 2003]. Мы наоборот возражаем, чтобы между этими терминами ставился знак равенства, поскольку это приводит к подмене понятий и упрощенному однолинейному схематизму в решении сложных проблем происхождения и формирования СКИО.

¹⁴ При радиоуглеродном анализе опубликованных нами комплексов в качестве образцов из погребений использовалась древесина только с двух поселений: Новая Покровка-I и Чесноково-I (...) материал – древесный уголь [Малов, 2001].

позднем – «абашевские элементы едва выражены» [Матвеев, 1999. С. 68–69]. По В.В. Отрощенко ранние памятники ПК принадлежат к ДВАК, а поздние включаются в «покровскую срубную культуру», которую вскоре исследователь переименовывает в «покровско-мосоловскую срубную культуру» с двумя периодами [Отрощенко, 2003. С. 76–77]. Мы же синхронизируем с ранними срубниками только поздние комплексы ПКТ. Поэтому, более корректно поступает А.П. Семенова, использующая для характеристики раннего этапа срубной культуры лесостепного Поволжья преимущественно поздние покровско-срубные комплексы [Семенова, 2000. С. 161–171]. К новой «покровско-мосоловской срубной культуре» отнесены «раннесрубные» могильники Золотая Гора и Кочетное [Отрощенко, 2003. С. 78–79, рис. 2–41], с чем не согласны исследователи данных памятников¹⁵ [Юдин, Матюхин, 2006. С. 68, 72].

Таким образом, все чаще сторонники данного подхода расчленяют памятники ПКТ, включая одни в число позднеабашевских ДВАК, а другие – относят к срубным¹⁶. Это предпринимается с целью разорвать ПК как единое археолого-культурное явление и сохранить старые подходы о преобладающей значимости и роли ДВАК в сложении абашевской общности. Хотя, применительно к погребальным комплексам ПК, речь идет не о скорченных на спине абашевских захоронениях, а о «синкретических или позднеабашевских» (по А.Д. Пряхину) погребениях в позе адорации.

Металлические изделия нижеволжских комплексов ПКТ, преимущественно развитого и позднего этапов, приводятся в качестве образцов вещей СКИО и мегагруппы химически «чистой» меди срубной общности [Археология, 2006. С. 242–243, рисунок; Черных, 2007. С. 102, рис. 7, 3. С. 105, рис. 7, 6, 2, 4]¹⁷. В этой связи подчеркнем, что, судя по ранее опубликованным результатам химико-металлургических анализов, медные изделия ПКТ Среднего и Нижнего Поволжья отличны от абашевских. Исследователи подметили, что медь группы ВК, характерная в Приуралье для ранней стадии

¹⁵ За последние 10 лет материалы раскопок могильников Кочетное и Золотая Гора неоднократно публикуются и интерпретируются авторами раскопок, пытающимися историографически обозначить вопросы, связанные с изучением проблем формирования срубной культуры Нижнего Поволжья. Не предлагая новых решений и собственной схемы периодизации памятников ПКТ и СКИО Нижнего Поволжья, А.И. Юдин и А.Д. Матюхин придерживаются концептуального подхода, предложенного для обсуждения Н.Я. Мерпертом и А.Д. Пряхиным еще в 1979 году. В этой схеме только третий этап – собственно «развитых срубников» – включал в себя: «а) ранний «покровский» этап, «повлекший за собой постепенное нивелирование и включение абашевского компонента; б) поздний «покровский» этап (до появления валиковой керамики)» [Мерперт, Пряхин, 1979. С. 20]. Вероятно, поэтому А.И. Юдин и А.Д. Матюхин продолжают считать, что в Нижнем Поволжье покровские погребальные комплексы бытуют позже раннесрубных и отражают формирование уже развитой срубной культуры [Юдин, Матюхин, 2006. С. 67]. Другие схемы периодизации и интересные выводы, предложенные российскими исследователями, касающиеся нижеволжских ПКТ и СКИО, А.И. Юдин и А.Д. Матюхин не анализируют и не используют.

¹⁶ Так, например, различный инвентарь ПКТ используется для характеристики «элитных» «позднеабашевских погребений». При этом, «абашевские погребенные» уже «укладываются» не только на спину, но даже «иногда на левый бок» [Археология, 2006. С. 226–227, рисунок]. Хотя ранее в учебных, энциклопедических и академических изданиях традиционно указывалось, что в абашевских захоронениях костяки располагаются в скорченном положении на спине.

¹⁷ Вероятно, Е.Н. Черных также считает памятники развитого и позднего периодов ПКТ Нижнего Поволжья «срубными». Другие же погребения, раннего и частично развитого периодов ПКТ, исследователь, скорее всего, относит к ДВАК, включая в новую «синташтинско-абашевскую археологическую общность» ранней фазы формирования ЕАМП [Черных, 2007. С. 75–79].

металлообработки, концентрируется к западу от Урала и присутствует в «новокумакских» и одновременных с ними «срубно-абашевских и раннесрубных памятниках» [Смирнов, Кузьмина, 1977. С. 38, 41–42].

Основная масса металлических предметов ПК действительно изготовлена преимущественно из меди химико-металлургических групп ВК (60%) и ЕУ (30%), а группы МП и ВУ в них тогда не фиксировались [Малов, 1992. С. 14]. Близкая картина соотношения химико-металлургических групп прослеживалась и в средневожских металлических изделиях ПКТ [Кузьмина, 1983. С. 12]. Поэтому можно заключить, что медь химико-металлургической группы ВК была преобладающей среди цветного металла покровской культуры в лесостепном и степном Поволжье¹⁸. Группа ЕУ составляла среди медных изделий ПК около одной трети.

Вместе с тем, все больше специалистов подчеркивает и признает культурное своеобразие покровских комплексов. Их рассматривают в качестве «памятников покровского типа» [Халиков и др., 1966; Халиков, 1989; Малов, 1978, 1992; Мыськов, 1991, 1993, 1994; Кочерженко, Слонов, 1991; Литвиненко 1991, 1992; Шарафутдинова, 1992; Беседин, 1994; Цимиданов, 2005; Черленок, 2005], «абашевско-срубного (покровского)» или «покровско-абашевского» типа [Горбунов, 1985. С. 4, 18], «самостоятельной покровской культурной группы – типа» [Качалова, 1992; Малов, 1992б; Шарафутдинова, 2003]. Трактуют такие памятники и как: «покровская» [Малов, 1991; 1994, 2001, 2003; Кузьмина, 1995; Бочкарев В.С. 1995; Мамонтов, 2000. С. 76–80; Лапшин, 2006], «покровско-абашевская» [Синюк, 1996. С. 190–218] и «покровская (раннесрубная)» [Бочкарев, 2002. С. 57–67, рис. 6] археологических культур.

¹⁸ К сожалению, вопрос об истоках, немногочисленной в срубной общности (9%) мышьяковой или сурмяно-мышьяковой меди группы ВК (Cu+As или Cu+As+(Sb)) до сих пор не вполне ясен и остается открытым [Черных, 2007. С. 96–101].

У такого подхода есть немногочисленные противники¹⁹, преимущественно среди исследователей, придерживающихся модели развития абашевской историко-культурной общности, разработанной в 1970–1980-х гг. А.Д. Пряхиным [Припадчев, 2003; Цимиданов, 2005. С. 69–70]. Хотя и А.Д. Пряхин теперь согласен, что «<...> сейчас, если есть смысл употреблять словосочетание «памятники покровского типа», то только в понимании перехода от абашевцев к срубникам. Изжили себя и, введенные мною в середине 70-х гг., термины: «синкретические абашевско-срубные памятники» и «синкретические срубно-абашевские памятники» [Пряхин, 2003. С. 62–63; 2003а. С. 39]. Ю.П. Матвеев также считает «термин покровский горизонт или покровский тип памятников» более уместным [Матвеев, 2005. С. 13]. А.Д. Пряхин и Ю.П. Матвеев были вынуждены признать правоту использования в научном обороте термина «покровский тип памятников», хотя и распространяют его на «позднеабашевские» или «переходные» памятники ДВАК.

Вместе с тем, памятники ПКТ известны не только в Нижнем Поволжье. Они распространены на громадных просторах пограничья степи-лесостепи: от Приуралья на востоке и до Подонья на западе, от Среднего Поволжья²⁰ на

¹⁹ Зачастую их точки зрения принципиально противоречат друг другу, поскольку одни считают памятники ПКТ срубными, а другие относят к ДВАК. Например, в одной фундаментальной работе утверждалось, что памятники покровского типа «<...> есть один из элементов раннесрубной культуры, но никак не самостоятельное культурное образование» [Юдин и др., 1996. С. 134]. Противники вычленения «синкретических» или «поздне-абашевских» комплексов из ДВАК и включения их в СКИО называют такие действия «гипертрофированным восприятием памятников покровского типа» [Пряхин, Беседин, 2001. С. 9]. Несмотря на обоснованный вывод Н.К. Качаловой об отсутствии достаточных оснований для включения комплексов с абашевской керамикой в состав срубной культуры и использовании их для ее характеристики [Качалова, 1976. С. 12], покровские комплексы трактуют как «раннесрубные» или «элемент раннесрубной культуры» [Юдин и др., 1996. С. 134; Юдин, Матюхин, 2006]. При рассуждении о происхождении срубной культуры Нижнего Поволжья и выделении «покровской срубной культуры» В.В. Отрошенко, А.И. Юдин и А.Д. Матюхин «не замечают», что вступают в противоречия принципиального характера с разработками, предложенными А.Д. Пряхиным, А.Т. Синюком и Ю.П. Матвеевым, и даже не предлагают вариантов их решения. Дело в том, что А.Д. Пряхин, А.Т. Синюк и Ю.П. Матвеев не относят ПКТ к срубной культуре Подонья. Они существенно их удревняют в отношении срубной культуры, включая в ДВАК (А.Д. Пряхин, Ю.П. Матвеев), или рассматривая в качестве самостоятельной покровско-абашевской культуры (А.Т. Синюк). Таким образом, в схемах периодизации воронежских археологов ПКТ занимают более раннюю культурно-хронологическую позицию, чем срубная культура в целом или ранняя срубная культура в частности. В срубной культуре Среднего Дона воронежские исследователи не отводят никакого места для ПКТ [Пряхин, Матвеев, 1988; Синюк, 1996]. Более того, основываясь на коэффициенте сходства керамики среднего и позднего этапов ДВАК с памятниками ПКТ Нижнего Поволжья более чем 0,75, В.И. Беседин полагал, что нет оснований «для выделения в абашевской общности особой покровской культуры» [Беседин, 2000. С. 59]. Несомненно, это перспективное направление исследований играет важную роль, так как при выделении и характеристике этапов развития ДВАК А.Д. Пряхин привлекал погребальные ПКТ в позе адорации. К сожалению, В.И. Беседин не опубликовал критерии включения керамики в ту или иную культурно-хронологическую группу и перечень использованных в выборке комплексов. Ее объем и археолого-культурная конкретика не представлена широкому кругу специалистов для ознакомления. Поскольку не известны использованные принципы классификации керамики, сравнения расчетов доверительных интервалов и уровней коэффициента сходства, нет возможности достаточно объективно оценить степень значимости показателей, полученных В.И. Бесединым.

²⁰ Вроде бы памятники ПК не известны только на территории средневолжской абашевской культуры, которая, скорее всего, и занимает самую раннюю позицию в абашевской историко-культурной области Евразии, а не ДВАК.

севере и до широты Прикаспийской низменности – Северского Донца на юге [Халиков, 1989; Горбунов, 1985; Малов, 1978, 1992в; Синюк, 1991; Литвиненко, 1991, 1992; Шарафутдинова, 2003]. Поэтому и по другим причинам в конце XX–XXI вв. отмечается повышение интереса исследователей к древностям ПКТ, что вынуждает пересмотреть характеристики «синкретических памятников», ранее включавшихся в ДВАК. Выделение Волго-Уральского очага культурогенеза [Бочкарев, 1991], ранних и поздних памятников ПКТ [Малов, 1992] актуализировало вопрос о характеристике и периодизации ДВАК.

Особенно это касалось «синкретических» абашевско-срубных и абашевско-алакульских памятников в позе «адорации», включенных А.Д. Пряхиным²¹ в состав ДВАК [Цимиданов, 2005], тем более что такое положение умерших не характерно для обряда абашевской общности. Эта поза естественна для срубной области и совершенно другого андроновско-срубного блока культур [Пятых, 2000. С. 15–16] начальной поры Волго-Уральского очага культурогенеза. В ходе последующей систематизации и анализа так называемых позднеабашевских комплексов, исследователи именно из них и вычленили памятники синташтинского типа и ПКТ. В целом выделение синташтинских и памятников ПКТ является существенным концептуальным уточнением ранее предложенной схемы А.Д. Пряхина. Кажется, отчленение памятников синташтинского типа от поздних древностей ДВАК пока еще не вызвало возражений со стороны А.Д. Пряхина, что нельзя сказать относительно ПКТ, хотя это – взаимосвязанные процессы.

Выделение погребений ПКТ в Подонье привело к необходимости корректировки схемы «постепенной трансформации абашевской культуры, через срубно-абашевские» «или абашевско-срубные», к срубным памятникам» не только в данном регионе ДВАК, но также в степной зоне и на окраине лесостепей Евразии [Синюк, 1991, 1996. С. 190–210; Малов, 1992в, 2003б]. После этого среди сторонников периодизации ДВАК, разработанной А.Д. Пряхиным, наметилась слабо аргументированная тенденция одностороннего омоложения волго-уральских и нижневолжских памятников ПКТ. При этом, возраст среднедонских комплексов ПКТ с псаллиями староюрьевского типа и южно-уральских памятников синташтинского типа наоборот удревняется, что встречает вполне понятные возражения [Цимиданов, 2005. С. 72–73]. Эти действия явились своего рода ответной реакцией на пересмотр культурно-хронологического соотношения погребений ПКТ (в позе адорации) и ДВАК [Синюк, 1991. С. 46–48; Цимиданов, 2005].

Чтобы вывести происхождение ранних ПКТ из лесостепного Подонья, односторонне удревняют до раннеабашевского этапа, прежде всего, некоторые донские погребения с псаллиями, а оставшуюся часть нижневолжских памятников ПКТ продолжают считать поздними [Матвеев, Пряхин, 1995]. Хотя не понятно, почему нижневолжские комплексы ПКТ считаются самыми поздними? Согласно схеме А.Д. Пряхина, они наоборот «должны» считаться ранними, так как территориально являются самыми ближними к «протоабашевским» и «раннеабашевским» памятникам ДВАК. Возможно, нижневолж-

²¹ Установить грань между погребениями «синкретического абашевско-срубного облика» и поздними абашевскими «подчас оказывается делом чрезвычайно сложным». Тем не менее, за условноведущий показатель такого членения было взято положение умершего: абашевские – на спине, синкретические – на левом боку [Пряхин, 1977. С. 9].

ские погребения со щитковыми псалиями заинтересовали А.Д. Пряхина, В.И. Беседина и Ю.П. Матвеева потому, что они не были включены нами в число ранних комплексов ПКТ. Едва ли определяющую роль в одностороннем удревнении донских памятников ПКТ сыграло то, что при постановке вопроса о Волго-Уральском очаге культуригенеза о петровских и покровских комплексах первоначально речь не велась [Бочкарев, 1991].

В этой связи, существенная корректировка вносится также в периодизацию донской лесостепной срубной культуры. В начале 1970-х годов отмечалось: «Широкое распространение срубников по территории лесостепного Дона приходится на второй период их истории» [Пряхин, 1971. С. 191]. Затем срубная культура здесь стала укладываться в рамки третьего и четвертого этапов общей схемы, а первый ее этап, в какой-то части, мог синхронизироваться с бережновским горизонтом в Заволжье и «раннепокровским временем» [Пряхин, Матвеев, 1988. С. 146–147]. Теперь же, согласно А.Д. Пряхину и Ю.П. Матвееву, не только ДВАК занимает самую раннюю позицию в абашевской общности, но и происхождение раннесрубных и памятников ПКТ выводится из Подонья [Синюк, 1996. С. 236–241].

Попытки именно в таком виде «модернизировать» схему периодизации ДВАК и донской лесостепной срубной культуры активизировались после того, как все очевиднее стала обозначаться ведущая роль Волго-Уральского очага культуригенеза, где определенное место отводилось памятникам ПКТ. Тем более что, в соответствии с калибровкой и другими данными, появляется все больше оснований не только для синхронизации, но и для датировки Потапово, Синташты и раннего Покровска XX–XIX вв. до н. э. [Трифонов, 2001. С. 80–81; Малов, 2001; Кузнецов, 2004. С. 26]. К тому же, в синташтинских, петровских и покровских памятниках Волго-Уральского очага культуригенеза фиксируется трансформированный «абашевский» компонент [Бочкарев, 1995. С. 26]. Поэтому, в свое время А.Х. Халиков не без оснований поставил вопрос «о выделении своеобразного покровско-абашевского, если не покровско-абашевско-синташтинского, этапа в развитии культур эпохи бронзы Поволжья и Приуралья»²² [Халиков, 1989. С. 66–67]. Следовательно, наличие абашевских проявлений, поза адорации и др. продолжают свидетельствовать о невозможности хронологически разрывать и считать неодновременными синташтинские памятники и ПКТ.

С учетом калиброванных датировок и стратиграфии сейчас синташтинские памятники в Южном Зауралье склонны датировать XX–XVIII вв. до н. э., а петровские, хронологически незначительно совпадающие с позднейшими синташтинскими, – в основном XVIII–XVII вв. до н. э. [Виноградов, 2007. С. 7]. В основном наша трехчленная модель культуригенеза СКИО позднего брон-

²² В связи с активной ролью синташтинской культурной группы, напомним, что в основном погребении 2 Покровского кургана № 35 ЮВ группы встречен металл абашевской группы ТК и керамика, аналогии которой находят в новокумакских, абашевских и петровских комплексах Южного Урала и Приуралья [Потемкина, 1983. С. 22, рис. 3, 1; Памятники, 1993. С. 146, табл. 16, 11, 13]. В этом плане интересен фрагмент из поселенческой коллекции, собранной в 1924 г. в русле оврага «Ближняя Ростошь» у с. Ивановка (рис. 7, 1), по технологии изготовления и орнаментации относящийся к инокультурной синташтинско-аркаимской керамике. Он залощен изнутри и снаружи, орнаментирован меандром и тройными «пишечками». Данная коллекция, хранящаяся в Пугачевском краеведческом музее (№ 1807), содержит также керамику срубной культуры.

зового века Нижнего Поволжья [Малов, 1994; 2001] совпадает с тремя фазами эпохи поздней бронзы Урала. Первая фаза позднего бронзового века Урала (XX–XVIII вв. до н. э.) представлена сеймой: турбино, абашево, синташтой, возможно, – петровскими и раннесрубными древностями²³ [Епимахов и др., 2005. С. 100]. В таком случае, памятники ПК, датируемые XX–XVII вв. до н. э. [Малов, 2001], сосуществуют с синташтинскими и с петровскими. При этом, ПК в Нижнем Поволжье непосредственно предшествуют погребения финала средней бронзы криволукского культурного типа, или «криволукской культурной группы». Они датируются XXII–XXI вв. до н. э. и бытуют раньше, чем раннебабинские и раннелоллинские [Мимоход, 2004. С.111–113; Лапшин, 2004].

Однако, при синхронизации раннего блока культур Волго-Уральского очага культуругенеза, мы учитываем, что поздние комплексы ПК также содержат «абашевские элементы» в виде «абашевской», «абашоидной» и срубной керамики в одном и том же захоронении (Чардым, к. 1 и др.). Они же, по стратиграфии, курганной планиграфии и калиброванным датировкам, какой-то отрезок времени, несомненно, сосуществуют с «раннесрубными», располагаясь в одних семейно-родовых групповых могильных комплексах [Малов, 1987. С. 150–153; 2001]. Ранее именно это и позволяло нам говорить о синхронности ПКТ и ранней срубной культуры. Сейчас можно полагать, что поздние памятники ПК, или покровско-срубные, бытуют в самом начале следующей - второй фазы, частично синхронизируясь с раннесрубными и поздними петровскими.

Во вторую фазу (XVIII–XVI вв. до н. э.) включают срубную, алакульскую и федоровскую культуры, третья фаза – финал бронзового века (конец XV – начало X вв. до н. э.) [Епимахов и др., 2005]. В начале второй фазы на покровско-срубных и срубных памятниках (Усатовский и Комаровский курганы, селища Ершовское, Мосоловское, Моечное озеро, Мосоловка-I, Гуселка-II и др.) встречаются костяные прямоугольно-желобчатые псалии различных подтипов, а также – немногочисленная и сильно трансформированная покровско-абашевская керамика.

В третьей фазе – финал бронзового века (XV – начало X вв. до н. э.) – срубная культура трансформируется в хвалынскую культуру валиковой керамики (ХКВК). Хвалынская («ивановская») культура входит в общность, или горизонт, культур валиковой керамики, в рамках которых выделяются две фазы [Черных, 1983; Изотова, и др., 1993; 1994; 1997]. С ранней фазой сложения ХКВК связываются срубно-хвалынские «смешанные комплексы» Нижнего Поволжья (Новая Покровка-I; Смеловка-I: постройки № 1, 2; Ерзовка-I, Каргалы и др.) и, предположительно, Сосново-Мазинский клад. К началу второй фазы «валикового горизонта» процесс трансформации срубной культуры в хвалынскую валиковую, вероятно, в основном завершается. Поздняя – вторая фаза – общности валиковой керамики на территории Нижнего Поволжья отмечается распространением бытовых памятников собственно ХКВК, где уже преобладают сосуды с валиками, налепами, ямочными вдавлениями, воротничковыми венчиками и т. д. (Ганавское городище, Сады, Сосновка, Смеловка-I: постройка № 3 и др.). За ними хронологически следуют нижневолжские и волго-донские

²³ Возможно, что под «раннесрубными» здесь подразумеваются памятники ПКТ.

комплексы черногоровской культуры (начало I тыс. до н. э.) эпохи раннего железного века, входящие в совершенно другой очаг культурирогенеза.

Структуры «покровской, синташтинской и петровской культур», составляющих первичное ядро Волго-Уральского очага культурирогенеза, сейчас моделируются в соответствии с начальной стадией культурирогенеза по Д. Кларку. Поэтому считается, что они «аморфны», с множеством слабо дифференцированных типов и небольшим числом артефактов [Бочкарев, 1995]. При анализе орнамента поселенческой керамики эпохи поздней и финальной бронзы Нижневолжского Правобережья сосуды с покровскими чертами не образовали сколько-нибудь представительной группы, а вошли в состав срубных²⁴ [Кочерженко, и др., 1994. С. 28]. В концептуальном плане контуры моделирования процесса формирования Волго-Уральского очага культурирогенеза эпохи поздней бронзы еще только обозначены. Тем не менее, использование в рабочем плане такого подхода, при котором синташтинские, петровские и покровские комплексы интерпретируются как культурные типы, стоящие у истоков формирования срубно-андроновского блока культур, открывает новые перспективы в моделировании ранней фазы Волго-Уральского очага культурирогенеза и ЕАМП.

В теоретической археологии исследователи выделяют различные типы, в том числе исторические, культурные, предварительные, руководящие, сильные и слабые и т. д. В этой связи подход исследователей, «осторожно» относящихся к вероятности существования археологических культур на начальной фазе Волго-Уральского очага культурирогенеза, понятен и в рабочем отношении вполне объясним. Вариант интерпретации синташтинских, петровских и покровских памятников как культурно-исторических типов [Черленок, 2005; Виноградов, 2007] представляется в рабочем плане «компромиссным». Поэтому мы и ввели в свое время в научный оборот рабочий термин «памятники покровского культурного типа» (ПКТ) [Малов, 1992б]. Тем более что это соответствует дефинициям теоретической и «процессуальной» археологии, хотя мы убеждены: это самостоятельная археологическая культура (ПК). Она свидетельствует, что процесс распада «старого» и становления «нового» завершился. В некоторой степени, от части «старого» в ПК осталась группа погребений с «абашевской керамикой». В то же время, в ПК присутствует не абашевский инвентарь, не абашевская поза адорации и не «абашоидная» керамика – свидетельства уже другой, «новой», эпохи: Евразийской металлургической провинции и распространения «Волго-Уральского культурного комплекса»²⁵.

²⁴ Вроде бы, в соответствии с моделью развития типа по Д. Кларку, данный показатель может свидетельствовать, что культурные признаки в орнаментации ПКТ не сформированы. Однако в данном исследовании покровская посуда существенно уступала в выборке по численности керамике срубной культуры и особенно ХКВК, вмещавшей в совокупности 12 разнокультурных и одновременных бытовых комплексов, среди которых собственно покровские материалы, часто лишенные орнамента, имелись только на трех (Вишневое, Н. Покровка-1, Сады). Поэтому вопрос остается открытым.

²⁵ Дальнейшие перспективы кабинетной процедуры изучения ПКТ и ПК, как и абашевского, синташтинского, петровского, алакульского, федоровского, срубного типов, культур, областей и общностей, связаны с использованием формализованных методов классификации, систематизации и анализа массовых археологических артефактов [Слонов, 1995]. Это позволит перевести решение многих дискутируемых проблем из чрезвычайно гипотетических сфер социокультурного моделирования субкультур и феноменов, выяснения происхождения и слож-

Историографический обзор показывает, что бытовые памятники ПК Нижнего Поволжья и Саратовского Правобережья гораздо реже, чем погребальные, использовались исследователями при моделировании начального этапа культурогенеза эпохи поздней бронзы степной и лесостепной Евразии, а также – в решении проблем формирования СКИО и срубной культуры Нижнего Поволжья. До настоящего времени еще нет специальной обзорной публикации, даже сводного характера, посвященной рассмотрению всех известных к настоящему времени поселений ПК северных районов Нижнего Поволжья. Основная масса поселенческих материалов ПК СКИО еще не опубликована и не введена в научный оборот. Этот пробел призвана восполнить данная статья, в которой бытовые памятники с материалами ПК, открытые в Саратовской области, характеризуются по бассейнам рек Дона (Хопер, Медведица) и Волги (Терешка, Стерех, Большой Иргиз, Большой Караман, Гуселка). С большинством коллекций мы непосредственно познакомились в местах их хранения²⁶.

При этом основное внимание будет уделено рассмотрению поселений, содержащих керамику с «абашевскими элементами», или «покровско-абашевскую». Систематизация глиняной посуды является одной из актуальных в изучении ПК и заслуживает специального рассмотрения. Керамика собственно срубной культуры, имеющаяся на всех поселениях, за исключением селища Сады, в данной статье не привлекается и не публикуется.

Обзор памятников: Река Хопер. А.А. Хреков в 1980-е годы открыл 5 селищ с покровско-абашевскими керамическими материалами, аналогии которым исследователь нашел в ДВАК. Раскопом изучалось Алмазовское селище, на остальных осуществлены лишь сборы.

1. Алмазовское селище расположено на правом коренном берегу р. Хопер, в 600-х м к западу от с. Алмазово Балашовского р-на [Хреков, 1985. С. 98–99, рис. 2, 1, 8]. На поверхности видны 4 впадины от землянок, профили которых просматривались в обрыве берега. В 1982 г. А.А. Хреков исследовал раскопом площадь в 80 кв. м. В культурном слое, мощностью до 1,1 м, встречена покровско-абашевская, срубная, позднекатакомбная, городецкая и позднесредневековая керамика. Покровско-абашевская и срубная посуда, с примесью песка, шамота и редко толченой раковины, стратиграфически не расчленились. Автор раскопок выделил около 20 фрагментов покровско-абашевской керамики горшковидной и баночной формы (рис. 5, 1, 8). Среди них есть сосуд с внутренним ребром, вертикальными расчесами, орнаментированными горизонтальными желобками-линиями и крупнозубчатым штампом. Некоторая баночная покровско-абашевская керамика имеет аналогии в материалах ДВАК [Пряхин, 1976. С. 30–31, рис. 3, 4, рис. 4, 7, 9, 11].

ния ранней срубной культуры Нижнего Поволжья, «перехода от абашевцев к срубникам» и от «Синташты к Петровке», и т. п. в сферу процессуальной археологии и детальной проработки конкретных археологических источников.

²⁶ Из данного обзора мы исключили дону Прапорский бугор, поскольку крупный фрагмент колоколовидного сосуда [Памятники, 1993. С. 74, № 52. С. 179, табл. 49, 1], имеющий следы от склейки с другими частями, попал в музейную коллекцию данного памятника случайно. На самом деле он происходит из кургана 19 Покровского могильника юго-восточной группы [Памятники, 1993. С. 145, табл. 15, 49]. Кроме того, на рисунке 1 настоящей статьи не указаны местонахождения покровско-абашевской керамики на таких поселениях: одно из Хвалыньских городищ; дна в урочище «Столы» близ с. Труевская Маза Вольского уезда [СОМК № 360, сборы 1912 г.]; селище МОС-I в Питерском р-не (Пятых, 1978) и Ивановское, близ г. Хвалыньска [Изотова, 2001].

2. *Падовское селище* расположено на первой пойменной террасе правого берега р. Хопер, в 800-х м к югу от с. Пады Балашовского р-на [Хреков, 1985. С. 98–99, рис. 3, 1, 3]. Основная масса керамики из сборов относится к срубной культуре. Покровско-абашевская единична, отличается более «рыхлой структурой», формой и орнаментацией, расчесами, более или менее отогнутыми венчиками, с ребром на внутренней стороне и признаками колоколовидности. Она орнаментирована горизонтальными линиями и «волнами», иногда имеет примесь толченых раковин в тесте (рис. 5, 11, 13). На селище также найден кремневый пластинчатый нож, льячка и «модели» колес.

3. *Селище Лесное* расположено на СЗ окраине с. Лесное Балашовского р-на, у озера «Прямица» [Хреков, 1985. С. 98–99, рис. 2, 9, 10]. Из сборов происходит покровско-абашевская керамика с примесью толченых раковин, среди которой отогнутый венчик с утолщением, орнаментированный зубчатым штампом, и боковинка с упорядоченными «расчесами» (рис. 5, 9, 10).

4. *Подгорненское селище* расположено около с. Подгорное Романовского р-на на р. Большой Карай (правый приток р. Хопер). Автор сборов считает селище «позднесрубным» [Хреков, 1985. С. 98–99, рис. 3, 4]. С памятника происходит покровско-абашевский венчик с внутренним ребром (рис. 5, 14).

5. *Романовское селище* расположено на р. Б. Карай, около райцентра Романовка. Здесь, на «позднесрубном» селище, А.А. Хреков нашел фрагмент «абашоидного» венчика с внутренним ребром.

Река Медведица. В верхнем течении реки покровско-абашевская керамика обнаружена саратовскими археологами на 6 поселениях. Небольшим раскопкам подвергались только два Нижнекрасавских селища [Н.К. Арзютов, П.С. Рыков, В.А. Фисенко, Д.А. Хоркин]. На остальных осуществлены только сборы, иногда шурфовка [Н.К. Арзютов, А.Н. Чечурин, П.С. Рыков, И.В. Сеницын, Ю.В. Деревягин].

6. *Верхнекрасавские дюны* располагались на левом берегу Медведицы, в 1 версте к югу от с. Верхняя Красавка Аткарского уезда. На песчаной возвышенности ветра, передвигая песок, оголяли твердый суглинок, «<...> где находят обломки посуды желтой и темно-серой глины, самого первобытного производства; осколки гладко шлифованного красноватого камня <...> железные ножички и др. обломки» [Минх, 1909. С. 217]. Из сборов А.Н. Чечурина 1910–1911 гг. [СОМК № 3245 – СУАК, 1641] происходят фрагменты керамики срубной культуры. В 1923 г. П.С. Рыков обследовал эти дюны и отнес найденную лепную керамику в основном к эпохе бронзы. [Рыков, 1928. С. 58]. В коллекции с дюн д. Красавка, с. Голицыно и Старая Бахметьевка, наряду с предметами различных эпох, из сборов П.С. Рыкова происходит один венчик [СОМК № 892] от колоколовидного сосуда с внутренним уступом и выделенной шейкой (рис. 7, 5). На Верхнекрасавских дюнах в 1929 г. Н.К. Арзютов собрал кремневые и кварцитовые пластины, отщепы, сколы и «чешуйки» [СОМК № 1202].

7. *Верхнекрасавское селище* расположено около с. Верхняя Красавка Аткарского р-на, выше Красавских дюн. В 1911 г. в фонды историко-археологического музея СУАК через А.Н. Минха поступила коллекция срубной и покровско-абашевской керамики с этой «стоянки». В коллекции [СОМК № 395, 1641, 3245 – СУАК] 112 черепков, из которых 22 – боковинки. Покровско-абашевские и близкие к ним фрагменты с примесью в глине толченых раковин, внутренней желобчатостью венчика и следами от грубых

расчесов и сглаживания на внешней поверхности (рис. 9, 2, 4; рис. 10, 9, 15). Днища в основном с закраиной, но есть и без нее. Большая же часть керамики относится к срубной культуре. Вполне возможно, что именно этот памятник, расположенный на левом берегу старого русла р. Медведицы в 400-х м к ЮВ от с. Верхняя Красавка, в 1965 г. обследовал Ю.В. Деревягин [Деревягин, 1965. Л. 11–13, рис. 19, 2, 20]. Поселение расположено между двумя оврагами, достигает в центральной части ширины 65 м. Обнажение культурного слоя имело мощность до 1 метра. Ю.В. Деревягин заложил шурф в центральной части поселения, в обрыве глиняного карьера, и обнаружил безынвентарное, разрушенное захоронение подростка, лежавшего на левом боку, с подогнутыми ногами, на глубине 1,4 м, головой на юг. Всего из сборов Ю.В. Деревягина происходит 150 черепков с примесью толченой раковины и белого камня, шамота, из которых 17 венчиков и 9 днищ относят, в основном, к срубной культуре [СОМК. № 2640]. Есть фрагмент венчика от крупного покровско-абашевского сосуда с внутренним уступом [Деревягин, 1965. С. 10, рис. 24, 11; 1965. С. 96, рис. 42, 1], обломок глиняного пряслища из стенки сосуда и отщепы кремня. Судя по посуде, селище содержало разновременный материал СКИО и XIX–XX вв. А.Д. Пряхин считает керамику, поступившую от А.Н. Минха, позднеабашевской [Пряхин, 1976. С. 63].

8. *Нижнекрасавское селище (№ I)* расположено на левом берегу р. Медведицы, против г. Аткарска, между железно-дорожным мостом и с. Нижняя Красавка, в 1,5–2 км. от станции «Красавка». В 1928 г. первые раскопки здесь осуществили Н. Арзютов и Н. Федоров [СОМК. № 1158]. В 1929 г. Н.К. Арзютов нашел в осыпающейся под обрывом почве фрагменты лепной керамики, кости животных и черенковый двулезвийный нож (рис. 4, 23) из меди группы ВК [СОМК. № 1202, 1193]²⁷. Он относится к типу «срубных», с перекрестием, перехватом и ребром на клинке [Черных, 1970. С. 62–66, рис. 57, 18, 129, табл. I шифр № 1776]. В 1929 г. П.С. Рыков, на краю спускающегося к реке обрыва, исследовал остатки прямоугольной землянки с каменным очагом, врытым в землю [Рыков, 1931. С. 51, 79, 81, табл. 1, рис. 1; 1936. С. 39]. Коллекцию из этих раскопок и сборов 1929 г. записали в фондах музея как происходящую с селища между железнодорожным мостом и деревней Вер. Красавка²⁸.

На очаге и вокруг него найдены уголь и зола, черепки и кости домашних животных – коровы, свиньи и овцы. Обнаружена зернотерка и «что-то вроде пестика». К сожалению, полученная тогда информация немногочисленна и слабо документирована, а низкое качество полевой фиксации, описание землянки и ее чертеж справедливо критиковались [Круглов, Подгаецкий, 1935. С. 117–119]. Следует согласиться с А.П. Кругловым и Г.В. Подгаецким, что землянка близка по форме и размерам к Ершовской, исследованной в 1930 г. И.В. Синицыным на р. Кольшлей. Установлена длина только одной, полностью сохранившейся, стороны прямоугольного жилища – 3,6 м. Размеры остальных стен и всей нижнекрасавской постройки не определяются.

²⁷ В публикации Ю.В. Деревягина у ножа ребро отсутствует [Деревягин, 1971. С. 96, рис. 42, 6].

²⁸ Поэтому в монографии Е.Н. Черных в подписи к рисунку и в таблице местом находки данного ножа указано село Верхняя Красавка.

В 1936 г. Н.К. Арзютов, реконструируя поселение (рис. 6), отметил: «Таких землянок в поселке было, вероятно не менее 10, а весь поселок был окружен плетневой изгородью», осталась только его окраина, поскольку берег обваливается [Арзютов, 1936. С. 37, 43 – рисунок]. Вслед за П.С. Рыковым исследователь повторил далеко не бесспорные параметры постройки: «Это была землянка со входом с южной стороны и спуском в несколько ступеней. Площадь пола 3,6 x 2,65 м, а глубина избушки от поверхности земли – 1,20 м.» [Арзютов, 1936. С. 37].

В 1945 г. памятник осмотрел И.В. Сеницын, собравший подъемный материал на поверхности и под обрывом разрушаемого берега [СОМК. № 1720; Сеницын, 1945. Л. 5–15, рис. 4; 1947. С. 175]. В 1966 г. селище посетил Ю.В. Деревягин, указавший несколько иные его координаты: «в 1 км к северо-востоку от с. Нижняя Красавка (в 3–4 км к югу от ст. Красавка)» [СОМК, № 2692; Деревягин, 1971. С. 96, рис. 42, 6]. Оба исследователя единодушно отметили, что большая часть селища уже разрушена.

Всего в музейной коллекции насчитывается более 100 фрагментов лепной керамики эпохи бронзы. Среди них есть экземпляры с толченой раковиной. Это преимущественно обломки стенок без орнамента. По мнению А.Д. Пряхина, на данном мысовом селище присутствует «значительная коллекция абашевской керамики» [Пряхин, 1976. С. 63]. Венчики представлены единичными срубными и покровско-абашевскими (рис. 8, 8; рис. 9, 5) экземплярами, среди которых представлены фрагменты от округлобоких сосудов с воротничковым утолщением (рис. 2, 4, 5). Есть боковинка от покровско-абашевского сосуда с волнистыми желобками (рис. 5, 15). Из сборов И.В. Сеницына происходит фрагмент катакомбной культуры с многоваликовой орнаментацией [Малов, Филипченко, 1995. С. 54–55, рис. 2, 17]. Кроме того, найдены кварцитовые сколы, обломки речных раковин и песчаниковых абразивов. Культурный слой содержал разновременные материалы эпохи бронзы, среди которых преобладала керамика СКИО.

9. Нижнекрасавское селище (№ II) расположено в 400-х м к СВ от с. Нижняя Красавка Аткарского р-на, на левом берегу р. Медведицы [Деревягин, 1971. С. 96]. Из сборов Ю.В. Деревягина [СОМК № 2690] происходит покровско-абашевский венчик (рис. 10, 4) от крупного сосуда [Малов, Бугров, 2006. С. 149 рис. 3, 2], фрагменты боковинок с параллельными бороздками от протаскивания крупнозубчатого штампа. В 1971 г. В.А. Фисенко вскрыл здесь более 120 кв. м²⁹. В 1999 г. Д.А. Хоркин исследовал 30 кв. м около обрыва, где сохранилась часть разрушенной постройки [Сергеева, Хоркин, 2001. С. 90–94, 103–104, рис. 4, 5]. С напольной стороны на поверхности поселения были заметны еще две земляночные западины.

Кроме обломков стенок и костей животных, в раскопе обнаружены фрагменты венчиков и днищ примерно от 70-ти лепных сосудов с примесью шамота, песка, толченой раковины (4 фрагмента), дресвы и органики. Слабопрофилированных сосудов срубной культуры – около 60%, баночных – около 40%. Острореберный сосуд только один. В форме и орнаментации ряда сосудов авторы публикации отметили элементы, свойственные «синкретической

²⁹ К сожалению, отчетная документация о раскопках В.А. Фисенко, в которых, будучи студентами, участвовали В.И. Мельник и А.А. Хреков, отсутствует в научных архивах.

срубно-абашевской, или покровской керамике», а время существования поселения, «с уверенностью» отнесли к «покровскому этапу срубной культуры»³⁰.

10. Красноармейское селище расположено к СЗ от с. Красноармейское Аткарского р-на, около мастерской на левом берегу р. Медведицы. В 1967 г. собрано около 100 обломков плоскодонной срубной керамики [СОМК № 2721 – старый]. Орнамент: ямочные вдавления и отпечатки зубчатого штампа, а также – валики хвальинского типа эпохи поздней бронзы [Деревягин, 1971. С. 93–94, рис. 3, 5, 7, 8, 9]. Есть куски кремня и кварцита, абразив. Встречен венчик от покровско-абашевского сосуда (рис. 9, 16), со слабой внутренней желобчатостью и примесью толченых раковин.

11. Красноармейское селище расположено около ЮЗ окраины с. Красноармеец Аткарского р-на, на левом берегу р. Медведицы. Здесь в 1967 г. собрано более 35 фрагментов преимущественно неорнаментированной керамики срубной культуры, среди которой – 4 венчика [Деревягин, 1971. С. 94]. Один венчик от банки [СОМК № 2720 – старый] с «закрытым верхом» и слабыми желобками от заглаживания рукой (рис. 3, 15).

12. Николаевское селище расположено в 500-х м к ЮВ от с. Николаевки Аткарского р-на, на верхней террасе левого берега р. Медведицы, около большого озера. На распаханной поверхности в 1967 г. собрано [СОМК № 2728 – старый] около 80 обломков керамики СКИО, из которых – 4 венчика, 2 плоских днища, кварцитовый отщеп и абразив [Деревягин, 1967. Л. 14–15, рис. 41]. Некоторые сосуды орнаментированы валиками хвальинской культуры эпохи поздней бронзы [Деревягин, 1971. С. 94–95]. Ряд черепков принадлежит колоколовидно-округлобому покровскому сосуду с примесью толченой раковины в тесте, с раздутым туловом и плоским днищем, диаметром 12 см. (рис. 9, 11). Венчик его отогнут, диаметр около 15 см, с внутренней стороны желобок, шейка хорошо выражена, на плече – рельефные горизонтальные борозды от протаскивания штампа.

Река Терешка. Во время разведочных и раскопочных работ, осуществленных археологами СГУ [В.Г. Миронов, Н.М. Малов, С.Ю. Монахов, С.И. Четвериков], в последней четверти XX века в бассейне р. Терешки открыто 8 поселений, содержащих фрагменты покровско-абашевской глиняной посуды. Крупные раскопочные полевые исследования осуществлены [В.Г. Миронов, Н.М. Малов] только на трех поселениях – Хмельное-IV, Новая Покровка-I, II. На остальных проводились лишь сборы, в том числе и членами СУАК. Например, в подъемных материалах 1912 г. с дюны в урочище «Столы», близ с. Труевская Маза [СОМК № 360], есть венчик с внутренним уступом (рис. 7, 6).

13. Селище Барановское-I расположено на правом берегу р. Терешки в 800-х м к северу от старого хутора Барановского и в 3-х км. к ЮВ от с. Горюши Хвальинского р-на, рядом с загоном для скота на дюнообразном мысу [Миронов, 1969; 1970. С. 157–158; 1978а. С. 60]. В 1980–1981 гг. С.И. Четвериков собрал здесь в промоинах около 200 фрагментов разнокультурной и разновремен-

³⁰ Авторы не сослались на работу исследователя, схемы периодизации которого они придерживаются, используя термин «покровский этап срубной культуры». Кроме того, в публикации не указано, что сохранилось от «постройки», выявлены ли ее стенки, какова ее форма и ориентация? Так же не ясно, использовали ли авторы керамику из сборов Ю.В. Деревягина с этого памятника, и не вошли ли, случайно, в выборку «срубно-абашевские» фрагменты с совершенно другого Нижнекрасавского селища, исследовавшегося П.С. Рыковым в 1929 г.

ной керамики – от энеолита до позднего средневековья, кремневые и кварцитовые предметы [Четвериков, 1980; 1981 № 7]. Находки хранятся в Хвалынском краеведческом музее, СОМК (№ 2833) и в археологической лаборатории СГУ. Два венчика принадлежат покровско-абашевским сосудам (рис. 8, 5; рис. 9, 12). Есть посуда с многоваликовой орнаментацией [Малов, Филиппченко, 1995. С. 53, рис. 1, 1] и ХКВК, фрагмент костяной пряжки – типа «рогатых» (рис. 4, 24), близких к украшениям ПКТ Поволжья [Малов, 1992а. С. 31–44, рис. 2, 1, разряд У–31].

14. *Селище Хмельное-IV* расположено в 1 км к ЮЗ от бывшего хутора Хмельной и в 2,5 км к ЮВ от с. Горюши Хвалынского р-на, на высокой обрывистой террасе – излучине правого берега р. Терешки, в местности «Крутец». Открыто в 1969 г. Затем Хвалынская археологическая экспедиция, руководимая В.Г. Мироновым, в 1977–1983 гг. осуществила здесь крупные охранные раскопочные работы. Общая площадь поселения 19–20 тыс. кв. м. На разрушаемой рекой части селища В.Г. Миронов вскрыл свыше 3000 кв. м [Миронов, 1977; 1978а; 1978; 1979а; 1979; 1980а; 1980; 1981; 1983а; 1983; 1985; 2000]. Результаты исследований опубликованы частично³¹, коллекция хранится в СОМК (№ 2834), Хвалынском краеведческом музее и в археологической лаборатории СГУ.

Второй, верхний и более поздний, по керамике горизонт исследователь связывал с «развитым этапом срубно-абашевской этнической общности», с «финальным абашевом, покровским и раннесрубным временем. <...> По бронзовому ножу с перехватом, найденному под дерном в одном из раскопов, конец существования селища падает на первую половину или середину XIV века до н. э.» [Миронов, 2000. С. 18]. Мощность культурного слоя от 45 до 140 см. По определению палеозоологов, кости из слоя принадлежали крупному и мелкому рогатому скоту, лошади. Встречались угли и зола, золистые линзы, остатки хозяйственных ям, «пережженная охра»(?), кости животных со следами от режущих инструментов.

Из кости сделаны тупики, лоцила, проколки, рукояти и заготовки орудий. Обнаружены крупные каменные предметы: абразивные плитки, зернотерки, песты-куранты, оселки, «пращевой камень», а также пластинчатые отщепы и нуклеусы из кремня, кварцита, песчаника и мягких меловых пород. Среди индивидуальных находок СКИО: керамические пряслица округлой и цилиндрической формы, диаметром 3–4,5 см, одно из известняка. В 1980 г. в Раскопе-I (Горизонт 1, кв. 25) найден бронзовый двулезвийный нож, относящийся к разряду с выделенным черенком, с закругленной пяткой, перекрестием и перехватом, ребром на клинке (рис. 4, 17). Такие ножи встречаются в срубных, андроновских, приказанских, поздняяковских и в сейминско-турбинских древностях [Черных, 1970, рис. 58; Черных, Кузьминых, 1989. С. 102, рис. 58, 9, 10]. В нижневолжских памятниках ПКТ они образуют типологический разряд № 5 [Малов, 1992. С. 12]. В этом же раскопе найдена

³¹ По предположению автора раскопок, первый и самый древний строительный горизонт относится к эпохе палеометаллов. Среди лепной керамики этого горизонта есть остродонный сосуд с линейно-накольчатый орнаментом, близкий к орловской неолитической культуре, энеолитические – репинской культуры и ямно-катакомбные. Первый – нижний – горизонт В.Г. Миронов отнес к началу энеолита (?) – средней бронзе. Однако наличие неолитической керамики позволяет полагать, что поселение возникло в неолите. Наличие гончарной керамики указывает на то, что поселение не пустовало и в эпоху Золотой Орды.

(кв. 117) согнутая в округлую форму бронзовая «скрепка» из прутка овально-го сечения (рис. 4, 21).

Исследованы остатки «мастерской по обработке камня» эпохи энеолита и котлована жилищной постройки с материковыми столбовыми ямками от каркаса столбов, расположенными вдоль всех стен и в один длинный ряд по центру [Миронов, 2000. С. 20–22, рис. 4; 5]. Прямоугольное жилище, едва углубленное в материк, имело общую длину до 12 м и ширину около 6 м, ориентировано по линии север-юг. Судя по этим размерам, общая площадь постройки была около 72 кв. м и в ней могло проживать до 18 человек (4 кв. м на 1 чел.)³².

Более 660 фрагментов керамики СКИО статистически обработаны О.В. Сергеевой. Среди них преобладают венчики – более 450. Есть более 120 боковинок и около 90 днищ. Существенной особенностью данной керамической серии и других покровских поселений правобережья является отсутствие глиняных крышек и их фрагментов, встречаемых на заволжских поселениях срубной культуры.

Самую большую группу керамики составляют банки (около 47%), среди которых преобладают прямостенные (около 60%). Закрытых – 22%, открытых – 18%. Банки редко орнаментировались – 26,5%. Округлобокие и слабопрофилированные сосуды с шейкой, плечиками и округлым туловом составляют 33%.

Среди них есть с прямыми и с отогнутыми венчиками. Сосуды этой группы орнаментировались чаще (42%), чем банки. Острорезерных сосудов лишь 4%, но они орнаментировались чаще всего (45,5%). Во всех горизонтах – пластах Раскопов-I-III обнаружены покровско-абашевские венчики от сосудов, с примесью толченых раковин, с характерным внутренним ребром или желобком (рис. 4, 11, 20). В выборке О.В. Сергеевой колоколовидные формы составляют 16,4% [Сергеева, 1991].

Самым распространенным элементом орнамента селища Хмельное-IV оказался зубчатый штамп и прочерченные линии. Выделяются группы сюжетов орнамента из горизонтальных линий и простого зигзага. Расчет коррелированного коэффициента парного сходства по формам и орнаменту показал среднюю связь с Гуселкой-II и не выявил сильных связей с другими покровско-абашевскими селищами (Сергеева, 1991), то есть, Хмельное-IV и Гуселка-II оказались не самыми ранними памятниками.

³² В целом автор раскопок отнес постройку по керамике к покровскому этапу, или классической срубной культуре. Поскольку около очагов на дне постройки не отмечены следы действия огня и высоких температур, то вопрос об их количестве спорен. Скорее всего, очаг был один – с камнями. Недостаточно аргументированной выглядит предложенная В.Г. Мироновым реконструкция двух камер с очагами в одной западной части данной постройки. Возможно, что постройка срубной культуры и была сооружена на месте более раннего нео-энеолитического котлована. Вероятно, по недоразумению, О.В. Сергеева уменьшает в своих расчетах площадь этой срубной постройки с двумя очагами до 52 кв. м. [Сергеева, 2006. С. 322]. Вход в жилище не установлен, но он мог располагаться со стороны реки, где в культурном слое фиксировался «какой-то уступ». В.Г. Миронов реконструировал постройку как двухкамерный «длинный дом» с плетневыми(?) стенами и двускатной(?) кровлей. При этом исследователь полагал, что в западной части постройки были две камеры, каждая из которых имела очаг. В одном случае он был на глиняной основе, в другом – материковое кострище. Возле материкового очага № 2 «были заглублены основания двух типично срубных корчаг» [Миронов, 2000. С. 19].

15. *Селище Елховка-I* находится на правом распахиваемом берегу р. Терешки, в 2,3 км к югу от с. Елховка Вольского р-на [Миронов, Монахов, 1981. С. 21 № 80; Монахов, 1983]. Находки, собранные на площади 90 x 40 м, хранятся в СОМК (НВСП № 23439) и археологической лаборатории СГУ. Из подъемного материала происходит фрагмент венчика от покровско-абашевского сосуда (рис. 10, 3).

16. *Селище Клюевка-IV*. Расположено на левом берегу Терешки, в 500-х м к западу от с. Клюевка Вольского р-на, на распахиваемом мысу сухих русел [Миронов, Монахов, 1981. С. 4 № 15; Монахов, 1983]. Находки хранятся в СОМК (Инв. № НВСП 24254-24263) и археологической лаборатории СГУ. В 1981 г. собрано: 15 каменных сколов, отбойник, 50 фрагментов керамики ямочно-гребенчатого неолита-энеолита, эпохи средней бронзы с многоваликовой орнаментацией и эпохи поздней бронзы. Есть венчик [СОМК НВСП № 24255] от покровско-абашевского колоколовидного сосуда (рис. 8, 4) и две керамические стенки с примесью толченых раковин.

17. *Селище Клюевка-XI* расположено на левом берегу р. Терешки, в 1,25 км к востоку от с. Клюевки, напротив стоянки Клюевка-II, в 45 м к югу от современного берега [Миронов, Монахов, 1981. С. 5-6 № 22; Монахов, 1983]. Находки хранятся в СОМК (НВСП 24494-24495) и археологической лаборатории СГУ. В 1981 г. найдено 25 фрагментов керамики энеолита – эпохи бронзы, кремневые и кварцитовые сколы, орудия и наконечник стрелы с прямым основанием. Есть два венчика от покровско-абашевских колоколовидных сосудов (рис. 7, 9; 8, 14) с примесью толченых раковин.

18. *Селище Новая Покровка-I* расположено на левом берегу излучины р. Терешки, в 300-х м выше по течению от селища Новая Покровка-II, в 0,75 км к северу от с. Новая Покровка Вольского р-на [Миронов, Монахов, 1981. С. 6 № 26; Монахов, 1983; Кочерженко, Малов, 1984]. Культурный слой прослеживался в обрыве берега реки на протяжении 95 м. В 1982 и 1990 гг. нами было исследовано более 900 кв. м поселения. Материалы раскопок не опубликованы, коллекция хранится в СОМК и археологической лаборатории СГУ. На поселении выявлено 6, преимущественно безынвентарных и разрушенных, грунтовых погребений эпохи поздней бронзы, могильные ямы у которых не фиксировались. В Вольском краеведческом музее хранится (ОФДП № 38333/1969) маленький подлощенный острорезерный сосудик абашевской культуры, с поддоном и отверстиями для крышки, или подвешивания (рис. 2, 1), из окрестностей села, вероятно, из распахиваемого кургана.

В 1982 г. вдоль берега реки Раскопом-I исследовано около 260 кв. м. Мощност культурного слоя 30-60 см. Он представлял собой темно-серый гумус, а на некоторых участках нижняя его часть, мощностью 10-25 см, имела более светло-серый цвет. В этом раскопе встречен: бронзовый двулезвийный нож (кв. 3, пл. 40-60, рис. 4, 6), костяная застежка (кв. 44, пл. 60-80) и трубчатая рукоять (кв. 2, пл. 40-60, рис. 4, 4). Застежка морфологически близка к находкам из Пепкинского кургана [Малов, 1992а. С. 40, рис. 4, 11. С. 42, разряд У-28; Беседин, 1995. С. 198-199, рис. 2, 10]. Нож относится к разряду с приостренной или ромбической пяткой черенка, перекрестием и ребром. Этот разряд широко представлен в абашевских и покровских памятниках [Черных, 1970. С. 66, рис. 57; Малов, 1992. С. 12, разряды № 4, 6; Пряхин, Саврасов, 1998. С. 28, рис. 1, 5, 6, 8, 9, 15-21].

Раскопом-II исследован котлован подпрямоугольной срубно-хвалынской постройки размером 16 x 10 м, углубленный в материк на 0,5–1 м, ориентированный по линии запад-восток. Вдоль его стен и двумя рядами в центральной части располагались столбовые ямки. Из Раскопа-II происходит бронзовый серп (кв. 140, глубина от «0» отметки 58 см, рис. 7, 14). Он обнаружен около внешней границы котлована срубно-хвалынской землянки, между самым краем ее северной пологой стенки и внутренней столбовой ямкой № 7. В очень пологий край котлована он, скорее всего, попал случайно в результате позднейших перекопов, связанных с устройством жилища.

Длина слабоизогнутого предмета 21,5 см, наибольшая ширина 2–2,5 см, максимальная толщина пластины 3–4 мм. Лезвийная часть прокована и сужается, сечение клиновидное, носок закруглен, рукояточная часть тупая и широкая. Этот серп относят к уральской группе: тип «Петровка», связываемый с Петровской и Синташтинской культурами и ПКТ, использовавшийся как жатвенное орудие на первом периоде (2000–1600 гг. до н. э.) эпохи поздней бронзы [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 12–13, 38–41, рис. 1, табл. 3–60]. Вероятнее всего, серп применялся при заготовке кормов для скотины. Его следует связывать с покровско-абашевской керамикой, бытовавшей на данном селище в первом периоде эпохи поздней бронзы. Тем более что встречен он за пределами крайнего ряда ям от столбов каркасной стены, т. е. фактически не внутри самого жилища, сооруженного гораздо позже времени бытования аналогичных серповидных орудий. Это также подтверждается радиоуглеродным определением (Le-4821) древесного угля из самой крупной центральной хозяйственной ямы-колодца, или холодильника, данной срубно-хвалынской постройки. Получены следующие даты для значения σ : 3210 ± 80 л. т. н.; 1531 – 1395 cal BC /1 σ /; 1675 – 1301 cal BC /2 σ / [Малов, 2001. С. 201].

Верхняя часть культурного слоя и эта постройка содержат срубно-хвалынские материалы. Раскопки показали, что срубная и покровско-абашевская керамика на памятнике стратиграфически не расчленяется, но располагается, в основном, в нижних пластах культурного слоя другого цвета, частично прорезанных срубно-хвалынской постройкой [Малов, 1985]. Таким образом, котлован жилища прорезал более раннюю нижнюю часть слоя. Отсюда и происходят своеобразные керамические материалы, среди которых встречаются фрагменты покровско-абашевской посуды (рис. 4, 1, 3, 7–10; рис. 9, 7, 14). После коррелированного расчета степени коэффициента парного сходства керамика Новой Покровки-I «выпала», в сравнении с Садами, Вишневым и Хмельным. Она расположилась на предпоследнем месте однолинейного графика [Сергеева, 1991. С. 45]. Вероятнее всего, на расчетах и принципах классификации керамики сказалось сочетание в коллекции памятника ярко выраженных собственно «абашевских и срубных особенностей». В целом же, по керамике и выше рассмотренному инвентарю (нож, серп, костяная застежка) покровско-абашевские материалы селища должны соответствовать времени Синташтинской и Петровской культур.

19. Селище Новая Покровка-II расположено на левом обрывистом берегу р. Терешки, в 300-х м ниже по течению от селища Новая Покровка-I, в 700–800-х м к северу от с. Новая Покровка Вольского р-на [Миронов, Монахов, 1981. С. 7 № 27; Монахов, 1983; Кочерженко, Малов, 1984]. В 1981 г.

С.Ю. Монахов³³ произвел сборы подъемного материала и заложил шурф, в котором встречен четырехгранный прутковый «бронзовый штырь с ушком» длиной около 11 см [СОМК НВСП № 40412]. Скорее всего, он является заготовкой для крупного рыболовного крючка с раскованным и загнутым в петлю щитком для лески, без законченного борodka на жальце (рис. 4, 22). Рыболовные крючки встречаются в сейминско-турбинских, синташтинско-аркаимских, абашевских и других памятниках. Данная заготовка напоминает крючки без жальца. Они известны на средневожских и приуральских абашевских памятниках [Кузьмина, 2000. С. 94–95]. Крюки из четырехгранного прутка есть в синташтинско-аркаимских памятниках и даже предполагается, что они изобретены синташтинскими мастерами [Зданович, 1997. С. 57, рис. 9, 6, 7; Кузьмина, 2000. С. 95].

Остатки селища были нами полностью исследованы в 1982 г. раскопом площадью более 240 кв. м. Материалы раскопок не опубликованы, коллекция хранится в СОМК и археологической лаборатории СГУ. Выходы культурного слоя фиксировались на отрезке берега длиной 80–90 м. Культурный слой насыщен костями животных, разновременными и разнокультурными материалами эпохи энеолита, покровскими, срубными, срубно-хвалынскими с валиками, бондарихинскими, городецкими и золотоордынского времени [Кочерженко, Малов, 1984]. Выделяется фрагмент округлобокого и узкогорлого сосуда, аналогичного кобяковскому, орнамент которого, вероятно, инкрустирован белой пастой. Встречен фрагмент литейной формы [Малов, 2005. С. 10, 20, № 9, рис. 2, 13]. Основная часть культурного слоя содержала преимущественно керамику СКИО. Покровско-абашевская посуда с примесью толченых раковин немногочисленна и ее стратиграфическая позиция в раскопе различна, поскольку слой перемешан. Всего из сборов и раскопа происходит 10 покровско-абашевских венчиков (рис. 7, 10, 13; рис. 8, 7, 9, 13, 17; рис. 9, 3, 6, 8, 9; рис. 10, 4, 11), близких по форме и орнаментации материалам селища Новая Покровка-I. Расчески и заглаживание присутствуют на всех обломках стенок. Днище одно, уплощенное, с орнаментацией, характерной для так называемых «абашевско-новокумакских» комплексов (рис. 8, 13).

Берег Волги, левобережные притоки и Заволжье. Вдоль волжских берегов выявлено более всего – 15 – бытовых памятников, а по ее левобережным притокам (Стерех, Большой Иргиз, Большой Караман) единичные местонахождения покровско-абашевской керамики отмечены только на 4-х поселениях (Дубовое, Преображенка-I, Крутоярровка). В глубинной Заволжской степи лишь один «абашоидный» венчик (рис. 9, 15) встречен (Раскоп-I, кв. Б-1/3) на селище МОС-I, на правом берегу Малого Узенья (окраина Малоузенской опытной станции ВАСХНИЛ) [Пярых, 1978, рис. 20]. На большинстве поселений – 9 (Мартышкино, Ивановка близ г. Хвалынска, Гуселка-II, МОС-I, Алексеевка-III, Вишневое, Сады, Преображенка-I, Трумбицкое-I) – в разные годы осуществлялись раскопки [А.А. Спицын, В.Ф. Орехов, И.В. Сеницын, В.А. Фисенко, В.И. Пестрикова, Г.Г. Пярых, И.И. Дремов, В.А. Лопатин, Н.М. Малов]. На остальных проводились сборы [М.М. Радищев, П.Н. Шишкин, Ю.В. Деревягин, Е.К. Максимов, В.А. Непочатых, Д.Г. Баринев, О.В. Кочерженко, Н.М. Малов].

³³ Выражаю признательность С.Ю. Монахову и Г.Г. Пярых за возможность опубликовать находки из разведок и раскопок исследователей.

20. Хвалынское городище. С одного из хвалынских городищ Хвалынского уезда в 1916 г. от М.М. Радищева в музей СУАК [СОМК. НВСП. № 16070/1-13] поступило несколько лепных черепков, среди которых есть венчик с внутренним уступом от покровского сосуда [Малов, Бугров, 2006. С. 149, рис. 3, 1]. Небольшое количество керамики ПК найдено на Ивановском селище, раскопывавшемся В.Ф. Ореховым [Изотова, 2001. С. 58].

21. Дубовские дюны расположены в 6 км к востоку от с. Дубовое Духовницкого р-на, на возвышенном месте правого берега р. Стерех (левый приток Чагры). В 1971 г. Е.К. Максимов произвел здесь сборы разнообразного и разновременного археологического материала [Максимов, 1979. С. 112, рис. 2, 1], среди которых есть «отдельные обломки от абашевских сосудов» [Пряхин, 1976. С. 82]. Отсюда происходят: крупный фрагмент тулова от плоскодонного колоколовидного сосуда (рис. 5, 17) и вислообушный топор. Маленький биконический сосудик (рис. 5, 16), аналогии которому Е.К. Максимов подметил в группе Быково-II, скорее всего, происходит из разрушенного захоронения. Острореберные сосудики такой формы чаще встречаются в погребениях (Бородаевка, Карамыш, Орошаемый, Осиновка, Иловатка и др.) ПК Нижнего Поволжья и отсутствуют в абашевских древностях [Малов, 2003. С. 177-178].

22. Старо-Яблоньское селище располагалось при впадении Липового дола в Волгу, в 2,5 км ниже с. Старой Яблоньки Хвалынского р-на. В 1968-1973 гг. В.А. Непочатых собрал на разрушенном водохранилищем селище около тысячи предметов из кости, камня, металла, фрагменты лепной керамики «доно-волжской абашевской культуры» [Непочатых, 1976]. Материалы не опубликованы, но А.Д. Пряхин считает, что здесь есть поздняя доно-волжская и срубная керамика [Пряхин, 1976. С. 74]. Судя по краткой информационной публикации, сосуды в большинстве случаев имели массивные края, широкое горло и внутренние уступы³⁴. Свыше 80% керамики имело в глине примесь толченых раковин. На поверхности селища заметны остатки двух землянок размером около 9-10 м в длину и 3 м в ширину. Возможно, что с селищем связан медный вислообушный топор. Он был найден в 1912 г. на левой стороне Липового ручья, при впадении его в Волгу, в 5 сажнях от реки, на глубине 1 аршин [СОМК № 565; Городцов, 1916. С. 31; Максимов, 1962. С. 285-286, рис. 3, 5].

23. Селище Алексеевка-III расположено в 3 км к СВ от с. Алексеевка Хвалынского р-на, на правом берегу Саратовского водохранилища. Открыто и первоначально обследовалось В.А. Непочатых. Содержало материалы «абашевской», срубной и городецкой культур. Во время раскопок В.И. Пестриковой в 1976 г. выявлены остатки очага из галек и, рядом с ним, бронзовый нож. Несколько покровско-абашевских венчиков обнаружено в третьем и «нижнем штыках» [Ватазина, Пестрикова, 1976. Л. 83-101, рис. 3, 13]. Материалы раскопок не опубликованы, за исключением ножа, включенного в число изделий срубной общности: мегагруппа «чистой» меди [Черных, 2007. С. 105, рис. 7, 6, 4].

24. Натальинское селище № 5 располагалось на левом берегу Саратовского водохранилища, в 1,75 км. к ЮЗ вниз по течению от с. Натальино Балаковского р-на, на второй надпойменной террасе, около дачного поселка [Памятники, 1993. С. 70, 165, 167, табл. 36]. В 1977 г. нами собрано 250 обломков

³⁴ По словам В.А. Непочатых, коллекция хранится в Хвалынском краеведческом музее.

покровско-абашевской и срубной керамики. Коллекция хранится в археологической лаборатории СГУ. Керамика ПК сероглиняная, в основном, без орнамента, подколоколовидно-горшечной формы, с обильной примесью толченых раковин в тесте. Из семи покровско-абашевских венчиков большинство относится к округлобким сосудам, внешняя поверхность которых имеет следы от заглаживания, или протаскивания крупнозубчатого штампа (рис. 10, 7). Венчики отогнуты наружу, или косо срезаны вовнутрь, где имеют уступчик (рис. 2, 3). Невысокий венчик, с внутренним уступом, принадлежит колоколовидному сосуду, орнаментированному оттисками крупнозубчатого штампа (рис. 9, 1).

25. Пристанское селище. С 1964 по 1967 гг. Деревягинным обследовалось разуршенное селище срубной культуры на правом берегу Волги, у северной окраины с. Пристанное Саратовского р-на. Здесь собрано более 1000 фрагментов керамики, несколько кремниевых, костяных и бронзовых изделий [Деревягин, 1969]. Коллекция хранится в фондах археологии СОМК (№ 2619–2633 – старые номера). В состав теста некоторых сосудов эпохи поздней бронзы входила толченая ракушка, а один раз она встречена совместно с кусочками красной охры. В коллекции имеется керамика, аналогии которой, по мнению Ю.В. Деревягина, имеются в андроновской культуре, а также – с валиком «позднесрубного хвалынского» типа. Есть фрагмент венчика с внутренним уступом, от узкогорлого покровского сосуда без выделенной шейки, закрытого типа, где диаметр по тулову гораздо больше диаметра по венчику (рис. 8, 15). Другой покровский венчик прямой, с внутренним уступом, от сосуда с едва выделенной шейкой (рис. 9, 10). Некоторые венчики (рис. 7, 1, 3) принадлежат крупным сосудам с высоким и сильно отогнутым венчиком, хорошо выраженной шейкой, широким туловом и примесью толченой ракушки [Малов, Бугров, 2006. С. 148, рис. 2, 1, 2]. Аналогии им имеются в материалах из верхней части жертвенного места святилища 2 Шиловского поселения; вероятно, поэтому, А.Д.Пряхин считает пристанскую керамику позднеабашевской [Пряхин, 1976. С. 35, рис. 7, 4. С. 75].

26. Селище Гуселка-II срубной культуры расположено в 8 км к северу от г. Саратова и в 2 км к северу от автостанции «Зональная», на изгибе левого берега небольшой речки Вторая Гуселка [Синицын, Фисенко, 1972]. Протяженность селища вдоль берега около 100 м, а вглубь – до 80 м. В 1964–1966 гг. значительная часть территории памятника раскопана экспедицией СГУ. Обнаружены остатки трех жилых сооружений, хозяйственная яма – погреб и безынвентарное захоронение. В керамической коллекции [СОМК № 2583, 2616], состоящей из 1400 черепков и более 300 венчиков срубной культуры, есть несколько фрагментов от поздних покровских сосудов [Малов, Бугров, 2006. С. 141–149, рис. 2, 5; 3, 5]. По технологии изготовления они не отличаются от срубной керамики селища. Покровские венчики, в основном, невысокие, с внутренним уступом или желобчатостью. Они принадлежат округлобким сосудам, у которых диаметр раздутого тулова, в основном, значительно превышает диаметр по венчику. Обычно диаметр по венчику около 23 см (рис. 10, 5, 10, 14) или 13,5 см (рис. 7, 5). Единичные венчики имеют специфичное для покровской посуды утолщение воротничкового типа. Оно образованно от особого способа заглаживания штампом, начинаемого от основания венчика (рис. 2, 6). На селище также найдены: фрагменты посуды ХКВК, катакомбный венчик и костяной желобчатый псалий (рис. 2, 2) [Малов,

Бугров, 2006. С. 147, рис. 1, 2], бронзовая подвеска в 1,5 оборота, удлинённой формы, из узкой пластины и глиняные пряслица. Авторы раскопок подметили сходство гусельской подвески с аналогичным предметом из позднего покровско-срубного Чардымского кургана-I (раскопки П.С. Рыкова). На самый поздний облик покровско-срубной керамики гусельского селища, в сравнении с Садами, Вишневым, Хмельным, Новой Покровкой-I, II, указывают результаты расчетов коэффициента парного сходства. Согласно им, памятник расположен на предпоследнем месте среди сравниваемых селищ Саратовского Правобережья [Сергеева, 1991]. Прямоугольно-желобчатый псалий также подтверждает относительно поздний облик памятника среди поселений ПК. Он типологически и морфологически близок к аналогичным изделиям СКИО из Комаровского кургана и Ершовского селища, а также к поздним покровско-срубным материалам поселений (Моечное озеро, Капитоново, Шиловское, Ильичевское, Усово Озеро, Мосоловское), где есть незначительный процент сильно трансформированной покровско-абашевской керамики.

27. *Селище «Вишневое»* расположено в Ленинском р-не г. Саратова, возле лесного массива, на отроге коренной террасы, на высоком мысу склона «Лысой горы», около родника и пополняемого его водой пруда [Дремов, 1983; 1992]. Поселение выделяется не только чрезвычайно высоким расположением в топографическом отношении, но и удаленностью от берега Волги на 7–8 км. В 1982–1983 гг. И.И. Дремов частично исследовал сильно нарушенный садом и огородами культурный слой, верхняя часть которого была сдвинута бульдозером. Хотя сохранившаяся часть слоя местами достигала мощности 100 см, результаты стратиграфических наблюдений не опубликованы. Вероятно, их и не удалось осуществить, поскольку памятник сильно разрушен, основная часть культурного слоя перемешана и перемещена в результате земляных работ. Скорее всего, двумя раскопами общей площадью 450 кв. м на каких-то участках доследовались нижние горизонты культурного слоя. Коллекция хранилась в археологической лаборатории СГУ.

Из индивидуальных находок обнаружено несколько изделий из кости: пряслице (рис. 3, 5), трубочка, обломки тупиков, «штамп», проколка-спица (рис. 3, 4). Оригинальный предмет с граненой поверхностью длиной 11 см и диаметром около 3 см, вероятно, представляет собой заготовку костяной рукояти (рис. 3, 13). «Проколка-спица», скорее всего, использовалась в прядении и ткачестве. Она аналогична спицам с других покровских памятников Восточной Европы и укрепленного поселения Синташта [Усачук, Литвиненко, 2003]. Единственным металлическим изделием является бронзовое четырехгранное шило.

Глиняная посуда представлена фрагментами венчиков и днищ не менее чем от 200 срубных и покровско-абашевских сосудов (рис. 3; 8, 18). Исследователь отметил наличие здесь керамики, характерной для абашевских и срубно-абашевских памятников Подонья и Среднего Поволжья, а также отсутствие типичных для срубной культуры Нижнего Поволжья остроруберных приземистых горшков [Дремов, 1992. С. 77–79]. Автор раскопок заключил, что типично абашевская керамика представлена на памятнике единичными экземплярами³⁵. Поскольку развитых остроруберных срубных форм здесь не

³⁵ И.И. Дремов подметил наличие на посуде с абашевскими чертами и на керамике петровского типа «воротничков» и их отсутствие на собственно срубной посуде. Скорее всего, своеобраз-

встретилось, И.И. Дремов отнес памятник к периоду формирования срубной культуры, с заметным влиянием абашевской [Дремов, 1992. С. 81-84].

По мнению автора раскопок, по обработке поверхности и примесям в глине «срубно-абашевская» посуда не отличается от срубной. В качестве примесей в глине присутствуют: преимущественно дресва в сочетании с другими компонентами и незначительный процент сосудов с примесью ракушки. Дресва, кварцит и опока – 82%; дресва, толченые раковины – 6%; дресва и шамот – 3%. Это также указывает на то, что по примесям в глине покровская керамика селища существенно отличается от собственно абашевской технологической традиции. Сокращение числа сосудов с раковиной и тенденции утраты абашевских традиций позволяют А.Д. Пряжину «говорить о постепенном процессе трансформации абашевских черт и все большем приобретении ею черт, свойственных срубной керамике» [Пряжин, 1976. С. 33].

Ввод в формовочную массу шамота – одно из нововведений в «позднеабашевской» керамике, обычно лепившейся уже от дна кверху, совершенно иначе, чем раннеабашевская [Беседин, 1991. С. 3]. Причины выработки новой и более рациональной технологической традиции не ясны, но важно, что по времени это совпадает с появлением в погребениях ДВАК позы адорации [Беседин, 1991. С. 4]. В этой связи, нам представляется, что керамические материалы селища отражают процесс трансформации ПК в срубную. Возможно, именно на это и указывает коррелированный среднеарифметический коэффициент парного сходства керамики. В результате этих расчетов, Вишневое расположилось между селищами Сады и Хмельное-IV [Сергеева, 1991. С. 45]. В таком случае, покровско-абашевская керамическая коллекция Вишневого может предварительно интерпретироваться как более поздняя, чем посуда селища Сады.

28. *Трумбицкое селище-1* расположено на СВ окраине г. Энгельса (Покровска), на левом склоне оврага Трумбицкого в 0,5 км от его устья, выходящего к р. Саратовке [Памятники, 1993. С. 74, 177. № 50, табл. 47]. В 1990-1991 гг. В.А. Лопатин исследовал полуземляночный котлован постройки срубной культуры на нижней площадке селища. Единичные находки поздней покровско-срубной «абашовидной» керамики автор раскопок связал с более поздним, чем сама постройка, верхним стратиграфическим пластом³⁶

разные воротнички появляются в ПК достаточно рано, как, например, в одном из нижевожских погребений Быковских курганов (рис. 7; 8). Кроме того, исследователь заключил о близости керамики поселения к вольской посуде, допуская некоторую генетическую связь последней с покровской.

³⁶ В данном случае, «обратная стратиграфия» не может внести принципиальных корректив в хронологическое соотношение между ПК и срубной. Вероятнее всего, памятник относится ко времени, когда процесс трансформации ПК в срубную культуру уже завершился. Поэтому иногда покровская и срубная посуда встречаются даже в одном погребении СКИО. Зафиксированная стратиграфическая ситуация могла сложиться и после того, как срубное поселение перестало функционировать, поскольку между верхней и нижней частью памятника очень крутой склон. По нему во время ливней, в уже заброшенный котлован, смывалась глина и археологические материалы с более удобной верхней площадки на нижнюю террасу, где находился котлован уже не функционировавшей срубной постройки. Верхняя же площадка могла содержать более раннюю или одновременную с жилищем керамику, которую к моменту раскопок уже полностью смыло в заброшенный котлован. Несомненно, такие процессы неоднократно протекали и в древности. Подобная, так называемая «обратная стратиграфия» иногда фиксируется в полевой археологии и на средневековых поселениях со специфической топографией и планиграфией,

[Лопатин, 1996. С. 141–145, рис. 2, 3]. В целом по керамике селище, несомненно, принадлежит срубной культуре.

29. Селище Вихляный овраг-I расположено на окраине г. Энгельса, около шоссе на поселок Ровное, на левом склоне оврага Вихляного [Дремов, 1992. С. 84, рис. 7; Памятники, 1993. С. 75, 177, 180. № 55, табл. 47, 1, 7, табл. 50, 1, 14]. Из сборов Д.Г. Баринова происходит срубная и покровско-абашевская керамика, с примесью толченых раковин, расчесами, внутренней желобчатостью венчика и колоколовидной формой.

30. Селище Вихляный овраг-II расположено на окраине г. Энгельса, на склоне левого берега оврага Вихляного, в 2 км ниже поселения Вихляный овраг-I [Памятники, 1993. С. 75, 180. № 56, табл. 50, 15, 35]. Из сборов Д.Г. Баринова происходит срубная и покровско-абашевская керамика, в том числе и колоколовидных форм. Большинство фрагментов имеет примесь толченых раковин. На поверхности поселения заметны следы от трех земляночных западин.

31. Подгоренское селище расположено около нижней окраины с. Подгорное Энгельского р-на, на краю надпойменной террасы левого берега р. Волги [Кочерженко, Малов, 1985]. Кроме нескольких фрагментов керамики СКИО, среди которой есть покровский венчик (рис. 10, 8), в основном, содержит обломки посуды эпохи Золотой Орды. Находки хранились в археологической лаборатории СГУ.

32. Селище «Сады» расположено между селами Сосновка и Мордовое Красноармейского р-на, на правом берегу Еланского ручья, в 300–500 м выше от его устья [Малов, 1983, 1983а]. Ручей ранее представлял собой небольшую речку, достигавшую длины около 6 верст, бравшую свое начало в местных приволжских горах и впадающую в Волгу [Минх, 1900. С. 283]. От селища сохранился только небольшой прибрежный мыс, понижающийся к ручью, в 1981 г. полностью исследованный раскопом общей площадью около 160 кв. м экспедицией СГУ. Материалы раскопок полностью не опубликованы, коллекция хранится в археологической лаборатории СГУ. Верхняя часть культурного слоя, состоящая из светло-серого гумуса, достигала мощности 30–60 см и содержала преимущественно материалы ХКВК [Малов, 1983а; 1985].

Кроме керамики, с нижней частью слоя связаны находки предметов из кости: «модель ножа» (рис. 4, 29), заготовка овальной пряжки из трубчатой кости с крупным центральным отверстием (рис. 4, 25) и две проколки (рис. 4, 26, 27). Пряжки близкой формы и сечения встречаются в ПКТ, а также в ранних и поздних древностях ДВАК лесостепного Подонья и Волго-Донского междуречья [Малов, 1992. С. 31, 44, рис. 2, 2, разряд У-32]. Обнаружен обломок плоского глиняного пряслица с ногтевыми вдавлениями и примесью толченых раковин (рис. 4, 28).

Керамика ПК с обильной примесью толченых раковин в тесте планиграфически концентрировалась в северной части раскопа, на склоне, стратиграфически ниже хвалыньских валиковых материалов. Посуда ХКВК вычленяется на памятнике не только стратиграфически, но также по наличию валиковой орнаментации и отсутствию примесей толченых раковин в глине.

когда более древние и хорошо датированные вещи неожиданно встречаются выше «более молодых отложений».

В сыпучем золистом светло-сером гумусе, в пластах 80–120 см, концентрировалось около 50% всей керамики и ПК с примесью толченых раковин.

Всего толченая раковина присутствует в 105-ти покровских фрагментах. Среди них, в основном, неорнаментированные боковинки – 53. Венчиков – 28, орнаментированных стенок – 16. Из трех плоских днищ ни одно не имеет закраины. При нанесении орнамента, прежде всего, использовался штамп с очень крупными зубцами, который прикладывался под углом к поверхности, отчего оттиски получались грубыми и небрежными. Сосудов, украшенных желобками или заглаженных штампом, немного (рис. 8, 10; рис. 10, 2, 3). Достаточно часто сосуды орнаментированы прочерченными линиями (рис. 8, 11, 12), крупнозубчатыми, среднезубчатыми и мелкозубчатыми гребенчатыми штампами (рис. 8, 2, 3, 6, 16; рис. 10, 3).

По форме большая часть покровской керамики представлена горшками с узким горлом (рис. 10, 12). Венчики чаще невысокие, прямые (рис. 8, 10, 12) или слегка отогнуты (рис. 8, 1, 2, 3). Есть фрагменты от крупных сосудов с высоким венчиком (рис. 10, 13) и подколоколовидно-вазообразных (рис. 10, 3). Банки относятся к группе с закрытым устьем (рис. 8, 16, 19) и массивным верхом (рис. 10, 2). Ряд венчиков принадлежит биконическим округлобоким сосудам (рис. 8, 11, 12; рис. 10, 10). Керамика данного селища несколько отличается сюжетами орнаментации и резким преобладанием подколоколовидных сосудов и наименьшим коррелированным среднеарифметическим коэффициентом парного сходства от всех остальных поселений Саратовского Правобережья. Это своеобразие даже позволяет рассматривать Сады как относительно ранний бытовой памятник ПК Саратовского Правобережья [Сергеева, 1991. С. 43–45]. На наш взгляд, это, скорее всего, указывает на то, что Сады является самым относительно «чистым» бытовым памятником ПК. «Абашевские проявления» здесь не столь существенны, классическая срубная керамика без толченых раковин отсутствует, а преобладают оригинальные вазообразные формы и орнаментация, характерная для бытовых памятников собственно ПК.

33. Селище в урочище «Мартышкино» расположено на правом берегу Волги, ниже с. Ахмат Красноармейского р-на, в урочище Мартышкино. Памятник исследовался до 1917 г. А.А. Спицыным, археологами СУАК, а с 1992 г. раскапывается В.А. Лопатиным [Лопатин, 2003]. Поселение содержало материалы «медного века и татарской эпохи», что подтвердилось в результате раскопок [Онезорге, 1916]. Все находки из первых дореволюционных раскопок находились у А.А. Спицына, поэтому о них судить достаточно сложно. Исследователь считал, что стоянка не могла сохраниться на своем первоначальном месте, так как располагалась на второй террасе, имеющей существенный наклон к Волге [Спицын, 1923. С. 34]. Коллекция из сборов членов СУАК хранится в фондах археологии СОМК (№ 149 – НВСП 17238, 440, 441). В ней есть неолитическая и энеолитическая посуда, ямно-катакомбная, покровская, срубная и ХКВК. В 1918 г. от П.Н. Шишкина с этого памятника поступили два венчика от крупных покровских сосудов баночной и округлобокой формы с желобчатой орнаментацией (рис. 10, 1, 16).

34. Скатовское селище располагалось около с. Скатовка Ровенского р-на, на высокой надпойменной террасе берега р. Тарлык, слева от ее устья. Коллекция из раскопок Синицына хранится в СОМК, а из позднейших сборов – в Энгельском краеведческом музее и археологической лаборатории СГУ. Око-

ло села также имеется и могильник с материалами ПК. Поверхность поселения была занята остатками от фруктового сада. И.В. Сеницын, заложивший на селище пробный шурф 2 x 3 м, отметил, что на поверхности видны два углубления протяженностью до 20 м и глубиной 0,2–0,5 м. [Сеницын, 1959. С. 176–177]. Вероятно, они представляли котлованы полуземляночных построек. Сейчас памятник практически полностью разрушен водохранилищем. Сотрудники археологической лаборатории СГУ собрали здесь подъемный материал, где есть срубная и покровско-абашевская посуда, почти вся с примесью толченых раковин. В коллекции значительный процент колоколовидных и банкообразных форм с внутренним ребром [Памятники, 1993. С. 75, 182, № 58, табл. 52]. Есть фрагменты ХКВК. Кроме того, отсюда происходят пряслице из стенки глиняного сосуда, кремниевый наконечник стрелы и два обломка из керамических литейных форм. В литейных формах изготавливались различные крестовидные подвески. Они имеют аналогии в допетровских, петровских, постпетровских и срубных комплексах, верхнюю границу бытования которых можно ограничить позднепокровским – раннесрубным временем [Малов, 1992. С. 31, рис. 2, 10, 11, разряд У 24; 2005. С. 10, 19. № 8, рис. 1, 7, 10].

35. Крутояровское селище расположено на мысовой части правого распаханного берега р. Большой Караман, напротив с. Крутояровка Советского р-на. В 1969 г. среди 600 обломков срубной керамики встречен лишь один фрагмент от небольшого острореберного сосудика, со слабо выраженным внутренним уступом, напоминающим некоторые покровские, орнаментированный крупнозубчатым штампом [Памятники, 1993. С. 73. № 45. С. 176, табл. 46, 2, 8].

36. Преображенское селище № 1 расположено на краю надпойменной террасы правого высокого берега р. Большой Иргиз, в 1,5 км к западу и ниже по течению от с. Преображенка Пугачевского р-на [Памятники, 1993. С. 74–72 № 40. С. 40–42; Лопатин, 1996. С. 148–149, 151, рис. 4, 6]. В.А. Лопатиным вскрыто 1250 кв. м площади селища и исследованы котлованы трех построек³⁷. В постройке 1 встречены единичные сосуды со слабыми «абашевскими» признаками, в виде внутреннего желобка под венчиком и некоторой колоколовидностью, а также керамика с треугольным валиком. С этой постройкой связаны: глиняная модель колеса, бронзовая игла, костяная рукоять и проколка.

Заключение и выводы. Произведенный обзор поселенческих памятников показывает, что они не равноценны между собой по количеству информативного материала и степени полевого исследования. В определенной степени это объясняется тем, что на большинстве из них проводились только сборы. Раскопки осуществлялись на 15 селищах. По одному – на Хопре (Алмазово), Большом Иргизе (Преображенка-I) и Малом Узене (МОС-I); восемь – на Волге (Мартышкино, Гуселка-II, Алексеевка-III, Ивановское, Вишне-

³⁷ В постройке 2, помимо срубной керамики, есть посуда ХКВК, а среди индивидуальных находок – костяные проколки, рукояти, «штампы», обломок каменного топора. Около этой постройки обнаружено бронзовое тесло с «секировидным лезвием и аморфной раскованной пяткой». В котловане постройки № 3 встречены шлаки, фрагменты керамического сопла, тигля, пластинчатого бруска литейной формы с частью негатива тесла и металлической посуды. Обломки бронзовой посуды, скорее всего, представляют собой литейное сырье, или лом, предназначенный к переплавке [Малов, 2005. С. 12–13, 20, рис. 2, 8, 10, 12].

вое, Сады, Трумбицкое-I); два – на Медведице (Нижне-Красавские); три – на Терешке (Новая Покровка-I, II, Хмельное-IV). Несмотря на это, пока не выявлено ни одной постройки и ни одного даже условно-закрытого бытового комплекса ПК.

Все селища, за редким исключением (Крутоярровка, МОС-I), расположены по берегам тех рек (Волга, Терешка, Медведица, Хопер, Б. Иргиз), в поймах которых есть леса. Обычно они занимают край первой надпойменной террасы, в виде невысокого мыса около устья оврага или ручья. К дюнным можно отнести лишь поселения в урочище «Столы», В. Красавское и Дубовское. Своей весьма высокой топографией и удаленностью от реки резко выделяется селище Вишневое, хотя оно находится близ истока крупного ручья.

Многие исследователи отмечали, что технологической особенностью покровской «абашоидной» керамики Нижнего Поволжья является примесь раковин в глине. Она присутствует в тесте целого ряда покровской поселенческой керамики «абашоидных» форм, что, скорее всего, указывает на сохранение в формовочных массах традиции, близкой к абашевской. Вместе с тем, А.Х. Халиков полагал, что «раннесрубная» погребальная покровская посуда по форме и орнаментации представляет раннеабашевские колоколовидные сосуды, отличающиеся плоскодонностью, присутствием других остросреберных горшков и обычных банок [Халиков и др., 1966. С. 30]. К.В. Сальников также считал, что от классической абашевской нижеволжская посуда отличается некоторой остросреберностью, объясняемой влиянием форм керамики срубной культуры [Сальников, 1967. С. 135].

Однако против попытки считать сосуды с толченой ракушкой абашевскими были и возражения, поскольку известны «типично срубные горшки» с той же примесью [Шилов, 1975. С. 109]. Не признавалось правильным объяснение причин появления толченой раковины принадлежностью сосудов к абашевским, в виду ее присутствия в глиняной массе полтавкинской и срубной керамики северных районов Нижнего Поволжья [Качалова, 1976. С. 6]. Исключать определенную роль местных традиций в использовании толченых раковин при керамическом производстве ПК не следует, поскольку в Нижнем Поволжье эта архаичная традиция восходит не к абашевцам. Скорее всего, знание о клейкости и других полезных свойствах пресноводных моллюсков, вместе с их раковинами, могло быть достоянием населения, связанного своей хозяйственной деятельностью с рыбным промыслом [Бобринский, 1978. С. 71]. К тому же, «абашевцы», в отличие от «покровцев», могли применять иную ракушку. Возможно, что абашевская посуда в Подонье изготавливалась с добавлением доисторической, а не современной, речной ракушки, обладала большим процентом водопоглощения и могла использоваться для хранения сыпучих продуктов или как ритуальная [Пряхин, 1971. С. 158–159, 163].

Керамика поселения Вишневое указывает на то, что, как минимум, на стадии трансформации, для ПК уже присущи свои особые технологии лепки (донномемкостный доэлементный или одноэлементный начин) и заготовки формовочной массы (шамот) [Беседин, 1994. С. 36–39]. Этот важный вопрос заслуживает специального рассмотрения, что выходит за рамки данной ста-

ты³⁸. Следует отметить сложности при разработке принципов классификации керамики ПК, обладающей своей спецификой. Вопрос о систематизации керамики ПК, особенно ее не «абашоидной» группы, оцениваемой как «абашевско-срубная», «срубно-абашевская», «осрубленная» и т. п., недостаточно освещенный в публикациях, заслуживает специального историографического анализа³⁹.

Несмотря на тот факт, что на перечисленных выше поселениях, содержащих материалы ПК, преобладает срубная керамика, она достаточно специфична и не одновременна. Об этом можно судить по первым опытам систематизации керамики некоторых правобережных селищ, где в общей совокупности преобладают банки (почти 50%), среди которых более всего закрытых. Колоколовидных сосудов около 15%, а остросереберных только около 3–5%. [Сергеева, 1991. С. 39–46, табл. 1]. В нижневолжских погребениях ПК остросереберные сосуды представлены чаще, чем на поселениях [Малов, 1992]. В лесостепном Поволжье «срубно-абашевские» остросереберные формы раньше фиксировались только в захоронениях (20%), а слабопрофилированные – на поселениях (21%) [Кузьмина, 1983. С. 10]. Можно полагать, что в Поволжье остросереберные сосуды ПК чаще всего ставились в погребения, на поселениях же они встречаются реже.

Округлобокие сосуды, среди которых есть слабопрофилированные, в том числе и колоколовидные, достаточно многочисленны в керамических материалах ПК рассмотренных поселений. Венчик у округлобоких сосудов ПК прямой или слегка отогнут, шейка плавно переходит в «раздутое» тулово. Высота таких сосудов обычно не превышает их наибольший диаметр, приходящийся на середину или верхнюю треть тулова. Внешняя поверхность грубо заглажена, с расчесами и канелюрами. Округлобокая посуда определенной профилировки и с канелюрами встречается в основном на поселениях ПК Волго-Уральского междуречья и Подонья [Васильев, 1975. С. 8, рис. 3, 12, 16; Моргунова, Порохова, 1982. С. 165, рис. 3, 10; Горбунов, 1985. С. 6, рис. 2, 12; Пряхин, 1973. С. 35, рис. 6, 8; Пряхин, 1975. С. 156, 160, рис. 1, 2, 3, 6; рис. 2, 12; Пряхин, Старцева, 1981. С. 118, рис. 2, 1]. В орнаментации канелюрами такие сосуды имеют определенное сходство с некоторой петровской и алакульской керамикой [Потемкина, 1985. С. 90, 137, 193, 265, рис. 28, 7; рис. 54, 5; рис. 83, 4; рис. 107]. Это тем более симптоматично, поскольку, как минимум, на третьем этапе развития аркаимского керамического комплекса появляются сосуды «абашевско-покровского облика», аналогичные материалам из Среднего и Нижнего Поволжья [Малютина, Зданович, 2005. С. 24]. Помимо этого, керамику ПК и синташтинской культуры сближает такой показатель, как внутреннее «абашоидное» ребро или ребристый желобок на

³⁸ Интересная работа, начатая в этом направлении В.И. Бесединым, требует продолжения, тем более что не «абашоидная» поселенческая керамика ПК еще не стала предметом специального анализа. Ее изучение внесет определенные коррективы в характеристику ПК, а также в решение проблем происхождения и формирования ранней срубной культуры Нижнего Поволжья.

³⁹ Поэтому пока еще преобладают тенденции, согласно которым керамика из ПКТ традиционно классифицируется воронежскими исследователями исключительно по таким же принципам, как и в ДВАК. Керамика ПК Нижнего Поволжья отличается своеобразием и это следует учитывать при ее классификации. Тем более что при выделении ДВАК и разработке систематизации посуды А.Д. Пряхин исходил из ее более раннего места, в сравнении с древностями абашевской общности Среднего Поволжья и Приуралья.

отгибе венчиков ряда типов и подтипов горшковидных сосудов. Наличие (отсутствие) внутреннего ребра на отгибе венчика является даже самой яркой отличительной чертой для «подтипов двойников» синташтинской керамики [Ткачев, Хаванский, 2006. С. 75].

Наиболее существенное значение для определения относительной хронологии нижневолжских селищ, содержащих находки покровско-абашевской посуды, имеют стратиграфические наблюдения на селищах «Сады» и Новая Покровка-I. На этих памятниках зафиксировано, что покровско-абашевская керамика залегает ниже срубно-хвалынской валиковой [Малов, 1985]. Таким образом, по материалам поселений памятники ПК занимают существенно более раннюю временную позицию, чем ХКВК. Хронологически они не стыкуются между собой, поскольку между ними расположены древности «классической срубной культуры».

Оперируя преимущественно материалами ПК с тех, рассмотренных выше, поселений, где археологи СГУ осуществили раскопки, можно предложить следующую их хронологическую последовательность. По керамике и другим вещам наиболее раннее место в ПК, скорее всего, должны занять два селища: Новая Покровка-I, II. К развитому или классическому периоду можно отнести селище Сады. В сравнении с Новой Покровкой-I, II и Садами, Вишневое – более позднее селище, отражающее процесс трансформации ПК в срубную культуру. На остальных, вероятно, самых поздних поселениях, относящихся к собственно срубной культуре (Гуселка-II, Хмельное-IV, Преображенка-I, Трумбицкое-I, МОС-I и др.), керамические материалы ПК, в буквальном смысле, единичны и уже существенно трансформированы. Вероятнее всего, это свидетельствует о том, что процесс трансформации ПК в срубную культуру уже завершился. Мы полностью отдаем себе отчет в том, что нельзя сводить процесс трансформации ПК исключительно к окончательному решению проблем происхождения или формирования срубной культуры Нижнего Поволжья и СКИО, которые традиционно и активно обсуждаются⁴⁰. Особенностью покровской культуры, или «покровского феномена» (по А.Д. Пряхину), является то, что она стоит у истоков формирования СКИО, а не отдельной ранней срубной культуры или региональных срубных культур.

Палинологические данные указывают на то, что с эпохи бронзы и до наших дней растительность юго-востока Европейской части России не претерпела существенных изменений [Чигуряева, 1960. С. 282–284; Чигуряева, Терешкова, 1991. С. 68–93]. Здесь преобладали степи и полупустыни с островками лиственных и сосновых лесов, площади которых, в связи с деятельностью человека, постепенно уменьшались, а хвойные массивы исчезали. Для степной зоны наиболее характерна растительность, способствующая развитию скотоводства, являвшегося основной формой ведения хозяйства племен абашевской и срубной историко-культурных областей. С учетом погребальных памятников отмечается, что ПК не распространялась южнее границы

⁴⁰ Фундаментальные проблемы происхождения и формирования срубной культуры, срубных культур и СКИО еще очень далеки от своего разрешения. Поэтому они привлекают особое внимание некоторых исследователей, что в будущем также явится предметом дискуссий еще не для одного поколения археологов. Мы и ранее не принимали участия в дискуссиях такого рода, поскольку более склонны отдавать предпочтение процессуальной археологии и конкретным классификационным процедурам, в том числе и с использованием математических методов [см. напр.: Кочерженко и др., 1993; 1994; 1997; Изотова и др., 1993; 1994; 1997; Малов, Слонов, 2004].

темно-каштановых и каштановых почв Донской и Заволжской сухостепных провинций центральной области суббореального пояса - менее приемлемых для занятия скотоводством и земледелием [Малов, 1986. С. 30, рис. 2].

Всего нами учтено около 40 нижеволжских поселений СКИО, где присутствует керамика, характерная для ПК. Большинство (около 30) поселений с материалами ПК расположены в возвышенном правобережье Саратовского Поволжья, где встречаются черноземы. Это современное пограничье степи и лесостепи, преимущественно зона разнотравно-злаковых степей, или разнотравно-типчаково-ковыльковых степей на черноземах (рис. 1). Расчлененная речными долинами Приволжская возвышенность находится в бассейнах Волги и Дона. Она расположена вдоль правого берега Волги, где восточный ее склон - высокий, крутой, а противоположный, западный, - более низкий и пологий [География Саратовской области, 1993]. Приволжская провинция степной зоны занимает междуречье Медведицы и Волги, характеризующееся неровным рельефом, состоящим из гряд, волнистых плато, куполов и холмистых местностей. Около Хвалыньских гор Приволжская возвышенность приподнята и круто обрывается в сторону Волги. К западу ее склон постепенно переходит в Окско-Донскую равнину с реками донского бассейна (Хопер, Медведица, Терса).

Непосредственно на левом низменном берегу Волги отмечено только 6 селищ (Наталино-V, Трумбичское-I, Вихляный овраг-I, II, Подгорное, Скатовка). В зонах разнотравно-злаковых и злаковых степей глубинного Заволжья селища ПК не известны, за исключением местонахождений единичных фрагментов посуды с «абашоидными чертами» на трех селищах срубной культуры (Преображенка-I, Крутоярровка, МОС-I) и Дубовской дюне. Следует согласиться с А.Д. Пряхиным, полагающим, что «абашевских проявлений» почти нет в материалах поселений более южных территорий Заволжья [Пряхин, 1976. С. 82].

Скорее всего, здесь и в эпоху поздней бронзы были определенные проблемы с пресной питьевой водой. Дело в том, что во время засух и суховеев небольшие заволжские речки в основном пересыхают, пресная вода встречается лишь в речных долинах и пониженных местах. В южном Заволжье ситуация усугублялась еще и тем, что из-за сильной минерализации грунтовые воды здесь не пригодны для питья. Все это также, вероятнее всего, наложило определенный отпечаток на характер подвижного скотоводства степных племен ПК Заволжья.

Покровско-абашевская посуда присутствует преимущественно на селищах рек Донского бассейна (Хопер, Медведица) и по побережью Волги, включая ее правый приток - р. Терешку. Волжская долина находится между Приволжской возвышенностью на западе и Сыртовой равниной Заволжья на востоке. Бассейн р. Терешки, от верховьев ее среднего течения, а также междуречье Терешки и Волги относятся к лесостепной зоне и выделяются специалистами в Хвалынский физико-географический район площадью около 6,7 тыс. кв. км, входящий в Приволжскую провинцию лесостепной зоны [Физико-географические районы. С. 16, схема I]. Его лесостепная площадь составляет около 20%. В рельефе Хвалынского физико-географического района выделяются части Приволжской возвышенности: волнистая равнина Терешки (50 м абс.), нижнее плато «Ровня» (170-180 м абс.) и останцы (Хвалыньские, Змеевы и другие «горы») с максимальной отметкой 379 м абсолютной высоты.

Это наиболее возвышенные точки на правом берегу Нижней Волги. Почвенный покров отличается пестротой, но более типичны обыкновенные маломощные черноземы. На р. Терешке ширина поймы от десятков метров до одного километра. Из числа учтенных в данном физико-географическом районе выявлено более 30% поселений с покровско-абашевской керамикой.

Таким образом, о существовании оседлости и некоторых ее проявлений у носителей ПК свидетельствуют только правобережные селища пограничья лесостепи-степи северных районов Нижнего Поволжья. Южнее территории современной Саратовской области поселения с материалами ПК в Нижнем Поволжье пока не выявлены. Не обнаружены они пока и в Волгоградском правобережье. Отсутствие стационарных поселений ПК в глубинном Заволжье и распространение покровских погребений по всей северной части Нижнего Поволжья вплоть до зоны полупустыни – все это свидетельствует о преобладании у покровских племен степной зоны подвижных форм скотоводства [Малов, 1986. С. 30, рис. 2]. Едва ли появление таких погребальных комплексов ПКТ на северной границе зоны полупустыни следует связывать исключительно с расширением ареала распространения лесостепной ДВАК.

На правобережных селищах пограничья лесостепи-степи пока еще не исследовано ни одной собственно покровской постройки, что, скорее всего, также может дополнительно указывать на существование наземных построек и жилищ, или на преобладание у носителей ПК подвижного пастушеского или полукочевое скотоводства, являвшегося основным направлением их хозяйственной деятельности. Эта черта ПК существенно отличает их от представителей абашевской культурно-исторической общности развитого этапа лесных и лесостепных регионов, у которых ведущей тенденцией является постепенное упрочение оседлости.

Эпоха бронзы в целом совпадает с суббореальным периодом голоцена (5–2,5 тыс. лет назад), когда климат стал, в основном, теплым и сухим [Иванов, Васильев, 1995. С. 146–160; Иванов и др., 2001]. В рассматриваемую эпоху климатические условия отличались от современных. По данным палеопочвоведов и палеоэкологов, в степном поясе Евразии в конце III – первой половине II тыс. до н. э. отмечается усиление засушливости, континентальности и аридизации климата [Демкин, Рыськов, 1996. С. 30–32; Рыськов, Демкин, 1997. С. 122; Демкин В.А. и др., 2001; Демкина Т.С., Демкин В.А. 2001]. Существование засушливого ксеротермического периода в эпоху бронзы признается также многими археологами [Потемкина, 1985. С. 26–28; Мельник, 2006; Бочкарев В.С., Рысин М.Б., 2006].

На рубеже III–II тыс. до н. э. имел место палеоэкологический кризис [Демкин В.А. и др., 2001. С. 371]. Во время данного палеоэкологического кризиса, скорее всего, и существовали памятники криволукского типа и ранние бабинские. По радиоуглеродным датам, в том числе и калиброванным, время бытования абашевской общности и ПК приходится на средний суббореальный период. В целом данный период, датируемый 4–3 тыс. лет т. н., характеризуется среднесуббореальным термическим максимумом и засушливостью [Иванов, Васильев, 1995. С. 146; Демкин В.А. и др., 2001; Демкина Т.С., Демкин В.А., 2001]. Климат стал сухим, жарким и более континентальным, чем сейчас. Большинство озер осушается, ландшафты становятся сухостепными, а на крайнем юге – пустынно-степными. В это время практически исчезают археологические памятники в Рын-Песках, где в природной жизни и в жизни

населения отмечается «глубокая депрессия» [Иванов, Васильев, 1995. С. 153]. Многие исследователи даже считают, что примерно 4500–3500 лет назад происходит сдвиг почвенно-географических подзон, в том числе и в южноуральских степях к северу [Демкин, Рысков, 1996. С. 31; Рысков, Демкин, 1997. С. 122]. Поэтому, флора и фауна современной степи и лесостепи Нижнего Поволжья в это время могла носить совершенно иной характер. На территории современных степей могли появиться полупустыни, а в зоне современных лесостепей – степи. Палеопочва Аркаима также характеризуется чертами большей климатической аридности и меньшей увлажненностью режимов, чем сейчас [Иванов и др., 2001. С. 378], что лишний раз свидетельствует об общности палеоэкологической ситуации для Синташты, Петровки и Покровска. В целом данный период В.И. Мельник соотносит с абашевской культурой, появлением синташтинских и, вероятно, ранних покровских в Поволжье, а четвертый подэтап суббореала – с «абашевско-срубными» погребениями донской территории, с раннесрубными древностями Приднепровья, формированием сабашиновской культуры [Мельник, 2006. С. 150].

Скорее всего, засушливостью и термическим максимумом можно объяснить отсутствие в Заволжье поселений, культурные слои которых содержали бы материалы ПК, поскольку тогда здесь эколого-климатические условия были менее подходящими для оседлого образа жизни и деятельности скотоводов. Кроме того, при засухах тогда, как и сейчас, вести земледельческое хозяйство было крайне сложно или невозможно. Вероятно, поэтому еще не выявлены палеоботанические свидетельства разведения культурных злаков в ПК, Синташте и Петровке. При этом в Заволжье (Левобережье) климат и сейчас более засушливый, чем в Правобережье. Для северной части Нижнего Поволжья до сих пор характерны периодически повторяющиеся засухи и неурожаи. В древности они, так же как и в XX в., могли приводить даже к голодовкам, существенно влиявшим на палеодемографическую ситуацию и служившим причинами для миграций скотоводов⁴¹.

Культуры в степях Восточной Европы меняются блоками не только в результате эволюции или различных видов развития и трансформации, а в существенной зависимости от миграционных процессов и резких климатических изменений. Вероятно, поэтому начало их смены и совпадает с экстремальными климатическими изменениями [Мельник, 2006. С. 149–151]. Во второй половине II тыс. до н. э. – первой половине I тыс. до н. э. континентальность ослабевает и резко повышается увлажненность [Иванов, Васильев, 1995. С. 146–153; Демкин, Рысков, 1996. С. 32; Рысков, Демкин, 1997. С. 139.]. Обводняются озерные котловины и возрождаются степные боры в южных районах. На это время в основном и приходится существование в Нижнем Поволжье других культурно-хронологических групп СКИО: классической срубной культуры, срубно-хвалынских и ХКВК.

Литература:

⁴¹ В этой связи напомним, что даже в XX в. засухи и неурожаи порой создавали экстремальные условия для существования человека, приводя к катастрофическим последствиям, как, например, страшный голод в Поволжье в 1921–1922 гг., во время которого в Саратовской и Самарской губерниях даже бывали случаи людоедства.

- Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887-1941. Саратов, 2006.
- Арзютов Н.К.* О чем говорят курганы. Саратов, 1936.
- Археология: Учебник / Под ред. В.Л. Янина. М., 2006.
- Баллод Ф.В.* Приволжские «Помпеи»: (опыт художественно-археологического обследования части правобережной Саратовско - Царицынской приволжской полосы). М.; Пг., 1923.
- Беседин В.А.* Некоторые особенности позднеабашевской керамики лесостепного Подонья // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991. С. 3-4.
- Беседин В.И.* Абашевские традиции гончарного производства в керамике памятников покровского типа и срубной культуре лесостепного Подонья // Срубная культурно-историческая область: материалы III Рыковских чтений. Саратов, 1994. С. 36-39.
- Беседин В.И.* О хронологии Пепкинского кургана // РА. 1995. № 3. С. 197-200.
- Беседин В.И.* Абашевские древности: тенденции интерпретации в свете анализа керамики (история вопроса, современное состояние) // Взаимодействие и развитие древних культур южного пограничья Европы и Азии: материалы междунар. науч. конф., посвящен. 100-летию со дня рожд. И.В. Сеницына. Саратов - Энгельс, 2000. С. 57-59.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. М., 1978.
- Бочкарев В.С.* Волго-Уральский очаг культурогенеза эпохи поздней бронзы // Социогенез и культурогенез в историческом аспекте: материалы методологического семинара ИИМК РАН. СПб., 1991. С. 24-27.
- Бочкарев В.С.* Карпато-Дунайский и Волго-Уральский очаги культурогенеза эпохи бронзы: (опыт сравнительной характеристики) // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы: материалы конф. 21-25 августа 1995 г. Саратов; СПб., 1995. С. 18-29.
- Бочкарев В.С.* Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар с древнейших времен: Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. Т. I. С. 46-68.
- Бочкарев В.С., Рысин М.Б.* Пространственный анализ памятников археологии Нижнего Поволжья: (по материалам погребений энеолита - раннего железа) // АВЕС. Саратов, 2006. Вып. 4. С. 58-69.
- Васильев И.Б.* Абашевские памятники Куйбышевского Заволжья. Куйбышев, 1975. С. 3-13.
- Васильев И.Б.* Загадочная керамика // Самарская лука в древности. Куйбышев, 1975а. С. 76-83.
- Васильев И.Б.* Вольск - Лбище - новая культурная группа эпохи средней бронзы в Волго-Уралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы междунар. науч. конф. Чебоксары, 2003. С. 107-115.
- Ватазина А.П., Пестрикова В.И.* Отчет о раскопках в Приволжском р-не Куйбышевской области, Хвалынском р-не Саратовской области и разведках в Оренбургской области в 1976 г. Ч. II // Архив ИА РАН. Ф. 1.

Виноградов Н.Б. Культурно-исторические процессы в степях Южного Урала и Казахстана в начале II тыс. до н. э.: (памятники Синташтинского и петровского типов): автореф. дисс. ... д-ра ист. н. М., 2007.

География Саратовской области. / Под ред. Н.В. Тельтевской. Саратов, 1993.

Горбунов В.С. Некоторые проблемы эпохи бронзы лесостепной полосы Приуралья // Бронзовый век южного Приуралья. Уфа, 1985. С. 3–21.

Годовой отчет о работе музея за 1926/27 год // Научный архив СОМК. Оп. 1. Ед. хр. 77а.

Городцов В.А. Культуры бронзовой эпохи в Средней России // Отдельный оттиск из «Отчета» Историч. Музея за 1914 г. М., 1916. С. 1–106.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев, 2002.

Дервягин Ю.В. Отчет об археологических разведках в Саратовской области в 1965 г. // Архив ИА РАН. 1965. Ф. Р-1. № 3059.

Дервягин Ю.В. Отчет о находках в Саратовской области в 1967 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 3430.

Дервягин Ю.В. Отчет о находках в Саратовской области. 1968. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. № 3655.

Дервягин Ю.В. Селище эпохи бронзы в селе Пристанном // СА. 1969. № 3. С. 235–238.

Дервягин Ю.В. Новые памятники эпохи бронзы в бассейне р. Медведица // КСИА. М., 1971. Вып. 127. С. 93–97.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Алексеев А.О., Алексеева Т.В., Борисов А.В. Природная периодизация бронзового века Нижнего Поволжья // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы междунар. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001. С. 368–371.

Демкин В.А., Рыськов Я.Г. Почвы и природная среда сухих степей Южного Урала в эпохи бронзы и раннего железа (II тыс. до н. э. – I тыс. н. э.). Пушчино, 1996.

Демкина Т.С., Демкин В.А. Микробиоценозы подкурганых палеопочв Нижнего Поволжья как индикаторы динамики палеоэкологических условий во второй половине голоцена // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы междунар. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001. С. 371–375.

Дремов И.И. Вишневое – поселения покровского времени в Саратове // АВЕС. Саратов, 1992. Вып. 3. С. 74–86.

Дремов И.И. Раскопки поселения Вишневое в Саратове // АО. 1983. М., 1985. С. 145.

Епимахов А.П., Хэнкс Б., Ренфрю К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // РА. 2005. № 4. С. 92–102.

Зданович Г.Б. Аркаим – культурный комплекс эпохи средней бронзы южного Зауралья // РА. 1997. № 2. С. 47–62.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995.

Иванов И.В., Плеханова Л.Н., Чичагова О.А., Чернянский С.С., Манахов Д.В. Палеопочвы Аркаимской долины и бассейна р. Самары – индикатор экологических условий в эпоху бронзы // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы междунар. конф. «К столетию периодизации В.А. Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001. С. 375–384.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н. Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1. С. 110–136.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н. Статистическое изучение системы орнаментации хвалынской поселенческой керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов, 1994. С. 97–109.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н. Сравнение хвалынских поселений Нижнего Поволжья по формам керамики // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы: тез. докл. Киев – Николаев – Южноукраинск, 1997. С. 76–77.

Изотова М.А. Керамика эпохи поздней бронзы поселения Ивановка // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2001. Вып. 4. С. 58–69.

Качалова Н.К. Абашевские элементы в срубной культуре Нижнего Поволжья // АСГЭ. Л., 1976. Вып. № 17. С. 5–17.

Качалова Н.К. О взаимодействии поволжских срубных и абашевских племен // АСГЭ. 1984. № 25. С. 31–35.

Качалова Н.К. Периодизация срубных памятников Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (проблемы формирования и периодизации). Куйбышев, 1985. С. 28–59.

Качалова Н.К. Относительная хронология полтавкинских памятников и их соотношение с потаповскими и покровскими // Новые открытия и методические основы археологической хронологии: тез. докл. археологические изыскания. СПб., 1992. Вып. 4. С. 75–77.

Кочерженко О.В., Малов Н.М. Работы Приволжской экспедиции // АО. 1982. М., 1984. С. 153–154.

Кочерженко О.В., Малов Н.М., Слонов В.Н. Опыт использования кластерного анализа при классификации форм керамики срубных погребений Нижневолжского Правобережья (пограничье степи и лесостепи) // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1. С. 86–109.

Кочерженко О.В., Малов Н.М., Слонов В.Н. Орнаментация срубной погребальной керамики Нижневолжского правобережья (пограничье степи и лесостепи) // Теория и прикладные методы в археологии. Саратов, 1994. С. 74–96.

Кочерженко О.В., Малов Н.М., Слонов В.Н. Погребальная керамика срубной культуры на севере степного волжского правобережья (форма и орнамент) // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы: тез. докл. Киев – Николаев – Южноукраинск, 1997. С. 77.

Кочерженко О.В., Сергеева О.В., Слонов В.Н., Шабанов В.Л. Закономерности построения и эволюция орнамента поселенческой керамики эпохи поздней и финальной бронзы Нижневолжского Правобережья // Срубная культурно-историческая область. Саратов, 1994. С. 27–29.

Кочерженко О.В., Слонов В.Н. О соотношении покровских и раннесрубных памятников Нижневолжского Правобережья: (по материалам курганных могильников // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991. С. 15–21.

Круглов А.П., Подгаецкий Г.Б. Родовое общество степей Восточной Европы // Известия ГАИМК. М.; Л. 1935. Вып.119.

Кузнецов П.Ф. Проблемы отражения параметров времени в культурах бронзово-железной поры степной зоны Восточной Европы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004. С. 25–30.

Кузьмина О.В. Взаимоотношения абашевских и срубных племен в лесостепном Поволжье // Автореф. дис. ... канд. ист. н. М., 1983.

Кузьмина О.В. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. Ч. II. С. 27–51.

Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы хронологии абашевской культуры // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла: археологические изыскания. СПб., 2000. Вып. 63, ч. 3. С. 65–134.

Лапшин А.С. Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона: (по материалам погребальных памятников). Автореф. дис. ... канд. ист. н. СПб., 2006.

Лапшин А.С. К вопросу о культурном и хронологическом соотношении памятников эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004. С. 120–123.

Литвиненко Р.А. Памятники покровского типа в бассейне Северского Донца // Проблемы культур начального этапа поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991. С. 21–23.

Литвиненко Р.А. Критерии выделения памятников покровского типа в бассейне Северского Донца // Новые открытия и методические основы археологической хронологии: тез. докл.: археологические изыскания. СПб., 1992. Вып. 4. С. 86–87.

Литвиненко Р.А. Некоторые замечания по поводу хронологии Доновожской абашевской культуры // Абашевская культурно-историческая общность в системе древностей эпохи бронзы степей и лесостепи. Тамбов, 1996.

Либеров П.Д. Племена Среднего Дона в эпоху бронзы. М., 1964.

Лопатин В.А. Построечные комплексы периода становления срубной культуры степного Волго-Уральского междуречья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1. С. 140–158.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья: учеб. пособ. Саратов, 2002.

Лопатин В.А. Культурно-хронологические комплексы поселения в урочище Мартышкино: (материалы эпохи поздней бронзы) // Археологическое наследие Саратовского края: охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 10–31.

Максимов Е.К. Материалы из Хвалынского музея // СА. 1962. № 3. С. 282–288.

Максимов Е.К. Археологические разведки по реке Стерех // Древняя история Поволжья: науч. тр. Куйб. пед. ин-та. Куйбышев, 1979. Т. 230. С. 110–117.

- Малов Н.М.* К вопросу о памятниках покровского типа // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978. С. 59.
- Малов Н.М.* О «загадочной» керамике вольского типа // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: тез. докл. конф. Донецк, 1979. С. 82-84.
- Малов Н.М.* Работы в Саратовском Поволжье // АО. 1981. М., 1983. С. 159.
- Малов Н.М.* Из истории изучения срубно-абашевских памятников Нижнего Поволжья (1911-1959) // Историографический сборник. Саратов, 1983. Вып. 10. С. 90-99.
- Малов Н.М.* Планиграфия нижневолжских подкурганых погребений покровского типа // Вопросы отечественной и всеобщей истории. Саратов, 1987. С. 145-155.
- Малов Н.М.* Некоторые итоги изучения поселений эпохи бронзы северных районов Нижнего Поволжья // Тез. докл. Всесоюз. археологич. конф. «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Баку, 1985. Ч 2. С. 225-226.
- Малов Н.М.* Историография вопроса о срубно-абашевском взаимодействии в Нижнем Поволжье // Древняя и средневековая история Нижнего Поволжья. Саратов, 1986. С. 21-38.
- Малов Н.М.* О выделении покровской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991. С. 50-53.
- Малов Н.М.* «Абашевские племена» Нижнего Поволжья: (памятники покровского типа) // Автор. дис. ... канд.ист. н. СПб., 1992.
- Малов Н.М.* Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // АВЕС. Саратов, 1992. Вып. 3. С. 22-34.
- Малов Н.М.* Покровский культурный тип памятников начального этапа эпохи поздней бронзы степного Волго-Уралья // Новые открытия и методические основы археологической хронологии: тез. докл.: археологические изыскания. СПб., 1992. Вып. 4. С. 83-85.
- Малов Н.М.* Погребения покровского типа степной и лесостепной Евразии // Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны: тез. докл. науч. конф. Липецк, 1992. С. 130-132.
- Малов Н.М.* Культурные типы памятников срубной культурно-исторической области: (концептуальные основы) // Срубная культурно-историческая область: материалы III Рыковских чтений. Саратов, 1994. С. 8-13.
- Малов Н.М.* Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 199-202.
- Малов Н.М.* Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края: охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5. С. 157-219.
- Малов Н.М.* Из истории Саратовского Областного музея краеведения: памятная книга посещения музея и библиотеки Саратовской ученой архивной комиссии (1895-1918 гг.) // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Саратов, 2003. С. 40-59.

Малов Н.М. Заготовка дисковидного псаля с селища Баланбаш // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 128-131.

Малов Н.М. Литейные формы с нижеволжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Саратов, 2005. Вып. 12. С. 3-21.

Малов Н.М. Советская археология в Саратовском государственном университете (1918-1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // АВЕС. 2006. Вып. 4. С. 4-28.

Малов Н.М. Изучение и интерпретация материалов нижеволжских поселений срубной культурно-исторической области в первой четверти XX века // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: II Междунар. Нижневолж. конф. Волгоград, 2007. С. 47-51.

Малов Н.М., Бугров Д.Г. «Алексеевский», «гусельский» и «нижне-семеновский» костяные псаля из Татарстана и Саратовского Поволжья // АВЕС. 2006. Вып. 4. С. 141-149.

Малов Н.М., Филипченко В.В. Памятники катакомбной культуры Нижнего Поволжья // Археологические вести. СПб., 1995. Вып. 4. С. 52-62.

Малов Н.М., Сергеева О.В. Изучение поселений эпохи поздней бронзы археологами СУАК // Сообщения Энгельсского краеведческого музея. Энгельс, 2004. Вып. 6. С. 76-83.

Малов Н.М., Слонов В.Н. Типологические группы погребений энеолита и эпохи бронзы могильников Бережновка-I-II и Политотдельское // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: тез. докл. Волгоград, 2004. С. 67-71.

Малютина Т.С., Зданович Г.Б. Керамика Аркаима: сравнительный анализ // РА. 2005. № 2. С. 20-31.

Мамонтов В.И. Древнее население левобережья Дона: (по материалам курганного могильника Первомайский VII). Волгоград, 2000.

Матвеев Ю.П. Катакомбно-абашевское взаимодействие и формирование срубной общности // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1998. Вып. 11: Доно-Донецкий регион в эпоху средней и поздней бронзы. С. 8-21.

Матвеев Ю.П. Срубно-абашевские погребения переходного типа Волго-Донского междуречья // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1999. Вып. 13: Евразийская лесостепь в эпоху металла. С. 60-71.

Матвеев Ю.П. О векторе распространения «колесничных» культур эпохи бронзы // РА. 2005. № 3. С. 5-15.

Матвеев Ю.П., Пряхин А.Д. Погребения воинов-колесничих на территории лесостепного Подонья и периодизация памятников эпохи бронзы доново-волжско-уральской лесостепи // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы средней Восточной Европы. Археологические изыскания. СПб., 1995. Вып. 25. С. 76-78.

Мерперт Н.Я., Пряхин А.Д. Срубная культурно-историческая общность эпохи бронзы Восточной Европы и лесостепь // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1979. С. 7-24.

Мельник В.И. Данные палеогеографии об изменении климата на территории Восточной Европы и динамика культур эпохи бронзы степи и лесостепи // Археологическое изучение Центральной России: тез. междунар.

науч. конф., посвящен. 100-летию со дня рожд. В.П. Левенка. Липецк, 2006. С. 149-151.

Минх А.Н. Историко-географический словарь Саратовской губернии: приложение к трудам Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1900. Т. 1, вып. 2.

Минх А.Н. Археологические находки и раскопки в Аткарском уезде Саратовской губернии // Приложение к трудам СУАК. 1909. Т. 25. С. 215-223.

Миронов В.Г. Отчет об археологических разведках произведенных поисковым отрядом СГУ в Саратовской области // Научный архив ИА РАН. 1969. Ф. 1. № 3860.

Миронов В.Г. Археологические памятники бассейна р. Терешки // АО. 1970. М., 1970. С. 157-158.

Миронов В.Г. Отчет о раскопках Горюшинского поселения в Хвалынском районе Саратовской области. 1977 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 6716.

Миронов В.Г. Памятники эпохи бронзы бассейна Верхней Терешки // Древние культуры Поволжья и Приуралья: науч. тр. КГПИ. Куйбышев, 1978. Т. 221. С. 60-61.

Миронов В.Г. Отчет об охранных раскопках поселения у с. Горюши, Хвалынского района Саратовской области. 1978 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 7279.

Миронов В.Г. Работы Хвалынской экспедиции // АО. 1978. М., 1979. С. 190.

Миронов В.Г. Отчет за 1979 год о полевых исследованиях в Хвалынском районе Саратовской области, произведенных Хвалынской археологической экспедицией Саратовского областного музея краеведения и президиума Саратовского областного отделения ВОПИИК по открытому листу формы № 1 за № 270 // Научный Архив СОМК. Ф. Оп. 1 н/д. Д. 805-806.

Миронов В.Г. Отчет об археологических исследованиях в Хвалынском районе Саратовской области. 1980 год // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 8145.

Миронов В.Г. Раскопки на Верхней Терешке // АО. 1979. М., 1980. С. 158.

Миронов В.Г. Отчет об охранных раскопках поселения Хмельное-IV в Хвалынском районе Саратовской области. 1981 год. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 86 611.

Миронов В.Г. Исследования на Верхней Терешке // АО. 1981. М., 1983. С. 163-164.

Миронов В.Г. Отчет об исследованиях археологической экспедиции Саратовского государственного университета. 1983 г. Ч. 2: Раскопки поселения Хмельное-IV. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 10 603. 1983а.

Миронов В.Г. Исследования в Саратовском Поволжье // АО. 1983. М., 1985. С. 165.

Миронов В.Г. А.А. Спицын и саратовское краеведение: (по неизвестным источникам 1911-1920 гг.) // Проблемы истории отечественной археологии. СПб., 1993. С. 23-24.

Миронов В.Г. Редкий тип жилища эпохи бронзы в Саратовском правобережье Волги // Поволжский край. Саратов, 2000. Вып. 11. С. 16-22.

Миронов В.Г., Монахов С.Ю. Археологическая карта Вольского района Саратовской области // Научный архив СОМК. 1981. Оп. 3 м/д. Ед. хр. 8.

Михоход Р.А. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Поволжья. Волгоград, 2004. С. 108-114.

- Монахов С.Ю. Работы Вольской экспедиции // АО. 1981. М., 1983. С. 164.
- Моргунова Н.Л., Порохова О.И. Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. Воронеж, 1989. С. 160–172.
- Мыськов Е.П. Раннесрубные памятники Нижнего Поволжья и проблема их формирования // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: тезисы вторых Рыковских чтений. Саратов, 1991. С. 28–30.
- Мыськов Е.П. Сложение степной срубной культуры и полтавкинская проблема // Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 4: Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: тез. докл. С. 78–80.
- Мыськов Е.П. К проблеме периодизации памятников срубной культуры Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья // СА. 1994. № 4. С. 145–163.
- Непочатых В.А. Абашевское поселение на побережье Саратовского водохранилища // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976. С. 56–57.
- Онезорге В. Археологические разведки и раскопки в урочище «Мартышкино» Камышинского уезда // Труды СУАК. 1916. Вып. 33. С. 34–38.
- Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-статиграфічні зіставлення). К., Україна. 2001.
- Отрощенко В.В. К истории племен срубной общности // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 2003. Вып. 17: Доно-донецкий регион в эпоху бронзы. С. 68–96.
- Отчет о работе Археологического отдела. 14.X/1927 год. // Научный архив СОМК. Оп. 1. Ед. хр.
- Памятники срубной культуры Волго-Уральское междуречье // Археология России. САИ. В 1–10. Саратов, 1993. Т. 1.
- Потемкина Т.М. Алакульская культура // СА. 1983 № 2. С. 13–33.
- Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Притоболья. М., 1985.
- Припадчев А.А. Памятники покровского типа и их осмысление: (к историографии вопроса) // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 2003. Вып. 17: Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. С. 51–67.
- Пряхин А.Д. Абашевская культура в Подонье. Воронеж, 1971.
- Пряхин А.Д. Древнее население Песчанки. Воронеж, 1973.
- Пряхин А.Д. О поселениях абашевской общности в юго-западных районах Среднего Поволжья // СА. 1975. № 4. С. 154–162.
- Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж, 1976.
- Пряхин А.Д. Погребальные абашевские памятники. Воронеж, 1977.
- Пряхин А.Д. Основные вехи изучения абашевских древностей // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие: материалы междунар. науч. конф. Чебоксары, 2003. С. 61–64.
- Пряхин А.Д. Изучение эпохи бронзы доно-донецкого региона и выход на новую парадигму осмысления проблематики эпохи бронзы Евразийской степи и лесостепи (вторая половина XX столетия) // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 2003а. Вып. 17. С. 36–43.

- Пряхин А.Д., Беседин В.И. К оценке абашевских погребений Подклетненского могильника // Доно-волжская абашевская культура. Воронеж, 2001. С. 9-32.
- Пряхин А.Д., Матвеев Ю.П. Курганы эпохи бронзы Побитюжья. Воронеж, 1988.
- Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Ножи-кинжалы с перекрестием и ромбическим окончанием черенка в абашевском и срубном мирах (к развитию производственных традиций) // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1998. Вып. 7. С. 27-34.
- Пряхин А.Д., Старцева Т.С. Боровское поселение эпохи бронзы под г. Воронежем // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981. С. 114-142.
- Пятых Г.Г. Отчет о работе второго отряда Волго-Уральской археологической экспедиции в 1978 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1 № 7016.
- Пятых Г.Г. К проблеме основ, механизмов и факторов сложения срубной культуры // РА. 2000. № 4. С. 11-25.
- Рыков П.С. Результаты археологического исследования в Покровском и Хвалынском уезд., Саратовской губ. в 1922 г. // Труды Об-ва ИСТАРХЭТ при СГУ. Саратов, 1923. Вып. 34, ч. 1. С. 3-19.
- Рыков П.С. Музейная работа в Саратовской губернии за X лет // Отдельный оттиск из журнала «Нижнее Поволжье». Саратов, 1927. № 10. С. 1-10.
- Рыков П.С. Отчет об археологических работах, произведенных в Нижнем Поволжье летом 1929 г. // Изв. Нижнев. краевед. ин-та. Саратов, 1931. Т. 4. С. 49-81.
- Рысков Я.Г., Демкин В.А. Развитие почв и природной среды степей Южного Урала в голоцене (опыт реконструкции с использованием методов геохимии стабильных изотопов). Пушино, 1997.
- Сагайдак В.И. О двух группах погребений Покровских могильников в Нижнем Поволжье // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Труды Куйб. пед. ин-та. 1979. Т. 230.
- Сагайдак В.И. Хвалынская культура в исследованиях П.С. Рыкова // АВЕС. Саратов. 1989. Вып. 1.
- Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.
- Семенова А.П. Погребальные памятники срубной культуры // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000. С. 152-208.
- Семенова И.В., Максимов Е.К., Ерина Е.М. Археолог из Покровска: (к 100-летию со дня рожд. П.Д. Рау) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997. Ч. 2. С. 5-30.
- Сергацков И.В. Курганы у хутора Вробцовка // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4. С. 69-77.
- Сергеева О.В. Характеристика керамики срубно-абашевских поселений Саратовского Правобережья. // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Саратов, 1991. С. 39-46.
- Сергеева О.В. Постройки эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья как источник социологических реконструкций // Актуальные проблемы истории, археологии, этнографии: известия Самарского науч. центра РАН: спец. выпуск. Самара, 2006. С. 321-325.

Сергеева О.В., Хоркин Д.А. Охранные археологические исследования Саратовского областного центра дополнительного образования «Поиск» в 1998–2000 гг. // Археологическое наследие Саратовского края: охрана и исследование в 1998–2000 годах. Саратов, 2001. Вып. 4. С. 86–107.

Синицын И.В. Отчет об археологических работах, произведенных в Саратовской области летом 1945-го года // Научный архив СОМК. 1945. Ф. Р-1.

Синицын И.В. Памятники предскифской эпохи в степях Нижнего Поволжья // СА. 1948. Вып. X. С. 143–160.

Синицын И.В. Археологические исследования Заволжского отряда (1951 – 1953 гг.) // Памятники Нижнего Поволжья. 1959. Т. I. МИА. № 60. С. 39–205.

Синицын И.В., Фисенко В.А. Поселение срубной культуры Гуселка-II в окрестностях Саратова // АМА. Саратов, 1961. Вып. 1. С. 12–28.

Синюк А.Т. О соотношении памятников покровского типа и доно-волжской абашевской культуры // Проблемы культур начального этапа эпохи бронзы Волго-Уралья: тез. вторых Рыковских чтений. Саратов, 1991. С. 46–48.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж, 1996.

Смирнов К.Ф., Кузьмина Е.Е. Происхождение индоиранцев в свете новейших археологических открытий. М., 1977.

Слонов В.А. Методы формализованной классификации массовых археологических объектов: автореф. дис. ... канд. ист. н. М., 1995.

Спицын А.А. Саратовские стоянки медного века // Труды об-ва ИСТАР-ХЭТ при СГУ. Саратов, 1923. Вып. 34, ч. 1. С. 32–38.

Ткачев В.В., Хаванский А.И. Керамика синташтинской культуры. Орск-Самара, 2006.

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы: (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 71–82.

Усачук А.Н., Литвиненко Р.А. Костяные орудия прядения и ткачества на Синташте // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003. С. 163–166.

Физико-географические районы Нижнего Поволжья. Саратов, 1961.

Фисенко В.А. Племена ямной культуры юго-востока: учеб. пособ. СГУ. 1970.

Формозов А.А. Каменный век и энеолит Прикубанья. М., 1965.

Халиков А.Х. Поволжье в покровское время // АВЕС. Саратов, 1989. С. 56–82.

Халиков А.Х., В.А. Городцов и археология Поволжья // Проблемы изучения древних культур Евразии. М., 1991. С. 199–207.

Халиков А.Х., Лебединская Г.В., Герасимова М.М. Пепкинский курган // Труды Марийской археологической экспедиции. Йошкар-Ола, 1966. Т. 3.

Халиков А.Х., Пряхин А.Д. Абашевская культура // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы СССР. М., 1987. С. 124–131.

Хреков А.А. Абашевские памятники в бассейне р. Хопра. // Археологические памятники на Европейской территории СССР. Воронеж, 1985. С. 94–102.

Цимиданов В.В. Доно-волжская абашевская культура и памятники покровского типа: к проблеме соотношения // Древности Евразии: от ранней

бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. М., 2005. С. 66–81.

Черленок Е.А. Погребальный обряд начальной поры эпохи поздней бронзы Волго-Уральского региона: автореф. дис. ... канд. ист. н. СПб., 2003.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // МИА. М., 1970. № 170.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983. С. 81–99.

Черных Е.Н. Каргалы. М., 2007. Т. V: Каргалы: феномен и парадоксы развития.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия северной Евразии. М., 1989.

Четвериков С.И. Отчет об археологических разведках в Хвалынском районе Саратовской области за 1980 год // Архив научно-исследовательской археологической лаборатории СГУ.

Четвериков С.И. Отчет об археологических исследованиях в Хвалынском и Саратовском районах Саратовской области в 1981 году // Архив научно-исследовательской археологической лаборатории СГУ.

Чигуряева А.А. Растительность Заволжья эпохи бронзы // МИА. М., 1960. № 78. С. 232–234.

Чигуряева А.А., Терешкова Т.В. Растительность юго-востока Европейской части СССР эпохи бронзы и железа // АВЕС. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 88–94.

Шарафутдинова Э.С. Памятники покровского типа в Нижнем Подонье // Новые открытия и методические основы археологической хронологии: тез. докл.: археологические изыскания. СПб., 1992. Вып. 4. С. 87–90.

Шарафутдинова Э.С. К вопросу о связи погребений покровского культурного типа и срубной культуры // Чтения, посвящен. 100-летию деятельности в Государственном Историческом музее В.А. Городцова: тез. конф. М., 2003. С. 125–126.

Шилов В.П. Очерки по истории древних племен Нижнего Поволжья. Л., 1975.

Шишкин П.Н. Курганы на общественном выгоне г. Покровска. // Тр. Об-ва ИСТАРХЭТ. Саратов, 1923. Вып. 34, ч. 1. С. 25–26.

Юдин А.А., Матюхин А.Д., Захариков А.П., Касанкин Г.И. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное и проблемы формирования срубной культуры Нижнего Поволжья // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1. С. 119–139.

Юдин А.А., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006.

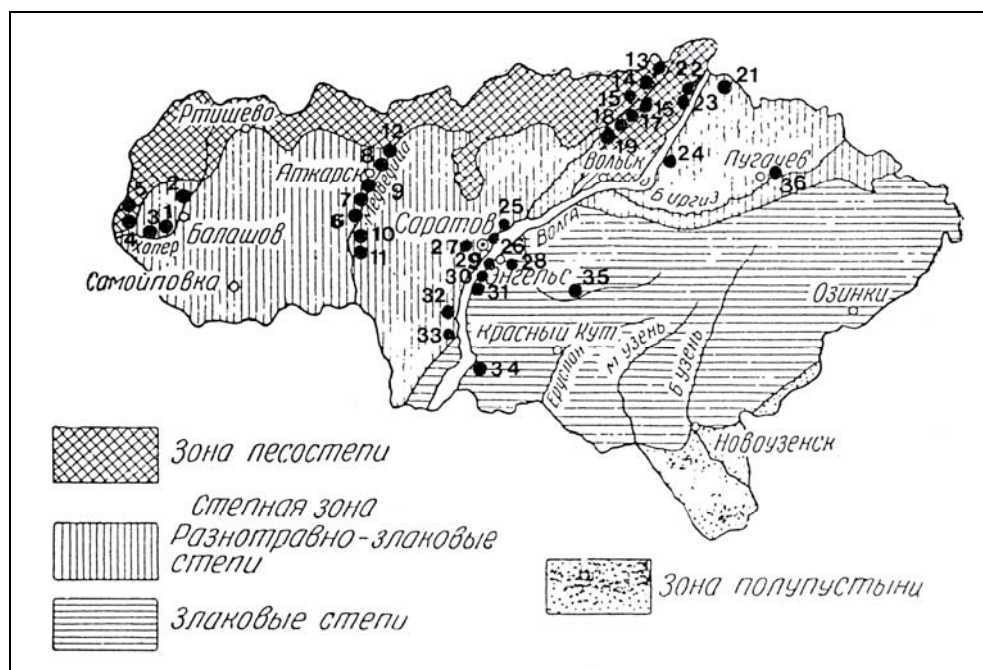

Рис. 1. Нижневолжские поселения срубной культурно-исторической области с керамикой покровской археологической культуры. 1 - Алмазово; 2 - Пады; 3 - Лесное; 4 - Подгорное; 5 - Романовка; 6, 7 - Верхняя Красавка; 8, 9 - Нижняя Красавка; 10, 11 - Красноармейское; 12 - Николаевка; 13 - Хмельное-IV; 14 - Барановское-I; 15 - Елховка-I; 16, 17 - Клоевка-IV, XI; 18, 19 - Новая Покровка-I, II; 21 - Дубовое; 22 - Старая Яблонька; 23 - Алексеевка-III; 24 - Натальино-V; 25 - Пристанное; 26 - Гуселка-II; 27 - Вишневое; 28 - Трумбичкое-I; 29, 30 - Вихляный Овраг-I, II; 31 - Подгорное; 32 - Сады; 33 - Мартышкино; 34 - Скатовка; 35 - Крутоярровка; 36 - Преображенка-I.

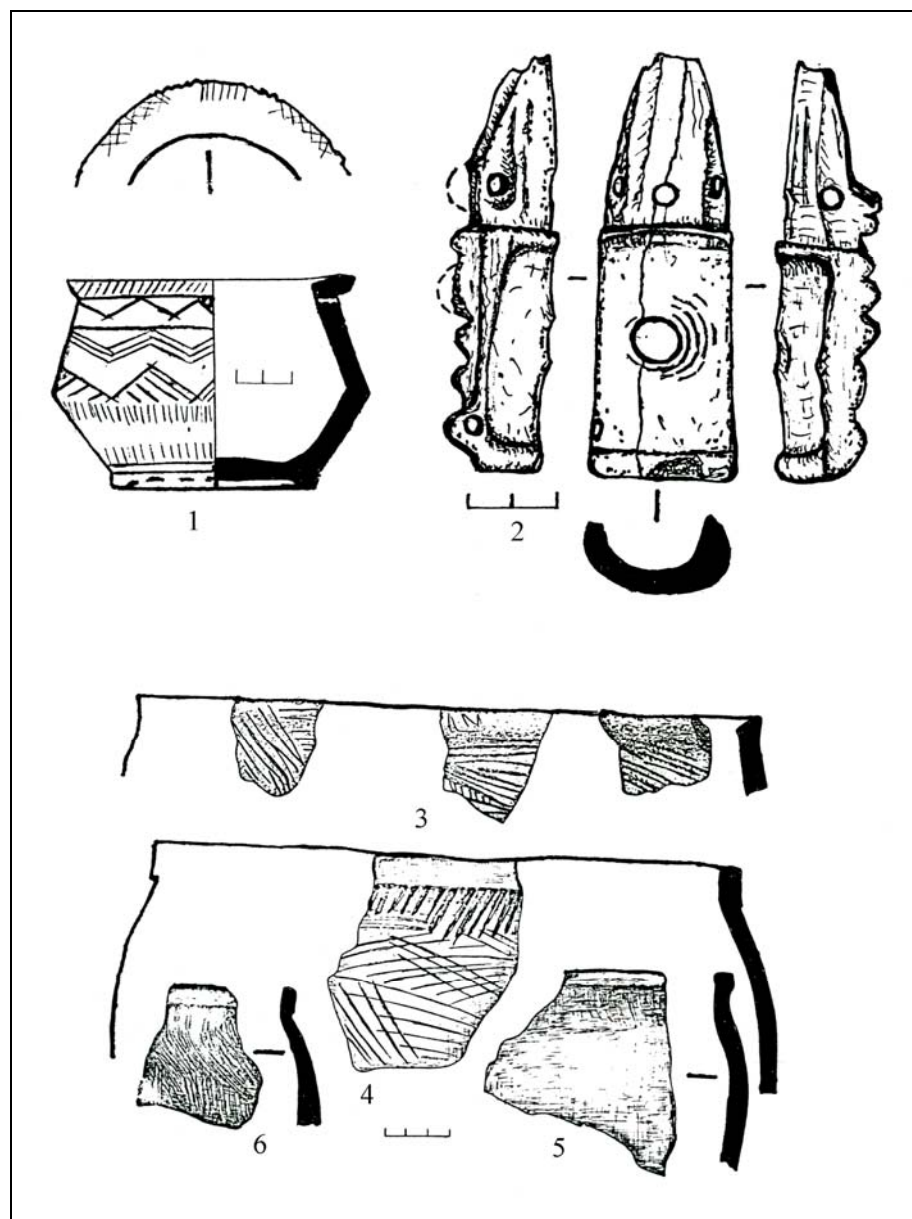

Рис. 2. Находки с селищ Гуселка-II (2, 6), Натальино-V (3),
Нижняя Красавка (4, 5) и из окрестностей с. Новая Покровка (1).
2 - кость, остальное - керамика.

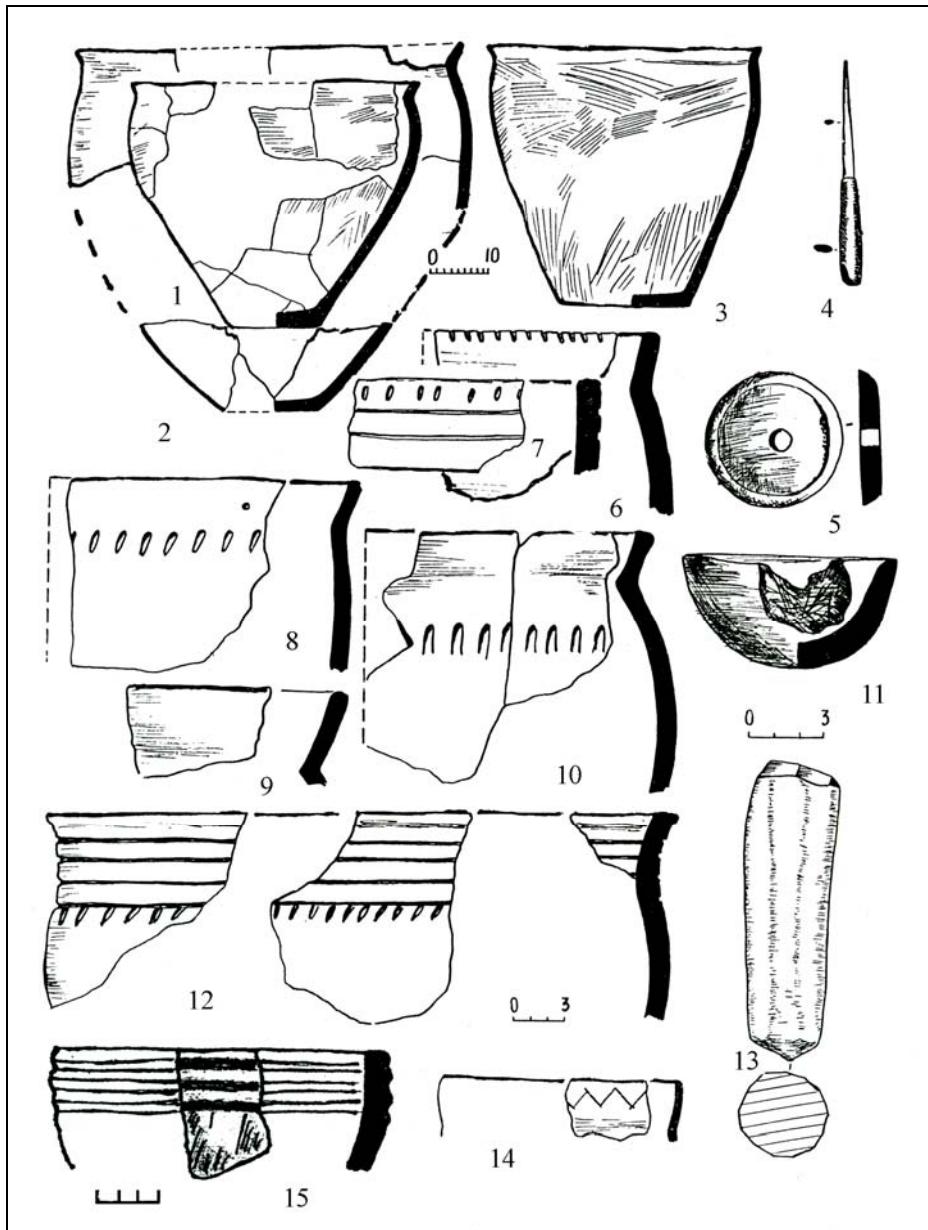

Рис. 3. Находки с селищ Красноармейское (15) и Вишневое (по И.И. Дремову).
4, 5, 13, - кость, остальное - керамика.

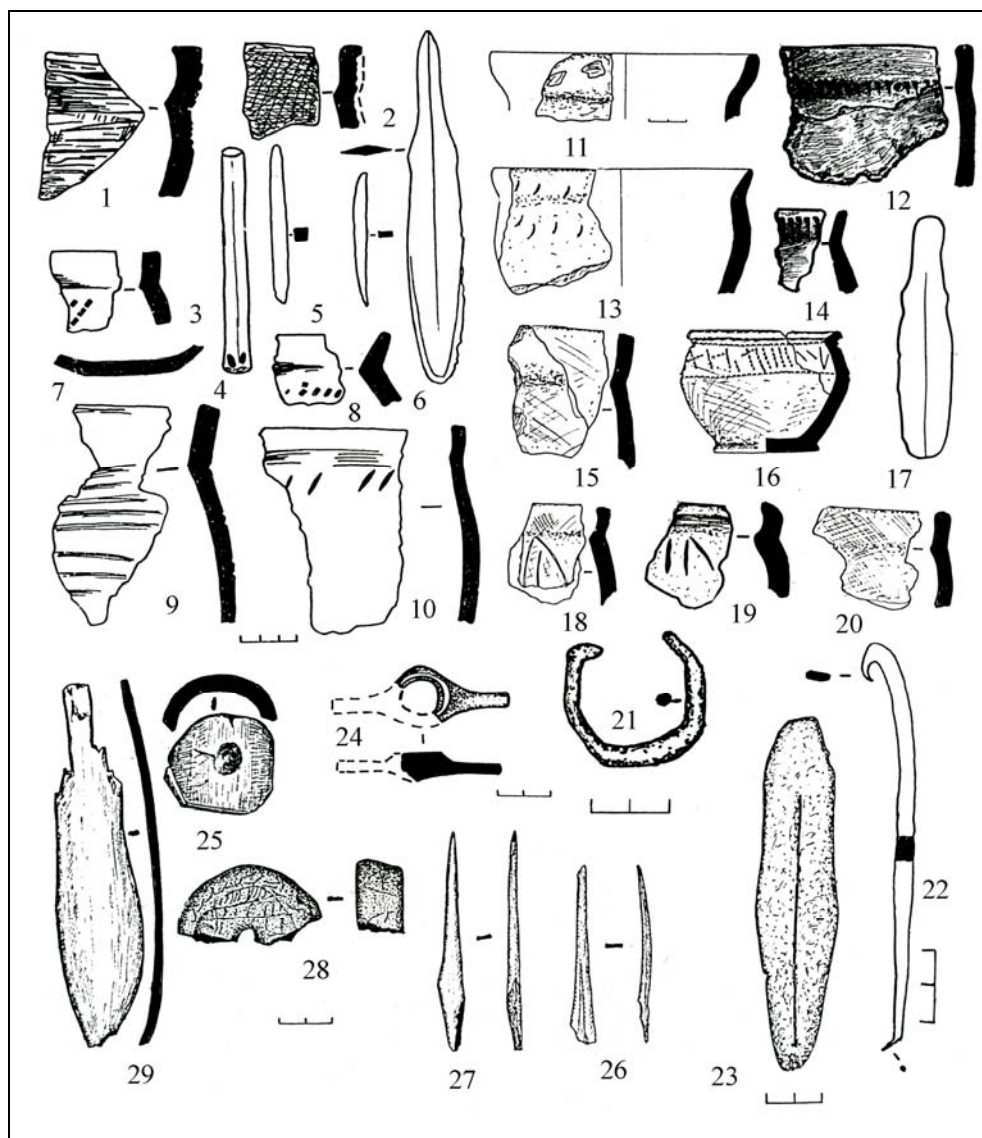

Рис. 4. Находки с селищ Новая Покровка-I (1-10), Хмельное-IV (11-21),
 Новая Покровка-II (22), Нижняя Красавка (23), Барановский (24),
 Сады (25-29): 4, 24-27, 29 - кость;
 5, 6, 11, 17, 21-23 - бронза, остальное - керамика.

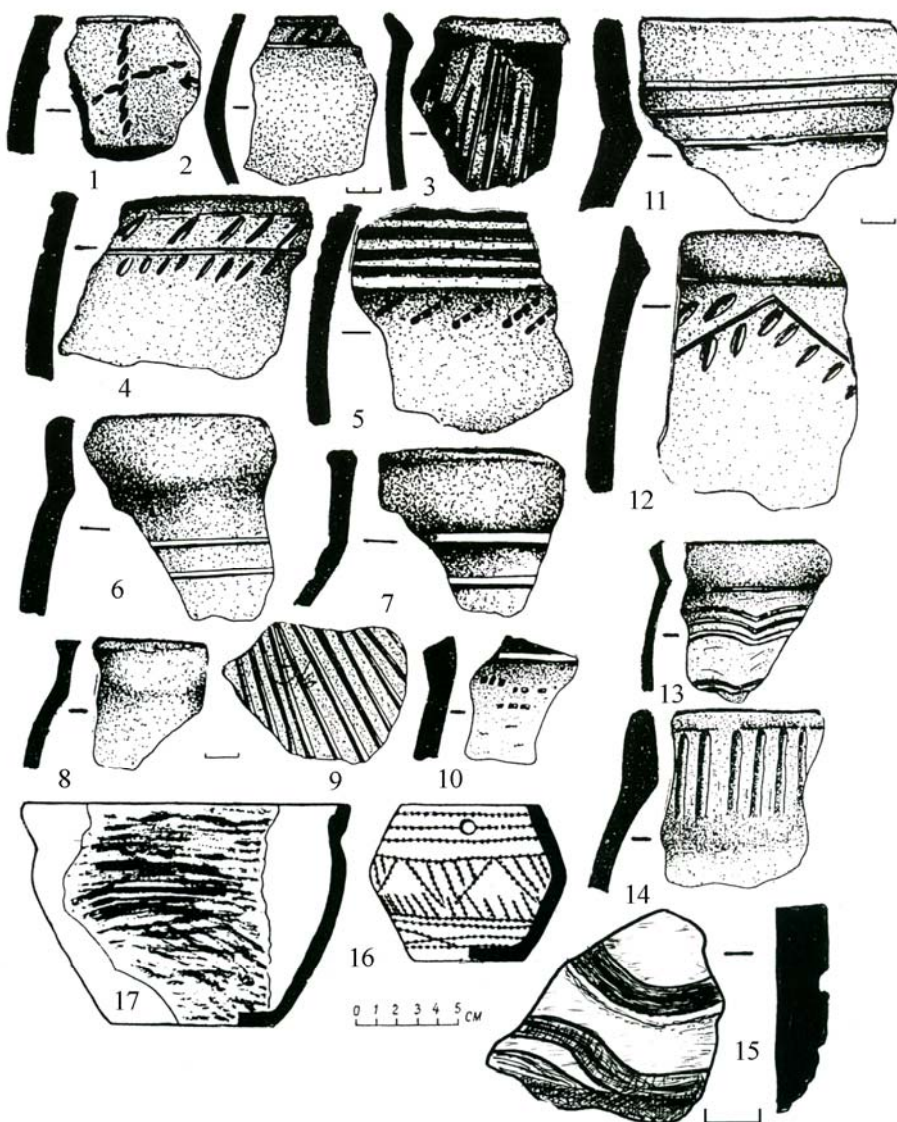

Рис. 5. Керамика с поселений на р. Хопер (1-14 по А.А. Хрекову), р. Стерех (16-17 по Е.К. Максимову) и р. Медведица (15); 1-8 - Алмазово; 9-10 - Лесное; 11-13 Пады; 14 - Подгорное; 16-17 - Дубовое; 15-Нижняя Красавка (1).

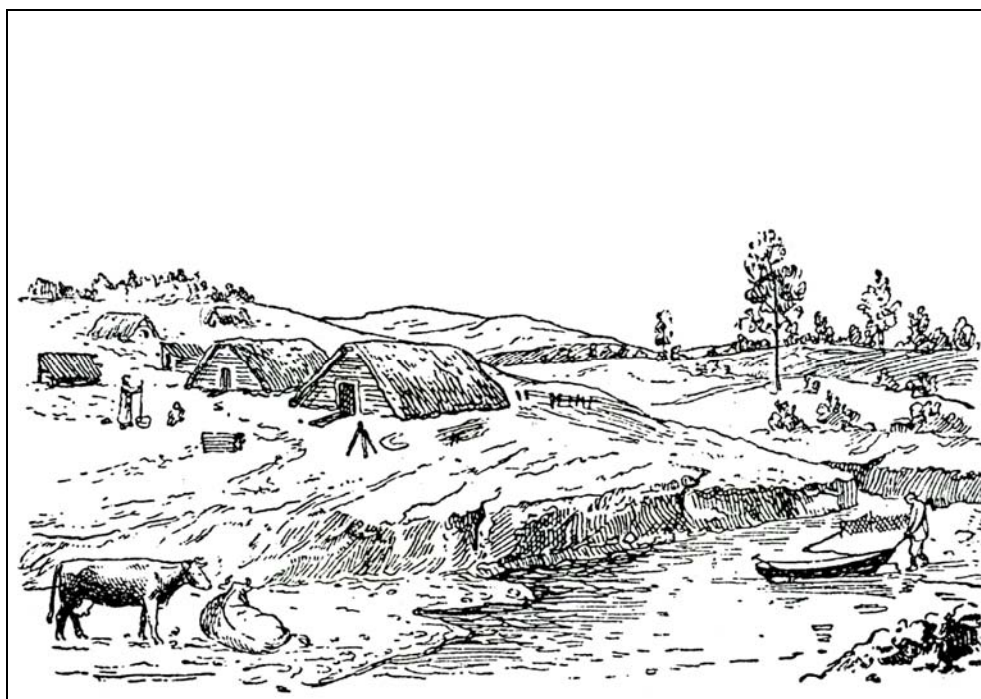

Рис 6. Поселок у Аткарска 3 тысячи лет тому назад.
(Реконструирован Н.К. Арзютовым, по находкам на селище
близ с. Н. Красавка на р. Медведице).

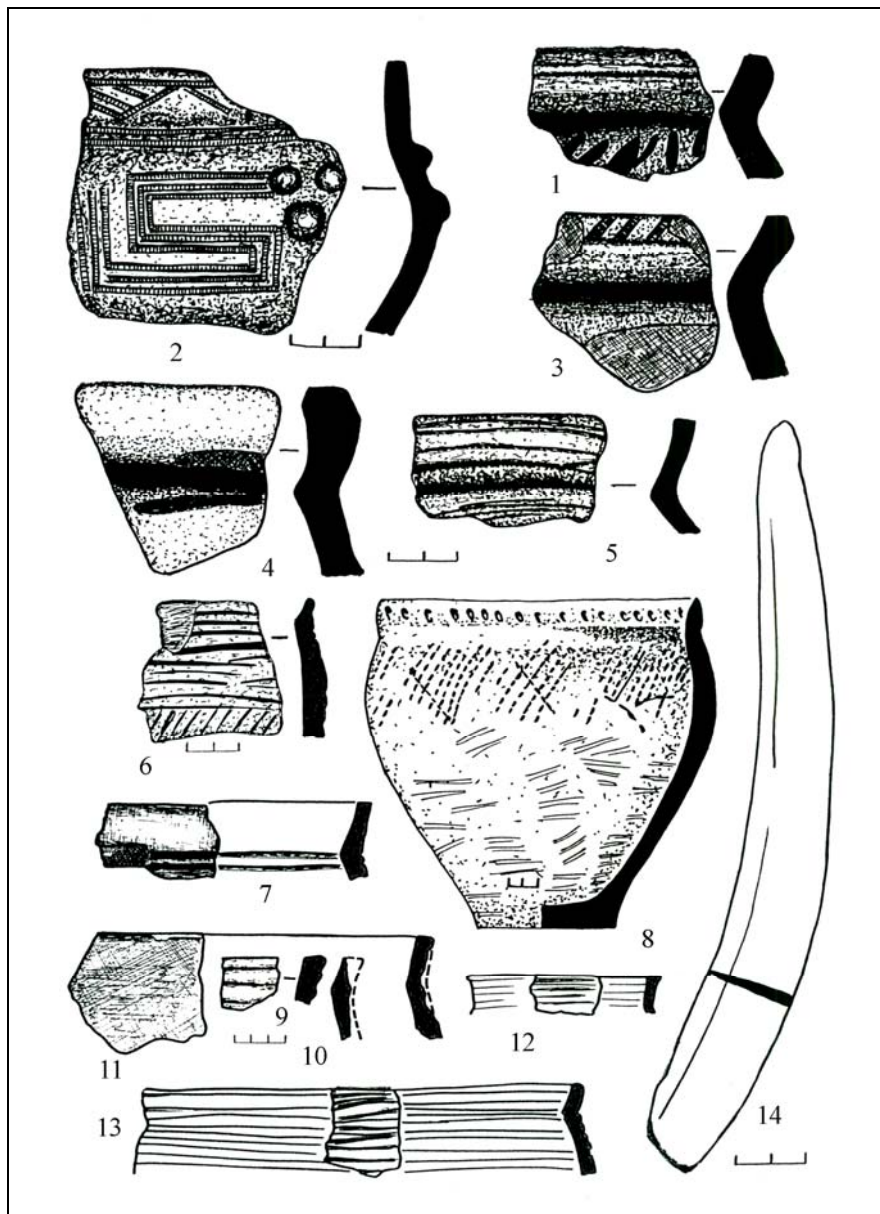

Рис. 7. Керамика и бронзовый серп (14) с поселений и из погребения (8).
 1, 3 - Пристанное; 2 - Ивановка («Ближняя Ростощь»); 4 - Нижняя Красавка-П;
 5 - Гуселка-П; 6 - Столы; 7 - Верхняя Красавка (дюна); 8 - Быково-І, к. 1 п. 1;
 9 - Клюевка-ХІ; 10-13 - Новая Покровка-П; 14 - Новая Покровка-І.

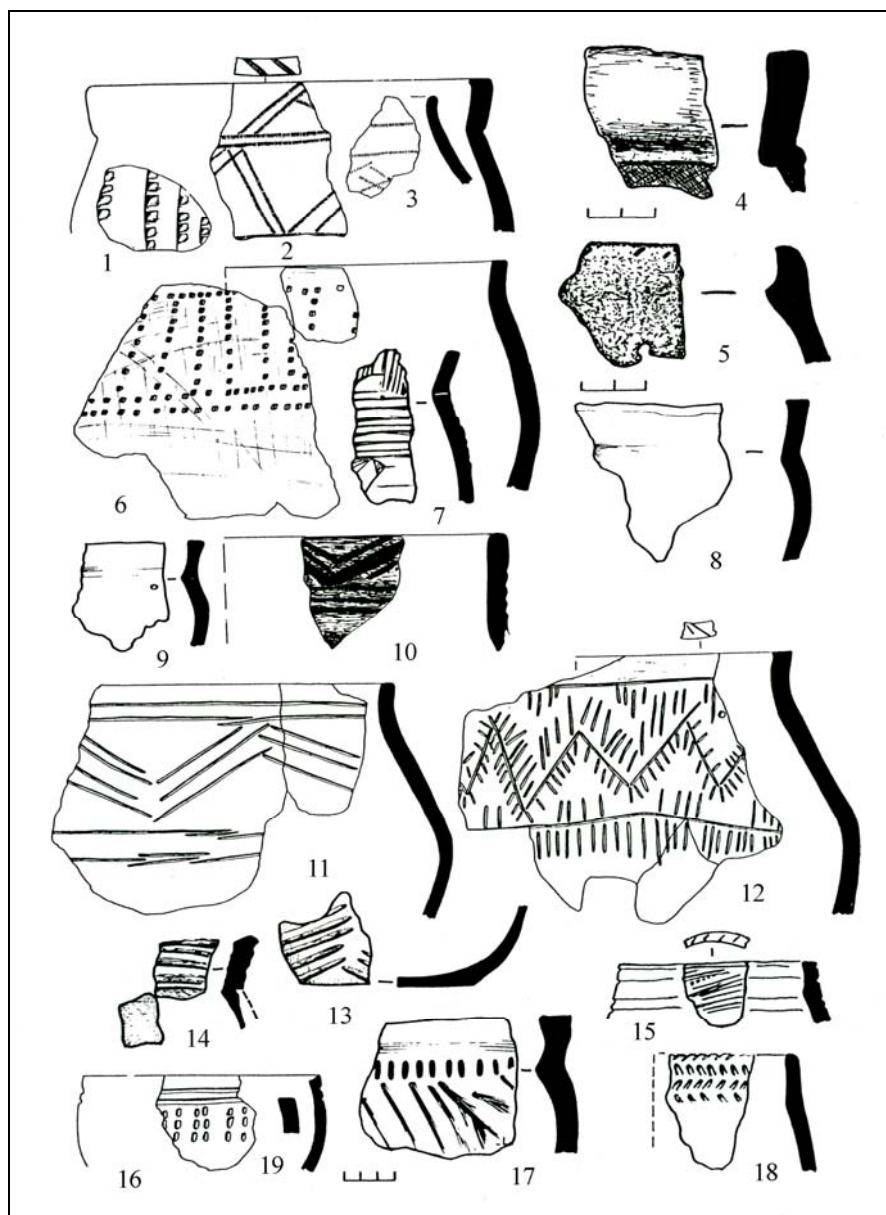

Рис. 8. Псковская керамика с поселений. 1-3, 6, 10-12, 16, 19 - «Сады»;
 4 - Ключевка-IV; 5 - Барановское; 7, 9, 13, 17 - Новая Покровка-II; 8 - Нижняя Красавка;
 14 - Ключевка-XI; 15 - Пристанное; 18 - Вишнеево.

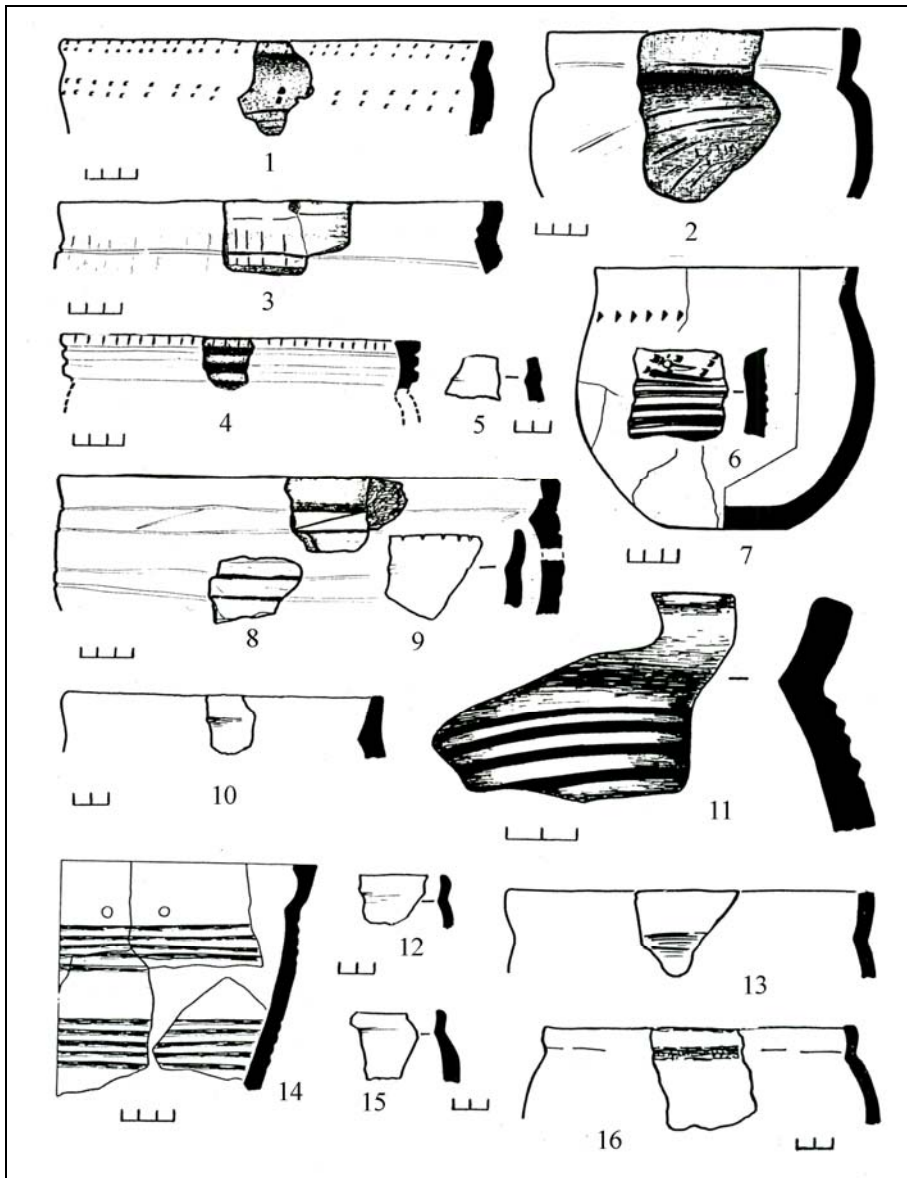

Рис. 9. Покровская керамика с поселений. 1 - Натальино-V;
 2, 4 - Верхняя Красавка (селище); 3, 6, 8, 9 - Новая Покровка-II; 5 - Нижняя Красавка;
 7, 14 - Новая Покровка-I; 10 - Пристанное; 11 - Николаевское; 12 - Барановское;
 13 - Красавская дюна; 15 - МОС-I; 16 - Красноармеец.

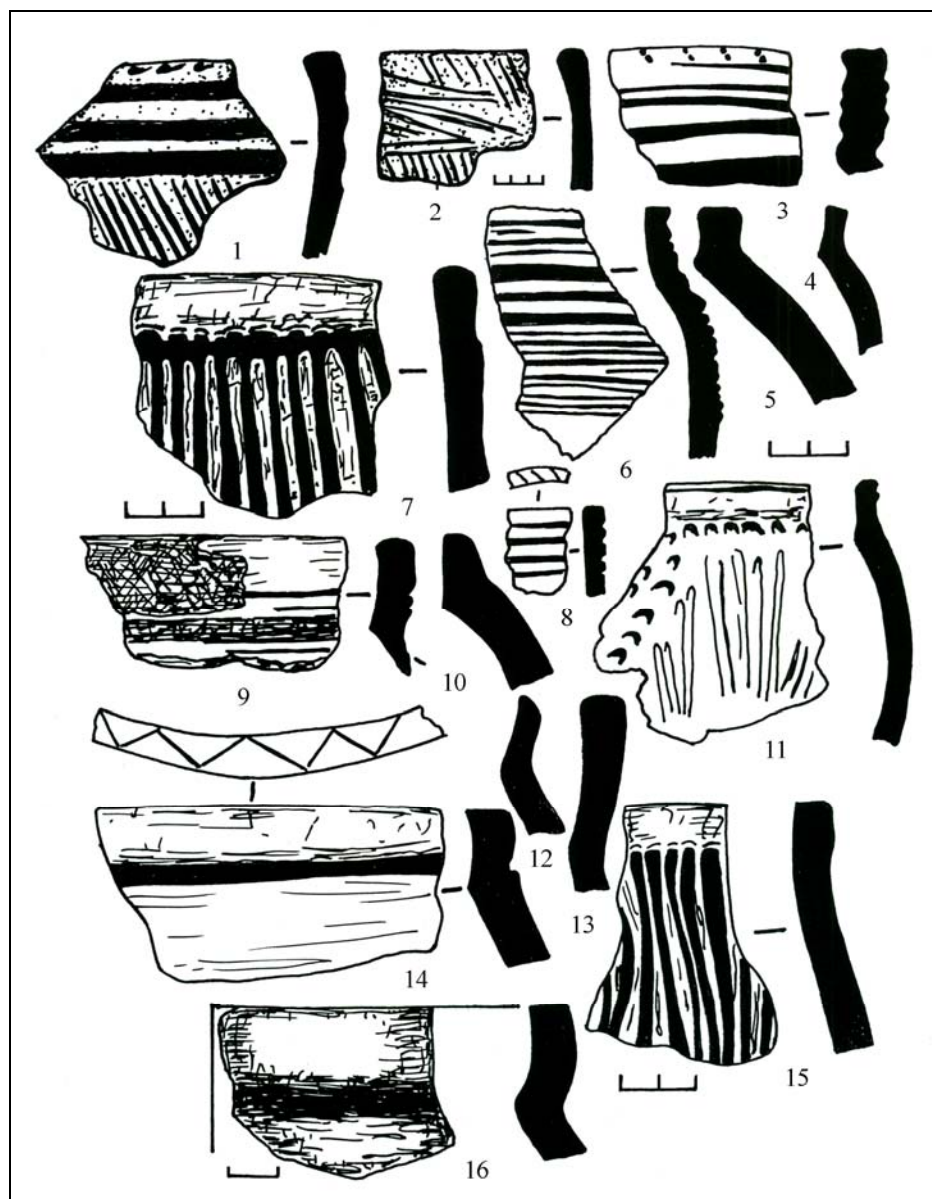

Рис. 10. Покровская керамика с поселений. 1, 6 - Мартышкино; 2, 3, 12, 13 - «Сады»; 4, 11 - Новая Покровка-Ш; 5, 10, 14 - Гуселка-Ш; 7 - Натальино-V; 8 - Подгорное; 9, 15 - Верхняя Красавка (селище); 16 - Вертуновка.

Жемков А.И., Лопатин В.А.

КУРГАНЫ МАЛОГО КАРАМАНА
(ПО МАТЕРИАЛАМ РАСКОПОК 1983 ГОДА)¹

Летом 1983 года археологическая экспедиция Саратовского государственного университета проводила охранные исследования в среднем течении р. Малый Караман, в окрестностях сел Чапаевка и Караман Марковского района Саратовской области (рис. 1, 1 - А,Б).

Данная местность относится к обширной заволжской степной провинции, граничащей на севере с лесостепью, а на юге – с аридной областью прикаспийской полупустыни [Мильков Ф.Н., 1974. С. 22–24]. Относительно широтной изменчивости ландшафта, плавно повышающегося в восточном направлении от низменного террасового Заволжья к Общему сырту и далее к Предуральскому плато, прежде всего, отметим промежуточное положение нашего района на стыке первичной террасы и сырта. Интересно также, что здесь наблюдаются признаки древних останцов правого берега Волги, из которых наиболее заметно крупнейшее поднятие этого массива «Три Мара». Между Большим и Малым Караманами лежит узкий клин сырта с абсолютными отметками 90, 100 м. Климат резко континентальный, средняя температура опускается до 15 градусов, за год выпадает не более 300–350 мм атмосферных осадков, наблюдается частая повторяемость засух.

Реки, протекающие с востока на запад через интересующую нас территорию, Большой и Малый Караманы, принадлежат волжской речной системе. Прежде они сливались в пределах волжской поймы, а теперь, подтопленные в устьях, отдельно впадают в Волгоградское водохранилище. Равнинный характер заволжской степи определяет медленное течение рек, а в летнее время, со спадом уровня воды, – частичное застаивание и перерастание русел. Это очень характерно для Малого Карамана, где глубокие и отно-

¹ Работы 1983 года на Малом Карамане выполнялись в соответствии с хоздоговором между НИИАЛ СГУ и институтом «Ленгипроводхоз» по теме «Исследование археологических памятников в зоне строительства Приволжской оросительной системы (северный массив)». Некоторые материалы исследований 1982–1983 годов (два кургана могильника «Калмыцкая Гора», срубные погребения Чапаевского и Караманского могильников, курган на землях свх. «Орошаемый» и поселения срубной культуры «Чапаевка 2» и «Чапаевка 3») частично опубликованы в САИ – В1-10 «Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье». Саратов, 1993. В предлагаемой статье материалы курганов из раскопок 1983 года публикуются полностью.

сительно широкие омуты постоянно чередуются с узкими мелями, заросшими камышом, осокой и рогозом. Отметим также крайнюю скудность лесных ресурсов нашего района. Тополь, ива, лох серебристый (дикая маслина) произрастают отдельными небольшими колками в речной пойме и неглубоких балках.

По характеру растительности – это южный вариант степи, где преобладают типчак и ковыль мелкий (из злаков), а также полыни (из разнотравья). Почва в степи не сплошь покрыта растениями, между ними остаются промежутки, занятые мхами и лишайниками, причем, с продвижением к югу разреженное стояние трав выражено еще сильнее [Фурсаев А.Д., 1930. С. 2–6].

В настоящее время большая часть водораздельных пространств распахана под сельхозугодья. Это, безусловно, зона рискованного земледелия, поэтому в 70–80 гг. прошлого столетия государство предприняло попытку оптимизации отрасли за счет сплошного орошения засушливого Заволжья. Но исторически степь определяла формирующиеся здесь хозяйственно-культурные типы исключительно как скотоводческие, что достоверно подтверждается материалами практически всех исследуемых в Заволжье археологических культур.

Курганная группа у с. Чапаевка располагалась на второй надпойменной террасе реки, на удалении 0,6 км от ее левого берега, на пастбищном участке, в 0,5 км южнее окраины села. С юго-запада на северо-восток по территории памятника накатана грунтовая дорога. В группе насчитывалось шесть курганов, которые кучевым скоплением компактно группировались на площади 140 x 100 м (рис. 1, 2). Очевидно, курганы некогда подвергались распашке, но все насыпи хорошо заметны на дневной поверхности, имеют округлые в плане и полусферические в профиле формы. К моменту раскопок внешняя поверхность памятника была плотно задернована и покрыта мелкой типчаково-польной растительностью. Исследованы все шесть насыпей могильника, причем, при их сносе использовался как механизированный, так и ручной труд.

Курган 1, самый южный в группе, раскапывался вручную, с оставлением двух взаимоперпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света. Диаметр насыпи 9 м, высота над дневной поверхностью 0,36 м. Стратиграфия: гумус (рыхлый, темно-серый грунт) – 0,1 м, насыпь (рыхлый, серо-коричневый, суглинистый грунт с пестрыми прослоями нор землероев) – 0,4 м, погребенная почва (плотный, темно-серый грунт с затеками светлых карбонатов) – 0,15 м, материк (вязкая, светло-коричневая глина с множеством нор мелких грызунов)².

Во время снятия насыпи в юго-восточном секторе, на расстоянии 3,5 м от условного центра, был найден фрагмент лепного сосуда с налепным, овальным в сечении, валиком, украшенным чеканной горизонтальной «елочкой» (рис. 1, 3). В центре подкурганного пространства, на материке, выявлено аморфное пятно с пестрым суглинистым заполнением. При выборке полости

² Во всех исследованных курганах литологические показатели стратиграфии абсолютно одинаковы, поэтому при описании последующих насыпей указываются только параметры. Очевидно, именно нахождением курганов на старопахотных землях объясняется перемешанный характер насыпей и отсутствие материковых выкидов из могил.

углубления обнаружены три разрозненные фаланги стопы взрослого человека, очертания и уровень дна могилы не фиксировались.

Очевидно, курган содержал погребение финального этапа эпохи поздней бронзы, полностью уничтоженное сурчиным перекопом.

Курган 2 расположен в 40 м к северо-западу от кургана 1. Его диаметр 10 м, высота над дневной поверхностью 14 см (рис. 1, 4). Насыпь снималась вручную, по секторам, оставлены две перпендикулярные бровки, ориентированные по сторонам света. Стратиграфия: гумус – 0,1 м, насыпь – 0,3 м, погребенная почва – 0,08 м. В кургане выявлены два погребения.

Погребение 2.1 обнаружено в юго-восточной поле насыпи. Грунтовая яма овальной формы, ориентированная с ЮЮЗ на ССВ, содержала детское захоронение, скорченное на правом боку и ориентированное головой к северу, а лицевым отделом черепа – на запад (рис. 1, 5). Ноги резко подогнуты в коленях, пятки у таза, руки согнуты в локтях и притянуты к груди, кисти у подбородка. На левой височной стороне черепа заметно охристое пятно. Дно могильной ямы, вероятно, было посыпано мелом.

Между затылочной частью черепа и восточной стенкой могилы лежали две путовые кости лошади. Здесь же, завалившись устьем на погребенного, лежал баночный лепной сосуд темно-серого цвета (рис. 1, 6). Он имеет средние пропорции, закрытую форму, максимальное расширение в верхней четверти общей высоты. Сосуд не орнаментирован, внешняя поверхность грубо заглажена, в примеси – песок и шамот. Диаметр устья 13,6 см, наибольшее расширение тулова 14,4 см, диаметр днища 9 см, высота сосуда 12 см.

Второй сосуд – слабопрофилированный горшок вертикальных пропорций – лежал перед умершим, завалившись устьем на локтевое сочленение. У него плоское устойчивое днище и характерная тюльпановидная форма (рис. 1, 7). Сосуд не орнаментирован, внешняя поверхность шершавая, небрежно сглаженная, в примеси заметны песок и шамот. Диаметр устья 13,7 см, максимальное расширение тулова 13,4 см, диаметр днища 7 см, общая высота сосуда 15,4 см.

Захоронение отнесено к позднесрубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 2.2 (основное) – прямоугольная грунтовая могила, ориентированная с юго-запада на северо-восток, зафиксирована в юго-западном секторе, в 1,2 м от условного центра насыпи. Северо-западная продольная стенка ямы оборудована ступенькой, ширина которой составляет 0,55 м. На уровне ступеньки (0,9 м от 0г) в заполнении могилы прослежены незначительные остатки поперечных деревянных плах.

На песчаном дне погребальной камеры, ширина которой составила 1,6 м, расчищено парное захоронение (рис. 1, 17). Скелет взрослого человека лежал около СЗ стены (у ступеньки), скорченно на спине, черепом к северо-востоку. Череп завалился подбородком на грудь, и это позволяет предположить, что в момент захоронения под голову умершего было что-то подложено. Руки протянуты вдоль туловища, правая кисть лежала на бедре, левая – под тазобедренным сочленением. Ноги, подогнутые под острым углом и первоначально стоявшие коленями вверх, завалились вправо, в северо-западную сторону. Коленные сочленения возвышались над дном могилы на 22 см, сведенные вместе стопы почти вплотную притянуты к тазу. Череп, таз и стопы

обильно окрашены красной охрой. Под костями прослежен серый волокнистый тлен, очевидно, от камышовой подстилки.

Скелет молодого человека лежал скорченно на спине, около юго-восточной стенки могилы. Череп раздавлен, ноги, подогнутые в коленях вертикально, завалились влево, к юго-востоку. Ноги, череп и таз окрашены. Руки, согнутые в локтях, кистями сведены вместе, на животе. У ног второго умершего обнаружены шесть костяных подвесок фаллических форм (рис. 1, 8–15), а на височном отделе черепа лежала бусина, изготовленная, очевидно, из птичьей кости (рис. 1, 16).

Основное погребение второго кургана отнесено к ямной культуре эпохи ранней бронзы.

Курган 3 расположен на северо-восточной окраине группы, в 80 м от кургана 2. Земляная насыпь овальной формы, высотой 0,5 м и размерами 27 x 22 м, была заметно растянута с юга на север (рис. 2, 1). Насыпной грунт убран при помощи бульдозера, с оставлением осевой меридиональной бровки. Стратиграфия: гумус – 0,1 м, насыпь – 0,4 м, погребенная почва – 0,15 м. В кургане обнаружено 7 погребений.

Погребение 3.1 обнаружено в юго-западном секторе, на расстоянии 6,6 м от условного центра кургана, в грунтовой яме подтреугольной формы, расчищены остатки детского захоронения (рис. 2, 2). Сохранились лишь несколько фрагментов черепа, судя по положению которого, ребенок лежал на левом боку, головой к северу. Перед лицевой частью черепа стоял сосуд, сохранившийся в виде неполного развала. Горшок приземистых пропорций имеет колоколовидную форму, внутреннее ребро и толченую раковину в примеси (рис. 2, 3). Внешняя поверхность горизонтально заштрихована. Днище горшка несколько вогнуто внутрь. Диаметр устья 16,2 см, шейки 15 см, максимальное расширение тулова 15,4 см, диаметр днища 10,8 см, высота горшка 12,6 см. Здесь же был найден фрагмент баночного прямостенного сосуда, также с примесью толченой раковины в тесте, диаметр плоско срезанного устья которого составлял примерно 13 см (рис. 2, 4).

Погребение отнесено к кругу памятников покровского типа.

Погребение 3.2 представляет собой часть скелета взрослого человека – позвоночник с ребрами в естественном сочленении и шейным отделом (рис. 2, 5). Череп помещался в западной части блока, ориентированного длинной стороной с востока на запад. Пакет зафиксирован в центральной части кургана, в насыпи, на расстоянии 1,5 м к юго-западу от условного центра. Под позвоночником расчищены стопы в естественном сочленении. Вещей нет.

Погребение отнесено к эпохе средней бронзы.

Погребение 3.3 – также неполный скелет взрослого человека в виде подогнутых в коленях ног, части таза в естественном тазобедренном сочленении, с нижним отделом позвоночника – зафиксировано в насыпи кургана, в юго-восточном секторе, на расстоянии 3 м от условного центра насыпи (рис. 2, 6). Колени обращены к востоку. Вещей нет.

Погребение отнесено к эпохе средней бронзы.

Погребение 3.4 – остатки детского захоронения – несколько фрагментов черепа, обнаруженные возле коленных сочленений погребения 3, на такой

же глубине. Судя по их положению, ребенок лежал на левом боку, головой к северо-западу. Погребальный инвентарь отсутствует.

Погребение отнесено к эпохе средней бронзы.

Погребение 3.5. Грунтовая яма овальной формы, ориентированная по линии восток-запад, обнаружена в юго-западном секторе, на расстоянии 2,6 м от условного центра насыпи. Около южного края ямы зафиксирован обломок продольной плахи, вероятно, от перекрытия. В процессе выборки могильного заполнения, на разной глубине встречались разрозненные кости взрослого человека. Погребение полностью разрушено грызунами. Вещей нет.

Погребение 3.6. Грунтовая яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентированная по линии СВ-ЮЗ, была обнаружена в центральной части кургана. Большой своей частью она перекрывала основное погребение 8 (рис. 2, 7А). Частично сохранившееся захоронение взрослого человека (уцелели в естественном сочленении кости ног и одной руки, часть таза с нижним отделом позвоночника), погребенного головой к северо-востоку, было расчищено на глубине 0,83 м от 0г, в створе основной могилы № 8. По положению сохранившихся костей очевидно, что умерший лежал скорченно на левом боку с сильно подогнутыми в коленях ногами, руки были протянуты кистями к коленям. Возле коленных сочленений найдена пронизка из поперечного спиала трубчатой кости МРС (рис. 2, 8).

Погребение отнесено к концу эпохи средней бронзы.

Погребение 3.7. Грунтовая яма подпрямоугольной формы с закругленными углами, ориентированная с ЮЮЗ на ССВ, была обнаружена в северо-восточном секторе, в 2 м от условного центра насыпи. Здесь расчищен скелет взрослого человека, погребенного скорченно на левом боку, головой к ССВ. Ноги подогнуты в коленях, стопы притянуты к тазу, руки согнуты в локтях, кисти – перед лицевым отделом черепа. Погребенный лежал в центре могилы, на слабой меловой подсыпке. Вещей нет.

Погребение отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 3.8 (основное) находилось в центре подкурганного пространства, в овальной яме, ориентированной с запада на восток. На дне могилы расчищен скелет взрослого человека, погребенного скорченно на левом боку, головой к востоку. Ноги подогнуты в коленях под острым углом. Руки протянуты к коленям, причем правая вывернута локтем вперед (рис. 2, 7Б).

На костях и вокруг скелета – обильная посыпка охрой. Местами слой краски достигает толщины 2–3 см, около ног и южной стенки прослежена меловая подсыпка.

За спиной и возле локтей найдены костяные пронизи: 12 из тонких птичьих костей, две, плоские, из ребер МРС и одна, также плоская, самая крупная, занимавшая, очевидно, центральное место в ожерелье, имеет две поперечные нарезки (рис. 2, 11). Пронизи тщательно отполированы.

Около восточной стенки стоял лепной сосуд светло-коричневого цвета с высоким прямым венчиком и округленным плечом (рис. 2, 10). От плечиков до днища горшок орнаментирован чеканным елочным узором. Диаметр устья 12 см, наибольшее расширение тулова 13,5 см, диаметр днища 8 см, общая высота сосуда 10,4 см. Рядом с сосудом найден бараний альчик.

Между черепом погребенного и северной стенкой могилы расчищен развал крупного округлобокого сосуда темно-серого цвета, в котором поме-

щались кости ног МРС. Чеканный елочный орнамент нанесен двумя зонами - по плечу и около днища, обрез устья покрыт частыми защипами (рис. 2, 9). Диаметр устья 20,6 см, максимальное расширение тулова 21 см, диаметр днища 9 см, общая высота сосуда 16,6 см. Погребение отнесено к эпохе средней бронзы.

Курган был возведен в среднем бронзовом веке над основным захоронением № 8. В едином погребальном обряде этот комплекс сопровождали пакеты расчлененных труположений №№ 2 и 3, а также - детское погребение 4. В конце эпохи средней бронзы в курган были впущены погребения № 5 (полностью разрушенное) и № 6 (разрушенное частично), попавшее в створ основной могилы (не исключено также, что это подхоронение к основной могиле). На рубеже средней и поздней бронзы в курган было впущено покровское погребение № 1, а в позднем бронзовом веке - срубное безы Inventарное захоронение № 7.

Курган 4 расположен на северной окраине группы, в 60 м к СЗ от кургана 3 (рис. 1, 2). Округлая в плане, сильно уплощенная насыпь диаметром 16 м и высотой 0,25 м, снималась при помощи бульдозера, с оставлением одной меридиональной бровки (рис. 2, 12). Стратиграфия: гумус - 0,2 м, насыпь - 0,4 м, погребенная почва - 0,2 м. В кургане обнаружено одно погребение.

Погребение 4.1. Округлая могильная яма располагалась в центре подкурганного пространства. При выборке могильного заполнения на разной глубине были встречены разрозненные кости взрослого человека и часть ноги МРС (рис. 2, 13). На дне могилы, около северной стенки, лежали череп и правая плечевая кость. Погребение полностью разрушено грызунами. Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение отнесено к концу эпохи средней бронзы.

Курган 5 расположен на юго-западной окраине группы, в 15 м к западу от кургана 2. Круглая насыпь диаметром 20 м и высотой 0,3 м над современной поверхностью снята при помощи бульдозера, с оставлением одной меридиональной бровки (рис. 2, 14). Стратиграфия: гумус - 0,1 м, насыпь - 0,3 м, погребенная почва - 0,1 м. В кургане обнаружено одно погребение.

Погребение 5.1 располагалось в центре подкурганного пространства. Это подпрямоугольная грунтовая яма, ориентированная длинной стороной с востока на запад (рис. 2, 15). На дне могилы расчищены остатки парного захоронения взрослого человека и ребенка младенческого возраста. Погребение сильно испорчено грызунами. Сохранились лишь нижняя челюсть, шейный отдел позвоночника, ключица, лопатка и кости левой руки взрослого скелета, причем, судя по их расположению в естественном сочленении, умерший лежал лицом и грудью вниз. Зафиксированы только две длинные кости и несколько ребер младенца, который лежал возле северной стенки. Оба умерших были похоронены головами к западу. Вещей в погребении не обнаружено.

Культурно-хронологическое определение комплекса затруднительно. Обращают на себя внимание малые размеры могилы, несоответствующие вытянутому положению взрослого человека. Поэтому уместно предположить, что умершего поместили в нее не просто ничком, лицом вниз, но и с подогнутыми в коленях ногами. Точное положение детского скелета также не установлено. Предположительно захоронение можно отнести к финалу средней

бронзы: по аналогу широтных ориентировок и преобладанию комплексов данного типа в могильнике.

Курган 6 расположен в юго-восточной части могильника, в 26 м восточнее кургана 2. Круглая насыпь диаметром 21 м возвышалась над дневной поверхностью на 0,3 м. Грунт насыпи снят при помощи бульдозера. Для наблюдения за стратиграфией оставлена одна меридиональная бровка шириной 0,5 м (рис. 2, 16). Стратиграфия: гумус – 0,08 м, насыпь – 0,36 м, погребенная почва – 0,1 м. В кургане обнаружено одно захоронение.

Погребение 6.1. Могила овальной формы длинной стороной была ориентирована с юго-запада на северо-восток. На дне ямы, скорченно на левом боку, несколько потревоженный грызунами, головой к северо-востоку и спиной вплотную к северо-западной стенке лежал скелет взрослого человека (рис. 2, 17). Ноги подогнуты под острым углом, руки протянуты вниз, к бедру и коленям. Вещей нет.

Погребение отнесено к концу эпохи средней бронзы.

Курганный могильник возник в эпоху ранней бронзы, вначале как одиночный курган № 2. Следующая насыпь (№ 3) была построена здесь лишь в среднебронзовом веке, а в конце этой эпохи рядом появились сразу три кургана (№№ 4–6), причем, интересно, что на плане, вместе с курганом № 3, они расположились в виде почти правильного четырехугольника, размеры сторон которого составляли 90–115 м (рис. 1, 2). Последняя, небольшая, насыпь была возведена в группе на финальном этапе бронзового века.

Курганная группа у с. Караман расположена на второй надпойменной террасе левого берега р. Малый Караман, на пастбищном участке, в 1,3 км к юго-западу от края села (рис. 3, 1). Три кургана, неровной цепочкой выстроившиеся с юго-востока на северо-запад, занимают небольшой мысовидный выступ террасы, который ограничен с юго-востока пахотным полем и проходящей вдоль него грунтовой дорогой, соединяющей села Чапаевку и Караман. Поверхность террасы покрыта мелкой полевой растительностью. Расстояние между крайними насыпями 53 м. Все курганы раскопаны при помощи землеройной техники.

Курган 1 расположен на юго-восточном краю группы, в 23 м к северо-западу от дороги (рис. 3, 2). Диаметр насыпи 18 м, высота над дневной поверхностью 0,35 м. Грунт снят при помощи скрепера. Для наблюдения за стратиграфией была оставлена одна бровка шириной 0,5 м, ориентированная с юго-востока на северо-запад. Стратиграфия: гумус – 0,1 м, насыпь – 0,4 м, погребенная почва – 0,2 м. В кургане выявлены 3 погребения.

Погребение 1.1 обнаружено в центральной части подкурганного пространства. Узкая, подпрямоугольная грунтовая яма с округленными углами была ориентирована с востока на запад. Погребение полностью разрушено грызунами. В западной половине могилы, на дне были обнаружены лишь три разрозненных ребра скелета подростка. Вещей нет. Предположительно захоронение отнесено к эпохе позднего средневековья.

Погребение 1.2 расположено в центральной части подкурганного пространства. В ситуации прямой стратиграфии оно наложилось на входную шахту основного (подбойного) захоронения № 3, отчего на уровне материка могильное пятно имело неправильные очертания. По мере выборки могильного заполнения, ближе ко дну, яма приобретает правильную прямоуголь-

ную форму с округленными углами, более длинной стороной она ориентирована с юго-запада на северо-восток (рис. 3, 3А).

На дне расчищен скелет взрослого человека, погребенного скорченно на левом боку, в позе адорации, головой к северо-востоку. Ноги согнуты в коленях под острым углом. Руки согнуты в локтях, причем кисть левой руки помещена перед лицевой частью черепа, кисть правой руки – на плечевой кости левой руки.

В северо-восточном углу могилы, завалившись устьем к погребенному, лежал лепной сосуд – биконическая банка средних пропорций, с максимальным расширением в верхней трети тулова, – украшенный по ребру горизонтальным рядом ногтевых вдавлений (рис. 3, 4). Сосуд небрежно заглажен по внешней поверхности, в примеси заметны песок и шамот. Диаметр устья 17,2 см, наибольшее расширение по ребру 19,2 см, диаметр днища 9,2 см, общая высота сосуда 17 см. Под горшком сохранился слой меловой подсыпки толщиной 2–3 мм.

Погребение отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 1.3 (основное) располагалось в центре кургана, между погребениями 1 и 2 (рис. 3, 3Б). Это погребальная конструкция подбойного типа, входная яма которой более чем наполовину своего пространства и на 0,5 м глубже уровня дна была пробита впускным погребением № 2. Входная штольня третьего погребения имела прямоугольную форму с сильно округленными углами и была ориентирована с юго-востока на северо-запад. Неглубокий подбой (погребальная камера) был устроен в северо-восточной продольной стенке, на такой же глубине, без ступеньки и понижения. Костей погребенного здесь человека не обнаружено, очевидно они были удалены при сооружении впускной могилы. Незамеченным остался лепной сосуд, который лежал в северо-восточном углу погребальной камеры.

Сосуд светло-коричневого цвета, с узкой горловиной, шаровидным туловом, с толстым и неустойчивым днищем, имел резко отогнутый наружу, приостренный венчик (рис. 3, 5). На изломе фактура темная, в качестве отщипителей присутствуют песок и шамот. Диаметр устья 11,4 см, шейки 9,4 см, максимальное расширение в средней части тулова 21 см, диаметр днища 9 см, общая высота сосуда 24 см.

Погребение отнесено к концу эпохи средней бронзы.

Курган 2 расположен в 6 м к СЗ от кургана 1. Диаметр насыпи 14 м, высота над дневной поверхностью 0,3 м. Грунт снят при помощи бульдозера. Для наблюдения за стратиграфией была оставлена одна бровка, ориентированная с ЮВВ на СЗЗ (рис. 3, 6). Стратиграфия: гумус – 0,15 м, насыпь – 0,45 м, погребенная почва – 0,18 м. В центре кургана находилось одно погребение.

Погребение 2.1 – грунтовая овальная яма, ориентированная с юго-запада на северо-восток (рис. 3, 7). На дне могилы, сильно поврежденном грызунами, расчищены остатки скелета взрослого человека в виде обломков бедренной и большой берцовой костей, лежавших под острым углом (очевидно, захоронение было скорченным на левом боку). Погребальный инвентарь отсутствовал.

Погребение отнесено к концу эпохи средней бронзы.

Курган 3 располагался в 35 м к СЗ от кургана 2. Диаметр насыпи 13 м, высота над современным уровнем 0,3 м. Грунт снят при помощи бульдозера.

Оставлена одна бровка, ориентированная с ЮВ на СЗ (рис. 3, 8). Стратиграфия: гумус – 0,1 м, насыпь – 0,5 м, погребенная почва – 0,12 м. В центре кургана находилось одно погребение.

Погребение 3.1 – грунтовая яма овальной формы, ориентированная с юго-запада на северо-восток. На дне могилы расчищен несколько поврежденный грызунами скелет молодого человека, погребенного скорченно на спине с заметным завалом на левый бок, по диагонали могилы, головой к СВВ (рис. 3, 9). Ноги сильно подогнуты в коленях, стопы отсутствуют, но очевидно, что они были вплотную притянуты к тазу. Правая рука согнута в локте под тупым углом, кисть на тазовых костях, левая рука согнута в локте под острым углом, кисть лежит на верхней части груди. Поверх левой плечевой кости лежали кости ног МРС. Вещей нет.

Погребение отнесено к концу эпохи средней бронзы, причем, отметим, что все три кургана могильника были возведены именно в это время. Очевидно, наиболее ранним был курган 1, здесь отмечена подбойная конструкция могилы. За ним, возможно, следовал курган 3, в котором зафиксировано архаичное положение умершего скорченно на спине.

Курганная группа «Рунталь» расположена на всхолмлении второй надпойменной террасы левого берега р. Малый Караман, в 3 км к юго-востоку от с. Бородаевка Марковского района Саратовской области. Река протекает в 300 м севернее (рис. 1, 1Б). Образовав в северном направлении большую петлю, она вновь приближается к памятнику с запада, на 600 м. Поверхность всхолмления никогда не распахивалась, во время раскопок она была покрыта мелкой типчаково-полынной растительностью.

Свое название памятник получил в 20-х годах, по наименованию овощной плантации «Рунталь» немецкого поселка Боаро (совр. Бородаевка). Плантация до сих пор сохранилась в 500 м севернее курганов в виде личных огородов местных жителей. Из 16³ насыпей 10 были раскопаны квадратными колодцами в 1939 году И.В. Сеницыным [Сеницын И.В., 1947. С. 114–133]. Одна из сохранившихся насыпей, расположенная в центральной части могильника, была исследована В.А. Лопатыным в 1983 году – курган № 1 по инструментальной топосъемке последнего сезона (рис. 4, 1).

Могильник занимает центральное поднятие всхолмления, возвышающееся над террасой на 3 м. Здесь курганы выстроены неровной цепочкой с юга на север, причем на весьма значительной площади (расстояние между крайними насыпями 0,4 км).

Курган 1 расположен в середине длинной цепочки насыпей, в 20 м от восточного склона холма. Это небольшая округлая насыпь диаметром 12 м и высотой 0,27 м (рис. 4, 2). Грунт насыпи снимался вручную, с оставлением двух взаимоперпендикулярных бровок, ориентированных по сторонам света. Стратиграфия: гумус (рыхлый, темно-серый грунт) – 0,88 м, насыпь (рыхлый серый грунт с прослоями пестрых суглинков) – 0,4 м, погребенная почва (плотный буровато-серый грунт с затеками светлых карбонатов) – 0,12 м, материк – коричневая глина с множеством нор мелких землероев. В восточном фазе меридиональной бровки заметен материковый выкид из грунтового

³ В публикации И.В. Сеницына 1947 года в группе «Рунталь» указывается общее число в 15 курганов, из которых им, якобы, было раскопано 9 насыпей.

погребения, в виде тонких светлых прослоев, лежавших по обе стороны могилы.

В процессе снятия насыпи в юго-восточном секторе, на глубине 0,43 м от 0г, в 4 м к Ю-В от условного центра насыпи найдены два фрагмента крупного лепного сосуда с высоким прямым венчиком, украшенного гребенчатым штампом и дугообразными оттисками на фоне горизонтальных расчесов (рис. 4, 4). На изломе черепок черный с примесью песка и шамота. Диаметр устья 29 см, высота сохранившейся части 9 см. В южной половине кургана, на расстоянии 1 м от его условного центра, зафиксирована единственная в кургане могила.

Погребение 1.1 – грунтовая яма округло-яйцевидной формы, ориентированная чуть более длинной стороной с запада на восток. На дне могилы расчищен скелет взрослого человека, погребенного скорченно на левом боку, головой к востоку. Ноги сильно подогнуты в коленях и притянуты стопами к тазу, руки слегка согнуты в локтях, кисти протянуты к коленям. На предплечье левой руки и левом бедре лежали кости ног МРС. Вещей не обнаружено. Захоронение отнесено к концу эпохи средней бронзы.

Среди погребений, исследованных в Рунтале в 1939 году И.В. Сеницыным, следует отметить впускное погребение № 1 из кургана 5, которое, на наш взгляд, в культурно-хронологическом отношении близко комплексу из кургана № 1, раскопанного в 1983 г, а также синхронно погребениям финала средней бронзы из Чапаевки и Карамана. Оно обнаруживает определенное сходство с названной группой по устойчивым признакам обряда (левобочная скорченность, северо-восточная ориентировка, одна рука протянута к коленям, вторая у лица, кости МРС) [Сеницын И.В., 1947. С. 120].

Курган на землях совхоза «Орошаемый» располагался в 13 км восточнее с. Бородаевка, на ровном пахотном поле, в 220 м к юго-западу от насосной станции проложенного с севера на юг оросительного канала. С севера к полю примыкает лесополоса. За ней с запада на восток проходит асфальтовое шоссе.

Округлая в плане насыпь диаметром 28 м и высотой 0,78 м на дневной поверхности снималась при помощи двух скреперов. Для наблюдения за стратиграфией оставлена одна меридиональная бровка (рис. 4, 5). Курган сооружен в один строительный период. Стратиграфия: гумус (распаханный, темно-серый грунт) – 0,28 м, насыпь (частично перепаханный, рыхлый грунт серого цвета с прослоями пестрых суглинков и норами крупных землероев) – до 0,85 м, погребенная почва (плотный темно-серый грунт с белесыми затеками карбонатов) – 0,17 м, материк – светло-коричневая глина с множеством нор землероев. В восточном фазе стратиграфической бровки слабо заметны остатки переотложенных норами прослоев материкового выкида из единственного в кургане погребения.

Погребение 1.1 зафиксировано в центре подкурганного пространства, это большая трапециевидная яма, ориентированная более длинной стороной с ЮЮЗ на ССВ (рис. 4, 6). Могила была перекрыта поперечным деревянным накатником, остатки которого встречались, в виде незначительных обломков, в заполнении ямы.

Очевидно, именно на перекрытии стояли два лепных сосуда, обломки которых были зафиксированы на одном уровне с остатками деревянных

плах, на глубине 1,65 м от 0г. Оба горшка имеют в примеси толченую раковину. Сосуд 1 – небольшая биконическая банка, орнаментированная двумя зигзагами, разделенными горизонтальной линией (орнамент выполнен крупнозубчатым штампом) – сохранился несколько лучше (рис. 4, 7). У него слегка вогнутое доньшко и плоско срезанное устье, максимальное расширение тулова приходится на верхнюю треть высоты. Диаметр устья 11 см, наибольшее расширение тулова 13 см, диаметр днища 7,6 см, общая высота сосуда 10,6 см.

Сосуд 2 представлен обломками, но приблизительно реконструирован графически (рис. 4, 8). Он имел подкололовидную форму, со слабо отогнутым наружу коротким венчиком и сглаженным внутренним ребром. Черепок на изломе рыхлый, черного цвета. Сосуд не орнаментирован, внешняя поверхность небрежно заглажена, но без расчесов. Диаметр устья 25 см, такой же показатель максимального расширения тулова, высота сохранившейся части сосуда 18 см.

На дне могилы, посыпанном мелом, в центре, расчищен скелет взрослого человека, погребенного в сильно скорченной позе на левом боку с заметным завалом на грудь (рис. 4, 6). Ноги резко подогнуты и коленями притянуты к груди, руки согнуты в локтях и прижаты к туловищу, кисти под грудью. Колено правой ноги несколько нависает над бофром – круглым, котловидным в профиле, углублением в дне могилы, в юго-восточной половине ее пространства. Диаметр бофра 0,55 м, глубина от уровня дна 0,2 м. Он был заполнен темным рыхлым грунтом, по составу ничем не отличавшимся от заполнения могилы.

Захоронение отнесено к кругу памятников покровского типа на этапе формирования срубной археологической культуры.

Исследованиями 1983 года курганов на Малом Карамане получены материалы, позволяющие затронуть некоторые интересные проблемы бронзового века. В диахронии этого мощного хронологического среза, укладываемого в рамки III–II тыс. до н. э., новые данные распределяются следующим образом: памятники ямной культуры эпохи ранней бронзы – Чапаевка-2/2; памятники катакомбного типа эпохи средней бронзы – Чапаевка-3/2, 3/3, 3/4, 3/8; памятники конца эпохи средней бронзы и перехода к позднему бронзовому веку – Чапаевка-3/5, 3/6, 4/1, 5/1, 6/1; Караман-1/3, 2/1, 3/1; «Рунталь»-1/1; памятники покровского типа времени перехода к эпохе поздней бронзы и ее начального этапа – Чапаевка-3/1; «Орошаемый»-1/1; памятники срубной культуры эпохи поздней бронзы – Чапаевка-2/1, 3/7; Караман-1/2; памятники ивановско-хвалынского типа финальной бронзы – Чапаевка-1/1.

Второе захоронение (ямное) из чапаевского кургана № 2 получило очень краткое освещение вскоре после его открытия, в связи с обнаруженной в нем крайне редкой категорией украшений из кости [Лопатин В.А., 1985. С. 158–159]. Теперь, прежде всего, следует признать неверной их первую трактовку в качестве стилизованных женских изображений и отметить совершенно противоположный по смысловой символике, явно выраженный фаллический характер.

Чапаевские костяные подвески входили в единый комплекс ожерелья, центральной фигурой которого был крупный фаллоид уплощенного сече-

ния, без отверстия (рис. 1, 8). Он крепился обычным подвязыванием около двух малых округлых выступов. По краям от него в ожерелье располагались фигуры поменьше, имеющие сквозные отверстия (рис. 1, 9–15). В этом комплексе присутствуют 7 минифаллоидов, два из которых разбиты. Нам известна только одна абсолютная аналогия таким изделиям – две подвески, идентичные чапаевским минифаллоидам, выставленные в экспозиции Днепропетровского краеведческого музея.

Вместе с тем, весьма заметная категория вотивной фурнитуры, неоднократно обсуждавшаяся в литературе, имеет некоторые, явно сходные, черты с нашими редкими подвесками. Так называемые «молоточковидные» булавки, часто встречаемые в материалах ямной и раннекатакомбной культур, в смысловом порядке абсолютно идентичны чапаевским изделиям в оформлении «головок» и размещении сквозных отверстий. Известны различные варианты костяных булавок с округлыми, грибовидными, подтреугольными (приподнятыми) выступами, между которыми, как правило, имеется отверстие для подвешивания. Последнее обстоятельство позволяет некоторым исследователям утверждать, что функционально булавки были именно центральными фигурами в ожерельях, состоящих из бус, а не фибулами для скрепления бортов одежды [Марина З.П. и др., 1980. С. 59]. Сакральный характер этих вещей признается всеми, кто так или иначе обращался к материалам ранней бронзы, связывая молоточковидные булавки, как и несколько более древние рогатковидные варианты, с культом быка, в частности, усматривая в них некие ассоциации с символикой рогов (Кияшко В.Я., 1976. С. 33–35; Марина З.П. и др., 1980. С. 59; Моргунова Н.Л. и др., 2005. С. 23, 49, рис. 20, 5–11).

Костяная фурнитура указанных типов весьма разнообразна по формам, типам головок, наличию или отсутствию отверстий, по орнаментации. Одна из костяных булавок, обнаруженных в Южном Приуралье, в Мустаево V (9/2), изготовлена в виде миниатюрного кинжальчика, на что указывает выделенное в средней части стержня перекрестье [Моргунова Н.Л. и др., 2005. С. 44, рис. 15, 7]. Но в оформлении «навершия» (головка с округлыми выступами и отверстием между ними) она поразительно напоминает чапаевские фаллоиды.

Так или иначе, все булавки имеют сходные элементы, позволяющие усматривать в данном единстве некое общее семантическое начало, отвечающее, на наш взгляд, определенным идеологическим переменам в мировоззрении степных скотоводческих обществ III тыс. до н. э. Отметим, что ни в неолите, ни в энеолитических культурах южнорусских степей (орловская, мариупольская, прикаспийско-самарская, хвалынская) подобной символики не было (имеются в виду фаллические, а не зооморфные изображения). Но именно с утверждением патриархально-скотоводческого мира (ямная, катакомбная и культуры поздней бронзы) на смену женской сакральной практике, постепенно вытесняя ее, приходят новые, мужские, в том числе и фаллические культы. Появляется соответствующая символика, весьма вариативная по морфологическим показателям (и это не что иное, как в различной степени стилизованные фаллоиды), а также – по своей функциональности (булавки, застежки, детали ожерелий).

Наиболее ранние среди костяных – рогатковидные изделия, связываемые с культами быка, – вероятно, находят развитие в кавказских бронзовых,

так называемых «рогатых» булавок. Но примечательно, что некоторые экземпляры этих булавок имеют явно выраженное фаллическое оформление «рожек» и очень часто украшены изображениями змей. Наиболее представителен среди них вариант, обнаруженный в Кабардинском парке и хранящийся в Нальчикском музее [Деген Б.Е., 1941. С. 251, рис. 34, 3]. В настоящее время такие булавки, вместе с круглыми подвесками и спиральными пронизьями, синхронизируются с раннедонецким периодом средней бронзы нижнедонского бассейна [Кияшко А.В., 1999. С. 165, рис. 105]. На других кавказских экземплярах фаллические рожки удваиваются и даже утраиваются, что можно рассматривать не иначе, как стремление усилить смысловое, именно фаллическое, значение амулета [Деген Б.Е., 1941. С. 252, рис. 35, 1,2]. «Рогатая» булавка с явно выраженными парными фаллоидами известна в материалах богатого комплекса погребения 8 кургана 1 из краснополянской группы «Баранчук» [Кияшко А.В., 1999. С. 152, рис. 96, 16], и этот факт говорит об устойчивом взаимодействии культурных традиций, а также идеологическом единстве населения степей и предгорий Кавказа, что неоднократно отмечалось по многим параметрам культур эпохи средней бронзы.

Между тем, культы фаллоса и быка отнюдь не противоречат друг другу, напротив, они взаимно дополняют силу мужской символики и взаимодействуют в рамках патриархальной скотоводческой идеологии. Более того, на этапе становления принципа центричности мужских божеств наблюдается буферный период их зоолатрических персонификаций, в том числе и в образе быка, как, например, в случае с древнегреческим Зевсом (сюжет с похищением Европы) и особенно с карийским Зевсом-Лабрандеем, знак которого – голова быка с лабрисом (двойной секирой) между рогами [Токарев С.А., 1965. С. 428-429]. Так, через жизнеопределяющие природные образы, новые божества, несущие мужскую символику, перемещались в центр миропонимания. Поздняя трактовка этого стремления завуалировать будущую центричность и величие мужского божества воплотилась в занятом сюжете сокрытия младенца Зевса от его кровожадного отца Кроноса, когда мать Рея спрятала будущего громовержца на горе Дикта (Крит) [Мифы..., 1991. С. 463].

Изображения змей (атрибутика женских божеств) в этот период воспринимаются двояко – как негативная хтоническая и, одновременно, как положительная фаллическая (плодотворная) символика [Там же. С. 468]. Нередко фаллоидные навершия булавок стилизуются под змей [Деген Б.Е., 1941. С. 255, рис. 36, 3]. Такие изделия весьма функциональны: это именно булавки, а не подвески. Семантически они недвусмысленно указывают на культовую направленность предмета, что подчеркивается формой и функциональным действием фаллообразной булавки. Эта вотивная фурнитура, отражает демиургическую, созидательную и, отвлеченно, сексуальную функции фаллического образа, атрибута мужской идеологии.

Чапаевский вариант максимально приближен к сакральной сущности культового предмета. Он еще не завуалирован бытовой функциональностью и декоративной стилизацией (это не застёжка, фибула, или подвеска-украшение, а именно предмет культа, амулет), и дело не в банальном сходстве с известным эталоном, а в невозможности иного восприятия. Это, отчасти, позволяет предполагать довольно ранние и, вероятно, относительно кратковременные позиции подобной трактовки образа.

В определенной степени этому не противоречат обрядовые показатели чапаевского погребения, согласующиеся с признаками волго-уральской группы древнейшей культуры (обширные могилы, иногда с двумя или одной ступенями, восточная или северо-восточная ориентировка при скорченном положении умерших на спине, полная или частичная посыпка охрой). Поскольку указанные признаки довольно устойчивы в Волго-Уралье на раннем и развитом этапах ямной культуры, пока, предварительно, выскажем предположение о возможной хронологической близости комплексов с рогатковидными и фаллическими подвесками в рамках раннего периода и их синхронизации с III этапом развития степных культур (репинско-быковский горизонт) ранней бронзы [Васильев И.Б., 1982. С. 2, табл. 2, III].

Эпоха средней бронзы представлена у нас комплексом третьего чапаевского кургана, где основное захоронение № 8 сопровождается двумя трупорасчленениями в насыпи (рис. 2, 1, 5, 6, 7Б, 9-11). Своеобразие волго-уральской средней бронзы выражается в сочетании архаических черт обряда (простые ямы, восточная ориентировка) и вполне оформленного, в основных чертах, материального комплекса катакомбной культуры. Считается, что местные племена наиболее восприимчивы оказались к культурным традициям доно-донецкого региона [Кияшко А.В., 2002. С. 80]. Правда, в нашем захоронении поза «скачущего всадника» на левом боку, с восточной ориентировкой, в простой яме более соответствует волго-маньчской номенклатуре, тогда как для Волго-Уралья типично правобочное положение, а на Дону распространены подбойные конструкции могил [Там же. С. 88-89, рис. 30-32]. Но керамика, обнаруженная в Чапаевке, в своем становлении явно испытывала определяющее влияние именно донских катакомбных культур, как в формировании, так и в развитии орнамента.

Стоит отметить, что два сосуда из погребения № 8 третьего кургана Чапаевки не остались вне поля зрения исследователей. В монографии А.В. Кияшко они занимают свое место в классификации керамического комплекса восточной периферии катакомбного мира: крупный сосуд (рис. 2, 9) отнесен к так называемым «чашевидным» вариантам, а горшок меньших размеров (рис. 2, 10) – к группе «короткошейных плавнопрофилированных» сосудов [Там же. С. 146-147]. Отмечено также, что распространенный здесь в эпоху средней бронзы декор, елочко-гребенчатый по технике нанесения и горизонтально-зональный по композиционному построению, восходит к местной полтавкинской традиции, что подчеркивает ее особую оригинальность, а не исключительно импортный характер [Там же. С. 135].

Украшения из кости, аналогичные чапаевским, – плоские пронизки, в том числе и с поперечными нарезками, а также округлые в сечении, бочонковидные, имели широкое распространение в степных вариантах катакомбных культур этого периода от Нижнего Дона и Маныча до аридной зоны Заволжья. В ближнем ареале Малого Карамана подобные изделия зафиксированы раскопками И.В. Синециной в погребении № 4 кургана 9 могильника «Рунталь» около с. Боаро, в комплексе с шилом и ножом «копьевидной» формы [Синециной И.В., 1947. С. 130, рис. 87]. На Большом Карамане, несколько южнее, близ с. Советское, в катакомбном погребении № 1 кургана 4 также была найдена уплощенная пронизка с поперечными нарезками, аналогичная чапаевской, но этот комплекс был ограблен в древности, и уцелевший здесь

сопутствующий материал не вполне информативен [Баринов Д.Г., 1996. С. 94, рис. 5, 2]. На юге Заволжья, в полупустынной зоне, прилегающей к ерусланско-торгунскому бассейну, набор костяных украшений, близкий чапаевскому, отмечен в катакомбном погребении из кургана № 1 могильника Кумыска-П, исследованного в 1985 году Н.М. Маловым [Кияшко А.В., 2002, табл. XXXI, 4]. Наиболее ранние пронизи из кости с винтовой нарезкой появляются еще в ямное время и в различных вариациях широко распространяются в материалах катакомбных культур [Мерперт Н.Я., 1974. С. 72, рис. 5, 4; Братченко С.Н., 1976. С. 52, рис. 25, 26; Нечитайло А.Л., 1978. С. 121, рис. 44, 52].

В широтных направлениях относительно основной могилы третьего кургана размещены два «пакета» с останками расчлененных умерших, причем, западнее – верхняя часть (грудная клетка и фрагменты черепа – п. 2), а восточнее – нижняя (таз с крестцовым отделом позвоночника, подогнутые в коленях нижние конечности и фрагменты черепа – п. 3). В глубинном степном Заволжье такие ситуации нечасты, в отличие от правобережных и, тем более, донских и маньчских памятников. Похожий вариант известен в саратовском правобережье, в материалах погребения № 3 кургана 2 могильника Усть-Курдюм 1, где три пакета расчленений сопровождали подобное захоронение подростка [Лопатин В.А. и др., 1993. С. 139]. Здесь останки взрослых людей так же, как в Чапаевке (правда, не в насыпи кургана, а во входной штольне могилы), были сложены компактными блоками с восточной ориентировкой, причем части черепов размещались на их восточных краях. Такие варианты расчленений определены в специальной работе В.И. Мельника, как 4 тип вторичных погребений – «пакет и развернутый череп» [Мельник В.И., 1991. С. 23]. Представляется, что подобным обрядом сопровождалось погребения особо значимых представителей общества.

Наиболее многочисленны, среди исследованных в Чапаевке, Карамане и Рунтале в 1983 году, – погребения завершающего этапа эпохи средней бронзы, составляющие здесь 42,85% от общего состава разнокультурных захоронений. Они обладают определенным своеобразием, которое выражается, прежде всего в подчеркнутой безынвентарности, строго выдержанном обрядовом «аскетизме» и крайне низкой культурно-хронологической информативности. Неслучайно этот хронологический пласт долгое время не получал должной интерпретации для территории Заволжья; да и в настоящее время он остается мало изученным, хотя, разумеется, исследователи, занимавшиеся разработками проблем эпохи средней бронзы, по-разному, в контекстах своих концепций предлагали решения для ее финала и перехода к позднему бронзовому веку. Среди существующих вариантов (позднекатакомбный, позднеполтавкинский, посткатакомбный, бабинский, финальный) наиболее перспективным представляется один из последних подходов к решению проблемы, предложенный Р.А. Мимоходом, который выделил в посткатакомбном массиве Нижнего Поволжья группу погребений «криволукского» типа, очертив ареал их распространения (от Астрахани до севера Саратовской области) преимущественно в правобережье, а также указал их основные культурообразующие признаки, которые в целом совпадают с показателями чапаевско-караманских комплексов [Мимоход Р.А., 2004. С. 108–114].

На Малом Карамане большинство криволукских захоронений являются основными и, чаще всего, единственными в невысоких курганах с округлыми

насыпями (Чапаевка-4/1, 5/1, 6/1; Караман-1/3, 2/1, 3/1; Рунталь-1/1). Впускными, по отношению к основным комплексам волго-уральской средней бронзы, замечены только два погребения (Чапаевка-3/5, 3/6). Отмечен единственный случай прямой стратиграфии, когда срубное погребение (Караман-1/2) перекрывает подбойное криволюкское с оригинальным сосудом (Караман-1/3). Здесь представлены обе обрядовые группы (по Р.А. Мимоходу), но выделяется погребение с западной ориентировкой в позе «ничком» (Чапаевка-5/1), а также – комплекс с подбоем и юго-восточной ориентировкой (Караман-1/3). Они, как правило, безынвентарны, если не принимать во внимание, что некоторые ограблены, (Чапаевка-3/5, 5/1, 6/1), только три сопровождаются костями МРС (Чапаевка-4/1; Караман-3/1, Рунталь-1/1), и лишь единицы содержат какие-либо предметы, например, костяную пронизку (Чапаевка-3/6), лепной кувшинообразный сосуд (Караман-1/3), фрагмент сосуда в насыпи (Рунталь-1/1).

Уже указывалось, что украшения в виде поперечных распилов трубчатых костей МРС очень широко распространены в материалах средней бронзы и, видимо, доживают до переходного времени. Надо полагать, в Чапаевском погребении № 6 из третьего кургана представлен наиболее поздний вариант таких изделий. В поздней бронзе степной Евразии, в дальнейшем, бытуют только функциональные предметы подобного типа – различные втулки, детали рукоятей и навершия.

Гораздо сложнее выявить аналоги двум сосудам, поскольку керамический комплекс этого периода представляется слишком аморфным в своей предельной синкретичности. В западных районах Нижнего Поволжья отмечены сосуды с пережиточными признаками Бабино и прообразы срубных банок [Мимоход Р.А., 2004. С. 114, рис. 4, 1-3]. Этот регион отмечен как восточный предел позднебабинского ареала, доходящий до р. Иловли и западных склонов Приволжской возвышенности [Литвиненко Р.А., 2004. С. 102-108]. Очевидно, здесь формировался оригинальный вариант локального культурогенеза при участии позднебабинской, позднелолинской, криволюкской и раннепокровской культурных групп.

Фрагмент сосуда из насыпи кургана в Рунтале (рис. 4, 4) явно содержит реминисценции предшествующей эпохи в орнаментации (деградирующая «елочка») и в трактовке формы. Вертикальный венчик и покатое плечико рунтальского экземпляра напоминают верхнюю часть позднебабинского сосуда из комплекса Жареного Бугра [Монахов С.Ю., 1984. С. 243, рис. 2, 3], еще более он близок некоторым вариантам вольско-лбищенской посуды [Васильев И.Б., 2003. С. 113, рис. 1, 4, 8, 9, 11, 12]. Думается, что эти деградирующие в керамическом комплексе катакомбные реминисценции могут генетически восходить к некоторым поздним (в рамках средней бронзы) волго-уральским комплексам типа «Орешкин-1» (8/1) из раскопок А.Н. Дьяченко, где, к тому же, очень близки показатели обряда [Кияшко А.В., 2002, табл. XXXVII, 1-3].

Сосуд из погребения № 3 первого кургана караманской группы (рис. 3, 1), пожалуй, вообще не имеет территориально близких аналогий. Его вазообразная форма с округлым туловом, массивным днищем и тонким венчиком, резко отогнутым на зауженной шейке, более всего напоминает северокавказские прообразы эпохи средней бронзы – горшки и кувшины вертикальных пропорций с малыми петлевидными ручками [Марковин В.И., 1960.

С. 45, рис. 13, 88, 90]. Степные катакомбные культуры, испытывавшие довольно мощное воздействие Кавказа, вырабатывали собственные варианты узкогорлой посуды, как, например, в 15 погребении первого кургана из III Ажиновского могильника [Рябова В.Я., 1983. С. 116, рис. 12], или в 14 погребении 21 кургана из Веселой Роши [Державин В.Л., 1989. С. 169, рис. 4, 2], дериватные типы которой получили развитие и могли к концу эпохи средней бронзы приобретать самые неожиданные формы, подобные караманской.

Представляется, что керамический комплекс криволукской группы памятников, а тем более всего массива культур, возникших на финале средней бронзы, должен быть максимально пестрым и эклектичным, впитавшим большое количество разнокультурных черт, что вполне естественно для исторических этапов дезинтеграции. Поэтому нет ничего удивительного в том, что в обрядово-цельных образованиях типа криволукского могут присутствовать сосуды с позднебабинскими, долинскими или вольско-лбищенскими признаками. Вместе с тем, настойчивые поиски исходных прообразов караманского сосуда должны быть продолжены, поскольку предложенная рабочая версия пока малоубедительна.

Из территориально близких комплексов, аналогичных караманским и криволукским, вновь упомянем отмеченное выше детское впускное погребение № 1 из кургана 5 в группе Рунталь [Синицын И.В., 1947. С. 120], а также – погребение 15 из кургана 2, исследованное у с. Советское на Большом Карамане [Баринов Д.Г., 1996. С. 92, рис. 3, Г].

Чрезвычайно интересен вопрос о том, насколько реальным было участие памятников криволукского типа в сложении срубной археологической культуры, разумеется, требующий специальной и предельно внимательной проработки. Попутно с этим, очевидно, должна решаться проблема соотношения или взаимодействия посткатакомбных культур с покровским феноменом, а также – с восточными культурогенетическими генераторами (синташтинские и потаповские памятники). В контексте первого вопроса отметим, что памятникам криволукского типа практически идентичны комплексы первой обрядовой группы Смеловского грунтового могильника, где отмечена интересная ситуация взаимодействия первой и второй (покровский тип) обрядовых групп, на основе которого формируется третья обрядовая группа – комплексы с типично срубными показателями [Лопатин В.А., 1997. С. 73–75].

В Смеловке, похоже, наблюдается своеобразный (заволжский) вариант узколокального культурогенеза, в котором, в качестве компонентов сложения срубной культуры, участвуют степные группы посткатакомбного типа, близкие по своему характеру криволукским и позднелолинским. Эти комплексы очень вариативны: по оснащению могильных конструкций (простые овальные ямы, подбои, деградирующие подбои и их имитации), по ориентировкам и позициям погребенных, в которых отмечены почти все направления, но преобладают восточная и северная при левобочной адорации с неустойчивым положением рук или позе «скачущего всадника». Инвентарь в таких погребениях единичен (простые баночные сосуды), чаще присутствуют кости ног МРС. Что особо значимо в планиграфии могильника – это престижные позиции «аскетов» на родовых участках кладбища (в центрах кольцевидных ровиков, мавзолеях или в сопровождении свит более поздних подхоронений). Это обстоятельство, а также факт возведения индивидуальных курганов над

погребениями криволукского типа (в Чапаевке, Рунтале и Карамане), позволяет предполагать, что на рубеже средней и поздней бронзы посткатакомбное население уверенно контролировало обширные степные территории, а включившиеся в процессы культурогенеза «покровцы» были пришельцами.

Два погребения покровского типа, исследованные в 1983 году на Малом Карамане, представляют не самую раннюю фазу этого культурного явления начала позднебронзового века. Одно из них детское, впускное (Чапаевка, 3/1), содержало подколоколовидный сосуд с соответствующими признаками – рельефными горизонтальными расчесами на внешней поверхности, ракушечной примесью, характерным внутренним ребром на внутренней стороне венчика (рис. 2, 3). У этого горшка не совсем обычное для покровской посуды широкое и несколько вогнутое днище, что можно расценивать как местную трансформацию, пока еще не приведшую к заметной нивелировке стандарта. Покровским характеристикам соответствует также найденный здесь фрагмент прямостенной банки с утолщенным, плоско срезанным, краем устья (рис. 2, 4).

Представляется, что на данном этапе покровские племена взаимодействуют с местными группами населения криволукского типа, что косвенно отразилось в планиграфии третьего кургана из Чапаевки, где на одной линии с юго-запада на северо-восток, в качестве позднего захоронения к основному погребению № 8, расположены криволукские (3/5, 3/6), покровский (3/1) и безынвентарный в позе адорации (3/7) комплексы (рис. 2, 1). Возможно, уже в это время или несколько позже возникают и индивидуальные курганы над захоронениями покровского типа, причем, такие особые почести посмертно были адресованы, как правило, наиболее выдающимся членам общества.

Весьма внушительных размеров курган «Орошаемый» содержал единственный комплекс с мощным перекрытием, на котором стояли два позднепокровских сосуда, а на дне могилы с бофром был погребен человек преклонного возраста (рис. 4, 5–8). Отсутствие инвентаря в больших могилах под индивидуальными насыпями нетипично для «покровцев». В данном случае сосуды на перекрытии должны рассматриваться не как инвентарь, а в качестве жертвоприношения предку, погребенному по принципу «аскезы», что напоминает погребальную практику «криволукцев». С другой стороны, аскетический обряд может маркировать особую социальную страту общества, возможно, жрецов, священнослужителей, чьи захоронения, безусловно, редки во все времена, как редки, например, такие детали погребальных сооружений, как бофры.

Вполне очевиден ритуальный характер этих загадочных круглых ям. Обычно бофры связаны с могилами, и здесь, возможно, следует рассматривать вероятность их генетической преемственности с некоторыми особыми погребениями предкавказской и волго-маньчской катакомбных культур, устроенными в ямах с угловыми выступами-углублениями, имитирующими колеса повозок [Федорова-Давыдова Э.А., 1983. С. 67, рис. 6, 1; Андреева М.В., 1989. С. 83, рис. 7, III-2]. Но иногда подобные округлые углубления встречаются за пределами погребений, как, например, в кургане № 1 могильника «Мессер-V», где в северо-западной части насыпи были выявлены две ямы, заполненные на дне речным песком, а сверху – смесью золы и мелкого гравия [Лопатин В.А. и др., 2007. С. 45, рис. 1, 2;]. Гораздо чаще ямы-жертвенники

устраивались на заранее спланированной площадке подкурганного пространства [Губин А.С., 2003. С. 135-136]. Как правило, они содержат вещественные признаки жертвоприношения (кости животных, фрагменты битой посуды, угли, зола). Думается, что и ритуалистика, связанная с бофрами и направленная на идею культа предков (жертвоприношения, «кормление предков», священные возлияния, дарения), была весьма разнообразна. Ямы могли предназначаться для трансферных сообщений с потусторонним миром посредством регулярных тризн и подношений, но важно, что бофры всегда пусты, очевидно потому, что служили для особо «чистых» жертв (вода, сома, молоко, масло). Наша интерпретация караманского комплекса – также не более чем рабочая версия, поскольку проблема бофр сложна и требует вдумчивой систематизации и анализа известных археологических материалов, привлечения данных нарративов (Ригведа, Авеста) и мифологии.

Наиболее поздними в нашей подборке являются материалы трех погребений из Чапаевки (1/1 и 2/1) и Карамана (1/2), представленные комплексами поздней и финальной бронзы (рис. 1, 3-7; 3, 3А). Второе погребение из кургана № 1 караманской группы является впускным, разрушившим основное (криволюкское) захоронение (рис. 3, 3). В целом, оно обычно для срубной культуры: это рядовой комплекс в простой прямоугольной яме, левобочная адорация с обращением головой на северо-восток, лицом к юго-востоку, один сосуд перед лицевым отделом черепа. Лишь незначительные детали позволяют предложить некоторые коррективы. Умерший был уложен спиной почти вплотную к западной стене и перед ним оставалось значительное пустое пространство могилы, что считается признаком покровской обрядности. Но керамический сосуд – биконическая банка с реберчатым расширением в верхней трети высоты – не вписывается в критерии покровского комплекса. Возможно, ряд характерных ногтевых вдавлений по ребру является отдаленной реминисценцией подобной орнаментации на бабинских валиках. Такие пережиточные формы известны в срубных погребениях Приазовья, например, в могильнике «Запорожец» (2/11), где на ребре биконической банки есть подтреугольный в сечении валик с ногтевыми отгисками [Литвиненко Р.А. и др., 1992. С. 97, рис. 3, 4]. Отмечены они и в степном Заволжье, в курганном некрополе Преображенского поселения (3/9), где подобная «банка» с валиком обнаружена в основном погребении раннесрубного кургана [Лопатин В.А. и др., 2003. С. 251]. Поэтому, учитывая эти характерные черты времени культуругенеза, мы можем предположительно отнести караманское погребение 1/2 к раннесрубному времени.

Детское погребение № 1 из второго кургана, впускное по отношению к основному древнеямному захоронению с фаллическими подвесками, содержало две путовые кости лошади и два неорнаментированных сосуда баночной и слабопрофилированной форм. Поза и ориентация умершего (правобочная адорация с обращением головой на север и лицом к западу), а также характер керамики (рис. 1, 5-7) позволяют отнести его к позднесрубному времени (вторая половина XIV в. до н. э.), когда традиционная ритуалистика и материальный комплекс начинают постепенно видоизменяться под воздействием восточных (федоровских) и северных (сусканских?) культурных диффузий. Очевидно, уже в этот период в поволжской лесостепи начинает складываться прообраз будущей ивановской (раннехвалынской) культуры,

определяющими компонентами которой была керамика трех типов – позднесрубная, федоровско-бишкульская и раннехвальнская (валиково-воротничковая). Возможно, разрушенное погребение чапаевского кургана 1, где найден фрагмент хвальнского сосуда с валиком (рис. 1, 3), было уже относительно синхронно погребению 1 из второго кургана, где ребенок похоронен по федоровскому обычаю на правом боку, но в сопровождении срубной керамики.

Основная задача авторов, безусловно, заключалась в необходимости введения в научный оборот материалов подкурганых захоронений, исследованных на Малом Карамане еще в 1983 году. Но даже самый осторожный и краткий анализ этих комплексов, представляющих практически весь бронзовый век, показывает, насколько сложными и неоднозначными в этот период были процессы культурогенезов скотоводческих племен в степном Заволжье, их развития и взаимодействия с лесостепью, а также донским и уральским регионами, когда на обширных пространствах Центральной Евразии формировался первичный индоиранский мир.

Литература:

Андреева М.В. Курганы у Чограйского водохранилища (материалы раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополя. М., 1989.

Баринев Д.Г. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы: (периодизация и хронология памятников). Киев, 1976.

Васильев И.Б., Габяшев Р.С. Взаимоотношения энеолитических культур степного, лесостепного и лесного Поволжья и Прикамья // Волго-Уральская степь и лесостепь в эпоху раннего металла. Куйбышев, 1982.

Губин А.С. Жертвенники погребальных комплексов срубной культуры. Интерпретация космогонических воззрений на основе Ригведы // Древности. Москва-Казань, 2003. Вып. 36.

Деген Б.Е. Курганы в Кабардинском парке г. Нальчика // Материалы по археологии Кабардино-Балкарии. МИА. № 3. М.-Л., 1941.

Державин В.Л. Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роша (по материалам Ставропольской экспедиции 1980 г.) // Древности Ставрополя. М., 1989.

Кияшко А.В. Происхождение катакомбной культуры Нижнего Подонья. Волгоград, 1999.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.

Кияшко В.Я. К вопросу о костяных рогатках в степных погребениях эпохи бронзы // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.

Литвиненко Р.А., Посредников В.А., Гриб В.К. Исследования северной группы курганов у с. Запорожец (Северное Приазовье) // Донецкий археологический сборник. Донецк, 1992.

Литвиненко Р.А. Восточная периферия бабинского очага культурогенеза // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.

- Лопатин В.А.* Раскопки в среднем течении р. Малый Караман // АО 1983 года. М., 1985.
- Лопатин В.А., Якубовский Г.Л.* Погребения эпохи средней бронзы из курганов у села Усть-Курдюм // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.
- Лопатин В.А.* Смеловский грунтовый могильник (к проблеме формирования срубной культуры в степном Заволжье) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей. Саратов, 1997.
- Лопатин В.А., Филимонова С.А.* Курганный некрополь Преображенского поселения // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.
- Лопатин В.А., Четвериков С.И.* Исследования курганного могильника «Мессер V» на севере Волго-Донского междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2006. Вып. 7.
- Марина З.П., Никитин С.В.* Об одной из категорий ямного инвентаря // Курганы степного Поднепровья. Днепропетровск, 1980.
- Марковин В.И.* Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (III тыс. до н. э.) // МИА. № 93. М., 1960.
- Мельник В.И.* Особые виды погребений катакомбной общности. М., 1991.
- Мерперт Н.Я.* Древнейшие скотоводы Волжско-Уральского междуречья. М., 1974.
- Мильков Ф.Н.* Природные зоны СССР. М., 1974.
- Мимоход Р.А.* Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья. Волгоград, 2004.
- Мифы народов мира. Энциклопедия / Под ред. С.А. Токарева. М., 1991. Том 1.
- Монахов С.Ю.* Погребение культуры многоваликовой керамики близ Саратова // СА, № 1. М., 1984.
- Моргунова Н.Л., Краева Л.А., Матюшко И.В.* Курганный могильник Мустаево V // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2005. Вып. VII.
- Нечитайло А.Л.* Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев, 1978.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Саратов, 1993. Вып. В1-10.
- Рябова В.Я.* Работы Ажиновского отряда в 1976 г // Древности Дона. Материалы работ Донской экспедиции. М., 1983.
- Синицын И.В.* Археологические раскопки на территории Нижнего Поволжья // Ученые записки. Саратов, 1947. Т. XVII.
- Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. М., 1965.
- Федорова-Давыдова Э.А.* Раскопки курганной группы Шахаевская-II на р. Маныче // Древности Дона. М., 1983.
- Фурсаев А.Д.* Краткий очерк растительности Нижне-Волжского края. Саратов, 1930.

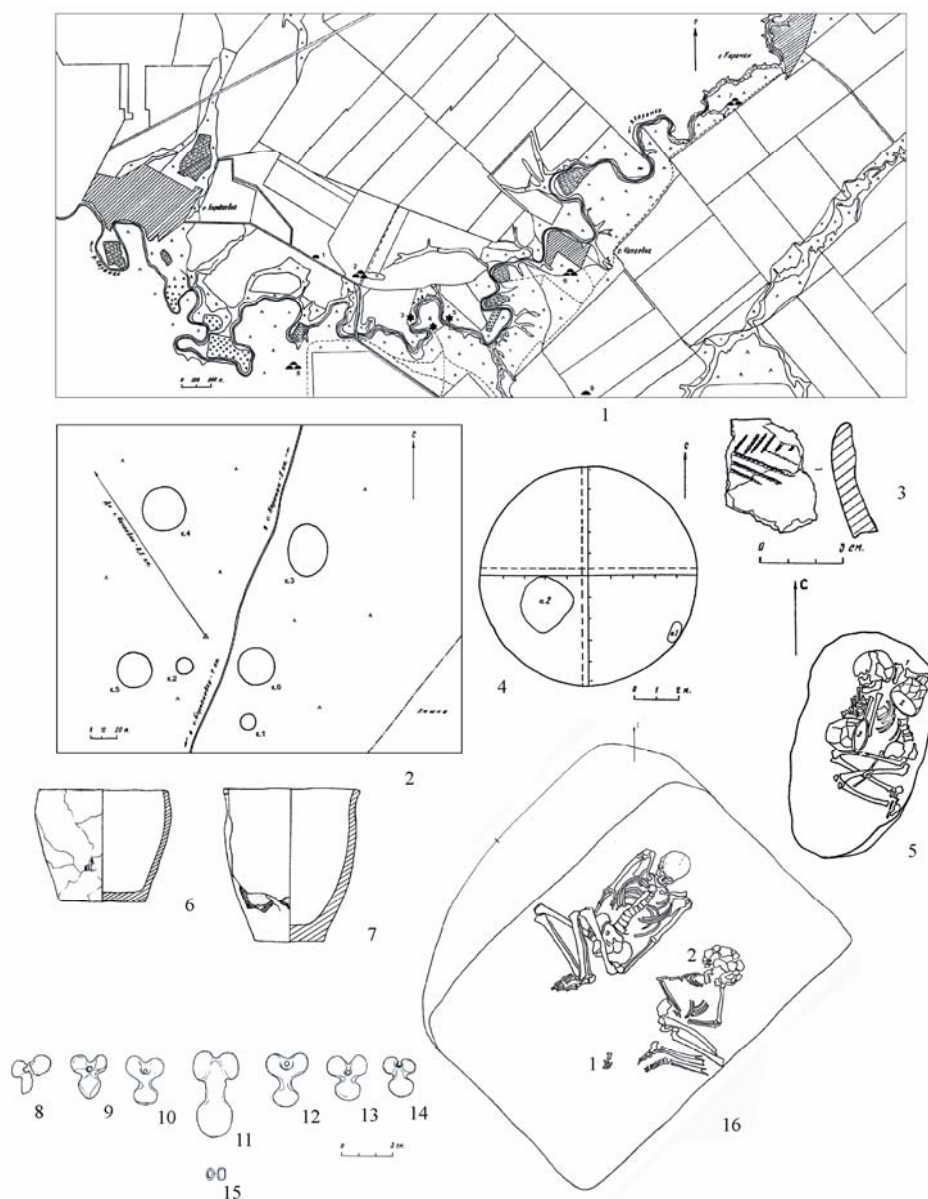

Рис. 1. Материалы исследований на Малом Карамане: 1 (А,Б) – археологические памятники в среднем течении р. Малого Карамана; 2–курганная группа у с. Чапаевка; 3–фрагмент сосуда из кургана 1; 4 – курган 2; 5–7–2/1; 5 – погр. 1 из к. 2 (1–бабки лошади; 2,3–сосуды); 8–16–2/2; 16 – погр. 2 из к. 2 (1–подвески; 2–бусина). 3, 6, 7 – керамика; 8–15 – кость.

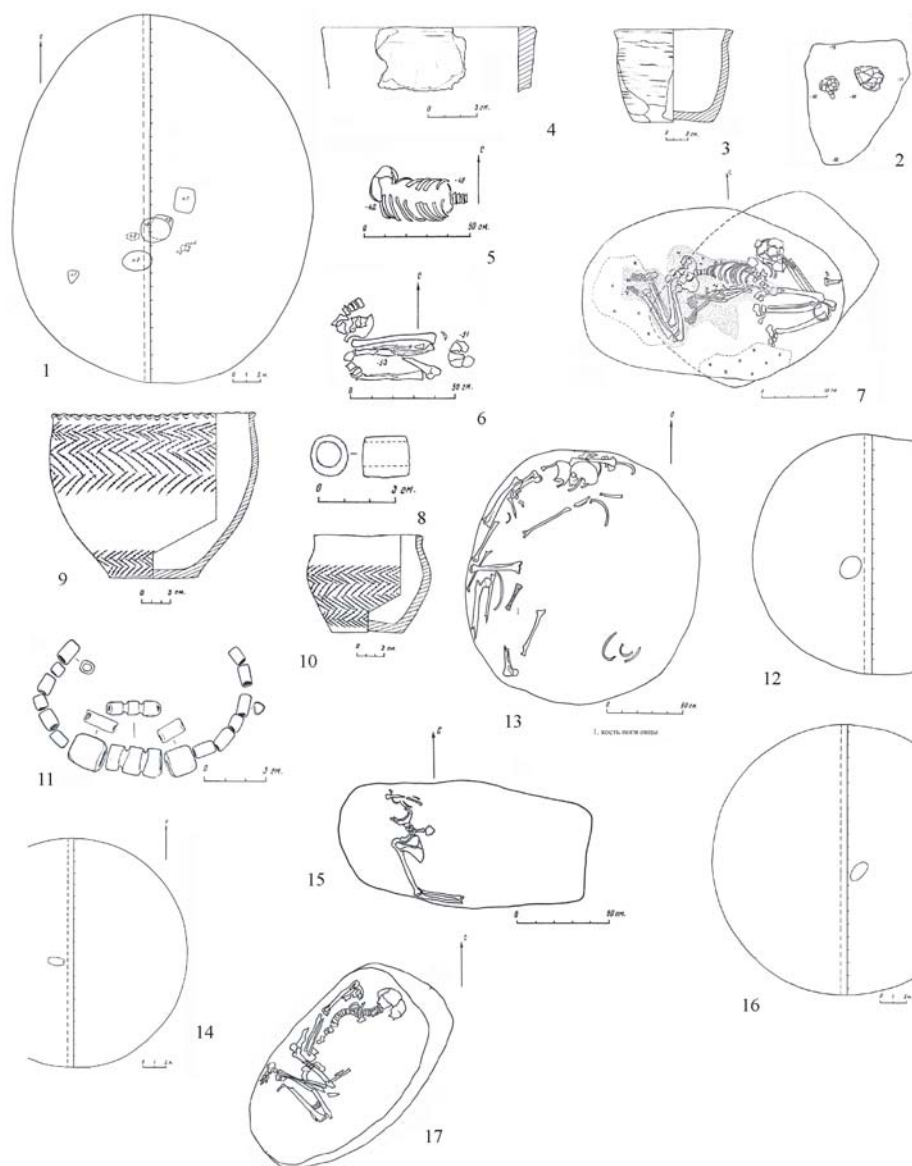

Рис. 2. Материалы Чапаевского могильника: 1 - курган 3; 2-4 - 3/1;
 2 - погр. 1 из к. 3 (1-развал сосуда); 5-3/2; 6-3/3; 7-11-3/6,8;
 7 - погребения 6 (А) и 8 (Б) из к. 3 (1-сосуд с костью МРС; 2 - сосуд; 3 - пронизки
 из п. 8; 4 - пронизка из п. 6); 12 - курган 4; 13 - 4/1 (1 - кость МРС); 14 - курган 5;
 15 - 5/1 (1-кости ребенка); 16 - курган 6; 17 - 6/1. 3, 4, 9, 10 - керамика; 8, 11 - кость.

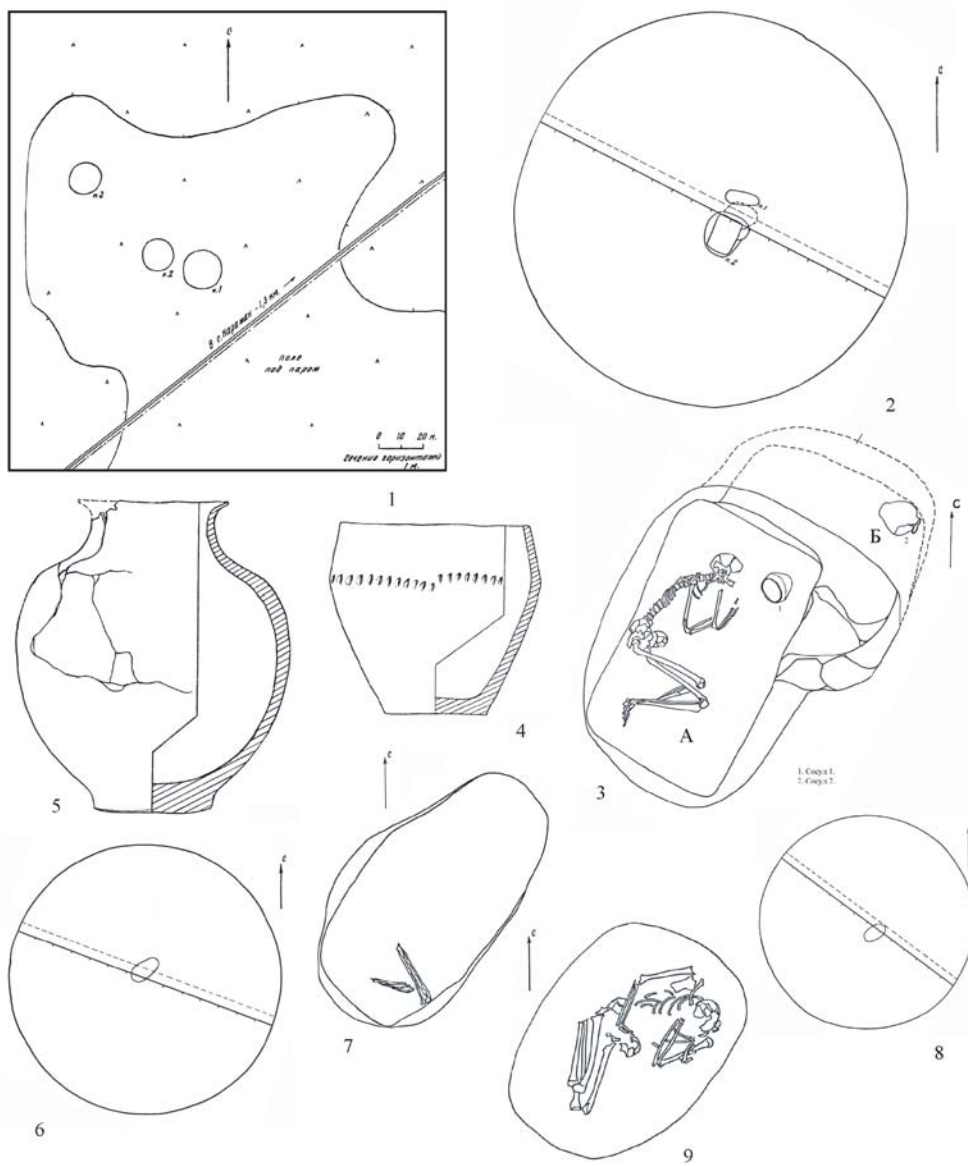

Рис. 3. Материалы Караманского могильника: 1 – курганная группа у с. Караман; 2 – курган 1; 3-5 – 1/2, 3; 3 – погребения 2 (А) и 3 (Б) из кургана 1 (1-сосуд из п. 2; 2-сосуд из п. 3); 6 – курган 2; 7-2/1; 8-курган 3; 9-3/1 (1-кости МРС).

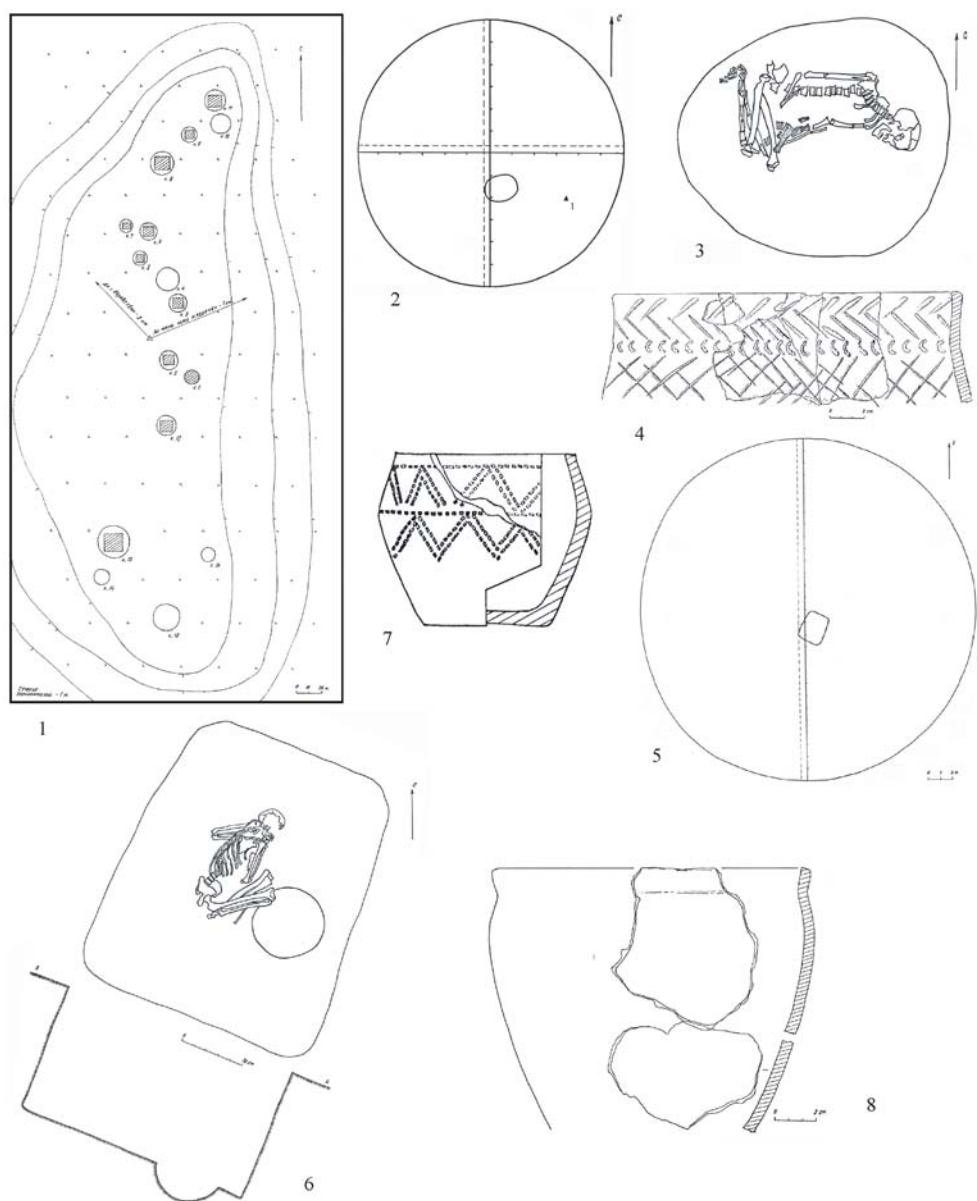

Рис. 4. Материалы из курганов «Рунталь» и «Орошаемый»: 1 - могильник «Рунталь»; 2 - курган 1 (1-погребение; 2-фрагмент сосуда); 3 - 1/1 (1-кости МРС); 4-фрагмент сосуда из насыпи кургана 1; 5-курган «Орошаемый»; 6-8 - погребение и керамика из кургана «Орошаемый».

Сергеева О.В.

АНАЛИЗ ПОСЕЛЕНИЙ ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ
НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
(ТИПЫ, ПЛОЩАДИ, ПЛОТНОСТИ ЗАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНА)

Изучение групп поселений как целой макроструктуры общества имеет в археологии первостепенное значение и открывает большие возможности для исторической реконструкции, позволяющей судить о значительных, по размерам, общественных и даже, как надеются исследователи, политических структурах [48. С. 84]. Поэтому весьма важно иметь представление об ее количественных параметрах.

Хронологические рамки исследования охватывают всю эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья, когда его территорию занимала срубная культурно-историческая область. Мы придерживаемся такой системной группировки, при которой срубная культурно-историческая область (СКИО) моделируется на основе нескольких археологических культур: покровской, локальные варианты собственно срубной и хвалынской. Эта модель нелинейна и неоднородна и не носит жесткого характера для всех регионов СКИО [42. С. 241]. Четкой грани между названными культурами в поселенческих материалах не прослеживается. Часто керамика названных культур залегает на них совместно, стратиграфически не разделяясь.

Однослойных покровских поселений, за исключением Садов, где покровский слой стратиграфически отчленяется от хвалынского [39. С. 159], не выявлено. Однако многие срубные селища (прежде всего, Волго-Донское междуречье) содержат от 3 до 20% (в среднем около 10%) покровской керамики [63. С. 40]. Ее фрагментарность, большее разнообразие в сравнении с погребальной, эволюционный характер развития затрудняют в настоящий момент четкое выделение на поселениях покровского пласта, если таковой имел место. Соотнося поселенческую покровскую керамику с погребальной, можно констатировать ее относительно поздний характер. Количество хвалынских селищ также невелико.

Таким образом, основная масса поселений, участвующая в анализе, относится к классической срубной культуре. Расчленив срубные памятники, занимающие согласно современной хронологической шкале около двухсот лет и характеризующиеся высокой степенью стандартизации сопроводительного инвентаря, на хронологические периоды на данный момент достаточно

сложно. Тем не менее, не все срубные поселения существовали одновременно, поэтому по керамическому материалу они были условно разделены на более ранние (имеющие в керамике черты предшествующих культур, и в частности – покровской) и более поздние памятники.

Метод углеродного датирования позволяет определить абсолютные хронологические рамки названных культур. По калиброванным датам покровская культура датируется XX–XVII вв. до н. э., срубная культура в среднем – XVI–XV вв. до н. э., хвалынская культура валиковой керамики – XV–XIV вв. до н. э. [64. С. 80–81; 43. С. 200–201; 31. С. 26; 16. С. 12–16; 19. С. 98].

В работе предпринята характеристика бытовых памятников эпохи поздней бронзы, которая включает в себя топографические особенности, анализ площади и типов поселений, плотность заселения региона. Данная характеристика проводилась по географическим зонам, а также отдельно для правого и левого берегов Волги, т. к. в последние годы наметилась тенденция к разделению ареала срубной культуры на восточный и западный массивы памятников по ее руслу [12. С. 32; 57. С. 71]. Вероятно, такое деление оправдано, т. к. берега различаются по своим природно-географическим параметрам, а жизнедеятельность первобытных коллективов самым тесным образом была связана с природно-географической средой. Даже незначительные изменения природно-климатических условий приводили к хозяйственной переориентации, а порой – и к массовым миграциям [28; 58. С. 5–6; 37. С. 29].

В связи с этим достаточно подробно остановимся на характеристике экологического окружения поселений эпохи поздней бронзы. Территория Нижнего Поволжья, включающая Саратовскую, Волгоградскую и Астраханскую области, расположена в четырех географических зонах, простирающихся в широтном направлении: лесостепной, типичной степной, засушливой степной и полупустынной [52. С. 22–24].

Нижеволжский регион включает в себя Приволжскую и Заволжскую провинции. Северную часть Приволжской провинции занимает Приволжская возвышенность. Ее поверхность имеет своеобразные формы рельефа. Здесь много террас, придающих уступу ступенчатость, многочисленна овражно-речная сеть. В междуречьях чаще всего встречаются увалы. Склоны увалов нередко изрезаны густой сетью оврагов. Реже встречаются гряды с холмами и выступами, называемыми мысами. Юго-восточное окончание Приволжской возвышенности (Волгоградская область) образует высокое плато Волго-Донского водораздела. Оно имеет ярусное строение, сложено моноклиально, залегающими пластами разновозрастных пород. Южнее проходит западная граница Прикаспийской впадины, образующая Сарпинскую низменность с системой ложбин, лиманов и озер.

Речная сеть принадлежит к двум речным бассейнам – Волжскому и Донскому. Наиболее крупными реками Волжского бассейна являются Сура и Терешка, Донского – Хопер, Медведица. Все долины рек имеют широкую пойму, две надпойменные террасы и относятся по своему режиму к восточно-европейскому типу.

В Заволжье простирается Сыртовая равнина, окаймленная с востока западными отрогами возвышенности Общего Сырта, а с юга – Прикаспийской низменностью. Поверхность низменного террасового Заволжья поднимается с запада на восток. В этом же направлении меняется состав слагающих пород.

Рельеф северной части Заволжья увалисто-долинный. Высокие водораздельные сырты чередуются с глубокими долинами рек и балками. Наблюдается ступенчатость рельефа.

Расположенная в южной части Заволжья Прикаспийская низменность, наклоненная в сторону моря, – плоская, безводная и бессточная равнина с абсолютными высотами от +50 м на севере до –28 м на юге. В пределы полупустынной зоны входят Ергини, представляющие слабовсхолмленную равнину, сложенную третичными породами. Типичное явление полупустынной зоны – лиманы, падины, ссоры [65. С. 10–21].

Все реки Левобережья Нижнего Поволжья принадлежат двум основным системам – р. Волге и р. Б. и М. Узней. Наиболее значительны из левобережных волжских притоков: Чагра, М. и Б. Иргизы, Б. Караман, Еруслан и Ахтуба.

Главная речная артерия – Волга – в основном имеет меридиональную направленность течения. Левый берег ее долины состоит из поймы и системы террас. Рельеф волжской поймы разнообразен и весьма подвержен паводковому воздействию.

Климат Нижнего Поволжья относится к континентальным климатам умеренных широт. Он характеризуется жарким засушливым летом и холодной зимой с небольшим количеством снега. Континентальность усиливается в направлении с СЗ на ЮВ и В. В таком направлении возрастает количество солнечной радиации, уменьшается количество осадков, облачности. Количество осадков снижается с севера на юг с 500 до 250 мм. Вегетационный период продолжается от 175–180 дней на севере (лесостепь) до 200 дней на юге (полупустыня).

По данным палеоклиматологии, бронзовый век, в общих чертах, совпадает с суббореальным периодом голоцена, который по М.И. Нейштадт [1983], относится к среднему голоцену, длительной эпохе глобального потепления. В XXVII–XXV вв. до н. э. в восточно-европейском регионе начинается длительная аридизация, продолжавшаяся до XVII–XV вв. до н. э. Эпоха характеризуется усилением континентальности климата.

Позднее суббореальное – раннеатлантическое увлажнение эпохи поздней бронзы в степях Восточной Европы началось в XVI–XIV вв. до н. э. Переход от эпохи предшествующей аридизации к увлажнению был резким по краткости во времени и менее резким – по изменению величины увлажнения (+20, +30 мм) [20. С. 4; 56. С. 110; 22. С. 83–84]. По данным К. Брукс [8. С. 282], на 1275 г. до н. э. приходится кратковременный максимум выпадения дождей.

В.А. Климановым были определены основные климатические параметры хроносреза сер. II тыс до н. э. для Северной Евразии. Между 65 и 55–60 гр. с. ш. среднегодовые температуры были на 1–2 градуса выше современных, южнее – на 1 градус и менее [21. С. 146].

Палеопочвенное изучение археологических памятников различных культур дало основание считать предшествующую эпоху – средней бронзы – в палеоэкологическом отношении кризисной. Начало же формирования срубной общности совпадает по времени с увеличением увлажнения. Анализ почвенно-геологических условий стоянки Ерзовка 2, выполненный С.В. Голубиным [17, приложение 1], позволил считать, что формирование погребенной почвы шло в условиях высокого увлажнения. Это повлекло ми-

грацию природных рубежей к югу, с формированием современного облика почвенной зональности. Таким образом, время существования срубной общности можно характеризовать как период климатического оптимума [13. С. 305]. Смена аридных условий суббореальным увлажнением, вероятно, явилось немаловажным экологическим импульсом для развития хозяйства срубных племен [22. С. 84]. Обилие природных ресурсов региона создало все необходимые условия для занятия местного населения животноводством в различной степени подвижности.

В это же время юго-восток территории Нижнего Поволжья (Рын-пески) характеризуется резкой аридизацией климата, слабой заселенностью, вследствие невозможности регулярного ведения здесь скотоводческого хозяйства [9. С. 101].

Начальные тенденции изменения климата в сторону аридизации в Нижнем Поволжье скорее всего наметились в первой четверти I тыс. до н. э. [15. С. 47].

Лесостепная зона в нижеволжском регионе охватывает север и северо-западные участки Саратовской области. Граница ее со степной зоной проводится приблизительно по северной границе сплошного распространения обыкновенных черноземов. Она образует ломаную линию, проходящую вблизи населенных пунктов: Романовка, Аркадак, Ртищево, Аткарск, Татищево, Базарный Карабулак, Воскресенское [66. С. 51].

В ее ландшафте господствуют разнотравно-типчаково-ковыльные степи, на фоне которых разбросаны значительные острова лесов. Лесостепные массивы занимают водоразделы и верхние части их склонов, составляя 10% площади Правобережья. Частые засухи и суховеи сближают южную лесостепь со степной зоной [52. С. 141].

Больше всего в пределах Нижнего Поволжья степей. В степной зоне находятся: почти вся Саратовская область, Правобережье Волгоградской области, примыкающее к Ергеням, Заволжская песчаная гряда. Южная граница степной зоны проходит через дюринско-чижинские лиманы, пересекает среднее течение Узены и Еруслана, затем тянется параллельно Волге, вдоль края второй террасы, и, на широте Волгограда, переходит в Правобережье.

Степи Нижнего Поволжья разделяются на несколько подзон, которые можно объединить в два варианта: северные и южные степи [52. С. 163-164; 66. С. 43; 3. С. 29]. Северные разнотравно-типчаково-ковыльные степи на черноземных почвах занимают северо-западную часть зоны степей. Южная подзона сухих типчаково-ковыльных степей соответствует полосе каштановых почв. Почвы и растительность в степной зоне изменяются с запада на восток, что связано с уменьшением суммы осадков к востоку. Помимо растительности, эти подзоны различаются по географическим, гидрологическим и климатическим условиям.

В степном Заволжье наблюдается «зональный сброс», или ландшафтно-зональный сдвиг к северу, в сравнении с Правобережьем. Против лесостепной зоны Правобережья Волги в Заволжье расположены черноземные степи и т. д. [30. С. 159; 72. С. 4]. В результате, в Заволжской провинции выпадает меньше осадков, чем в Приволжской провинции на тех же широтах.

Зона полупустыни отличается крайней засушливостью, развитием полынно-солонково-злаковой растительности на солонцеватых светло-

каштановых почвах. Характерной особенностью полупустыни является мозаичность, микрокомплексность почвенно-растительного покрова. А.Г. Доскач выделяет в полупустынной зоне интереснейший район – Эльтонско-Баскунчакскую равнину, которая изобилует крупными соленосными озерными котловинами (Горькое, Боткуль, Эльтон, Баскунчак). Здесь сосредоточены огромные запасы поваренной соли [18. С. 86–87].

Палеопочвенные исследования археологических памятников Волго-Донского междуречья на территории Приволжской возвышенности показали, что за последние 4000 лет изменчивость почвенных признаков и свойств была в целом очень небольшая. Эволюционных преобразований на таксономическом уровне типа (подтипа) не происходило. Это дает основание считать, что границы почвенно-географических зон (подзон) сохранялись довольно стабильными [15. С. 83]. Многие исследователи считают, что не только границы между зонами, но и состав флоры были примерно теми же, что и современные [52. С. 152, 182; 71. С. 282–284].

В настоящее время, в результате сплошного археологического обследования территории Нижнего Поволжья, выявлено большое количество поселений эпохи поздней бронзы. Нами учтено 1040 бытовых памятников. Из них 453 расположено на правом берегу Волги (ПБ) и 587 – в Заволжье (ЛБ). Анализ проводился на основе тщательно проработанной археологической карты, на которую были нанесены все известные на сегодняшний день населенные пункты в соответствии с их типом – поселение, стоянка, местонахождение, а также – в соответствии с размером их площади.

Около 90% срубных селищ расположено на первых надпойменных террасах больших и малых рек (87,9% – ПБ, 92,9% – ЛБ), из них 17% на мысах (17,8% – ПБ, 15,9% – ЛБ). В поймах рек находится около 5% памятников. На второй надпойменной террасе обнаружено в Правобережье 6,2% поселений, а на левом берегу Волги, т. е. в зоне сухих степей – 1,9%. Наибольшей плотностью памятников отличаются берега рек Волги, Терешки, Медведицы, Б. и М. Иргизов, Б. и М. Узеней.

Подобная картина топографического размещения поселений СКИО наблюдается в Донской [50. С. 127] и Волго-Уральской лесостепи [10. С. 84; 55. С. 52].

Бытовые памятники исследуемого региона были типологически разделены на поселения, стоянки и местонахождения. Под поселением понимается территория, где члены общины живут и осуществляют в течение определенного отрезка времени (более одного сезона) свои социальные функции [47. С. 66]. Поселения имеют значительный культурный слой (от 0,3 м и более), следы жилищных котлованов. Отнесение памятников к этому виду основывается, как правило, на наличии раскопанной площади представительных или разведочных сборах (более 100 фрагментов), позволяющих говорить о его долговременности.

К стоянкам отнесены бытовые памятники, мощность культурного слоя которых незначительна, следов жилищных западин не прослежено, но собран значительный подъемный материал.

Наиболее широко распространенным видом памятников являются местонахождения, где в результате разведок или стационарных работ на многослойных поселениях встречено небольшое количество (до одного – двух де-

съятков) фрагментов срубной керамики. Местонахождения и стоянки являются условными типами, так как при проведении стационарных раскопок на них могут быть выявлены культурный слой и котлованы построек.

Картирование выделенных типов поселенческих памятников по географическим зонам показало, что количество поселений и стоянок постепенно уменьшается в направлении с северо-запада на юго-восток, а численность местонахождений увеличивается (табл. 1). В полупустыне местонахождения – фактически единственный тип памятников, отражающий кочевой образ жизни оставившего их населения. Процент поселений и стоянок дает Волго-Ахтубинская пойма, являющаяся своеобразным оазисом.

Таблица 1.

Соотношение типов памятников по географическим зонам

Зона	Поселение %	Стоянка %	Местонахождение %	Количество
Лесостепь	20,5	23,2	55,9	234
Север. степь	35,0	32,7	32,1	171
Южная степь	33,7	23,1	43,1	181
Полупустыня	18,2	18,2	63,6	33

Подобные наблюдения не новы. Еще П.С. Рыков, в конце 20-х годов, одним из первых обратил внимание на различия в характере нижневолжских поселений. В дальнейшем, с увеличением числа поселенческих комплексов, этот вопрос затрагивают многие исследователи. В частности, Н.К. Качалова в начале 70-х годов, проведя анализ срубной культуры с учетом экологической среды, выявила специфические различия в пределах ее распространения в степи и лесостепи, которые фиксировались уже в начале существования срубников и нашли отражение в хозяйственном укладе и во всем облике срубной культуры [28. С. 15–18]. Проведенный на значительно расширенном материале анализ еще раз подтвердил выдвинутую ранее точку зрения. Кроме этого, местонахождения в лесостепной зоне также трактуются как «...следы традиционных остановок или сезонных стоянок на пути разветвленной сети маршрутов, совпадающих с бассейнами малых и средних рек региона» [11. С. 7], когда, по мере истощения пойменных пастбищ вблизи поселков, животных необходимо было угонять на значительные расстояния.

Между тем выявилось, что наибольшее количество долговременных поселков расположено в степной зоне, превосходя в этом отношении лесостепь на 10–15%. Вероятно, на такой результат повлияла большая задернованность лесостепных участков, не позволяющая не только собрать значительное количество подъемного материала, но порой вообще обнаружить поселение. Ведь именно лесостепная зона обладала громадной экологической емкостью, значительно превосходящей по этому показателю сопредельные географические зоны, что обуславливало и ее демографическую емкость [62; 11. С. 1–2]. Процентный состав различных типов памятников в северной степи оказался одинаков для обоих берегов.

В основу классификации поселков по площади был положен признак величины поселения, условно определяемый, для всех случаев, как имеющий

прямоугольную форму. Такой подход «...приводит к некоторому завышению площади, но его применение ко всем памятникам делает достаточно надежными устанавливаемые относительные различия между ними» [46. С. 204]. Зона полупустынь в расчеты не вошла ввиду малого количества данных.

Площадь поселений определялась по распространению подъемного материала на поверхности памятника. Установить размер всех поселений не представляется возможным, т.к. часть из них полностью или частично разрушены. О многих других нет интересующих нас сведений в археологических отчетах и публикациях. Тем не менее, в исследовании использованы данные с 531 бытового памятника. Их площадь колеблется от 500 кв. м до 40 тыс. кв. м. Распределение площади поселений на координатной оси позволило разделить их по величине на четыре группы. Причем такие графики были составлены как для всех нижеволжских поселений в целом, так и отдельно для правого и левого берегов Волги. Общий график не дал четких групп, и границы двух последних выделены условно:

- I – 500–9000 кв. м;
- II – 9000–14000 кв. м;
- III – 14000–19000 кв. м;
- IV – более 19000 кв. м.

Границы групп заволжских поселений (рис. 1) практически идентичны границам групп, выделенным на общем графике, а в ПБ они несколько меньше (рис. 2). Так, вторая группа включает в себя памятники размером 7000–11000 кв. м, а третья – 11000–19000 кв. м. При этом важно отметить, что для ЛБ характерны четкие границы между группами, в то время как в ПБ они размыты, особенно это касается третьей и четвертой. Максимальное количество селищ приходится на первую группу. Она составляет 74,7%, причем пик численности соответствует интервалу от 2000 до 3000 кв. м. Вторая группа содержит 11,4%, третья – 5,1% и четвертая 8,7% бытовых памятников. Что касается различий в процентном соотношении между ПБ и ЛБ поселениями, значительные из них наблюдаются только для первой и третьей групп. Так, в ЛБ больше первая группа, соответственно 71,4% (ЛБ) и 64,5% (ПБ), а в ПБ – третья, соответственно 10,3% (ПБ) и 4,2% (ЛБ).

Что касается географических зон, процентное соотношение типов поселений по величине примерно одинаково для каждой из них (табл. 2).

Таблица 2.

Соотношение размеров поселений по географическим зонам

Зона	I тип %	II тип %	III тип %	IV тип %	Количество
Лесостепь	74,2	12,5	7,1	6,2	144
Сев. степь	63,9	18,8	9,0	8,4	122
Южн. степь	74,2	16,0	8,2	1,6	171

Выявленные различия, возможно, связаны с разными локальными группами нижеволжской срубной культуры, которые условно можно назвать «правобережная» и «левобережная». Кроме того, четкость границ групп в Левобережье и размытость их на правом берегу, возможно, говорят о более

обособленном развитии срубной культуры в заволжских степях, в то время как в Правобережье многие ранние поселения дают покровские материалы, а поздние – срубно-хвалынские. Следовательно, можно предположить, что степень участия каждого из компонентов сложения нижневолжской срубной культуры в этих районах была не одинакова. Конечно, данное предположение должно быть подтверждено анализом погребальных памятников и вещественного материала. Но уже сейчас в пользу существования локальных групп свидетельствуют определенные различия в поселенческой керамике, которые фиксируются в наборе форм и системе орнаментации посуды [23. С. 7; 24. С. 31–33]. Определенные различия отмечаются и при анализе погребальных памятников [40. С. 150; 74. С. 71–72].

С другой стороны, такие различия, могут быть связаны не с различными компонентами сложения, а с более ранним оседанием на землю именно в правобережных районах, где в керамических комплексах, как поселений, так и погребений, часто присутствует покровская керамика, и которые, как считает ряд исследователей [41. С. 85; 73. С. 83–87; 7. С. 67; 33. С. 25], по всей вероятности, дают плавную картину генезиса срубной культуры.

Тезис о неоднородности срубных памятников в Нижнем Поволжье и выделении локальных вариантов в нижневолжской срубной культуре уже высказывался исследователями, но связывался с наличием дифференциации видов хозяйственной деятельности внутри географических зон и даже, подзон [25. С. 38–39]. Безусловно, бытовые памятники двух берегов Волги, соответствующие в свою очередь разным географическим зонам, различаются не только размерами поселений, частично обликом материальной культуры, а возможно, и происхождением, но и типом скотоводческого хозяйства, определяющегося комплексом природно-климатических условий, неодинаковых в отдельных районах Нижнего Поволжья.

Поэтому, существование правобережной и левобережной локальных групп в рамках нижневолжской срубной культуры не выглядит столь неправомерным. Однако, на наш взгляд, более весомо аргументировать их выделение могут: определение основ формирования и детальный анализ керамики и инвентаря.

Для западного Оренбуржья характерны две группы бытовых памятников: первая до 2000 кв. м (большая), вторая от 5 до 10 тыс. кв. м. Расположены они, в отличие от нижневолжских, в пойменных участках местности [67. С. 84]. Поселения лесостепного Поволжья и Приуралья также, как правило, имеют сравнительно небольшие размеры [11. С. 24].

Средняя площадь срубных поселений левобережной Украины в пограничье степи и лесостепи составляет 15 тыс. кв. м. Топография, размеры и густота поселений данной территории сходны с памятниками Дона и Северского Донца [4. С. 86–87].

Так, для нижневолжского региона характерна хуторская система расселения, когда на поселении с одной-тремя постройками, как правило, только одно помещение являлось жилым, и в нем проживала одна большая семья [53. С. 36; 35. С. 69–70]. Поселения с большим количеством землянок составляют исключение: Рассказань (10), Карамышевка (8), Козловка (6). В то же время, в Среднем Поволжье, поселения делятся исследователями по размерам и планиграфическим характеристикам на хутора и поселки. Причем разли-

чия связывают не только с хозяйственными, но и с социальными условиями срубного общества [27. С. 211]. В западном ареале СКИО, например, на территории левобережной Украины, С.С. Березанская [5. С. 92–96] реконструирует социальную структуру поселка, состоящего из пяти – десяти построек, как несколько малых семей, объединенных в патронимию. О неравномерном социальном развитии в пределах срубной общности на основе анализа погребальных памятников высказывается В.В. Цимиданов [69. С. 16].

Несмотря на важность полученных результатов, они не дают нам возможности проследить динамику заселенности края на различных этапах эпохи поздней бронзы. Как уже отмечалось, сложно выделить хронологические периоды в рамках классической срубной культуры. Тем не менее, по керамическому комплексу, можно выделить более ранние и более поздние поселения. При этом, уточним еще раз, что большинство памятников известно лишь по археологическим разведкам. Несмотря на всю условность полученных данных, они все же дают некоторую возможность оценить процессы, происходившие в нижневолжском регионе в эпоху поздней бронзы.

Итак, более ранние срубные поселения составляют около 26%, более поздние – 61% и поселения хвалынского времени – около 12%. Мы видим резкое увеличение срубных поселков и еще более резкое сокращение их к финальному (хвалынскому) этапу позднего бронзового века. В процентном соотношении селищ относительно берегов Волги существенных различий не наблюдается. Значительно больший процент дали в Правобережье хвалынские поселки, практически отсутствующие в Заволжье. Подобная картина развития поселенческих комплексов наблюдается и в других регионах СКИО [2. С. 16–22; 50. С. 131; 6. С. 207–213].

Наиболее ранние срубные поселки расположены, в основной своей массе, на севере Нижнего Поволжья и приурочены к лесостепной зоне и северной степи, и лишь незначительное их количество заходит далеко в степь. В последующий период поселения занимают все экологические ниши региона, как лесостепной, так и степной зон. При этом хвалынские поселки открыты преимущественно в пойме Волги и в лесостепи, в Заволжье большее распространение получили позднесрубные селища типа Осина Гая. Кроме того, здесь известны позднесрубные селища (Резвое, Озинки-1, Торгун-1, 2, Титово, Теликовка, Досанг, Болхуны, Сероглазово, Басинские дюны и др.), керамика которых сопоставляется с сосудами нурского типа [26. С. 76–77; 36. С. 79–80].

Вычисление коэффициента плотности поселений, образованного их средним числом на 1000 кв. м площади, и сравнение его за различные периоды бронзового века показало фактор роста, представляющий отношение коэффициента одной эпохи к коэффициенту другой.

В расчетах плотности памятников на единицу площади использовались поселения, расположенные на территории Саратовской области, т. к. именно здесь, в лесостепи и степи, население было постоянным. Площадь Саратовской области составляет 100,2 тыс. кв. км. На этой территории на сегодняшний день зафиксировано 973 поселения. Таким образом, для эпохи поздней бронзы на 1000 кв. км в среднем приходится девять-десять поселений. Для более ранних памятников плотность составляет 2,5, для более поздних – 5,9 и для срубно-хвалынских – 1,2.

Подобная динамика, вероятно, отражает общие процессы, происходящие в позднебронзовом обществе, когда оно после первоначального подъема начинает свой путь стагнации, явления достаточно типичного «...для такой диалектически динамичной системы, как раннее комплексное общество» [49. С. 162], к которому в последнее время многие исследователи относят и срубное. В качестве возможных факторов подобного внутреннего развития В.М. Массон называет: технологический архаизм производственного комплекса, экстенсивность хозяйства, отсутствие центров с четко выраженными урбанистическими чертами [49. С. 146–147].

Эпоха средней бронзы дает небольшое количество поселений. При этом необходимо учитывать многократное заселение одних и тех же мест на протяжении неолита-бронзы. Очевидно, что часть селищ средней бронзы перекрыта поселками позднебронзового века, в то время как в последующие эпохи они не заселялись. Поэтому нами были учтены и те поселения, где встречены отдельные фрагменты керамики средней бронзы. Всего на территории Саратовской области насчитывается немногим более шестидесяти селищ, причем более 70% их расположено в Правобережье. Таким образом, на 1000 кв. км в среднем приходится 0,6 памятников. Реально этот показатель несколько выше, т. к. из-за указанных выше причин выявлены не все поселения, с другой стороны, не все они были одновременными. Итак, количество поселков, в сравнении с предшествующей эпохой, к началу поздней бронзы возросло как минимум в четыре раза.

К сожалению, подобных коэффициентов нет для других территорий СКИО, а также сопредельных культур, что делает невозможным их сравнение. Такие данные известны лишь для эпохи поздней бронзы Молдавии и Балканского полуострова. Наиболее близки они к показателям Северной Молдавии, где коэффициент числа поселений на 1000 кв. км составляет 12,1 [46. С. 211].

Анализируя поселения эпохи поздней бронзы, коротко остановимся на тех из них, где обнаружены разного рода свидетельства металлообработки. К ним относятся находки кусочков руды, шлака, литейных форм, сопел [44. С. 129–131; 45. С. 3–21]. Картирование выявило интересную картину их размещения на территории нижневолжского региона (рис. 3).

Всего на территории края нами учтено тридцать три поселения эпохи поздней бронзы со свидетельствами металлообработки: тринадцать из них на правом берегу р. Волги и двадцать поселений в Заволжье. Большинство из них подвергалось раскопкам или шурфовкам.

Все правобережные памятники расположены по берегу Волги и Хопра, за исключением Новой Покровки-2 (р. Терешка) и Нестеровки (р. Медведица). На девяти из них проводились стационарные исследования, в результате которых были выявлены остатки построек. Причем, на поселениях Липовый Овраг и Усть-Курдюм они интерпретировались авторами раскопок [1. С. 133–143; 38. С. 93–95; 68] как металлообрабатывающие мастерские. На всех селищах были найдены литейные формы либо их фрагменты, на поселении Липовый Овраг – литейные формы и шлаки, и лишь в Ивановке – только шлаки.

Заволжские памятники сконцентрированы на северо-востоке и востоке области по берегам рек Большой и Малый Иргизы, Камелик (левый приток

Б. Иргиза), а также – по левому берегу Волги, за исключением Дьяковки-2 (р. Еруслан), Малоузенского (р. М. Узень), Кумыски (р. Торгун), Милорадовки-1 (р. Б. Иргиз). Большинство поселений подвергалось раскопкам либо шурфовкам. В отличие от правобережных селищ, мы имеем здесь, главным образом, находки шлаков, а по Волге – литейных форм. Справедливости ради необходимо отметить, что не все из найденных шлаков можно однозначно, без специального анализа, отнести к бронзолитейному производству. Особенно это касается тех из них, о которых известно по довоенным архивным данным. На восьми памятниках найдены только фрагменты литейных форм, причем четыре из них расположены на берегу Волги (Скатовка, Терновка, Смеловка, Бережновка). На трех поселениях (Преображенка 1, Малый Иргиз 1, Озеро Калач) – шлаки и фрагменты литейных форм.

Таким образом, с востока на запад уменьшается количество интересующих нас поселений, а также изменяется характер находок: шлаки – литейные формы.

Восточные районы Заволжья примыкают к западным и южным отрогам Общего Сырта. Здесь берут свое начало реки Б. Иргиз и Камелик, на берегах которых расположено большее количество бытовых памятников. Картирование поселений со следами металлообработки показало пути поступления металла, а возможно и руды, в Нижнее Поволжье из Южного Приуралья, где сосредоточением наиболее богатых выходов руд является Каргалинское месторождение, расположенное в 300–500 км от заволжских памятников. Оттуда масса добывавшейся медной руды развозилась по громадным пространствам Волго-Уралья. По мнению Е.Н. Черных, обитатели Каргалов, распространяя руду по обширным пространствам, тем самым, «...рассредоточивали плавку медной руды по многим мелким мастерским, что в значительной мере ослабляло риск от экологической антропогенной нагрузки, с которой этот обедненный древесной растительностью край мог бы не справиться» [70. С. 68–69].

Самарские исследователи выстраивают подобную цепочку памятников по бассейну р. Самары [32. С. 17], где, по свидетельствам К.В. Сальникова, между реками Самарой и Током известны богатые своим содержанием медистые песчаники [61. С. 182]. С другой стороны, к Правобережью бассейна р. Самары примыкает поселение Горный, которое может рассматриваться как начало этой цепи. В древности «притоки Волги Самара и Большой Иргиз соединялись с волжской и уральской акваториями в замкнутую систему» [32. С. 17], которую население бронзового века вполне могло использовать для установления быстрой связи с соседними регионами. Здесь же, в Самарском Заволжье, около с. Михайлово-Овсянка [51. С. 188], находится еще одно месторождение меди, разработка которого относится к срубному времени.

Схожая картина наблюдается в Донецком горно-металлургическом центре, где Р.А. Литвиненко выделяет три группы поселений, имеющих свидетельства последовательных производственных циклов [34. С. 17–18].

Наиболее западные саратовские правобережные памятники, расположенные в Волго-Донском междуречье, возможно, получали медь оттуда.

О существовании специализации отдельных поселений на металлургическом либо металлообрабатывающем производстве утверждают А.Д. Пряхин и А.С. Саврасов, рассматривая материалы Мосоловского и Усовоозерского поселений, что в известной мере позволяет говорить им о ремес-

ленном характере производства [59. С. 32–34]. За существование специализации в данном виде производства высказываются и другие исследователи [60. С. 38–40; 29. С. 102].

Фиксируемое «кустовое» расположение срубных поселков предполагало интенсивные обменные отношения между ними, равно, как и с ближайшими группами поселков. Безусловно, в этих экономических контактах ведущая роль принадлежала поселкам, поставляющим металлические изделия, столь необходимые в хозяйственной деятельности населению эпохи бронзы [29. С. 102].

Таким образом, анализ поселенческих памятников по типам и размерам, в соответствии с географическими зонами и берегами Волги, проводившийся на основе тщательно проработанной археологической карты, показал некоторые их различия. Эти различия, подтвержденные разницей природно-климатических условий, палеоэкономических укладов, и частично обликом материальной культуры, возможно, связаны с двумя локальными группами нижневолжской срубной культуры, которые условно можно назвать «правобережная» и «левобережная». Возможно, в них отразилась различная степень участия тех или иных компонентов сложения, характерных для нижневолжской срубной культуры в целом.

Коэффициенты плотности поселений на 1000 кв. км и их соотношение с предшествующей эпохой показали динамику роста населения и отразили общие процессы, происходящие в позднебронзовом обществе, когда оно после первоначального подъема начинает свой путь стагнации. К эпохе поздней бронзы количество поселков в сравнении с предшествующей эпохой возросло, как минимум, в четыре раза.

Картирование поселений со следами металлообработки показало пути поступления металла, а возможно, и руды, в нижневолжский край из Южного Приуралья, а также выявило определенные различия, характерные для памятников Правобережья и Заволжья.

Литература:

Агапов С.А., Иванов А.Ю. Металлообрабатывающий комплекс поселения Липовый Овраг // Поселения срубной общности: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж, 1989.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Срубная культура лесостепного Поволжья // Культуры бронзового века Восточной Европы: сб. науч. тр. Куйбышев, 1983.

Алексеевская Н.К., Крылова А.И. Физическая география Поволжья: Учеб. пособие. Саратов, 1991.

Беляев А.В. Памятники срубной культуры в пограничье степи и лесостепи на Украине // Древние культуры Поволжья и Приуралья: науч. тр. КГПИ. Куйбышев, 1978. Т. 221.

Березанская С.С. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев, 1990.

Бессуднов А.Н., Мельников Е.Н. Динамика заселения срубной культуры территории Верхнего Подонья // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: материалы междунар. науч. конф.

«К столетию периодизации В.А.Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001.

Бочкарев В.С. Волго-Уральский регион в эпоху бронзы // История татар с древнейших времен. Народы степной Евразии в древности. Казань, 2002. Т. 1.

Брукс К. Климаты прошлого. М., 1952.

Васильев И.Б., Иванов И.В. Взаимодействие человека и природной среды в междуречье Волги и Урала: (Рын-пески Прикаспийской низменности) // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века: материалы междунар. науч. конф. Волгоград, 1996.

Горбунов В.С. Постройки срубной культуры Волго-Уральской лесостепи // Мосоловское поселение поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи: тез. докл. и матер. конф. Воронеж, 1991.

Горбунов В.С. Проблемы реконструкции основ хозяйства населения Волго-Уралья в эпоху бронзы: материалы к курсу основ археологии. Уфа, 1992.

Горбунов В.С. Срубная культурно-историческая общность как одна из фундаментальных проблем двадцатого столетия // Бронзовый век Восточной Европы: Характеристика культур, хронология и периодизация: материалы междунар. науч. конф. «К столетию периодизации В.А.Городцова бронзового века южной половины Восточной Европы». Самара, 2001.

Демкин В.А. Палеоэкологические кризисы и оптимумы в евразийских степях в древности и средневековье // Комплексные общества Центральной Евразии в III-II тыс. до н. э.: тез. докл. науч. конф. Челябинск-Аркаим, 1999.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Борисов А.В. Палеопочвенные исследования археологических памятников Волго-Донского междуречья / Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 1998. Вып. 1.

Демкин В.А., Демкина Т.С., Песочина Л.С. Природные условия восточноевропейских степей в I тыс. до н. э. // Скифы Северного Причерноморья в VII-IV вв. до н. э. (проблемы палеоэкологии, антропологии и археологии): тез. конф. М., 1999.

Дергачев В.А., Бочкарев В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы / Отв. ред. В.М. Массон. Кишинев, 2002.

Дьяченко А.Н. Отчет об археологических раскопках в зоне строительства канала Волго-Донского водовода в Городищенском районе Волгоградской области в 1986 году / Архив ИА РАН № 11309. Приложение 1.

Доскач А.Г. Природное районирование Прикаспийской полупустыни. М., 1979.

Епимахов А.В., Хенкс Б., Ренфрью К. Радиоуглеродная хронология памятников бронзового века Зауралья // СА. 2005. № 4.

Иванов И.В. Особенности взаимодействия природы и общества на границе Европы и Азии // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии: тез. докл. науч. конф. Самара, 1996.

Иванов И.В., Васильев И.Б. Человек, природа и почвы Рын-песков Волго-Уральского междуречья в голоцене / Отв. ред. Н.Ф. Глазовский. М., 1995.

Иванов И.В., Луковская Т.С. 1997. Роль пространственно-временных изменений экологических условий Евразийских степей в развитии древних культурно-исторических общностей // Эпоха поздней бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: материалы междунар. науч. конф., посвящен. 100-летию со дня рожд. П.Д. Рау. Саратов, 1997. Ч. 2.

Изотова М.А. Сравнительно-статистический анализ керамики эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Срубная культурно-историческая область: материалы III Рыковских чтений. Саратов, 1994.

Изотова М.А. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // СА. 1996. № 4.

Изотова М.А. Роль природно-географического фактора в развитии культур степной зоны Нижнего Поволжья в эпоху поздней бронзы // Проблемы археологии Юго-Восточной Европы: тез. докл. VII Донской археол. конф. Ростов-на-Дону, 1998.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н. Сравнение хвалыньских поселений Нижнего Поволжья по формам керамики // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы: тезисы докл. 1-го Всесоюз. полевого семинара. Киев-Николаев-Южноукраинск, 1997.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Качалова Н.К. Лукьяновское поселение и некоторые вопросы срубной культуры // АСГЭ. 1974. Вып. 16.

Килейников В.В. Ремесло и домашнее производства у населения донской лесостепной срубной культуры // Исследования памятников археологии Восточной Европы: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Т. Синюк. Воронеж, 1988.

Кузнецов П.С. О районировании Нижнего Поволжья // Материалы совещ. по ест.-ист. и эконом.-геогр. районированию СССР для целей с/х. М., 1959.

Кузнецов П.Ф. Проблемы отражения параметров времени в культурах бронзовой поры степной зоны Восточной Европы // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: I Междунар. Нижневол. арх. конф.: тез. докл. Волгоград, 2004.

Кузнецов П.Ф., Мочалов О.Д. Самарская долина в бронзовом веке // Материальная культура населения бассейна реки Самары в бронзовом веке: сб. науч. тр. Самара, 2003.

Лапшин А.С. Памятники раннего и среднего этапов эпохи поздней бронзы Волго-Донского региона: (по материалам погребальных памятников): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2006.

Литвиненко Р.А. Памятники Северского Донца в системе Доно-Донецкой производственной зоны эпохи поздней бронзы // Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы восточноевропейской степи и лесостепи: тез. докл. и матер. конф. Воронеж, 1996.

Лопатин В.А. Постройки срубных поселений степного Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи / Отв. ред. Н.М. Малов. Саратов, 1992. Вып. 3.

Лопатин В.А. Поселения финальной срубной культуры на левобережье Нижнего Поволжья // Сабатиновская и срубная культуры: проблемы взаимосвязей востока и запада в эпоху поздней бронзы: тез. докл. 1-го Всесоюз. полевого семинара. Киев-Николаев-Южноукраинск, 1997.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья: Учеб. пособ. Саратов, 2002.

Лопатин В.А., Хоркин Д.А. Срубный металлообрабатывающий комплекс на поселении Усть-Курдюм в Саратовском правобережье // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории древних племен южнорусских степей: мате-

риалы междунар. науч. конф., посвящен. 100-летию со дня рожд. П.Д. Рау. Саратов, 1997.

Малов Н.М. Работы в Саратовском Поволжье // АО-81. М., 1983.

Малов Н.М. Памятники покровского типа Восточно-Европейских степей // История и археология Слободской Украины: тез. науч. конф. Харьков, 1992.

Малов Н.М. Покровский культурный тип памятников начального этапа эпохи поздней бронзы степного Волго-Уралья // Новые открытия и методологические основы археологической хронологии: тез. докл. конф. СПб., 1993.

Малов Н.М. Копья – знаки архаичных лидеров покровской археологической культуры // Комплексные общества Центральной Евразии в III-II тыс. до н. э.: материалы междунар. науч. конф. Челябинск-Аркаим, 1999.

Малов Н.М. Культуры эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы междунар. науч. конф. Самара, 2001.

Малов Н.М. Литейные формы и предметы литейного производства с нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Чтения, посвящен. 100-летию деятельности Василия Алексеевича Городцова в Государственном историческом музее: тез. конф. М., 2003.

Малов Н.М. Литейные формы с нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Саратов, 2005. Вып. 12.

Масон В.М. Динамика развития трипольского общества в свете палеодемографических оценок // Первобытная археология: поиски и находки. Киев, 1980.

Масон В.М. Исторические реконструкции в археологии. Фрунзе, 1990.

Масон В.М. Исторические реконструкции в археологии. 2-ое изд., доп. Самара, 1996.

Масон В.М. Ранние комплексные общества Восточной Европы // Древние общества юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб., 2000.

Матвеев Ю.П., Левых Г.А. Поселения донской лесостепной срубной культуры в среднем течении р. Усмань // Поселения срубной культуры: межвуз. сб. науч. тр. / Отв. ред. А.Д. Пряхин. Воронеж, 1989.

Матвеева Г.И. Раскопки Михайло-Овсянского селища // Археологические открытия-78. М., 1979.

Мильков Ф.Н. Природные зоны СССР. М., 1977.

Морозов Ю.А. Тавлыкаевское поселение срубной культуры // Поселения и жилища древних племен Южного Урала: сб. науч. тр. / Под ред. А.Х. Пшеничникова, В.А. Иванова. Уфа, 1983.

Нейштадт М.И. 1983. К вопросу о некоторых понятиях в разделении голоцена // Изв. АН СССР. Сер. географ. 1983. № 3.

Обыденнов М.Ф. Поселения древних скотоводов Южного Приуралья. Саратов, 1991.

Олейник С.А., Демкин В.А. Динамика изотопного состояния сульфатов в сухостепных почвах Заволжья в эпоху бронзы и средневековья // Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии: тез. докл. науч. конф. Самара, 1996.

Отрощенко В.В. К истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы: сб. науч. тр. ВГУ. Воронеж, 2003.

Памятники срубной культуры Волго-Уральское междуречье // Свод археологических источников. Саратов, 1993. Вып. В 1-10. Т.1.

Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Металлургия и металлообработка населения срубной культурно-исторической общности Донецко-донской лесостепи // Срубная культурно-историческая область: материалы III Рыковских чтений. Саратов, 1994.

Саврасов А.С. Металлообрабатывающий цикл в металлургическом производстве донской лесостепной срубной культуры // Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы в системе памятников степи и лесостепи: тез. докл. и материалы конф. Воронеж, 1991.

Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М., 1967.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.

Сергеева О.В. Характеристика керамики срубно-абашевских поселений Саратовского Правобережья // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья: тез. вторых Рыковских чтений. Саратов, 1991.

Трифонов В.А. Поправки к абсолютной хронологии культур эпохи энеолита – средней бронзы Кавказа, степной и лесостепной зон Восточной Европы (по данным радиоуглеродного датирования) // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация: материалы междунар. науч. конф. Самара, 2001.

Усов Н.И. Почвы Саратовской области. Саратов, 1948.

Физико-географические районы Нижнего Поволжья. Саратов, 1961.

Халыгина О.А. Картографический и формально-типологический анализ поселений эпохи поздней бронзы из Западного Оренбуржья // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала: сб. науч. тр. / Отв. ред. В.В. Ткачев. Орск, 2000.

Хоркин Д.А. Производственно-ритуальная постройка на срубном металлообрабатывающем поселении Усть-Курдюм под Саратовом // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Труды ГИМ. 2001. Вып. 122.

Цимиданов В.В. Социальная структура срубного общества. Донецк, 2004.

Черных Е.Н. Каргалы. Забытый мир. М., 1997.

Чигуряева В.А. Растительность Заволжья эпохи бронзы // Материалы и исследования по археологии. 1960. № 78.

Шабанов М.А. Заволжская степная провинция и ее подзоны // Степи Нижнего Поволжья. Саратов, 1964.

Шарафутдинова Э.С. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Поволжье // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Волго-Уралья: тез. науч. конф. СПб., 1995. Ч. 1.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006.

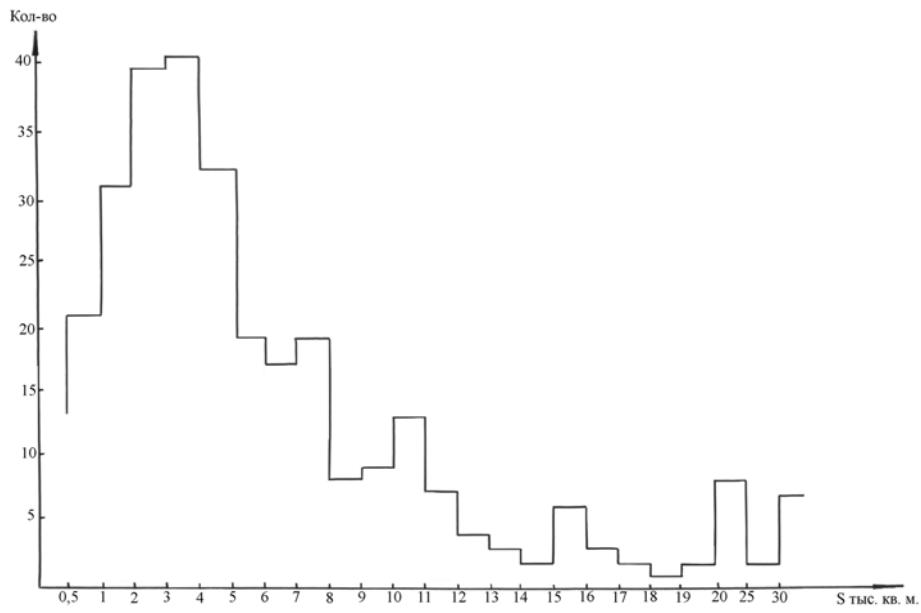

Рис.1. График распределения по площади заволжских поселений.

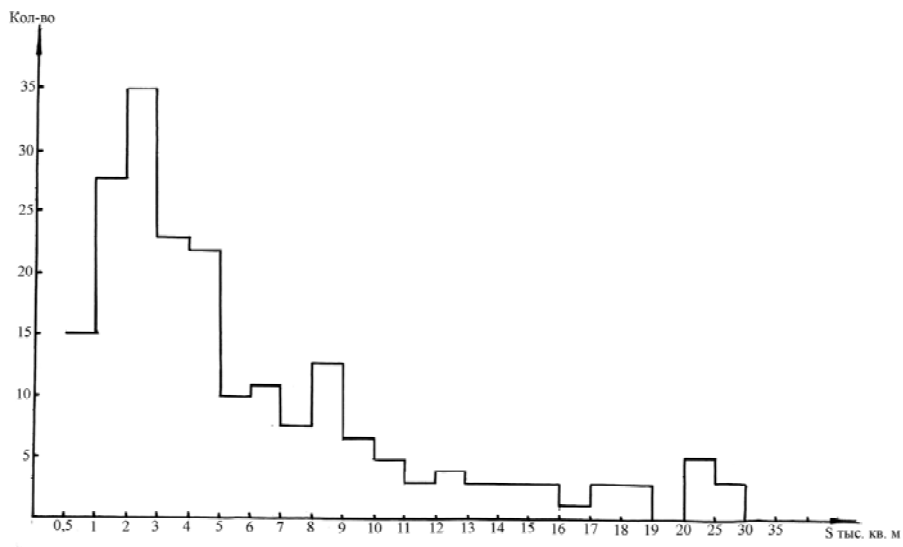

Рис.2. График распределения правобережных поселений эпохи поздней бронзы по площади.

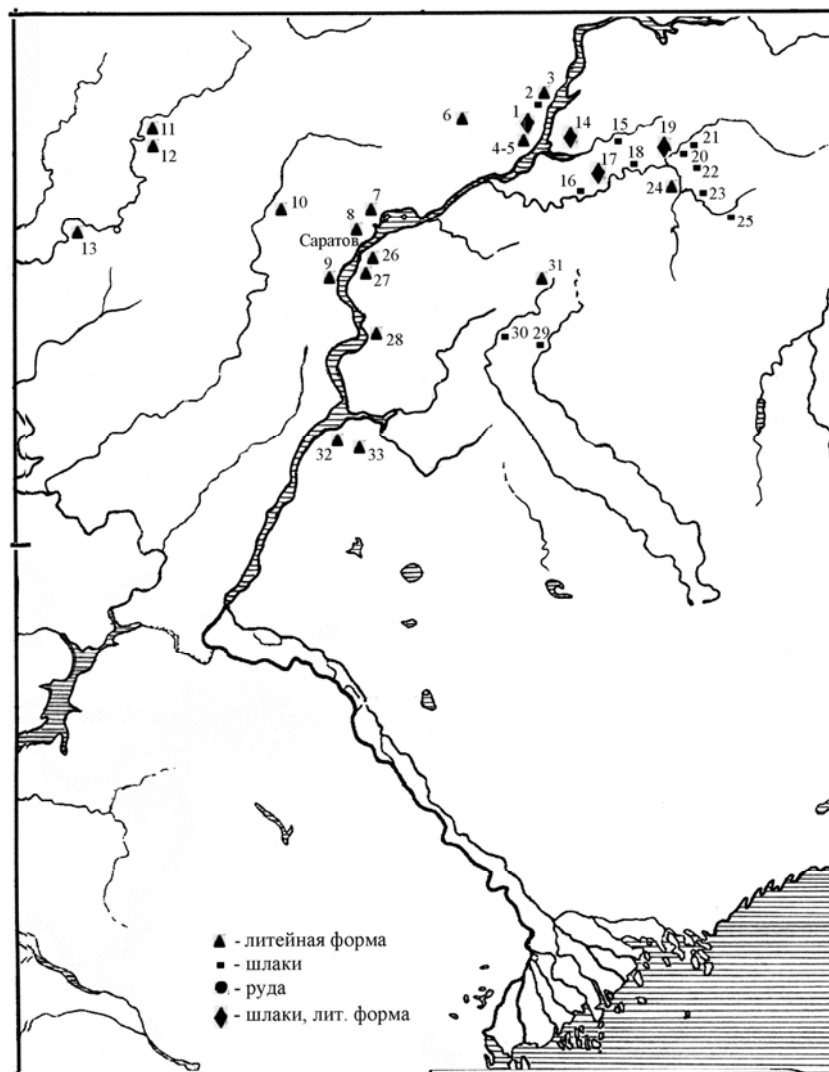

Рис. 3. Поселения эпохи поздней бронзы со следами металлообработки:
 1 - Липовый Овраг, 2 - Ивановка, 3 - Старая Яблонка, 4 - Черемшанская, 5 - Алексеевка,
 6 - Новая Покровка-II, 7 - Усть-Курдюм, 8 - Долгий Буерак, 9 - Мартышкино,
 10 - Нестеровка, 11 - Макаровская речка, 12 - Потьма-III, 13 - Алмазово-I,
 14 - Малый Иргиз-I, 15 - Надеждинка-I, 16 - Перекопное, 17 - Озеро Калач, 18 - Успенка,
 19 - Преображенка-I, 20 - Долгое озеро, 21 - Клевенка, 22 - Наука-III, 23 - Максютово,
 24 - Лагуниха, 25 - Владимиро-Романовка, 26 - Терновка, 27 - Смеловка-I, 28 - Скатовка,
 29 - Малоузенское, 30 - Дьяковка, 31 - Милорадовка-I,
 32 - Бережновка, 33 - Кумыска.

Максимов Е.К., Лопатин В.А.

МАТЕРИАЛЫ НИЗОВСКИХ КУРГАНОВ

В 1975 году совместная экспедиция Саратовского университета и Областного музея краеведения под руководством Е.К. Максимова проводила исследования курганов на северной окраине с. Низовка в Самойловском районе¹. Это крайний юг Саратовского правобережья, местность, граничащая с северными районами Волгоградской области, где преобладают ландшафты сухостепного типа. Она характерна сложным рельефом, с множеством мелких речек и ручьев, являющихся частью донской системы. Леса здесь редки, отдельные небольшие ольховые колки и ивовые заросли рассредоточены по долинам рек, основной земельный фонд запахан под сельхозугодья.

Курганная группа, состоявшая из девяти земляных насыпей, располагалась между краем левобережной террасы р. Елань и искусственным прудом. Насыпи выстроены неровной цепочкой в направлении с юго-запада на северо-восток и занимают площадь 130 x 50 м. С юга на север, из Низовки в соседнее село Красавку, через южный участок памятника накатана грунтовая дорога. Под краем террасы, непосредственно у деревни, разбит сад, за которым простирается небольшой пойменный лес.

Поскольку данный участок никогда не подвергался распашке, все курганы были хорошо заметны на дневной поверхности. Округлые в плане, они имели явно выраженные полусферические профили, их северные склоны были относительно круты, а южные – более пологи, внешняя поверхность насыпей плотно задернована. Раскопки велись вручную, условными пластами по 0,2 м. Вскрывалась вся насыпь, по четырем секторам, разделенным взаимоперпендикулярными осями, ориентированными по географическому принципу. Наблюдения за вертикальной стратиграфией курганов обеспечивались широтными бровками, оставленными на осях «восток-запад». В ходе раскопок установлено, что все насыпи значительно пострадали в результате активной жизнедеятельности землероев, нарушены как литологические составляющие курганов, так и многие погребальные комплексы.

Совокупные данные по стратиграфии курганных насыпей примерно одинаковы. Все комплексы сооружались в один строительный период. Под

¹ Краткое сообщение об этих исследованиях выходило в печать в 1979 году [Максимов Е.К., 1979. С. 81].

слоем темного гумуса толщиной от 0,15 до 0,25 м залежали массивы насыпного грунта – рыхлого суглинка бурого цвета с пестрыми прослоями материковой глины и сурчиными норами. Пласты погребенной почвы – плотного, темно-серого грунта (0,2 м) с белыми вкраплениями карбонатов – зачастую сильно нарушены землероями, и эти слои не всегда удавалось зафиксировать. Ниже залежала материковая подошва – вязкая светло-коричневая глина, густо пронизанная норами. Исключительные показатели стратиграфии (могильные выкиды, обрядовые особенности, подхоронения) будут представлены ниже, при описании конкретных комплексов.

Археологические исследования в Самойловском районе проводились редко. Со времени работ 1975 года здесь осуществлялись только сплошные разведки по рекам и водоразделам в рамках программы по составлению Археологической карты Саратовской области. Низовский могильник является здесь, возможно, единственным памятником, который раскопан почти полностью (8 насыпей из 9). Поэтому введение материалов из курганов Низовки в научный оборот авторы считают основной задачей предлагаемой читателям публикации.

Курган 1 располагался в южной части могильника. Диаметр насыпи 14 м, современная высота 1 м. В центре стратиграфической бровки зафиксирован материковый выкид из основного погребения № 10, лежащий по обеим сторонам ямы. В кургане выявлено 10 погребений (рис. 1, 1).

Погребение 1.1 зафиксировано в южной поле насыпи, на расстоянии 6 м к ЮЮВ от условного центра, на уровне древнего горизонта (1,25 м от 0г). Сохранилась только бедренная кость ребенка. Рядом зафиксирован лепной сосуд низких пропорций, баночной формы с закрытой профилировкой (рис. 1, 2). Устье сосуда сформовано с напльвами наружу и внутрь, отчего в разрезе оно выглядит как грибовидное утолщение. Банка не орнаментирована, ее внешняя поверхность обработана грубо, она шероховата, со множеством каверн и полос от небрежного сглаживания. Диаметр устья 13 см, наибольшее расширение тулова 13,4 см, диаметр днища 8 см, высота сосуда 9 см.

Погребение можно отнести к срубной археологической культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 1.2 находилось в юго-восточном секторе кургана, в толще насыпи, на глубине 0,6 м от условной вершины. Здесь зафиксированы только фрагменты бедренных костей и фаланга пальца ребенка, погребенного, вероятно, скорченно на левом боку, головой к северо-востоку. Около них обнаружен развал колоколовидного сосуда с примесью толченой раковины (рис. 1, 3). Сосуд имеет средние пропорции, максимальный диаметр приходится на линию устья. Венчик с характерным внутренним ребром резко отогнут наружу, шейка короткая, тулово округленное, днище плоское, устойчивое. Внешняя поверхность покрыта глубокими расчесами горизонтального сглаживания. На плечике имеются две сверлины для скрепления вертикальной трещины. Сосуд орнаментирован зубчатым штампом в верхней трети внешней поверхности. По шейке проходит горизонтальная опоясывающая линия, а на плечике расположены два ряда косых оттисков, составляющих сюжет однорядной «елочки». Диаметр устья 15,4 см, шейки 14,3 см, тулова в наибольшем расширении 14,8 см, днища 8,8 см. Общая высота сосуда 11,6 см.

Захоронение относится к кругу памятников покровского типа начального этапа эпохи поздней бронзы.

Погребение 1.3 обнаружено в юго-восточном секторе, на удалении 4,3 м от условного центра насыпи. Оно устроено в прямоугольной яме, ориентированной с юго-запада на северо-восток (рис. 1, б). Размеры 1 x 0,7 м, глубина в материке 0,1 м. В заполнении встречались остатки поперечного перекрытия, найдена также кость МРС. На дне могилы расчищены остатки скелета подростка, погребенного на левом боку, скорченно, головой к северо-востоку. Вещей нет.

Погребение отнесено к позднему бронзовому веку.

Погребение 1.4 выявлено в юго-западной поле насыпи, на расстоянии 6 м от центра кургана и в 1 м северо-восточнее погребения № 1. Оно устроено в насыпи, на глубине 0,7 м. В полном беспорядке здесь залегали отдельные кости детского скелета, а также – неполный развал лепного сосуда с примесью раковины (рис. 1, 4). Он имеет округлое тулово с коротким, отогнутым наружу, венчиком. Внешняя поверхность орнаментирована техникой прочерчивания: на венчике и плече показаны однорядная «елочка» и горизонтальный ряд коротких вертикальных отрезков; на середине тулова – косые парные линии, образующие горизонтальный ряд ромбов. Диаметр устья 14 см, шейки 13,6 см, максимального расширения тулова 15 см. Высота сохранившейся части сосуда 7,4 см.

Погребение отнесено к покровскому типу.

Погребение 1.5 располагалось в южной половине кургана, на удалении 4,5 м к ЮЮЗ от его условного центра. В насыпи, на глубине 0,6 м, зафиксированы несколько косточек ребенка и колоколовидный сосуд с примесью толченой раковины (рис. 1, 5). Горшок имеет средние пропорции, округленное тулово, диаметр которого примерно равен диаметру устья, плоское устойчивое днище. Короткий венчик резко отогнут наружу, шейка короткая, резко профилированная. Внешняя поверхность небрежно заглажена по горизонтали в верхней трети, много каверн от выгоревшей органики. Диаметр устья 14,6 см, шейки 13,7 см, наибольшего расширения по тулову 14,65 см, днища 9,4 см. Общая высота сосуда 11 см.

Погребение отнесено к кругу памятников покровского типа.

Погребение 1.6 отмечено в юго-западной толще насыпи, в 5 м от ее центра, на глубине 1,2 м (почти на древнем горизонте). Расчищен неполный скелет ребенка, погребенного скорченно на левом боку, головой к востоку (рис. 1, 7), у колен которого стоял лепной сосуд вертикальных пропорций с округленным туловом и коротким, резко отогнутым наружу венчиком (рис. 1, 8). Горшок орнаментирован по всей внешней поверхности техникой прочерчивания. На венчике и шейке горизонтальный ряд косых каплевидных насечек, ниже, от шейки до днища, – парные, пересекающиеся косые линии с «бахромой», образующие ромбическую решетку. Диаметр устья 11,6 см, шейки 10, см, максимального расширения тулова 12,2 см, днища 7,4 см, высота сосуда 12,2 см.

Погребение отнесено к началу срубной культуры эпохи поздней бронзы.

Погребение 1.7 найдено в юго-западном секторе насыпи, на глубине 0,5 м от 0г. От условного центра кургана оно отстояло на 3,5 м. Здесь в беспорядке

залегали кости ребенка и несколько мелких фрагментов лепного сосуда, украшенного по венчику короткими насечками.

Погребение отнесено к срубной культуре.

Погребение 1.8 располагалось в юго-западном секторе кургана, на расстоянии 4,3 м от центра, в насыпи, на уровне древнего горизонта (1,2 м). Расчищен слегка потревоженный скелет подростка, погребенного скорченно на левом боку, головой к востоку. Левая рука у головы, правая протянута к тазу. Вещей нет.

Погребение отнесено к началу срубной культуры.

Погребение 1.9 зафиксировано в насыпи, всего в 1 м восточнее ее условного центра, на глубине 0,75 м. Здесь расчищены остатки безынвентарного захоронения взрослого человека. Судя по сохранившимся частям скелета, он был погребен на левом боку, скорченно, головой к северо-востоку. Кисти рук находились перед лицом.

Погребение можно отнести к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 1.10 (основное) находилось точно под нулевым репером и было устроено в обширной грунтовой яме подквадратной формы, стенки которой ориентированы по сторонам света (рис. 1, 1). Размеры могилы 1,4 x 1,3 м, глубина в материке 0,7 м. Темное однородное заполнение не содержало никаких остатков перекрытия или костей погребенного. На дне ямы также ничего не обнаружено.

Курган 1 был сооружен в начале эпохи поздней бронзы, в относительно короткий исторический период (приблизительно XVII в. до н. э.). Центральное и основное погребение 10, очевидно, следует отнести к одному из типов кенотафов покровского времени. На это косвенно указывает характер инвентаря некоторых сопроводительных детских захоронений из свиты южной периферии могил (шп. 2, 4, 5), содержавших покровские сосуды. Данные планиграфии говорят об относительной одновременности всего комплекса.

Курган 2 располагался в 10 м восточнее первого. Он был несколько вытянут в широтном направлении и размеры его составляли 14 x 11 м. Высота над дневной поверхностью 1 м (рис. 1, 9). В ходе снятия насыпи и в стратиграфической бровке фиксировались признаки сложной обрядности с применением огня при сооружении впускного погребения № 10. В насыпи отмечены мощные прокалы, скопления углей и золы, фрагменты обуглившихся плах деревянного перекрытия. В кургане выявлено 10 погребений.

Погребение 2.1 обнаружено в юго-восточной части насыпи, удаленное на 3 м к ЮЮВ от ее условного центра, на глубине 0,6 м. Здесь расчищен скелет ребенка, погребенного в скорченной позе адорации, на правом боку, головой к востоку (рис. 1, 10). За спиной умершего лежали два уголька, а в головах стояли два лепных сосуда. Перед лицом помещался реберчатый горшок с коротким уступчатым плечиком и вертикальной шейкой, украшенной трехрядной «елочкой» в прочерченной технике (рис. 1, 12). Край устья оттянут наружу, плоское устойчивое днище с небольшим наплывом. Диаметр устья 12,6 см, шейки 12,2 см, наибольшее расширение по ребру 14 см, диаметр днища 8 см, высота сосуда 10,6 см. Второй сосуд стоял у затылка. Это закрытая банка средних пропорций, украшенная по краю устья одним рядом косых каплевидных насечек (рис. 1, 11). Диаметр устья 16,7 см, наибольшее расширение

тулова 18 см, диаметр днища 9,4 см, общая высота 13,4 см. Оба горшка с примесью речного ила.

Погребение можно отнести к эпохе поздней бронзы.

Погребение 2.2 – несколько обломков черепа ребенка – зафиксировано в северо-западном секторе насыпи, на глубине 0,5 м от 0г, в 3,2 м от центра кургана. Вещей нет.

Погребение 2.3 располагалось в юго-западном секторе кургана, в насыпи, на глубине 0,2 м и на расстоянии 3,7 м от центра. Здесь зафиксированы переотложенные грызунами кости ребенка и один фрагмент лепного сосуда с прочерченными линиями.

Погребение отнесено к эпохе поздней бронзы.

Погребение 2.4 находилось в юго-западном секторе насыпи, на глубине 0,6 см, рядом с третьим захоронением. Расчищены переотложенные кости детского скелета и фрагмент баночного сосуда с примесью песка и шамота. Возможно, ребенок был погребен головой к северу.

Захоронение можно отнести к эпохе поздней бронзы.

Погребение 2.5 выявлено в юго-западном секторе кургана, в 3 м от его условного центра, на уровне древнего горизонта (0,9 м). Расчищено несколько мелких обломков детских косточек и развал лепного реберчатого сосуда с прямым плечиком и коротким, отогнутым наружу венчиком (рис. 1, 13). Горшок не орнаментирован, его внешняя поверхность грубо заглажена. Диаметр устья 15,3 см, шейки 14,6 см, максимального расширения тулова по ребру 17 см, днища 11 см, высота сосуда 15 см.

Погребение отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 2.6 отмечено в юго-западном секторе, в 2,3 м от центра, на древнем горизонте (0,9 м). Расчищен неполный скелет подростка, погребенного скорченно на левом боку, головой к ЗСЗ. Вещей нет. Отнесено к эпохе поздней бронзы.

Погребение 2.7 обнаружено в юго-западном секторе на уровне древнего горизонта, на расстоянии 2,5 м от центра кургана. Зафиксированы несколько фрагментов скелета ребенка и колоколовидный неорнаментированный сосуд средних пропорций, с примесью толченой ракушки и характерным ребром на обратной стороне венчика (рис. 1, 14). Внешняя поверхность обработана небрежно, горизонтальными расчесами, много каверн от выгоревшей органики. Диаметр устья 18 см, шейки 17 см, наибольшее расширение тулова 18,6 см, диаметр днища 11,6 см, общая высота сосуда 15 см. Погребение отнесено к кругу памятников покровского типа.

Погребение 2.8 зафиксировано в южной половине кургана, на удалении 2,4 м от его условного центра. Могильная яма прямоугольной формы, размерами 1,3 x 0,6 м и глубиной в материке 0,3 м была ориентирована с юго-запада на северо-восток. На дне могилы расчищен скелет взрослого человека, погребенного на левом боку, скорченно, головой к северо-востоку. Правая рука слегка согнута в локте и кистью протянута к коленям. Инвентаря нет. Погребение отнесено к эпохе поздней бронзы.

Погребение 2.9 находилось в центральной части кургана, относительно центра оно было смещено к северо-востоку на 0,8 м. Грунтовая могила подпрямоугольной формы размерами 1,7 x 0,9 м и глубиной 1 м была ориентирована с юго-запада на северо-восток. При ее сооружении был прорезан мощ-

ный пласт прокаленного грунта, связанный с погребением 10 (рис. 1, 9). В нижних пластах насыпи над девятым погребением обнаружены фрагменты реберчатого сосуда с коротким уступчатым плечиком, украшенного в прочерченной технике косыми пересекающимися отрезками, ограниченными горизонтальными линиями (рис. 1, 16). Диаметр устья 16 см, шейки 15,6 см, максимального расширения тулова по ребру 17,4 см, высота сохранившейся части сосуда 6,4 см.

В 0,2 м от восточного края могилы, на уровне древнего горизонта зафиксирован фрагмент крупного округлобокого сосуда с наlepным валиком, украшенным косыми пересекающимися отрезками (рис. 1, 17). Диаметр устья 24 см, шейки 23 см, максимальное расширение тулова 25 см, высота уцелевшей части сосуда 15 см.

В заполнении ямы встречались разрозненные кости взрослого человека, куски прокаленного грунта, угли. На дне ни человеческих костей, ни инвентаря не обнаружено. Очевидно, эта могила, относящаяся к концу позднего бронзового века, была ограблена, либо полностью уничтожена сурчинскими норами.

Погребение 2.10 располагалось в восточной половине кургана, в 2 м восточнее его центра. В толще насыпи оно было перекрыто мощным пластом прокаленного грунта и скоплением углей. Прямоугольная грунтовая яма размерами 1,7 x 1,2 м и глубиной в материке 1 м была ориентирована с юго-запада на северо-восток (рис. 2, 4). В процессе выборки могильного заполнения во множестве встречались куски прокаленного грунта и коричневой глины, угли, фрагменты деревянных плах от поперечного перекрытия, местами обугленные, а также – фрагменты разбитого баночного сосуда закрытой профилировки (рис. 2, 1). Это горшок средних пропорций, украшенный в верхней части подтреугольными оттисками, составляющими нерегулярный декор в виде цепочки косых и вертикальных отрезков. Диаметр устья 21 см, максимальное расширение тулова 23 см, диаметр днища 11,4 см, высота сосуда 21 см.

На дне могилы скелета погребенного человека не оказалось, но были отмечены некоторые особенности обряда и предметы инвентаря. В 0,25 м от северной стенки выявлена круглая ямка диаметром 5 см с остатками деревянного столбика, очевидно, подпиравшего перекрытие. В центре ямы зафиксировано круглое пятно диаметром 24 см с краплениями красной охры. В северо-восточном углу стояли два лепных сосуда. В том, что размещался ближе к восточной стене, лежала кость МРС. Это приземистый острореберный сосуд с вогнутым плечиком (рис. 2, 2). Он украшен зигзагом с «бахромой» и косыми штрихованными «флажками». Диаметр устья 19,4 см, шейки 18,4 см, наибольшее расширение по ребру 19,8 см, диаметр днища 7,6 см, общая высота 11,6 см. Второй сосуд – закрытая банка средних пропорций, с прочерченным орнаментом в виде однорядной «елочки» (рис. 2, 1). Диаметр устья 21,4 см, максимальное расширение тулова 23,6 см, диаметр днища 11 см, высота 20,6 см.

Впускное погребение № 10, относящееся к развитой срубной культуре, скорее всего, является кенотафом, не исключен также обряд кремации, что отчасти подтверждается признаками использования огня. На дне могилы изображали символическое охристое пятно, поместили инвентарь

(рис. 2, 2, 3), затем перекрыли деревянным накатником, а сверху поставили сосуд (рис. 2, 1). После этого, либо на стороне, либо на самом перекрытии был разведен сильный огонь, или совершенно трупосожжение, после чего обширную яму в насыпи закопали, возможно, дополнив ее небольшой досыпкой. Высокая температура прокалила грунт насыпи в этом месте, придав ему характерную структуру и яркую окраску.

Прежде всего, следует обратить внимание на планиграфическую ситуацию второго кургана, которая очень напоминает ту, что была отмечена в кургане № 1. Здесь абсолютно идентичны позиции свиты детских погребений, также расположенных в южных секторах относительно центра, что характерно для покровских погребальных комплексов. Учитывая факт обнаружения во впускном погребении № 7 покровского сосуда, можно утверждать, что основное захоронение в кургане должно быть синхронным седьмому, покровскому, или еще более ранним. По-видимому, этот основной комплекс был полностью уничтожен в ходе последовательного сооружения впускных погребений №№ 10 и 9. Возможно, фрагмент крупного покровского сосуда (рис. 1, 15), обнаруженный в северной поле насыпи, как раз и является частью инвентаря основной могилы. Это характерный колоколовидный горшок с внутренним ребром и расчесами на внешней поверхности, горизонтальными по тулову и косыми по венчику. Диаметры устья и максимального расширения тулова 15 см, шейки 14 см, высота сохранившейся части 8 см.

Предположительная диахрония второго кургана представляется следующей: основное погребение совершено в покровское время, уничтожено впускными комплексами 10 и 9, с ним связан сосуд покровского типа (рис. 1, 15), с ним синхронно погребение 7 с покровским сосудом (рис. 1, 14), относительно синхронны погребения 2-8 с северо-восточной ориентировкой. Впускной кенотаф-сожжение (погр. 10) возникает здесь на развитом этапе срубной культуры, сопровождается тремя сосудами (рис. 2, 1-3), возможно к нему же относится сосуд с андроновидными чертами из насыпи (рис. 1, 16), с ним относительно синхронно впускное погребение № 1 с двумя сосудами (рис. 1, 10-12). Последнее впускное погребение № 9 (ограбленное или уничтоженное сурками) прорезает комплекс прокала погребения 10 уже на финальном отрезке эпохи бронзы, очевидно, с ним связан фрагмент сосуда срубно-хвалынского (ивановского) типа с налепным валиком (рис. 1, 17).

Курган 3 располагался в центре могильника, в 15 м к СВВ от кургана 1. Это округлая в плане земляная насыпь диаметром 16 м, четко выраженная на местности, высотой 0,75 м. Курган сооружен в один строительный период, он содержал одно погребение. В южном фасе бровки был хорошо заметен материковый выкид, лежавший на погребенном гумусе по обе стороны от могильной ямы (рис. 2, 5).

Погребение 3.1 (основное) выявлено в центре подкурганного пространства. Прямоугольная грунтовая могила размерами 1,85 x 1,45 м и глубиной в материке 0,9 м была ориентирована по линии «север-юг». В ходе выборки заполнения иногда встречались мелкие фрагменты почти полностью истлевшего деревянного перекрытия. На дне ямы расчищен скелет взрослого человека, погребенного вытянуто на спине, головой к югу (рис. 2, 6). Руки протянуты вдоль туловища и несколько расставлены в стороны, вытянутые

ноги слегка сдвинуты к северо-восточному углу, нет правой голени вместе со стопой.

Возле правого предплечья зафиксированы железные предметы вооружения – однолезвийный нож (7 см) со следами деревянной рукояти на сохранившейся части черешка (рис. 2, 11), кинжал с узким черешком без навершия и перекрестья (30 см) и второй кинжал с кольцевидным навершием и прямым перекрестьем (35 см). Оба кинжала очень плохой сохранности (утрачены).

В юго-восточном углу могилы стоял красноглиняный станковый кувшин с отбитой петлевидной ручкой (рис. 2, 12). У него шаровидное тулово, зауженная шейка и плавно отогнутый наружу высокий венчик. Основание плечика выделено коротким уступчиком. Ручка, овального сечения, крепилась на максимальное расширение тулова. Диаметр устья 11,4 см, шейки 9,4 см, наибольшее расширение тулова 17,8 см, диаметр днища 9 см, общая высота сосуда 19 см.

В северо-восточном углу ямы лежал массивный, овального сечения, затертый по всей поверхности каменный оселок (рис. 2, 7). Его размеры 16 x 5 x 2,4 см.

Между левым предплечьем умершего и западной стенкой могилы расчищены остатки двух сильно окислившихся железных пряжек кольцевидных форм с подвижными язычками (рис. 2, 8, 9). Они были изготовлены из круглых в сечении прутков. Сечения язычков овальные. Размеры пряжек 4 и 2,5 см.

Около левого запястья расчищена сложенная компактным округлым блоком группа железных, сильно корродированных изделий, связанных, вероятно, с оснащением конской узда, к сожалению, утраченных по причине плохой сохранности. В процессе расчистки здесь выявлены удила с перегибом в середине, изготовленные из круглого в сечении прута, а также – портупейные бляшки, напоминающие форму лабриса (двойной секиры)². Лицевые стороны бляшек инкрустированы тонкой золотой фольгой, крепившейся на смолистый состав. Обратные стороны изделий сильно окислены, поэтому наличие петель не установлено. Здесь же найден фрагмент язычка от пряжки (рис. 2, 10).

Воинское захоронение из третьего кургана относится к позднему этапу среднесарматской культуры.

Курган 4 стоял в центре группы, между первой и третьей насыпями. Это небольшая, но четко выраженная на местности земляная насыпь диаметром 12 м и высотой 0,6 м. В процессе сноса кургана стало очевидно, что весь его центр значительно нарушен мощным перекопом. В середине подкурганного пространства, на материке, выявлено аморфное пятно сурчиного лаза, разрушившего две грунтовые могилы.

Погребение 4.1 расчищено в юго-западной части перекопа. Это была узкая прямоугольная яма, ориентированная с юго-востока на северо-запад. Ее размеры 2,5 x 0,9 м, глубина в материке 0,75 м. На дне расчищены остатки скелета взрослого человека, погребенного вытянуто на спине, головой к северо-западу. В естественном сочленении сохранились череп с частью позвоноч-

² К сожалению, ни сами бляшки, ни плакировочная фольга не сохранились, поэтому авторы руководствуются исключительно дневниковыми записями.

ника, правая рука, протянутая вдоль туловища, и голень вытянутой левой ноги со стопой. Череп повернут на правую сторону, лицевым отделом к ЮЮЗ (правило кыблы?). Никаких вещей при погребенном не обнаружено.

Захоронение отнесено к эпохе позднего средневековья.

Погребение 4.2 (основное) выявлено в северо-восточной части перекопа, оно имело подбойную конструкцию с просевшим сводом погребальной камеры. Узкая входная яма прямоугольной формы была ориентирована с юго-востока на северо-запад, ее размеры 1,8 x 0,5 м, глубина в материке 0,7 м. Дно погребальной камеры на 0,2 м ниже дна входной штольни. Размеры подбоя 1,5 x 0,6 м. Здесь расчищены остатки скелета молодого человека, погребенного вытянуто на спине, головой к северо-западу. *In situ* сохранились свод черепа, правое плечо с лопаткой, тазовый отдел с частью позвоночника и бедренные кости. Вещей нет.

Захоронение отнесено предположительно к позднесарматской культуре. Оно, видимо, являлось основным в четвертом кургане и именно для него была возведена насыпь. В эпоху позднего средневековья, уже на мусульманском этапе, в курган было впущено золотоордынское погребение № 2.

Курган 5 размещался также в центральной части могильника, в 20 м севернее первого кургана. Округлая земляная насыпь диаметром 18 м заметно возвышалась над дневной поверхностью на 0,55 м. В кургане выявлено 4 захоронения (рис. 3, 1).

Погребение 5.1 зафиксировано в центре подкурганного пространства, в прямоугольной грунтовой яме, ориентированной с юга на север. Размеры могилы 1,3 x 0,85 м, глубина в материке 0,8 м. На дне, по диагонали, лежал не полностью сохранившийся скелет взрослого человека, погребенного в скорченной позе адорации, на левом боку, головой к северо-западу (рис. 3, 2). В северо-восточном углу ямы обнаружен баночный сосуд с закрытой профилировкой (рис. 3, 3). Он имеет приземистые пропорции, не орнаментирован. Внешняя поверхность шероховатая, с кавернами, в примеси отмечены зерна талька. Диаметр устья 14,4 см, наибольшее расширение тулова 15,2 см, диаметр днища 8 см, высота сосуда 10 см.

Погребение отнесено к срубной археологической культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 5.2 выявлено в юго-западном секторе, на расстоянии 2 м к ЮЗЗ от условного центра кургана, в насыпи, на глубине 0,35 м от 0г. Погребение полностью разрушено землероями, сохранились только фрагменты черепа и нижней челюсти. Судя по их расположению, погребенный лежал головой на северо-восток и лицом к юго-востоку. Вещей нет.

Погребение отнесено к эпохе поздней бронзы.

Погребение 5.3 обнаружено в юго-западном секторе насыпи, в 3 м к ЮЮЗ от условного центра кургана, на древнем горизонте (0,7 м). Контуры могилы не прослеживались, но в насыпи, над ее створом, попадались фрагменты поперечного деревянного перекрытия. Расчищен скелет взрослого человека, погребенного в скорченной позе адорации, на левом боку, головой к северо-востоку (рис. 3, 4).

В 15 см восточнее черепа стоял лепной сосуд средних пропорций с рельефной и прочерченной орнаментацией (рис. 3, 10). У него слабо расширенное, округленное тулово, короткий, отогнутый наружу венчик с сильно оття-

нутым краем устья, плоское, устойчивое днище. На короткой шейке имеется налепной, подтреугольный в сечении валик, под которым прочерчены парный зигзаг и короткие косые отрезки. Диаметр устья 17,4 см, шейки 16,3 см, максимальное расширение тулова 18,2 см, диаметр днища 10,4 см, общая высота сосуда 16 см.

На тазовых костях и возле шейных позвонков найдены шесть дисковидных пастовых бусин голубоватого и коричневого цветов диаметром по 3 мм (рис. 3, 9). Здесь же, у шеи, обнаружен обломок бронзовой пластинки (рис. 3, 6).

Под черепом, у левой глазницы зафиксирован фрагмент бронзового широкожелобчатого браслета (рис. 3, 7), а на височных отделах черепа – мелкие фрагменты желобчатых височных подвесок округлой формы (рис. 3, 8).

Около правого плеча обнаружены четыре подвески из нагрудного ожерелья, две целые и две в виде обломков (рис. 3, 5). Они имеют ромбическую форму, изготовлены из тонких металлических пластинок, к которым припаяны ушки для подвешивания. Две из них сурьмяные, украшены орнаментом в виде вертикальной «елочки», или, может быть, листика с прожилками. Две другие медные, на целом экземпляре имеется орнамент в виде косой решетки. Размеры украшений 2,5 и 2,3 см.

По всей вероятности, с этим же комплексом можно связывать фрагмент многоваликового сосуда, обнаруженный в насыпи (рис. 3, 14).

Данное захоронение можно предположительно связывать с восточным ареалом позднебабинской культуры и временем активного доно-волгоуральского культурогенеза (XVII в. до н. э.).

Погребение 5.4 (основное) зафиксировано в юго-восточном секторе кургана, на удалении 4 м от его условного центра. Прямоугольная грунтовая могила размерами 1,45 x 0,9 м и глубиной 0,8 м была ориентирована с юго-запада на северо-восток. От уровня погребенной почвы и в засыпи ямы отмечены остатки поперечного деревянного перекрытия. На дне расчищены остатки сильно потревоженного скелета молодого человека, погребенного в скорченной позе на левом боку (рис. 3, 11).

В северо-восточном углу могилы стоял лепной колоколовидный сосуд с примесью толченой раковины, характерным внутренним ребром и уплотненным обрезом устья с наплывами в обе стороны (рис. 3, 13). Горшок не орнаментирован, внешняя поверхность небрежно заглажена, с множеством каверн от выгоревшей органики. Внутри лежала кость МРС. Диаметр устья 17,6 см, шейки 16,3 см, максимальное расширение тулова 16,7 см, диаметр днища 9,6 см, общая высота сосуда 13,6 см.

В 15 см южнее стоял второй горшок, также колоколовидный и с ракушечной примесью, с несколько сглаженным внутренним ребром и расчесанной внешней поверхностью (рис. 3, 12). Сосуд не орнаментирован. Диаметр устья 14,4 см, шейки 13,5 см, наибольшее расширение тулова 14,2 см, диаметр днища 7,6 см, высота 10,8 см.

Погребение отнесено к кругу памятников покровского типа начального этапа позднего бронзового века. Оно является основным в кургане, но исторически явно синхронно и по ритуалу связано с впускным захоронением № 3 позднебабинского типа. Погребения 1 и 2 по отношению к ним несколько более поздние, но относятся к раннему этапу срубной культуры, поэтому

хронологический интервал между всеми захоронениями невелик. Время действия четвертого кургана приблизительно XVII–XVI вв. до н. э.

Курган 6 находился в северной части могильника, на расстоянии 15 м к северо-востоку от кургана 5. Округлая земляная насыпь была сильно повреждена норами землероев. Ее диаметр составлял 20 м, современная высота 0,6 м. В кургане зафиксированы одно погребение и жертвенная яма, располагавшиеся рядом друг с другом, в центре подкурганного пространства, на оси широтной бровки (рис. 4, 1).

Жертвенная яма выявлена в 2 м западнее условного центра кургана. Она имеет подквадратную форму и ориентирована по сторонам света. Размеры ямы 1,5 x 1,58 м, глубина в материке 0,3 м. На дне, в определенном порядке, были разложены части туши коровы (рис. 4, 2). В центре помещена крестцовая часть с ребрами, две ноги по обе стороны от нее и еще одна в юго-восточном углу, в северо-западном углу лежал комолый череп, теменной частью обращенный к центру ямы. Примечательно, что все части туши животного сориентированы в широтном направлении, причем, конечности (голенью) копытными окончаниями направлены к стенкам ямы.

Погребение 6.1 располагалось в 0,9 м восточнее жертвенной ямы. Обширная грунтовая могила размерами 3,4 x 2,3 м, глубиной в материке 0,9 м была ориентирована более длинной стороной с востока на запад (рис. 4, 3). В процессе выборки могильного заполнения встречались куски деревянного перекрытия, местами обуглившиеся, а в нижних слоях попадались разрозненные кости скелета взрослого человека. Дно могилы было сильно изрыто норами крупных грызунов, лишь возле северной стенки сохранился нетронутый участок, на котором расчищен скелет взрослого человека, погребенного в скорченной позе адорации, головой к востоку. Никаких вещей при умершем не найдено.

Захоронение было парным. Остатки второго погребенного на дне могилы зафиксированы лишь около южной стенки. Это свод черепа, часть малой берцовой кости, несколько ребер и позвонков. Рядом с ними обнаружен лепной сосуд высоких пропорций с полосами вертикального сглаживания (рис. 4, 4). Его форма близка колоколовидным типам: округленное тулово, отогнутый наружу венчик, плоское днище. Уплотненный обрез устья покрыт короткими личинковидными отгисками. В примеси отмечены песок, шамот и зерна талька. Диаметр устья 20 см, шейки 19 см, максимальное расширение тулова 21 см, диаметр днища 10,2 см. Общая высота сосуда 22 см.

Захоронение и весь комплекс кургана 6 относятся к начальному периоду эпохи поздней бронзы.

Курган 8 стоял на юго-западном краю могильника, в 17 м западнее кургана 1. Земляная насыпь имела округлую форму и возвышалась над дневной поверхностью на 0,6 м. Она содержала два захоронения. В центре стратиграфической бровки зафиксирован материковый выкид из основного погребения, лежавший по обе стороны могилы (рис. 4, 5).

Погребение 8.1 выявлено в юго-западном секторе, в насыпи, на расстоянии 1,3 м от условного центра, на глубине 0,25 м от 0г. Погребение взрослого человека сильно потревожено сурками, но, судя по расположению некоторых костей, он был захоронен вытянуто на спине, головой к западу. Никаких предметов инвентаря не обнаружено.

Погребение относится к эпохе позднего средневековья.

Погребение 8.2 (основное) находилось в центре подкурганного пространства. Это прямоугольная грунтовая могила размерами 1,5 x 1,2 м и глубиной в материке 1 м, ориентированная с юга на север (рис. 4, 8). На дне ямы, ближе к западной стенке, расчищен скелет взрослого человека, погребенного в скорченной позе адорации с сильным завалом на грудь, головой к северу. Скелет неплохой сохранности, но полностью отсутствовали голени и стопы.

Около восточной стенки могилы зафиксирован маленький биконический сосуд с двумя диаметрально противоположными отверстиями под венчиком (рис. 4, 7). Обрез устья украшен короткими резными насечками. Горшок тщательно заглажен по внешней поверхности. Диаметр устья 9 см, шейки 8,7 см, максимальное расширение по ребру 12 см, диаметр днища 6,4 см, высота сосуда 10 см. Здесь же лежал фрагмент стенки лепного сосуда без орнамента. Около локтей и таза обнаружены мелкие бусины шайбовидной формы из белого фаянса, диаметром до 3 мм (рис. 4, 6). У височных отделов черепа зафиксированы две бронзовые желобчатые подвески овальной формы, свернутые в 1,5 оборота, размером 2,3 см (рис. 4, 9).

Погребение отнесено к кругу памятников покровского типа начального этапа эпохи поздней бронзы. В восьмом кургане оно бесспорно является основным, для него была возведена насыпь, в которую уже в позднем средневековье впущено погребение № 1.

Низовский могильник функционировал более 3 тысяч лет, о чем свидетельствуют разнообразные культурные комплексы, выявленные в его курганах. Здесь открыты погребения рубежа средней и поздней бронзы, срубной археологической культуры, эпохи раннего железа и позднего средневековья. В Низовке наиболее интересны и сравнительно полнее представлены материалы бронзового века, отражающие сложные процессы доно-волгоуральского культурогенеза и становления одной из крупнейших в Евразии срубной мегакультуры. Данный хронологический срез характерен активным взаимодействием многих культурных компонентов на территориях волгодонского и волго-уральского междуречий, пересечением разнообразных традиций, появлением множества синкретичных образований.

Этот, наиболее ранний, этап Низовки представлен комплексами всех погребений кургана № 1 (рис. 1, 1-8); погребением 7 и, предположительно, основным (разрушенным) захоронением кургана № 2 (рис. 1, 14, 15); погребениями 3 и 4 кургана № 5 (рис. 3, 4-14); единым комплексом кургана № 6 (рис. 5, 1-4) и погребением 2 кургана № 8 (рис. 4, 5-9). Они представляют собой хронологическую основу всего могильника. В погребальном обряде этого времени характерно возведение индивидуальной насыпи над основным погребением, которое, как правило, является престижным, социально выраженным. Умерших этого ранга хоронят в больших могилах с деревянными перекрытиями, с оружием, керамикой, украшениями, их сопровождают богатые жертвоприношения в виде костей крупного и мелкого рогатого скота, в том числе в отдельных ямах, а иногда – свиты детских захоронений, расположенных по кругу или по дуге в южных секторах [Малов Н.М., 1989. С. 83-87; Кузьмина О.В., 1995. С. 29]. Подобная картина отмечена в низовских комплексах курганов №№ 1 и 2.

Наиболее распространенный, массовый признак данной эпохи в Нижнем Поволжье – своеобразная керамика покровского типа. Наиболее ранние и социально значимые покровские комплексы содержат посуду, близкую абашевской и синташтинско-аркаимской [Малов Н.М., 2003. С. 200; Он же, Бугров Д.Г., 2006. С. 148, рис. 2]. Гораздо чаще, как и в Низовке, в массовых покровских материалах мы наблюдаем колоколовидную и близкую ей керамику, в морфологических характеристиках которой присутствуют, представленные в той или иной степени, пережиточные «абашевские» черты (примесь толченой раковины, расчесы на внешней стороне тулова, внутреннее ребро, желобки, каннелюры). В нашей серии есть ярко выраженные экземпляры с внутренними желобками и характерной реберчатостью на внутреннем отгибе венчика, горизонтально расчесанные по внешней поверхности (рис. 1, 3, 14, 15; 3, 13), но имеются также варианты нивелировки тех же признаков, где внутреннее ребро сглаживается, на поверхности тулова все меньше расчесов, а в примеси исчезает раковина (рис. 1, 2, 4, 5; 3, 12; 4, 4). Вполне возможно, что здесь имеет место эволюционная линия формирования некоторых форм срубного керамического комплекса, в частности – округлобоких сосудов, как, например, здесь же, в шестом кургане Низовки, где отмечен горшок позднепокровского облика с заметными чертами нарождающегося срубного «слабопрофилированного» типа (рис. 4, 4).

Биконический сосудик из второго погребения кургана № 8 (рис. 4, 7) также имеет корни в абашевской керамической традиции [Кузьмина О.В., 1995. С. 35]. Реальное отличие покровских вариантов ритуальных сосудиков от абашевских заключается, прежде всего, в изменении формы, в частности, в смещении реберчатого расширения на середину тулова. Морфологически такая посуда близка реберчатым покровским сосудам и будущей группе биконических банок в срубной культуре.

Два колоколовидных сосуда из Низовки имеют в своем декоре характерные признаки, связывающие их с особым импульсом, который, возможно, воздействовал на культурогенетические процессы кратковременно и лишь на ограниченной территории. На горшке из второго погребения кургана № 1 зубчатым штампом отпечатан ряд горизонтальной «елочки» (рис. 1, 3), а на сосуде из четвертого погребения того же кургана, в прочерченной технике, такой же сюжет сочетается с рядом вертикальных отрезков и ромбами (рис. 1, 4). Подобная орнаментальная традиция могла проистекать только из ареала катакомбных культур и посткатакомбных образований. Недавние исследования на севере Волго-Донского междуречья показали, что сосуды покровского типа с катакомбными чертами в орнаментации [Дремов И.И. и др., 2005. С. 20–35], действительно, могут маркировать определенную территорию (доно-волжская степь и лесостепь), где развивался своеобразный локальный вариант культурогенеза. Подтверждением тому служит также факт сочетания в едином хронологическом горизонте элементов позднебабинского и покровского культурных типов (погребения 3 и 4 кургана 5), отмеченный по планиграфическим наблюдениям. Поздний характер сосуда из третьего погребения выражается в сокращении рельефной орнаментации и ее сочетании с начертательной. На низовском сосуде имеются всего два горизонтальных валика, ниже которых прочерчены парный зигзаг и ряд косых отрезков. Представляется, что небольшое количество горизонтальных валиков на сосу-

дах, в числе прочих признаков, маркирует поздний этап КМК. По этому показателю нашему экземпляру близок, например, горшок из позднебабинского погребения 3 кургана № 1, исследованного у с. Полковое в Приазовье [Санжаров С.Н., 1994. С. 105, рис. 2, 7].

Своеобразие волго-донского локального варианта культурогенеза проявляется здесь в относительно непродолжительном взаимодействии этих двух основных компонентов, создающих даже синкретичные комплексы закрытого характера, как, например, в престижном захоронении № 2 Филатовского кургана, где в одной могиле присутствуют ярко выраженные покровский и бабинский сосуды [Синюк А.Т., 1995. С. 57, рис. 10, 1, 2]. Подчеркнем, что ведущая роль покровского и бабинского комплексов в сложении срубной культуры уже отмечалась в литературе [Малов Н.М., 2003. С. 195].

Прочие компоненты, участвовавшие здесь во взаимной аккультурации на рубеже средней и поздней бронзы, выражены значительно слабее, или опосредованно, уже в виде элементов синкретичных образований. Возможно, именно таков характер погребального комплекса низовского кургана № 6 (рис. 4, 1–4). Его большая прямоугольная яма, ориентированная в широтном направлении, и жертвенник находят аналогии в потаповских материалах Среднего Поволжья [Васильев И.Б. и др., 1994] и синташтинских памятниках Южного Зауралья [Зданович Д.Г. и др., 2002. С. 85, рис. 52], где представлены богатые коллективные погребения с оружием, колесничными артефактами и жертвоприношениями коней, крупного и мелкого рогатого скота. Вместе с тем, если в погребениях потаповского типа керамика содержит явные синташтинские признаки, то в Низовке встречен сосуд позднепокровского облика, форма и декор которого уже испытали воздействие нивелировки и заметно приближены к срубным стандартам.

Два погребения этого времени (5/3 и 8/2) содержат некоторые категории женских украшений (рис. 3, 5–9; 4, 6, 9), которые в целом имели довольно широкое хождение в пространстве Юго-Восточной Европы, а в Нижнем Поволжье маркировали именно покровские комплексы и синхронные им культурные группы. Они представляют традиционный и весьма скромный женский убор, состоящий из головных украшений – височных подвесок (рис. 3, 8; 4, 9), шейно-нагрудного ожерелья, в которое входили пастовые бусы и ромбические подвески (рис. 3, 5, 9; 4, 6), наручных украшений – браслетов (рис. 3, 7).

Пастовые (фаянсовые) бусы – наиболее распространенная категория украшений, заимствованная из ближневосточных технологий стеклоделая [Острроверхов А.С., 1982. С. 98]. Чаще всего они встречаются в материалах катакомбных, бабинских, покровских, петровских комплексов, доживают до раннесрубного времени [Малов Н.М., 1992. С. 45].

Височные подвески из Низовки относятся к типу широкожелобчатых изделий округло-овальных форм (тип V-11 по Н.М. Малову); они также характерны для памятников Покровска, Петровки, Бабино, реже Абашево, встречаются в раннесрубных комплексах [Малов Н.М., 1992. С. 32–34]. Развитие данных украшений идет по линии удлинения овальных форм, возникновения грушевидных вариантов, а также – зауживания желобчатых пластин и появления на них пуансонного орнамента.

Широкие желобчатые браслеты занимают более узкий хронологический интервал и вряд ли выходят за рамки покровского периода. Уже одновременно с ними бытуют узкожелобчатые варианты, которые затем переходят в раннесрубные комплексы. Широкие браслеты известны в Покровских курганах, в Терновке, Турбино, Кротовке, Петровке, Потаповке [Малов Н.М., 1992. С. 26; Васильев И.Б. и др., 1994. С. 133, рис. 29]. Не исключено, что они появляются еще в предпокровское время, или в процессе формирования этого феномена.

Гораздо более редки орнаментированные ромбические подвески, обнаруженные в погребении 5 кургана № 3 (рис. 3, 5). Этот тип украшений не вошел в известную сводку Н.М. Малова, поэтому остановимся на нем подробнее. Наибольшее количество ромбовидных подвесок с решетчатым орнаментом, обнаруженных в одном погребении, известно в лесостепном Подолье. Здесь, в погребении 5 кургана № 1 могильника «Советское 2» были зафиксированы 5 экземпляров таких украшений в комплексе с трубчатой пронизкой и височной подвеской грушевидной формы [Саврасов А.С., 1999. С. 87, рис. 3, 8–12].

Такое же изделие, но иначе орнаментированное, найдено в покровском погребении 8 кургана № 5 могильника «Золотая Гора» [Юдин А.И. и др., 2006. С. 105, рис. 20, 6]. Подвеска из Золотой Горы занимала центральное положение в ожерелье, где присутствовали также треугольные экземпляры с аналогичными петельками для подвешивания и пастовые бусы.

Отметим, что треугольные орнаментированные подвески такого типа известны в Заволжье еще со времени раскопок И.В. Сеницына в Молчановке [Сеницын И.В., 1960. С. 93, рис. 35, 3] и К.Ф. Смирнова в Иловатке [Смирнов К.Ф., 1959. С. 223, рис. 8, 6].

Две ромбические подвески, причем, одна косоштрихованная, в комплексе с пастовыми бусами, желобчатыми браслетами и покровскими сосудами обнаружены в погребении 2 кургана 1 у с. Старая Тойда Воронежской области [Корнюшин Г.И., 1973, рис. 32, 6].

Абсолютно идентичный нашему ромбовидный вариант с решетчатым орнаментом отливался в глиняной форме из Терновки (Саратовское Заволжье), где водами Волгоградского водохранилища полностью размыто поселение с покровской керамикой и раскапывались курганы того же времени. Небезынтересно, что местная металлообработка содержала в своем производственном комплексе изготовление не только орудий, но и ювелирных изделий [Малов Н.М., 2005. С. 17, 19, рис. 1, 11], причем, этот ремесленный ареал оказывается довольно широким. Такая же форма была обнаружена в результате поверхностных сборов на Отрожкинском поселении в Воронежской области [Синюк А.Т., 1966. С. 112, рис. 2, 19]. Еще одна литейная форма известна в материалах Ильичевского поселения в Донецкой области Восточной Украины [Шаповалов Т.А., 1976.]. Поскольку она была зафиксирована там в сабаатиновском слое, это позволило В.П. Шилову высказать предположение о довольно поздней верхней границе интервала существования сурьмяных щитковых подвесок [Шилов В.П., 1985. С. 152], хотя находка на многослойном поселении вряд ли датируется абсолютно надежно по факту принадлежности к тому или иному слою.

Фрагмент ромбовидной, перекрестно штрихованной подвески в сочетании с пастовыми бусами зафиксирован в 45 погребении кургана № 1 в Гаевке-Каймакчи XV в Ростовской области [Шарафутдинова Э.С., 1995. С. 113, рис. 12, 16], а в кургане «Кирпичный Бугор» найдены аналогичные золоторским треугольные экземпляры [Там же. С. 105, рис. 5, 5]. В материалах Днепро-Донского междуречья такие изделия рассматриваются как синхронные поволжским покровским комплексам [Отрощенко В.В., 2001. С. 268, рис. 22, 9].

Представляется, что опосредованно истоки технологий изготовления подобных подвесок (напайка ушка для подвешивания перпендикулярно плоскости щитка) формировались на Кавказе и в предкавказских степях в эпоху ранней и средней бронзы. В комплексах украшений средней бронзы Центрального Предкавказья имеются различные типы подвесок с подобными напаянными ушками, в основном, – это округлые варианты, реже подтреугольные (Кореневский С.Н., 1990. С. 161, рис. 42, 4–7, 32). Именно отсюда подвески с напаянными ушками были заимствованы в комплексы украшений катакомбных культур Подонья и Северного Причерноморья [Братченко С.Н., 1976. С. 52, рис. 25, 1–4. С. 214, табл. XII, 5; Ларенок В.А. и др., 1993. С. 41, табл. VII, 7; Евдокимов Г.Л., 1991. С. 206, рис. 14, 7; Вангородская О.Г. и др., 1991. С. 227, рис. 7, 3]. Но ни в одном варианте катакомбных культур нам не известны эти изделия ромбической формы. Возможно, некоторые имитации из камня, присутствующие в материалах КМК (Бабино), например, в комплексе из Андреевки, становятся неким прообразом будущих металлических подвесок ромбовидной формы [Березанская С.С. и др., 1986. С. 26, рис. 8, 1]. К тому же, на многих бабинских сосудах встречаются орнаменты в виде вертикальных «елочек», похожие на декор одной из наших подвесок (интересно, что нигде более подвески с таким орнаментом не отмечены).

Можно предположить, что литые ромбические подвески, подобные низовским, как тип нагрудных украшений, были выработаны именно покровской традицией, время их бытования совпадает с этапом формирования срубной культуры. Они встречаются не часто, в основном в комплексах покровского типа [Литвиненко Р.А., 1996. С. 98–99] и преимущественно на территории Волго-Донского междуречья, не заходя на Восток далее узкой полосы нижеволжского левобережья. Западный вектор диффузии более активен, но не далее Днепра, и здесь находки еще более редки. Самый южный покровский комплекс с подколоколовидным сосудом, костяной пронизкой и сурьмяной ромбической подвеской зафиксирован в могильнике Цаца (7/7), расположенном в Сарпинской низменности, на юго-западе Волгоградской области [Шиллов В.П., 1985. С. 120, рис. 28, 1]. Возможно, некоторые нашивные, орнаментированные чеканкой, пластинки ромбовидных форм, отмеченные в алакульской культуре [Зданович Г.Б., 1988. С. 169, табл. 10, 12, 13; Денисов И.В., 2001. С. 48, рис. 3, 7], являются отдаленными репликами литых покровских украшений.

Похожий орнаментированный вариант известен в материалах каякентско-хорочоевской культуры, в частности, из погребения № 16 Каякентского могильника [Марковин В.И., 1969. С. 64, рис. 28, 16]. Именно по наборам сурьмяных украшений, с каякентско-хорочоевскими древностями синхронизируется дигорская культура, представляющая II Протокобанский период

(XV–XIII вв. до н. э.) [Скаков А.Ю., 2001. С. 234–236, рис. 1]. Учитывая относительно более поздний возраст памятников Северо-Восточного Кавказа в сравнении с покровскими, а также некоторые существенные технологические отличия дигорских и каякентско-хорочоевских украшений, в том числе их ярко выраженную эклектичность, можно пока относиться к этим аналогиям, как к местной линии развития литых подвесок. По-видимому, покровские, дигорские и каякентско-хорочоевские бронзовые и сурьмяные литые украшения имеют единые, но гораздо более древние корни в кавказской традиции, а векторы их развития самостоятельны и вряд ли связаны друг с другом.

На срубном этапе в Низовке линию культуругенеза продолжают относительно немногим более поздние погребения, входящие в свиты основных покровских захоронений курганов №№ 1 и 2 (рис. 1, 2, 7, 8), а также кенотафсожжение (2/10). Десятое погребение из второго кургана имеет ярко выраженный развитый, срубный, керамический комплекс (рис. 1, 16; 2, 1–3), а также сопровождается детским захоронением, обрядовые особенности которого и некоторые элементы сосудов имеют андронидный облик (рис. 1, 10, 12). Это выражается в особенностях двух сосудов, где технический способ шейного прилепа (изнутри) образует характерный плечевой уступчик, а также – в правобочной скорченности и восточной ориентировке погребенного. Возможно, данный комплекс возник во втором кургане под воздействием федоровского влияния, примерно уже в XIV в. до н. э., чему не противоречит также факт кремации и ритуал огня, связанные с 10-ым захоронением. Вскоре здесь появляется комплекс хвалынского типа финальной бронзы (2/9), планиграфически и обрядово близкий погребению № 10. Из недавно исследованных в Саратовском правобережье памятников этой ситуации близки материалы курганов №№ 2, 8 и 11 Варыпаевского могильника, где отмечены факт кремации со срубной керамикой, сосуды с андронидными признаками, а также высказаны предположения об активном взаимодействии в конце срубной эпохи разнокультурных компонентов федоровского, сусканского и позднесрубного типов (Лопатин В.А. и др., 2005. С. 51–65). Отметим также погребение 2 кургана № 4, тогда же исследованного в могильнике «Недоступов» в Волгоградской области, где зафиксированы правобочная скорченность, такая же восточная ориентировка и два федоровских сосуда [Мыськов Е.П. и др., 2006. С. 103, рис. 11]. В прежние годы получила известность компактная серия погребений с федоровскими чертами из волго-донского междуречья (Котлубань, Первомайский, Петропавловка), в которых отмечены те же признаки [Мыськов Е.П., 1992. С. 94, рис. 4, 1–5].

В раннем железном веке в Низовке были оставлены материалы курганов №№ 3 и 4, среди которых наиболее интересно единственное погребение третьего кургана, относящееся к сарматской культуре (рис. 2, 5–14). Захоронения в широких ямах с меридиональной ориентировкой погребенных связывают с эволюцией так называемых «диагональных» комплексов позднесарматской культуры, доводя время существования больших могил до III–IV вв. н. э. [Скрипкин А.С., 1984. С. 67]. Более точно определиться с датировкой помогает инвентарь – сочетающиеся в едином комплексе два разнотипных кинжала, круглые пряжки и керамический сосуд (рис. 2, 8, 9, 12–14). Подобные варианты, по мнению специалистов, были возможны в конце прохоровского – начале позднесарматского периодов, когда еще употребля-

лось оружие ближнего боя с кольцевидными навершиями и прямыми перекрестьями, но уже появились черешковые клинки, рукояти которых делались не из железа. Время, в котором бытуют такие наборы в сочетании со станковой посудой, в частности – кувшинообразными формами с малыми налипными ручками, – I–II вв. н. э. [Скрипкин А.С., 1990. С. 124; рис. 49, 50]. Наиболее близок нашему экземпляру одноручный гончарный кувшин из позднесарматского Крутоярковского кургана № 3 [Скрипкин А.С., 1984. С. 139, рис. 5, 9].

Среди прочих металлических предметов сарматского комплекса из Низовки особый интерес вызывают железные элементы украшения конской узды в виде двойной секиры, плакированные золотой фольгой. Прямые аналогии этим изделиям нам не известны. Вполне понятен их тотемный характер, поскольку священный образ лабриса (двойной секиры) появляется еще в середине II тыс. до н. э. и генетически связан с эгейским миром и культами, посвященными воинственным мужским богам – хеттскому Тешубу и таинственному микенскому богу грозы, которого иногда изображали в облике быка с двойной секирой между рогами, а позже в Карию называли Зевсом Лабрандеем (вооруженный лабрисом) [Токарев С.А., 1965. С. 428–429]. Находки множества маленьких золотых лабрисов упоминаются Шлиманом в его книге «Микены» о раскопках шахтовых гробниц [Борухович В.Г., 1979. С. 19–20].

Удивительно, но знак лабриса имеется на каменном топоре из раннекатакомбного погребения в Григорьевке на правом берегу Днепра [Ковалева И.Ф. и др., 1989. С. 7, рис. 2, 13]. В материалах кургана № 1 абашевского могильника Ибрагимово-III, исследованного на Южном Урале, известна нашивная бляшка, похожая на двойную секиру [Ткачев В.В., 2003. С. 218, рис. 4, 4]. Из комплексов, близких по времени низовскому, отметим ремennую фурнитуру с чеканным узором, напоминающим лабрис, из погребения 2 кургана 1 Шиповского могильника (1 группа) [Пшеничнюк А.Х., 1976. С. 45, рис. 8, 32]. Явно напоминают формы двойных секир деталь перекрестья конской узды из Старицы и нашивная бляшка из комплекса золотых украшений Кос-Обы, памятников средне-позднесарматского времени [Степи..., 1989. С. 386, табл. 81, 52; С. 387, табл. 82, 41м]. Наиболее поздний тотемный вариант лабриса, в числе немногих выявленных аналогий, – эмалевая подвеска «пальчикового» стиля, обнаруженная на поселении готского времени (III–IV вв.) в дельте Дона [Гудименко И.В., 1998. С. 95–96; табл. XXVI, 8]. Как оружие, двойная секира состояла в арсенале закавказских культур раннего железного века, что отмечено по находкам в Ханларе и Шамхоре [Древнейшие..., 1985. С. 132, табл. XVIII, 9]. По всей вероятности, знаковая символика лабриса, сформировавшаяся на Ближнем Востоке и в Восточном Средиземноморье еще в бронзовом веке, позже широко распространилась в культурах Кавказа, Восточной и Средней Европы, повсюду маркируя общественные страты именно воинского характера. Довольно редкие тотемные воплощения лабриса, тем не менее, не были унифицированы, они принимали самые разнообразные и полифункциональные формы (подвески, детали упряжной фурнитуры, нашивные бляшки, миниатюрные модели, возможно, иконография и т. п.).

Было бы весьма перспективно продолжить исследования курганов на юге Саратовского правобережья, поскольку представленные, пока немногочисленные, материалы из Низовки довольно красноречиво свидетельствуют

об активном характере и заметном локальном своеобразии культурно-исторических процессов, происходивших во II-I тыс. до н. э. на севере Волго-Донского междуречья.

Литература:

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чердниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев, 1986.

Борухович В.Г. Зевс Миноийский (следы культа верховного критского божества в греческих мифах и религиозных обрядах) // Античный мир и археология. Саратов, 1979. Вып. 4.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Вангородская О.Г., Санжаров С.Н. Погребения донецкой катакомбной культуры Николаевского могильника с украшениями // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев, 1991.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара, 1994.

Денисов И.В. Могильники эпохи бронзы Обилькинского Луга близ Соль-Илецка // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2001. Вып. V.

Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии / Под ред. Г.А. Кошеленко // Археология СССР. М., 1985.

Дремов И.И., Тихонов В.В., Тупалов И.В. Курганы у с. Широкий Карамыш с покровскими и катакомбными признаками // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.

Евдокимов Г.Л. Погребения эпохи ранней и средней бронзы Астаховского могильника // Катакомбные культуры Северного Причерноморья. Киев, 1991.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.

Зданович Д.Г. Аркаим: некрополь (по материалам кургана 25 Большекараганского могильника). Челябинск, 2002. Кн. 1.

Ковалева И.Ф., Андросов А.В., Шалобудов В.Н., Мартюшенко Д.В. Курганы эпохи бронзы степного правобережья Днепра // Проблемы археологии Поднепровья. Днепропетровск, 1989.

Корневский С.Н. Памятники населения бронзового века Центрального Предкавказья. М., 1990.

Корнюшин Г.И. Курганы эпохи поздней бронзы у с. Старой Тойды Воронежской области // КСИА. М., 1973. Вып. 127.

Кузьмина О.В. Соотношение абашевской и покровской культур // Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита - бронзы Средней и Восточной Европы. СПб., 1995. Ч. II.

Ларенок В.А., Ларенок П.А. Курганы у с. Рясное. Ростов-на-Дону, 1993.

Литвиненко Р.А. Сурьмяные подвески в памятниках степной бронзы и их кавказские аналогии // Между Азией и Европой. Кавказ в IV-I тыс. до н. э.: материалы науч. конф. СПб., 1996.

Лопатин В.А., Четвериков С.И. Курганный комплекс у села Варыпаевка // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.

Максимов Е.К. Памятники эпохи бронзы Саратовского Правобережья по раскопкам 1975–1976 гг. // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Донецк, 1979.

Малов Н.М. Погребальные памятники покровского типа в Нижнем Поволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1989. Вып. 1.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.

Малов Н.М. Литейные формы с нижневолжских поселений срубной культурно-исторической области // Поволжский край. Саратов, 2005. Вып. 12.

Малов Н.М., Бугров Д.Г. «Алексеевский», «Гусельский» и «Нижне-Семеновский» костяные псалы из Татарстана и Саратовского Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2006. Вып. 4.

Марковин В.И. Дагестан и Горная Чечня в древности. М., 1969.

Мыськов Е.П. Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Донском междуречье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1993. Вып. 3.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Лапшин А.С. Исследование курганов в бассейне реки Медведицы // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3.

Островерхов А.С. Стекло и фаянс как источник для изучения прогресса археологических культур Северного Причерноморья в эпоху бронзы и раннего железа // Культурный прогресс в эпоху бронзы и раннего железа. Ереван, 1982.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ, 2001.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. – III в. н. э.) // Древности Южного Урала. Уфа, 1976.

Саврасов А.С. Металлические украшения донской лесостепной срубной культуры // Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1999. Вып. 13: Евразийская лесостепь в эпоху металла.

Санжаров С.Н. Курган с прямой стратиграфией погребений культуры многоваликовой керамики из Донецкого Приазовья // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1994. Вып. 4.

Синицын И.В. Древние памятники в низовьях Еруслана (по раскопкам 1954–1955 гг.) // МИА. № 78. М., 1960. Том II.

Синюк А.Т. Поселение эпохи неолита у станции Отрожка // Из истории Воронежского края. Воронеж, 1966.

Синюк А.Т., Козмирчук И.А. Некоторые аспекты изучения абашевской культуры в бассейне Дона: (по материалам погребений) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара, 1995.

Скаков А.Ю. Хронология протокобанских памятников // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001.

- Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.
Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Саратов, 1990.
Смирнов К.Ф. Курганы у сел Иловатка и Политотдельское Сталинградской области // МИА. № 60. М., 1959.
Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / Под ред. А.И. Мелюковой // Археология СССР. М., 1989.
Ткачев В.В. Памятники абашевской культуры в степном Приуралье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары, 2003.
Токарев С.А. Религия в истории народов мира. М., 1965.
Шаповалов Т.А. Поселение срубной культуры у с. Ильичевка на Северском Донце // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев, 1976.
Шарафутдинова Э.С. Начальный этап эпохи поздней бронзы в Нижнем Подонье и на Северском Донце // Донские древности. Азов, 1995. Вып. 4.
Шилов В.П. Курганный могильник у с. Цаца // Древности Калмыкии. Элиста, 1985.
Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочетное. Саратов, 2006.

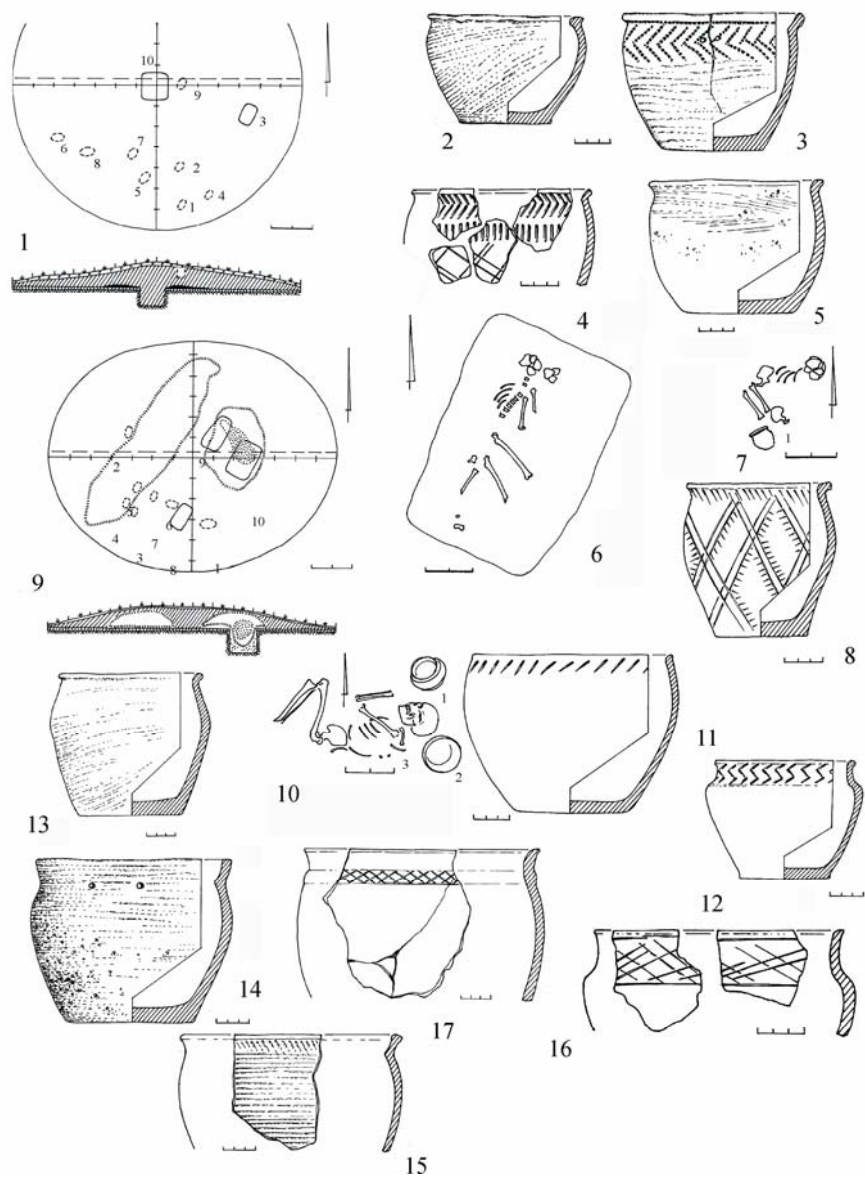

Рис. 1. Материалы из курганов Низовского могильника: 1 - курган 1; 2 - 1/1; 3 - 1/2; 4 - 1/4; 5 - 1/5; 6 - 1/3; 7, 8 - 1/6; 7 - погр. 6 из к. 1 (1-сосуд); 9 - курган 2; 10-12 - 2/1; 10 - погр. 1 из к. 2 (1, 2-сосуды; 3-угли); 13 - 2/5; 14 - 2/7; 15 - 2/насыпь; 16 - 2/9 (заполнение ямы); 17 - 2/насыпь.

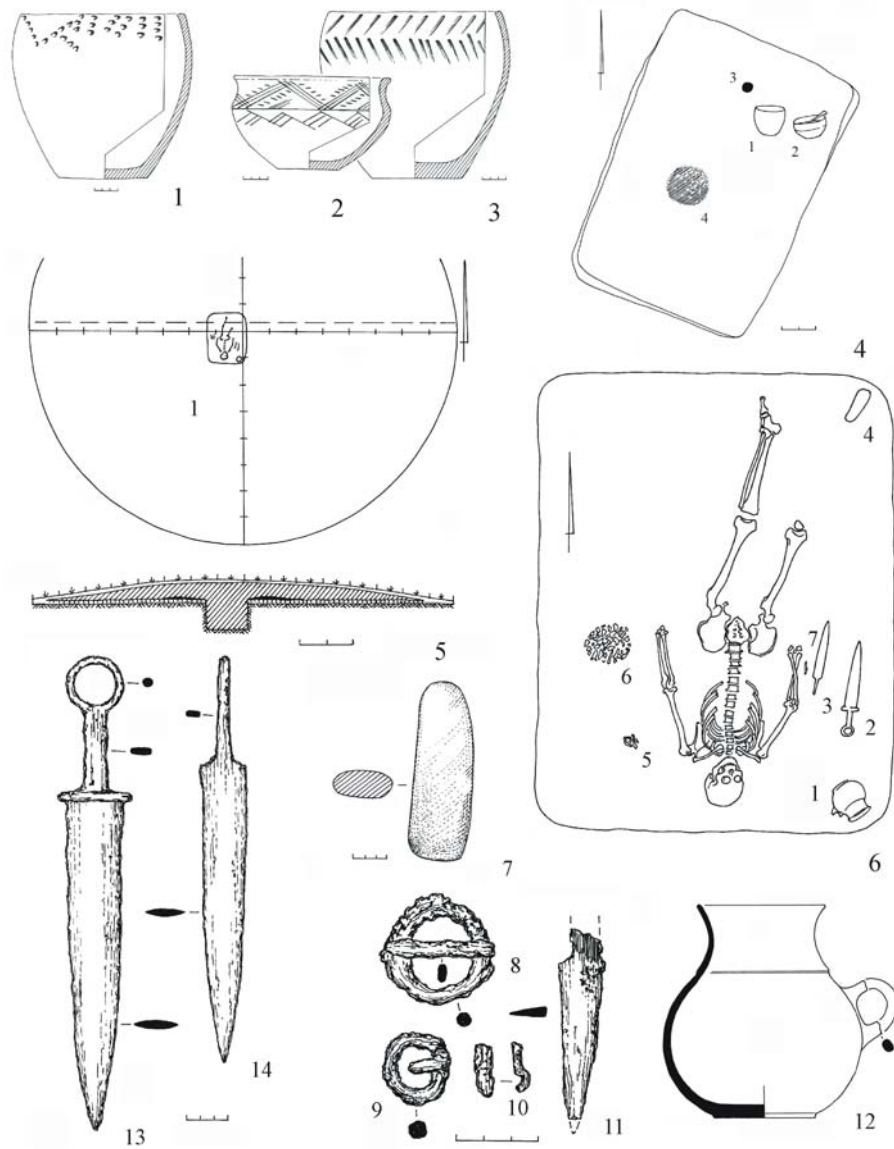

Рис. 2. Материалы из курганов Низовского могильника: 1-4 - 2/10; 4 - погр. 10 из к. 2 (1 - сосуд; 2 - сосуд с костью МРС; 3 - столбовая ямка; 4 - пятно охры); 5 - курган 3; 6-14 - 3/1; 6 - погр. 1 из к. 3 (1 - кувшин; 2, 3 - кинжалы; 4 - оселок; 5 - удила; 6 - фурнитура сбруи; 7 - нож); 1-3, 12 - керамика; 7 - камень; 8-11, 13, 14 - железо.

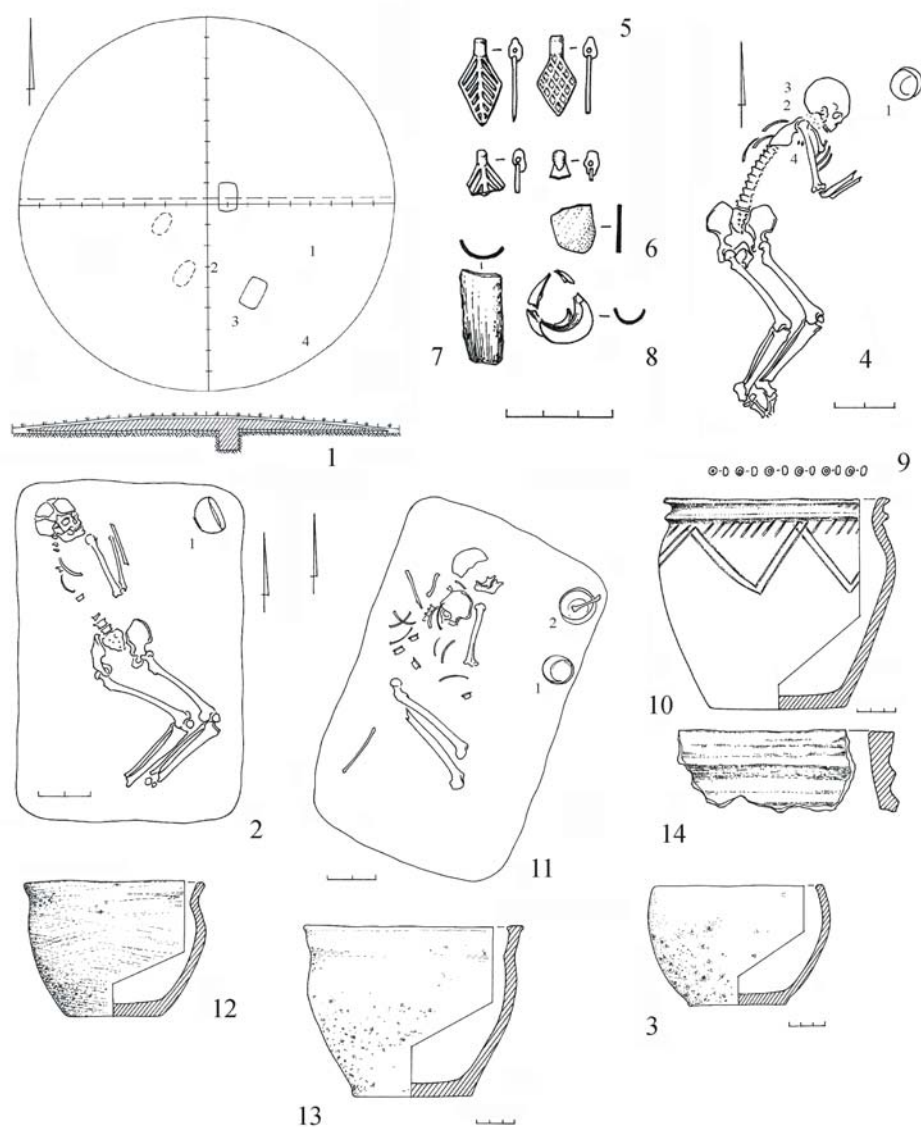

Рис. 3. Материалы из курганов Низовского могильника: 1 - курган 5; 2, 3 - 5/1; 2 - погр. 1 из к. 5 (1 - сосуд); 4-10 - 5/3; 4 - погр. 3 из к. 5 (1 - сосуд; 2 - бусы; 3 - височная подвеска; 4 - нагрудные подвески); 11-13 - 5/4; 11 - погр. 4 из к. 5 (1, 2 - сосуды); 14-5/насыпь. 3, 10, 12-14 - керамика; 5 - сурьма/бронза; 6-8 - бронза; 9 - фаянс (паста).

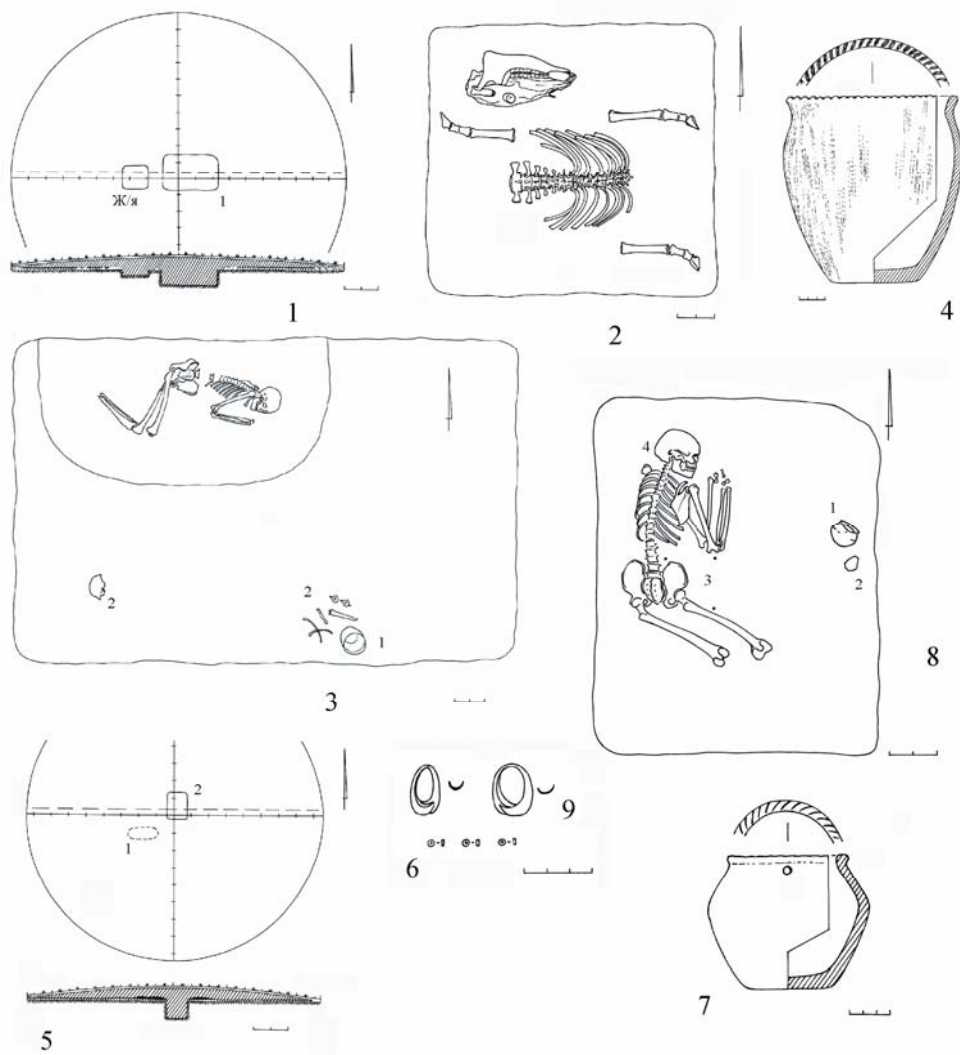

Рис. 4. Материалы из курганов Низовского могильника: 1 – курган 6; 2 – жертвенная яма из к. 6; 3, 4–6/1; 3 – погр. 1 из к. 6 (1 – сосуд, 2 – кости человека); 5 – курган 8; 6–8 – 8/2; 8 – погр. 2 из к. 8 (1 – сосуд; 2 – фрагмент сосуда; 3 – бусы; 4 – височные подвески); 4, 7 – керамика; 6 – фаянс (паста); 9 – бронза.

Юдин А.И.

ИССЛЕДОВАНИЕ КУРГАНОВ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ
У с. ШУМЕЙКА ЭНГЕЛЬССКОГО РАЙОНА

Курганная группа из двух насыпей располагалась в 3 км к юго-востоку от с. Шумейка и в 9 км к северо-востоку от г. Энгельса, приблизительно в 3,5 км к востоку от левого берега Волги, и попадала в зону строительства мостового перехода через Волгоградское водохранилище и систему протоков. Оба кургана были исследованы в 1994 году (Юдин А.И., 1998. С. 38–45).

В районе с. Шумейка известно несколько археологических памятников, в том числе и эпохи средней бронзы, к которой относится время сооружения исследованных насыпей. Еще с начала прошлого века известны находки керамики средне-бронзового времени на дюне Прапорский Бугор в устье р. Саратовки [Памятники срубной..., 1993. С. 95, табл. 49, 9], а с 1991 года начаты исследования грунтового могильника того же времени на Шумейском городище. Здесь исследовано 10 погребений ямно-катакомбного и катакомбного периодов [Баринов Д.Г., 1996. С. 95–96; Сергеева О.В., 2005. С. 3–4].

Курган 1. В результате исследования данного кургана удалось проследить некоторые конструктивные особенности, позволяющие восстановить его первоначальный облик, что в большинстве случаев не удается сделать из-за сильной распахки насыпей.

Диаметр кургана составлял около 32–34 м, высота по южной поле 1,7 м, по северной – 1,5. К моменту раскопок насыпь кургана была сильно повреждена. В северо-западном секторе насыпь уничтожена глубокой (до 1,5 м) выемкой-карьером, где была устроена свалка. Западная поля разрушена двумя колеями грунтовой дороги (временный подъездной путь для строительной техники). Вся восточная половина кургана находилась под лесополосой, а в центре насыпи был установлен геодезический знак, при сооружении которого было повреждено впускное погребение 3. Оставшаяся площадь насыпи задернована. Кроме того, как показали последующие раскопки, ранее в кургане был устроен скотомогильник.

Насыпь снималась с помощью бульдозера, для чего первоначально были выкорчеваны лесопосадки на восточной половине кургана.

Для стратиграфических наблюдений была оставлена одна центральная бровка между выемкой-карьером и лесополосой, по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад, в единственном возможном месте в направлении края

лесопосадок. Ввиду легкости и рыхлости насыпи ширина бровки равнялась полутора метрам. За нулевой репер была принята высшая точка кургана, находившаяся рядом с бетонным столбом, маркировавшим списанный геодезический репер, закопанный в 1 метре южнее.

После снятия гумусного слоя в северном секторе, в 3 м к северу от нулевого репера и в 10–11 м от репера в южном секторе начал проследиваться светлый материковый выкид в виде прерывистой окружности шириной 0,2 м. Как было установлено далее, этот выкид происходил из ровика и перекрывал полы кургана по всему периметру (рис. 1, 1Б). По мере снятия насыпи, диаметр окружности увеличивался и на уровне погребенной почвы достиг 19–20 м. В 1 м южнее репера, в центральной части кургана, насыпь сразу под гумусным слоем отличалась от других участков рыхлой структурой, несколько более темным цветом, примесью мелких древесных угольков и золы и выделялась пятном диаметром около 7 м. С глубины 1,65 м от репера в центральной части насыпи показался материковый выкид основного погребения 5, планиграфия и глубина залегания которого фиксировалась в процессе снятия насыпи (рис. 1, 1А, Б). С этого же уровня, к западу и востоку от бровки, показались кости коров в естественном сочленении. Костяки коров в основной своей массе залегали под бровкой. С глубины 1,77 м в юго-восточном секторе показался еще один материковый выкид, а затем – и остатки мощного бревенчатого накатника от погребения 2 (рис. 1, 1Ж). После полного снятия насыпи и слоя погребенной почвы на материке хорошо читался сплошной кольцевой ровик диаметром 26–27,5 м по внешнему краю (рис. 1, 1).

Ширина ровика 1,75–2 м по уровню дневной поверхности и 0,6–1,5 м по уровню материка, глубина от верхнего уровня материка 0,5–0,9 м. Заполнение ровика – темный затечный гумус с тонкими прослойками светлой супеси и карбонатов – не содержало находок, за исключением мелкого обломка трубчатой кости животного в южном секторе. Стенки ровика сужаются ко дну, дно в профиле округлое, кроме небольшого участка в юго-восточном секторе, где оно плоское.

В материке под насыпью было совершено 4 захоронения: два попали под бровку (4 и 5) и два находились в восточном секторе (1 и 2). Еще одно погребение (3) было обнаружено позднее, в процессе разборки бровки.

После снятия насыпи была выявлена следующая стратиграфия.

Дерновый слой – черный гумус толщиной 0,25–0,5 м.

Насыпь – светло-коричневая слабо гумусированная легкая супесь. Максимальная толщина – 1,5 м в центральной части кургана. Вероятно, по всей поверхности насыпь была перекрыта светлым материковым выкидом (в нижней половине насыпи это не вызывает сомнений), хорошо выделявшимся в северной части бровки. В южной части этот выкид уничтожен при сооружении впускного погребения 4, но был отчетливо виден с обратной стороны бровки. Толщина выкида 0,2 м в верхней части насыпи и 0,35–0,4 м в нижней. По уровню погребенной почвы выкид растекся полосой шириной до 1,5 м. Крутизна полы в момент сооружения кургана равнялась 35 градусам (рис. 1, 1Б), а диаметр кургана не превышал 20 м. Ровик не примыкал вплотную к насыпи, а опоясывал ее примерно в 2 м от края. В дальнейшем вершина оплыла и насыпь увеличилась в диаметре: в южном направлении достигла внешнего края ровика, а в северном – на 1,5–2 м дальше. В центральной части

насыпь прорезана грабительским перекопом диаметром 7,7 м в верхней части (рис. 1, 1В). Перекоп постепенно сужался ко дну. После разграбления центрального погребения 5 дно грабительского раскопа заполнилось плотным затеком выше уровня материка. В дальнейшем, в образовавшейся воронке был устроен скотомогильник, в который было сброшено и засыпано 9 трупов коров и телят. Костяки животных залегают на различной глубине от репера – от 244 см в центре до 168 см по ее краям.

Погребенная почва – плотный темный гумус толщиной до 0,5 м. В центре насыпи, вокруг погребения 5 на погребенной почве залегают материковый выкид толщиной до 0,45 м.

Материк – светло-желтый суглинок и глина.

Насыпь кургана была совершена в один прием над двумя основными погребениями 2 и 5. Затем в полы насыпи были впущены погребения 1 и 4. Позднейшим является парное погребение 3, устроенное в центре насыпи.

Таким образом, произведенные исследования насыпи позволили произвести реконструкцию первоначальной формы кургана, что в условиях Нижнего Поволжья является достаточно редким фактом, в отличие, например, от курганов Левобережной Украины, где стратиграфия курганов позволяет производить реконструкции в гораздо большем количестве случаев. Как уже сказано выше, насыпь кургана сразу после ее сооружения не превышала в диаметре 20 м и была перекрыта материковым выкидом из кольцевого рва. Этот выкид покрывал всю поверхность насыпи по периметру и имел толщину 0,2–0,4 м. По бровкам было отчетливо видно, что пласт материковой глины поднимался на всю высоту сохранившейся насыпи. При крутизне склонов в 35° насыпь могла достигать высоты 6 м. Произведенные расчеты показывают, что объем грунта в современной насыпи (вместе с заполнением ровика) вполне сопоставим с объемом, необходимым для сооружения кургана конусовидной формы диаметром 20 м и высотой около 6 м (рис. 1, 2). Это не означает, что на момент сооружения насыпь была именно конической формы. Вполне возможно, что вершина кургана была округлой или заканчивалась горизонтальной площадкой. С другой стороны, если курган никогда не распахивался и не повреждался грабительскими перекопами, то иногда насыпь сохраняет форму, близкую к конусу, вплоть до настоящего времени. Такие курганы еще изредка встречаются в Нижнем Поволжье и имеют высоту около 3–4 м.

Погребение 1 (рис. 2, 1), впускное, детское. Находилось в восточной поле, между ровиком и центральным погребением 5. Могильная яма имела подпрямоугольную форму с неровными стенками и округлыми углами. Северная стенка несколько нависала над могилой. Длина могильной ямы 1,5 м, ширина 0,6 м, глубина в материке 0,2 м. На дне находился скелет ребенка, на левом боку, скорченно, черепом на восток, кости рук протянуты к ногам. Ступни ног обильно посыпаны охрой, несколько крупинок охры обнаружено в области раздавленного черепа.

В ногах стоял лепной глиняный сосуд со слегка выделенным плечиком и приостренным срезом венчика (рис. 2, 2). Верхняя треть сосуда украшена горизонтальной елочкой, выполненной мелкозубчатым штампом. Обжиг сосуда неравномерный, цвет внешней поверхности варьирует от светло-желтого до темно-коричневого. В изломе глина черная, с примесью толченой ракуш-

ки. Размеры сосуда в см: высота 14, диаметр тулова 16,6, диаметр устья 16, диаметр дна 7,8. У затылочной части черепа найдена бронзовая подвеска в три оборота (рис. 2, 3). По дну могилы разбросано 15 бараньих альчигов, один из которых украшен короткими насечками (рис. 2, 4).

Погребение 2 (рис. 3, 1). Основное, расположено в юго-восточной поле кургана, к юго-востоку от центрального погребения. Могильная яма по всему периметру обвалована материковым выкидом, на края которого был положен поперек могилы бревенчатый накатник (рис. 1, 1Ж). Ширина полосы выкида 0,75–1,55 м, максимальная толщина в центральной части 0,4 м, в вертикальном разрезе выкид имеет форму низкого треугольника. Максимальная длина бревен 3,4 м, толщина до 0,25 м. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована по линии северо-восток – юго-запад и имела следующие размеры: длина 3,2 м, ширина 2,5 м, глубина 2 м от уровня материка. Стенки могилы ровные, слегка сужаются ко дну. В темном, гумусированном заполнении могилы с глубины 0,7 м показали остатки рухнувшего бревенчатого перекрытия. Могильная яма по дну принимает более правильные прямоугольные очертания при длине 2,8 м и ширине 2,1 м. На дне могилы, ближе к короткой северо-восточной стенке, лежал скелет взрослого человека.

Умерший был положен на левый бок, головой на северо-восток, сильно скорченно (голова наклонена к коленям, шейные позвонки находились почти под прямым углом к грудным, пятки едва не достигают таза), руки слегка согнуты в локтях и протянуты к ногам. Стопы ног слегка окрашены охрой. В ногах лежала круглая лепешка («хлебец») охры диаметром 10 см и толщиной до 3,5 см. Нижняя ее поверхность плоская, верхняя – близкая к сферической. Другого инвентаря нет.

В западном углу могилы обнаружены три длинных птичьих кости и мелкие кости змеи. Сзади и спереди погребенного, по дну могилы и параллельно длинным стенкам проходили неглубокие канавки шириной 7–10 см. Канавка перед умершим читалась на песчаном дне могилы слабо, ее глубина не превышала 2–3 см. Другая канавка, за спиной умершего, выделялась хорошо, ее глубина достигала 10–11 см в центральной части. На дне канавки, на всем ее протяжении, сохранились остатки дерева. Дно могилы плоское, слегка понижается в центральной части.

Погребение 3. Погребение парное, содержало захоронения взрослого и ребенка. Впущено в центр насыпи на глубину 1,5 м от нулевого репера. Погребение частично разрушено при установке геодезического репера на кургане. Контуры могильной ямы не прослеживались.

В насыпи над погребением (глубина – 1,3–1,4 м) обнаружено несколько фрагментов неорнаментированных боковин от лепного глиняного сосуда. Тесто глины плотное, без заметных примесей. Цвет внешней поверхности светло-коричневый, в изломе – черный.

Погребенные лежали на спине, вытянуто, головой на юго-запад. Правая рука взрослого человека протянута вдоль туловища и положена под таз, левая касалась затылка ребенка. Ребенок лежал вдоль левого бедра взрослого, лицо повернуто к нему. По дну могилы, справа от погребенных, сохранились узкие полоски древесной трухи. Волокна древесины также прослеживались в центральной части захоронения, поперек и поверх костей умерших.

Погребение 4. Впускное, детское (рис. 2, 6). Погребение находилось в южном секторе кургана, под бровкой. По бровке хорошо видно, что могильная яма в насыпи значительно превышала яму в материке (до 2,5 м длиной), затем она сужается на уровне погребенной почвы, на уровне предматерика размеры ямы уменьшаются еще раз. На уровне материка могильная яма имеет подпрямоугольную форму с округлыми углами и немного расширяется в северной части. Ориентирована яма по линии северо-северо-восток – юго-юго-запад. Длина могилы 1,1 м, ширина 0,6 м, глубина от уровня материка 0,4 м. На дне могилы лежал скелет ребенка на спине, скорченно, головой на северо-северо-восток. Степень скорченности слабая, ноги упали вправо. Дно могилы у черепа и правой руки посыпано охрой. В северо-восточном углу могилы стоял лепной сосуд чашевидной формы с уплощенным дном и широким открытым устьем. Сосуд орнаментирован тремя горизонтальными рядами неглубоких пальцевых защипов, в тесте глины имеется примесь толченой ракушки. Сосуд немного ассиметричен (рис. 2, 5). Размеры сосуда в см: высота 9,5-10,2; диаметр устья 12,6, диаметр дна 4,5.

Погребение 5. Основное. Расположено в центре кургана. Могильная яма на уровне погребенной почвы по всему периметру обвалована выкидом. Ширина выкида 1–3 м, максимальная толщина в центральной части 0,45 м, в поперечном сечении имеет форму низкого треугольника. По всему периметру выкид залегает в 1 м от краев могильной ямы. Вдоль короткой северо-восточной стенки могилы, на ее краю сохранились остатки бревна толщиной до 0,3 м от поперечного накатника. Остальная часть перекрытия полностью уничтожена грабительским шурфом и скотомогильником. Могильная яма на уровне материка имеет подпрямоугольную форму с округлыми углами и ориентирована длинными сторонами по линии северо-восток – юго-запад. Длина ямы 3,5 м, ширина 2,6 м, глубина от уровня материка около 1,2 м в северо-восточной половине. Погребение полностью уничтожено грабительским перекопом. В плотном затечном заполнении встречены на разной глубине два обломка костей от скелета человека. В юго-западной половине дно могилы резко понижалось, образуя ступеньку, до глубины 2,05 м от уровня материка, а под короткой стенкой выкопан небольшой подбой. Заполнение в этой половине ямы перемешано с материковым песком, вероятнее всего, это результат работы грабителей, хотя не исключено, что первоначально могильная яма имела в этом направлении подбой или катакомбу.

Курган 2. Насыпь кургана подвергалась интенсивной распахке, в результате чего она почти полностью с nivelировалась и выделялась на поверхности несколько более светлым пятном. Диаметр насыпи кургана 14 м, высота по северной поле 0,02 м, по южной – 0,08 м. Насыпь снималась бульдозером с оставлением центральной бровки по линии север-юг шириной 0,5 м. В кургане обнаружено 4 разновременных захоронения.

Стратиграфия кургана простейшая: *пашня* – темный гумус толщиной 0,3–0,4 м; *насыть* – светло-коричневая супесь, почти полностью распахана и сохранилась в виде тонкой (не более 0,15 м), прерывистой линзы; *погребенная почва* – темно-серый плотный гумус, постепенно светлеющий в нижней части; *материк* – светло-желтая плотная супесь.

Погребение 1, впускное (рис. 4, 1). Могильная яма узкая и продолговатая, с неровными стенками и округлыми концами. Длина могилы 2 м, ширина

0,55 м, глубина в материке 0,15 м. Могильная яма ориентирована по линии запад-северо-запад – восток-юго-восток. На дне могилы лежал вытянуто на спине скелет взрослого человека, ориентированный черепом на запад-северо-запад. Кости рук вытянуты вдоль туловища и прижаты к бедрам. Вплотную к западной стенке могилы стояли два лепных глиняных сосуда темно-серого цвета с обильной примесью толченой ракушки в тесте глины, придавшей сосудам рыхлость. Сосуды плоскодонны, тулова эллипсоидные. Невысокий, отогнутый наружу венчик одного сосуда имел носик-слив (рис. 4, 2), у другого венчик не сохранился (рис. 4, 3). Сохранность сосудов очень плохая, особенно второго, форма которого держалась только благодаря плотному земляному заполнению внутри сосуда. Размеры сосуда 1 в см: высота 13, диаметр устья 11, диаметр тулова 17, дна – 8. Размеры сосуда 2 в см: высота – около 10, диаметр тулова 14, дна – 8.

В углу могилы, рядом с сосудом 2 лежала кость от ноги барана, а под ней – сильно окислившийся железный однолезвийный нож с прямой спинкой и остатками от деревянной рукоятки (рис. 4, 4). Длина сохранившейся части ножа 9,8 см, ширина лезвия 1 см. У левого плеча погребенного обнаружены фрагменты двух железных черешковых наконечников стрел (рис. 4, 5), а в центральной части корпуса – разногранная бусина из гагата с полированной поверхностью (рис. 4, 6).

Погребение 2. Погребение впускное, легло поверх раннего погребения 3, разрушив его (рис. 5, 1). Могильная яма почти полностью вписалась в контур погребения 3, выйдя за его пределы только в северо-восточном углу. По округлому северо-восточному углу приблизительно восстанавливаются размеры могильной ямы погребения 2: длина 1,9 м, ширина 0,8 м, глубина могилы 0,9 м от уровня материка. Погребенный лежал на спине, головой на юго-запад, в атакующей позе: плечи приподняты, руки раздвинуты и слегка согнуты в локтях, правая нога вытянута, левая согнута в колене. Голова прижата к левому плечу. В правой половине грудной клетки, между ребер найден сильно окислившийся однолезвийный нож с горбатой спинкой и следами деревянной рукоятки (рис. 5, 2). Длина сохранившейся части изделия 8,8 см, ширина 2,2 см.

Погребение 3. Могильная яма подпрямоугольной формы с округлыми углами была ориентирована по линии запад-восток и имела следующие размеры: длина 1,8 м, ширина 1,25 м, глубина от уровня материка 1,2 м. Скелет умершего перемещен при сооружении захоронения 2: на дне могилы в беспорядке разбросаны кости скелета человека и фрагменты лепного сосуда. Большая часть костей и фрагментов керамики перемещена в восточную половину могилы и залегала на разных уровнях, но не выше дна погребения 2 (рис. 5, 1).

По фрагментам сосуда произведена его графическая реконструкция. Сосуд имеет небольшой, отогнутый наружу венчик и максимальное расширение тулова сразу под плечиком. Внешняя поверхность сосуда покрыта грубыми расчесами, горизонтальными по венчику, шейке и придонной части и вертикальными по тулову (рис. 5, 3). Цвет сосуда светло-коричневый, в тесте глины есть небольшая примесь толченой ракушки. Размеры сосуда в см: высота 16, диаметр венчика 16, диаметр тулова 17,2, диаметр дна 8,8.

Погребение 4. Погребение подбойного типа. Входная яма овальной формы имела длину 1,5 м, ширину 0,9 м и глубину 1,3 м от уровня материка. Ориентирована длинными сторонами по линии северо-запад – юго-восток. Подбой устроен под длинной южной стенкой, его дно на 0,4 м глубже дна входной ямы. Могила овальной формы имела длину 1,5 м, ширину 1 м, высота свода 0,7 м. На дне могилы, головой на северо-запад был погребен взрослый человек в неординарной позе. Умерший положен скорченно, на животе, грудью на колени. Левая рука согнута в локте и прижата к туловищу, кисть руки лежит под плечом. Правая рука согнута в локте под прямым углом и заброшена на спину. На дне могилы, между левой рукой и стенкой лежала кость от ноги барана (рис. 3, 2).

История сооружения и функционирования курганов у с. Шумейка

Курган 1 сооружен в эпоху средней бронзы (основные погребения 2 и 5). Причем, погребение 2 имело явно подчиненный характер в отношении погребения 5. Впускное погребение 1, скорее всего, будет близко по времени к основным. Об этом свидетельствуют совпадение ряда черт погребального обряда (на левом боку, руки протянуты к ногам, окрашены охрой ступни ног). Бронзовые подвески в три оборота (рис. 3, 4) обычно относятся всеми исследователями к первому этапу формирования катакомбных культур Юго-Восточной Европы [Синюк А.Т., 1983. С. 143; Братченко С.Н., Матвеев Ю.П., Беседин В.И., 1991. С. 17]. Лепешки из охры («хлебцы»), аналогичные обнаруженной в погребении 2, достаточно хорошо известны как в местных комплексах [Ляхов С.В., Матюхин А.Д., 1992. С. 121; Дьяченко А.Н., 1992. С. 86], так и в соседних регионах [Санжаров С.Н., Бритюк А.А., 1996. С. 131].

Погребение 4 также не может быть отделено большим хронологическим промежутком от основных погребений, поскольку в своем обряде сохраняет поздние ямные черты. Стратиграфически зафиксированный факт более раннего времени катакомбных погребений относительно захоронения с позднеямным погребальным обрядом вызывает несомненный интерес в плане сохранений традиций ранней бронзы в катакомбное время. Если комплексы с сочетанием ямных и катакомбных черт – явление широко известное как в сопредельных регионах, так и в непосредственной близости от рассматриваемого памятника [Лопатин В.А., Якубовский Г.Л., 1993. С. 137–158; Баринов Д.Г., 1996. С. 84–97], то гораздо реже встречаются факты стратиграфического предшествования катакомбных погребений захоронениям с позднеямными погребальными традициями [Синюк А.Т., 1989. С. 56]. Аналогия сосуду из погребения 4 имеется в могильнике Журов курган (кург. 2, погр. 4) в Заволжье, отнесенном В.И. Мамонтовым к раннеполтавкинскому времени [Мамонтов В.И., 1977. С. 46, рис. 1, 2]. Более широкое распространение подобные чаши получили в западных областях ямной культурно-исторической области [Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д., 1986. С. 43]. Защитной орнамент, которым украшена чаша из погребения 4, не характерен для ямной керамики Поволжья, но хорошо известен опять же к западу от Волги – на ямно-репинских и ямно-катакомбных сосудах Среднего Дона [Синюк А.Т., 1983. С. 142].

Впускное погребение 3 относится, вероятнее всего, к раннему железному веку.

Курган 2 также сооружен в эпоху средней бронзы. Ранее уже отмечалось, что безынвентарность подобногo погребения 4 в сочетании с необычной позой погребенного и отсутствием стратиграфических данных из-за полной распашки насыпи допускают возможность двоякого культурно-хронологического определения этого захоронения [Юдин А.И., 1998. С. 42]. Однако накопление новых материалов показывает, что погребение 4 по своим параметрам вполне может соответствовать параметрам волго-донской катакомбной культуры и с наибольшей вероятностью является основным в кургане.

Сосуд из разрушенного погребения 3 характерен для раннесрубных погребений покровского типа эпохи поздней бронзы и находит широкие аналогии в местных материалах.

Погребение 1 с западной-северо-западной ориентировкой и керамикой с примесью толченой ракушки в тесте глины (тип 6 по классификации М.А. Очир-Горяевой или III группы плоскодонной керамики по М.Г. Мошковой) [Очир-Горяева М.А., 1990. С. 84; Мошкова М.Г., 1963. С. 26-27] можно отнести к позднесарматскому или раннесарматскому времени. Погребения 2 и 4, ориентированные в западный сектор, очевидно, будут близки по времени к погребению 1.

Литература:

Баринoв Д.Г. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследования памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Братченко С.Н., Матвеев Ю.П., Беседин В.И. Среднедонская катакомбная культура: происхождение, этапы развития. Воронеж, 1991.

Дьяченко А.Н. Раннекатакомбные памятники правобережья Медведицы // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1992. Вып. 2.

Лопатин В.А., Якубовский Г.Л. Усть-Курдюмский курганный могильник // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. 1.

Ляхoв С.В., Матюхин А.Д. Новые памятники эпох ранней и средней бронзы из курганов у сел Новая Квасниковка и большая Дмитриевка // Древняя история Волго-уральских степей. Оренбург, 1992.

Мамонтов В.И. Новые памятники полтавкинской культуры Волгоградского Заволжья и Волго-Донского междуречья // Неолит и бронзовый век Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1977.

Мошкова М.Г. Памятники прохоровской культуры. САИ. М., 1963. Вып. Д1-10.

Очир-Горяева М.А. Классификация керамики из погребений скифской эпохи Нижнего Поволжья // Вопросы археологии юга Восточной Европы. Элиста, 1990.

Памятники срубной культуры: волго-уральское междуречье. САИ. Саратов, 1993. Вып. В1-10.

Санжаров С.Н., Бритюк А.А. Краснозоринский курганный могильник в бассейне Лугани // Древние культуры Восточный Украины. Луганск, 1996.

Сергеева О.В. Раскопки грунтового могильника ямно-катакомбного времени около с. Шумейка // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.

Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона (Павловский могильник). Воронеж, 1983.

Синюк А.Т. Погребения ямной и катакомбной культур Первого Власовского могильника // Проблемы археологического изучения Доно-Волжской лесостепи. Воронеж, 1989.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант). САИ. Киев, 1986. Вып. В1-3.

Юдин А.И. Раскопки курганов у с. Шумейка в Саратовском Заволжье // Древности Волго-Донских степей. Волгоград, 1998. Вып. 6.

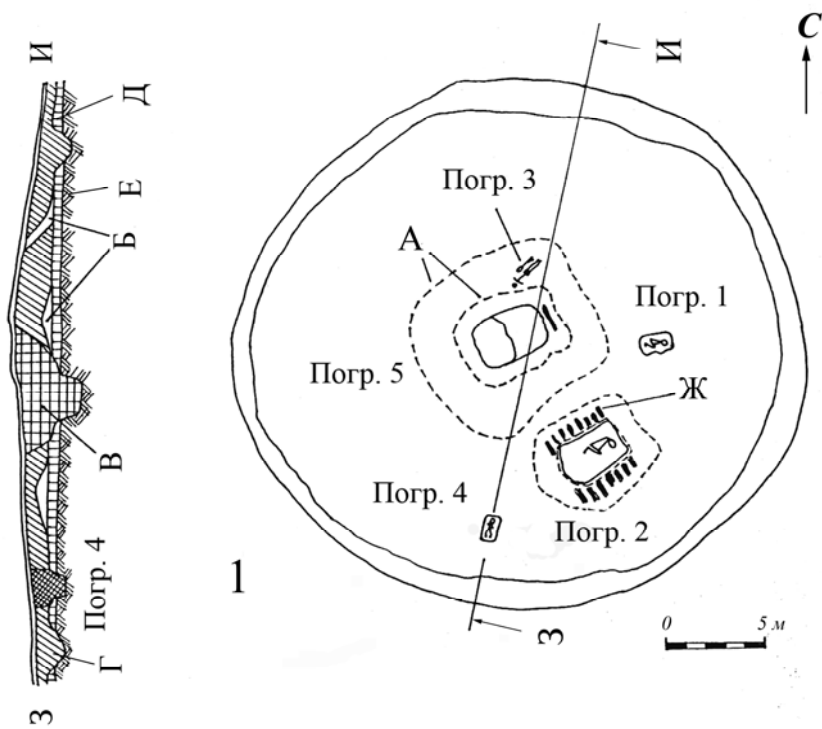

Рис. 1. Курган 1 у с. Шумейка. 1 - план и профиль кургана, 2 - реконструкция первоначального вида кургана. А - границы выкида; Б - выкид; В - перекоп; Г - насыпь; Д - погребенная почва; Е - материк; Ж - остатки деревянного перекрытия.

Рис. 2. Курган 1 у с. Шумейка. 1 - план погребения 1 (а - сосуд, б - бронзовая подвеска, в - альчики); 2 - сосуд из погребения 1; 3 - бронзовая подвеска из погребения 1; 4 - альчик с насечками из погребения 4; 5 - сосуд из погребения 4; 6 - план погребения 4.

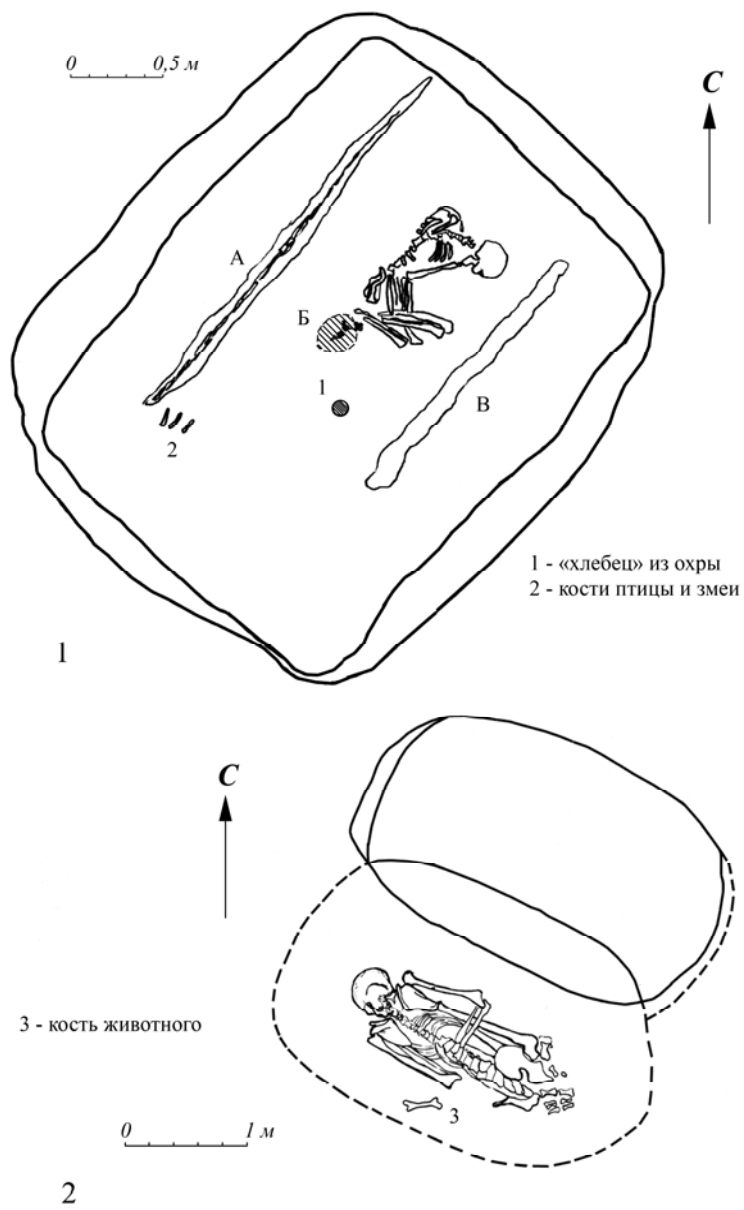

Рис. 3. Шумейка. Основные погребения из курганов.
1 - курган 1, погребение 2; 2 - курган 2, погребение 4. А - канавка по дну могилы с остатками древесины; Б - охра; В - канавка по дну могилы.

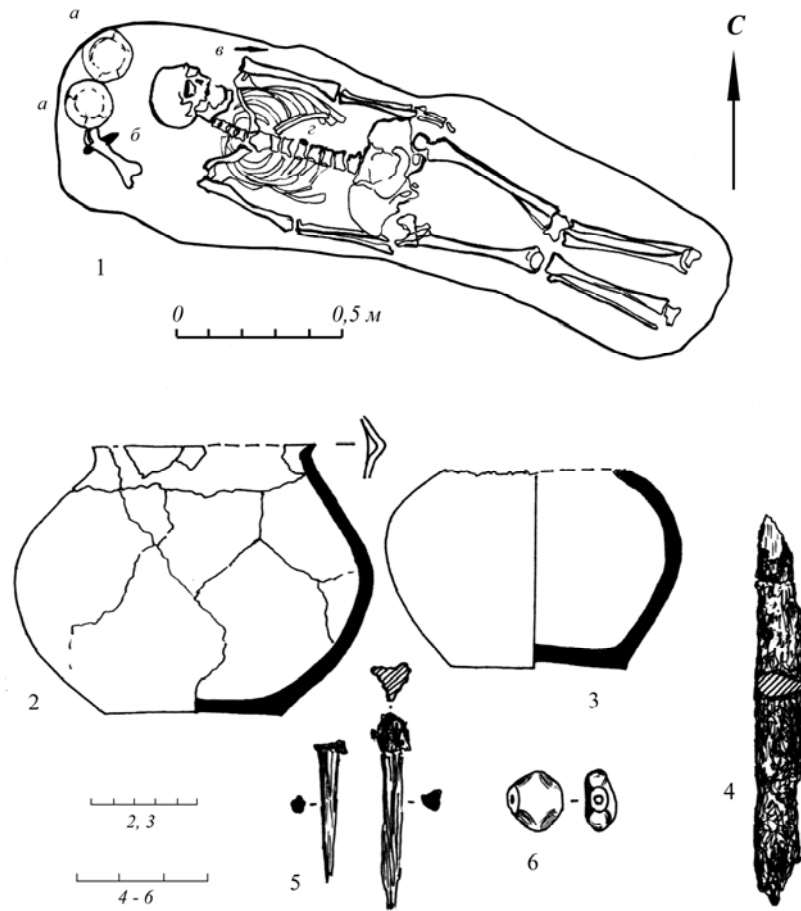

Рис. 4. Курган 2 у с. Шумейка. План погребения 1 и находки из него.
 1 - план погребения 1 (а - сосуды, б - железный нож, в - наконечники стрел, г - бусина);
 2, 3 - керамика, 4 - железный нож, 5 - наконечники стрел, 6 - гагатовая бусина.

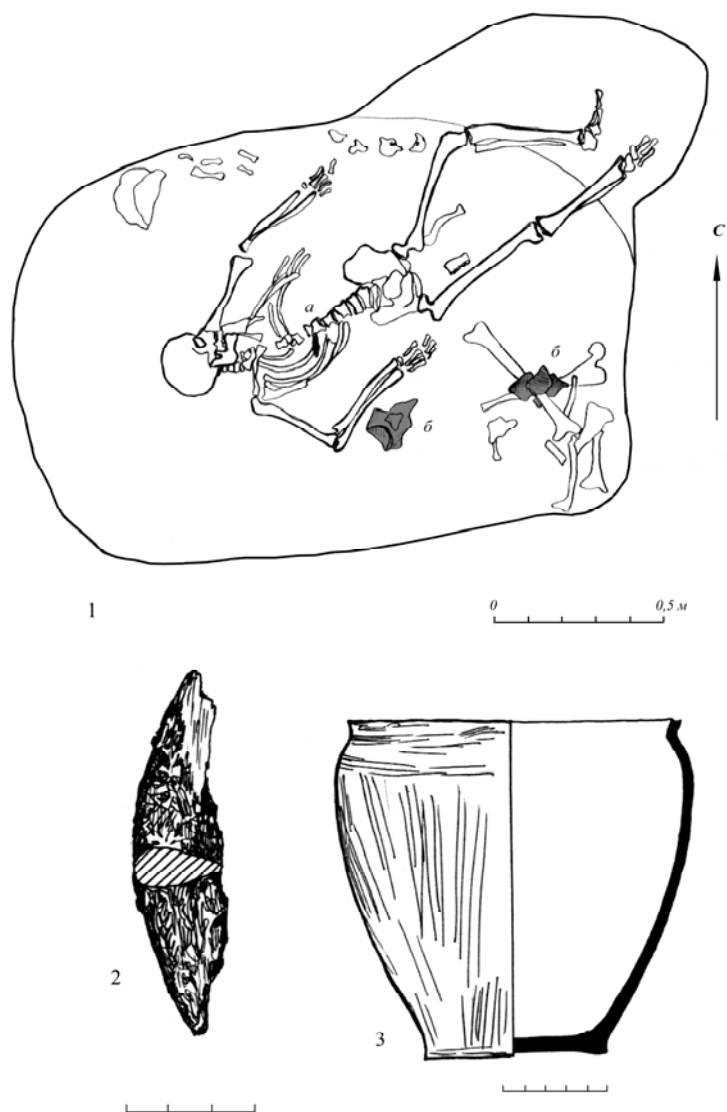

Рис. 5. Курган 2 у с. Шумейка. 1 - план погребений 2 и 3
(а - железный нож, б - фрагменты керамики);
2 - железный нож с остатками деревянной рукояти из погребения 2;
3 - сосуд из погребения 3.

Григорьев С.А.

**ПРОБЛЕМА РУДНОЙ БАЗЫ, ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ФЛЮСОВ
И ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА
В ДРЕВНЕЙ МЕТАЛЛУРГИИ ЮЖНОГО УРАЛА¹**

Определение рудной базы древней металлургии является сложнейшей аналитической задачей. Следует отметить, что эта проблема актуальна не только для собственно археометаллургии, поскольку активно, причем, как правило, необоснованно, используется для решения вопросов социально-экономических реконструкций древних обществ. На сегодняшний день в российской науке базовым методом для этого является спектральный анализ. Нам уже неоднократно приходилось писать, что результаты этого анализа отражают совершенно иные реалии, нежели рудную базу [Григорьев, 2001].

В свое время исследование южно-уральского металла синташтинско-абашевского времени (эпоха средней бронзы), а также изучение руды некоторых уральских месторождений позволили сделать вывод, что большая часть металла легирована мышьяком, и источником этого металла было месторождение Таш-Казган в Учалинском районе Башкирии, руда которого имеет естественные примеси мышьяка. Это позволило рассматривать данный металл в качестве естественной мышьяковистой бронзы и объединить его в химико-металлургическую группу ТК [Черных, 1970].

Осуществленные впоследствии исследования руды и шлаков синташтинской культуры привели к выводу, что основным источником руды были месторождения в ультраосновных серпентинизированных породах. При этом в плавку поступали, преимущественно, окисленные руды, содержащие весьма незначительные концентрации мышьяка. Поэтому легирование мышьяком осуществлялось добавлением мышьякосодержащих минералов к руде в процессе ее плавки. Кроме того, было показано, что археологические и аналитические данные об использовании руды Таш-Казгана отсутствуют, и металл ТК следует рассматривать в качестве мышьяковистых бронз, причем легирование производилось на стадии плавки руды [Григорьев, 1994, 2000]. Кроме того, спектроаналитические исследования руды позволили выделить три химических группы руды, которые разделялись на восемь химических

¹ Работа осуществляется в рамках проекта, поддержанного грантом Российского фонда фундаментальных исследований № 04-06-96008.

подгрупп. Анализ шлаков позволил выявить пять химических групп. Это позволило сделать вывод об использовании синташтинскими металлургами нескольких рудных источников в ультраосновных породах. Однако в то время конкретные рудники, которые можно было бы связать с синташтинской металлургией, были неизвестны. Поэтому предполагалось возможное использование рудников Воровская Яма и Майлы-Юрт, которые соответствовали химическому и минеральному составу синташтинского сырья [Григорьев, 2000].

В последние годы геологами Института минералогии УрО РАН (Миасс) и археологами центра Аркаим (Челябинск) были проведены комплексные геолого-археологические исследования на новых и известных ранее древних рудниках. Это позволило выявить несколько точек, которые могли служить источником сырья для синташтинской металлургии. Почти все эти рудники, в отличие от Таш-Казгана, расположены либо в пределах территории, занятой синташтинскими городищами, либо в непосредственной близости от них. К этим рудникам относятся: Воровская Яма, Дергамыш, Ишкининский, Ивановский, Еленовка, на которых выявлены карьеры эпохи бронзы [Зайков и др., 1995, 1999, 2000; Zaykov et al., 2002]. В принципе, несмотря на определенные минералогические различия, все эти месторождения относятся к ультраосновному типу. Керамика, обнаруженная при раскопках на Воровской Яме, относится к алакульской культуре, хотя исследование отвалов позволило предполагать несколько фаз в разработке данного рудника [Зайков и др., 1995, 2000]. Правда, использование именно таких руд в синташтинско-абашевское время все же позволяет допускать датировку рудников этой эпохой.

К сожалению, строгие аналитические данные, которые позволили бы безусловно соотнести шлак и руду поселений синташтинской культуры с конкретными рудниками из этого списка, отсутствуют, тем более, что речь идет о рудниках, близких по происхождению, химизму и минеральному составу, на фоне неомогенности самих этих месторождений. Спектральные исследования являются здесь наименее приемлемым методом. Минералогические исследования тоже не позволят ответить на этот вопрос вполне однозначно. В западной науке базовым методом для решения этих проблем является изотопный. Он основан на том, что при металлургических переделах соотношение трех изотопов свинца в шлаке, руде и металле остается неизменным. Это, как будто, выгодно отличает его от иных химических методов, и дает возможность для непосредственного сопоставления металла и руды. Однако спешить с тиражированием этого метода в российской науке не следует, поскольку он имеет свои проблемы. Часто отдельные образцы в гистограммах располагаются на одной прямой, различаясь лишь местом на этой прямой. Есть еще одна странность. В корреляционные графики, исходя из установки о том, что важно соотношение изотопов, вносятся именно соотношения изотопов [см., например, Gale and Stos-Gale, 2002., Fig. 2–4]. В результате, мы получаем математический абсурд, когда мы вправе сократить знаменатели и работать только с числителями. Поэтому в реальности производится сопоставление всего лишь по паре изотопов, что и располагает образцы на одних прямых. Это заведомо (чисто графически) не позволяет различать группы образцов из большого количества месторождений (рис. 1). Кроме то-

го, данный график лишь отражает весьма простой факт: чем больше свинца, тем больше его изотопов. А это, строго говоря, уже не изотопный анализ. Эти мысли не следует рассматривать в качестве призыва отказаться от использования данной методики, но и абсолютно доверять ее результатам тоже не следует.

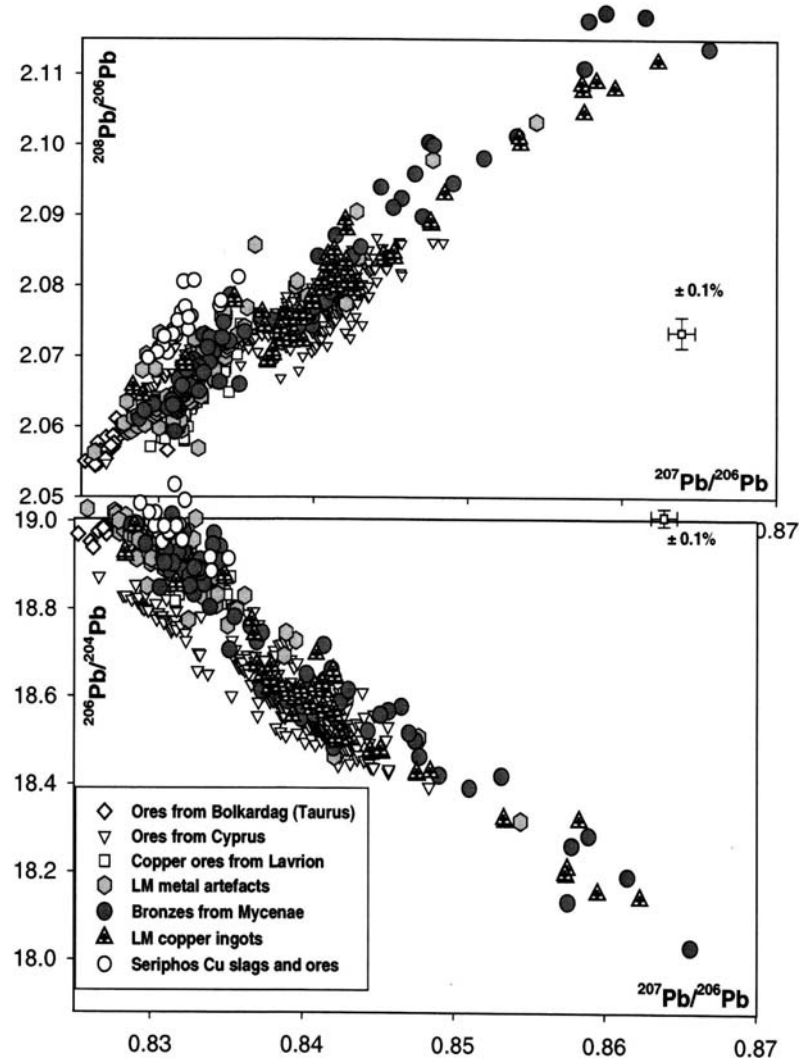

Рис. 1. Гистограмма соотношения изотопов свинца (по Gale and Stos-Gale, 2002).

Вероятно, выходом из этой проблемной ситуации является применение целого ряда аналитических методов и корреляция результатов данных мето-

дов. Одним из таковых может быть исследование химического состава хромшпинелидов с помощью сканирующего электронного микроскопа. Перспективы использования этого метода именно для синташтинской металлургии очень велики в силу трех обстоятельств:

1. В отличие от металлургии поздней бронзы, синташтинская металлургия базировалась на плавке ультраосновных руд, поэтому руда и шлак почти всегда содержат включения хромшпинелидов, что характерно и для месторождений данной группы.

2. Хромшпинелиды очень тугоплавки и их химический состав не изменяется при плавке руды, поскольку они практически не взаимодействуют с иными компонентами плавки, как показали наши многочисленные исследования синташтинских шлаков. Этим они отличаются от всех прочих компонентов и от химического состава руды и шлака в целом.

3. В пределах одного месторождения химический состав хромшпинелидов довольно близок и может рассматриваться в качестве важного диагностического признака.

Анализ включений хромшпинелидов в шлаке проводился с помощью сканирующего электронного микроскопа Digital Scanning Microscope DSM 960 в Горной Академии г. Фрайберга (Германия) (табл. 1, 2)².

Таблица 1.

СЭМ анализы шлака и руды синташтинской культуры.
Атомарный процент

Поселение	Материал	Образец	Анализ	Минерал	O	Si	Cu	Fe	Mg	Cr	Al	As	Ca	Cl	Ti
Синташта	шлак	3	1	хромит	51,21			11,75	6,09	19,64	10,20	1,10			
Синташта	шлак	3	3	хромит	51,00			10,03	7,08	19,80	10,75	1,34			
Синташта	шлак	3	1 Wdh	хромит	56,69			10,81	5,85	19,45	6,99		0,05		0,16
Синташта	шлак	173	3	хромит	47,74			10,04	8,08	22,04	11,07	1,02			
Семиозерки	шлак	252	2	хромит	49,43			13,77	4,39	20,86	10,73	0,82			
Семиозерки	шлак	252	4	хромит	45,09	1,59		12,36	4,68	27,69	7,74	0,84			
Аркаим	шлак	680	1	хромит	47,50			8,06	11,12	23,59	9,74				
Аркаим	шлак	751	1	хромит	50,70			8,13	9,18	21,20	9,61	1,18			
Аркаим	шлак	751	1 Wdh	хромит	56,90			7,35	8,24	20,37	6,91		0,09		0,16
Аркаим	шлак	822	1	хромит	44,25			11,77	8,61	23,70	10,83	0,84			

² Исследование осуществлялось при поддержке Alexander von Humboldt-Stiftung. И автор хотел бы выразить свою благодарность этому фонду, а также профессору Э. Пернице, возглавлявшему в тот период Институт археометрии в Горной Академии Фрайберга.

ЭПОХА КАМНЯ И ПАЛЕОМЕТАЛЛА

Синташта	шлак	839	2	хромит	50,93			10,85	6,86	20,56	10,07	0,72			
Синташта	шлак	846	2	хромит	51,88			9,70	7,51	18,79	10,98	1,13			
Аркаим	шлак	FG1777	1	хромит	29,81			15,68	8,92	32,61	13,17				
Синташта	шлак	FG1803	1	хромит	25,22			17,16	11,79	29,62	16,19				
Синташта	руда	FG1823	1	малахит	61,16		38,84								
Солнце	шлак	FG1870	3	хромит	21,26			17,74	13,05	34,13	13,82				
Солнце	шлак	FG1870	4	хромит	26,40			17,64	10,66	31,31	13,95				
Синташта	шлак	FG1947	1	руда (хлорид)	45,78		36,27	0,85							19,1
Ивановка	руда	FG2166	1	малахит	63,31		36,69								
Ишкин-ское	руда	FG2169	1	хромит	29,79			12,32	13	30,05	14,84				
Ишкин-ское	руда	FG2171	1	малахит	62,85	0,41	36,74								

Таблица 2.

СЭМ анализы шлака синташтинской культуры.
Качественный анализ

Поселение	Материал	Образец	Анализ	Минерал	O	Si	Cu	Fe	Mg	Al	Cl
Аркаим	шлак	751	e	малахит	L		X				
Аркаим	шлак	FG1780	b	медный хлорид			X				X
Синташта	шлак	FG1803	a	малахит	X		X	L			X
Синташта	руда	FG1826	a	малахит	X		X	L			
Синташта	руда	FG1826	b	руда	X	X	X				
Солнце	шлак	FG1870	b	малахит	X		X				X
Каменный Амбар	руда	FG1878	a	малахит	X		X				
Тюбьяк	руда	FG1921	a	малахит	X		X				
Тюбьяк	шлак	FG1928	b	малахит	L	L	X	L			
Дергамыш	руда	FG2165	a	малахит	X		X				
Дергамыш	руда	FG2165-2	a	малахит	X		X				
Ишкинское	руда	FG2169	a	малахит	X		X				
Ишкинское	руда	FG2169	e	темная фаза	X		X	L			
Ишкинское	руда	FG2169	k	малахит	X		X				
Бакр-Узяк	руда	FG2173	a	малахит	X		X				
Бакр-Узяк	руда	FG2173	c	порода	X	X	L	X	X	X	
Воровская Яма	руда	FG2177	a	малахит	X		X				
Таш-Казган	руда	FG2179	a	малахит	X		X				
Таш-Казган	руда	FG2180	a	малахит	X		X				

L - незначительное содержание

X - значительное содержание

Конструирование фазовой диаграммы $Fe_2O_3 - Al_2O_3 - Cr_2O_3$ для хром-шпинелидов, осуществленное на базе этого анализа, выявило отчасти дис-

персную картину, хотя все образцы относятся, вероятно, к довольно близким месторождениям. Сопоставление этой диаграммы с диаграммой, полученной на основе анализов хромшпинелидов из руды Ишкининского, Ивановского и Дергамышского месторождений [Мелекесцева и др., 2001], показало, что исследованные образцы несколько отличаются от образцов Дергамышского месторождения, но могут быть сопоставлены с образцами Ишкининского и Ивановского (рис. 2, рис. 3). При этом хромшпинелиды с Ивановского, хотя и близки, все же отличаются чуть более низким содержанием Cr_2O_3 . Хромшпинелиды же Ишкининского месторождения целиком соответствуют хромшпинелидам из шлаков Аркаима, Синташты и Семиозерок-II. Это не может служить окончательным доказательством использования именно данных месторождений, но совершенно безусловно, что разрабатываемые месторождения относились к тому же типу месторождений в ультрабазитах дунит-перидотитовой формации.

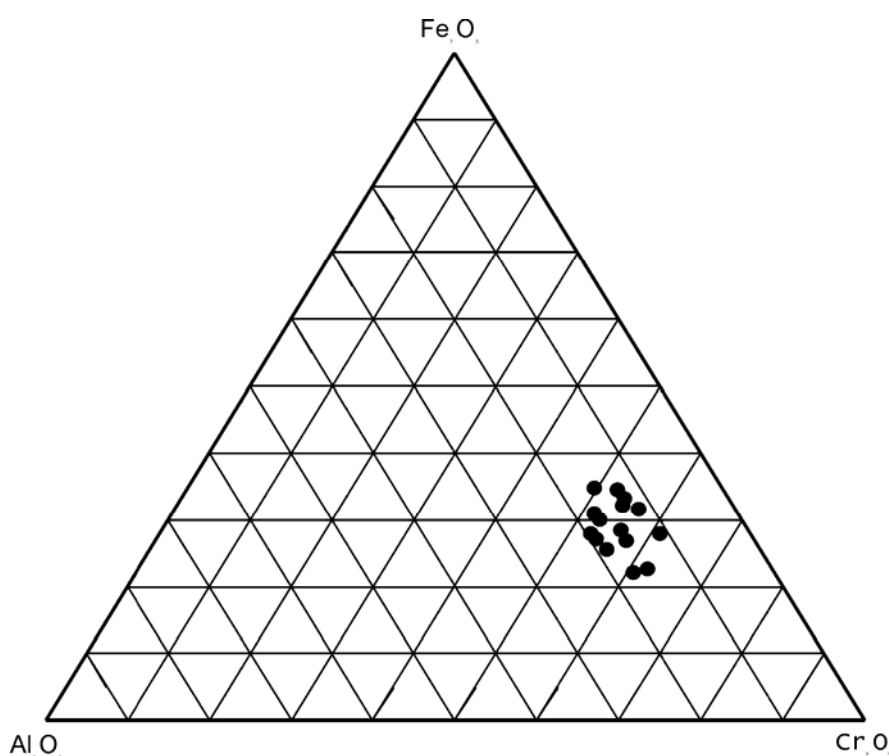

Рис. 2. Фазовая диаграмма $\text{Fe}_2\text{O}_3 - \text{Al}_2\text{O}_3 - \text{Cr}_2\text{O}_3$ для хромшпинелидов шлаков синташтинской культуры.

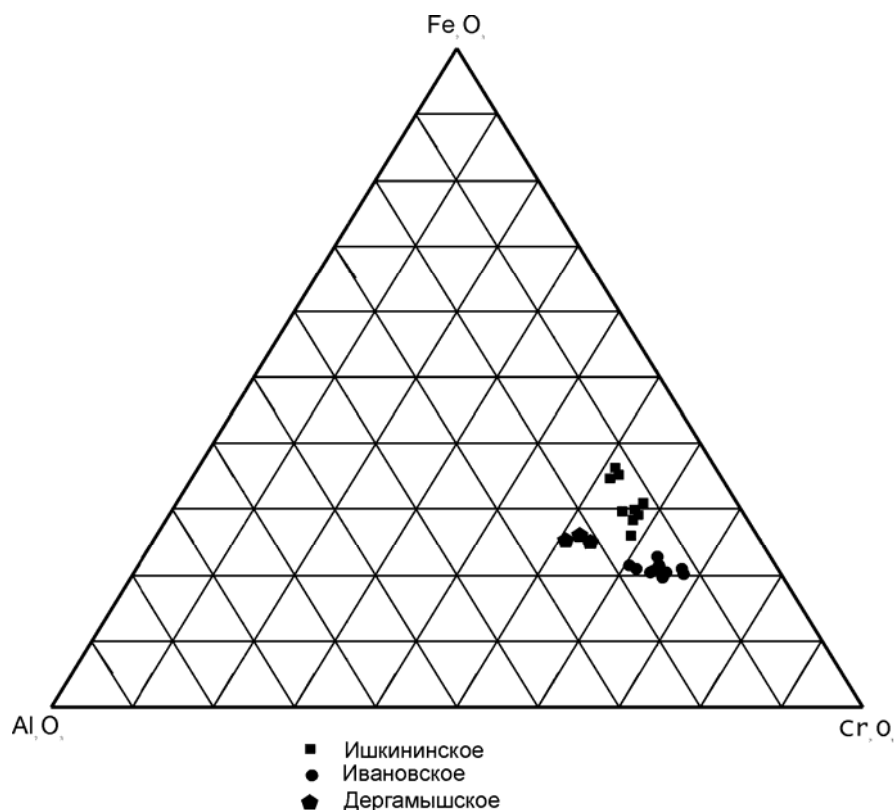

Рис. 3. Фазовая диаграмма $Fe_2O_3 - Al_2O_3 - Cr_2O_3$ для хромшпинелидов руды месторождений Ишкининское, Ивановское, Дергамышское.

Многие хромшпинелиды Ишкининского и Ивановского месторождений имеют магнетитовую кайму [Мелекесцева и др., 2001]. Подобную картину мы неоднократно наблюдали, исследуя шлаки вышеназванных поселений синташтинской культуры [Григорьев, 2000. С. 479, 481, 483]. Однако сопоставление прочих химических характеристик дает не столь однозначную картину. Хромшпинелиды Ишкининского месторождения содержат несколько более высокие концентрации титана, который редко присутствует в хромшпинелидах шлаков синташтинских городищ. Однако в хромшпинелидах Ишкининского месторождения более высокие концентрации титана приурочены к краю зерен, а анализы хромшпинелидов синташтинских поселений делались в центре зерна. Тем не менее, в некоторых образцах титан был выявлен (образцы 3, ан. 1Wdh.; 751, ан. 1Wdh.) (табл. 1).

Вопрос о происхождении минералов, содержащих мышьяк, остается по-прежнему открытым. Как известно, в зоне синташтинских городищ располагается одно из крупнейших в мире – Кочкарское месторождение арсенопи-

рита, и дальнейшие исследования в этом направлении могут быть вполне успешными. Однако мышьякосодержащие минералы могли добываться и на медных месторождениях. В этом смысле большой интерес представляет присутствие арсенопирита на Ишкининском месторождении. Древние горняки могли добывать там как медные минералы, так и арсенопирит. При этом речь должна идти все же не о добыче медных минералов, содержащих мышьяк (хотя определенный процент этих минералов, безусловно, был), а о легировании плавки мышьякосодержащими минералами, как это и отмечалось нами ранее. Главным аргументом этого было сопоставление содержания мышьяка в шлаке и руде синташтинских городищ. В руде мышьяка было значительно меньше, чем в шлаке, в то время как при металлургических переделах концентрации мышьяка в шлаке должны не увеличиваться, а уменьшаться, поскольку мышьяк переходит, главным образом, в металл [Григорьев, 2000. С. 500–509]. Эта картина, как будто, указывает на дополнительные добавки мышьяковых минералов к руде.

Однако синташтинские металлурги использовали, преимущественно, окисленную руду, хотя некоторое количество вторичных сульфидов (ковелин, халькозин) поступало в плавку [Григорьев, 2000. С. 482–484]. Окисленные же минералы содержат не так много мышьяка, как сульфидные, что не позволяло получать стабильного результата. Исследования некоторых малахитов Таш-Казгана и Ишкининского не выявило в них мышьяка (образцы 1980, ан. а; 2169, ан. а, к.; 2171, ан. 1; 2179, ан. а) (табл. 1, 2). Несколько более стабильный результат мог быть получен при плавке вторичных сульфидов, но оптимальный результат давали добавки мышьяковых минералов.

Существуют еще два факта, позволяющие рассматривать Ишкининское месторождение в качестве источника сырья для синташтинской металлургии. Данное месторождение демонстрирует более высокие содержания никеля в руде, что вполне характерно для синташтинских шлаков, полученных при плавке ультраосновных пород. Кроме того, рудовмещающая порода месторождения представлена не только серпентинитами, но и углисто-кремнистыми сланцами, которые иногда сопутствуют серпентинитам. На поселении же Синташта рудные образцы были представлены как серпентинитами, так и углисто-кремнистыми сланцами [Григорьев, 1996. С. 115; Zaykov et al., 2002].

Исходя из всех вышеперечисленных причин, Ишкининское месторождение можно рассматривать как наиболее вероятный источник руды для поселений Синташта и Аркаим. Это месторождение находится на расстоянии около 100 км от Аркаима. Ивановское и Дергамышское расположены ближе, а Воровская Яма – непосредственно в зоне распространения синташтинских городищ. Однако обоснование их использования синташтинскими металлургами еще нуждается в аналитических или археологических доказательствах. Не исключена эксплуатация Еленовского рудника в это время, хотя данных в пользу этого нет. Довольно проблематична и эксплуатация рудника Майлы-Юрт. Хотя химически и минералогически его руда вполне соответствует рудной базе синташтинской культуры, он довольно далеко расположен, а я не думаю, что в древности руду перевозили на значительные расстояния. Во всяком случае, обоснование эксплуатации отдаленных рудников требует особенно надежных аналитических доказательств. В целом же, исследования

последних лет подтверждают тезис, что в синташтинское время эксплуатировались руды в ультраосновных серпентинизированных породах, и позволяют несколько ближе придвинуться к проблеме источников для легирования руды на стадии ее плавки. Более интенсивное исследование хромшпинелидов в шлаке и руде поселений и рудников позволит со временем связать отдельные производственные центры с конкретными рудниками. Тем не менее, с ростом аналитических данных мы столкнемся с той же графической проблемой, которая обсуждалась для изотопного анализа. Поэтому данный метод не может быть самодостаточным и требует проверки иными возможными методами, включая уже обсуждавшиеся спектральный и минералогический анализы. При этом хотелось бы еще раз подчеркнуть, что в настоящее время не существует какого-либо одного метода, который бы безусловно решал поставленные проблемы, и применение всех возможных методов неизбежно, если мы, конечно, стремимся к корректному результату. Однако обсуждение результатов любого из этих анализов будет ошибочным при попытках непосредственных сопоставлений, без учета технологических параметров, оказывавших существенное воздействие на минеральный и химический состав.

Методами, которые могут оказать помощь в решении поставленных вопросов, являются: выявление специфических минералов, характерных для определенных месторождений, и химический анализ шлака. К сожалению, в шлаке, в результате металлургических реакций, эти минералы могут не сохраниться, а химический состав сильно трансформироваться. Помощь в решении проблемы могут оказать петрохимические расчеты химического состава.

В данной работе³ рассматриваются результаты 31 химического анализа руды (8 анализов) и шлака (23 анализа). Пять анализов руды собраны на рудниках: Каргалы, Дергамыш, Ишкинино и Воровская Яма (табл. 3). Датировка работ на этих рудниках представляет известную проблему. Можно с полной определенностью говорить, что только Каргалинские рудники населением Зауралья не использовались. Рудники Дергамыш, Ишкинино и Воровская Яма вполне могли эксплуатироваться в эпоху средней бронзы синташтинским населением Зауралья. Однако в настоящее время существуют аналитические данные, позволяющие допускать это предположение лишь для Ишкининского рудника [Григорьев, 2003]. Наибольшее число анализов (18 образцов) выполнено для синташтинских памятников Зауралья (Синташта, Аркаим). Пять проанализированных образцов Приуралья (Тюбяк, Береговское, Бирск-1) могут датироваться абашевским и срубным временем. То есть можно говорить об определенной синхронизации всего этого материала. Видимо, относительно синхронным является образец шлака с поселения Вишневка в Северном Казахстане, хотя его можно относить уже к эпохе поздней бронзы. Относительно более поздними являются также образцы других североказахстанских поселений (Петровка-II и Новоникольское). Ранее были осуществлены минералогические анализы шлака данных памятников [Григорьев, 2000, 2003a].

³ Выражаю глубокую признательность за первичную консультацию и последующую редактуру текста доктору геол.-мин. наук Е.А. Белгородскому и сотруднику Челябинской геологоразведочной экспедиции Г.А. Кальсину.

Таблица 3.

Распределение проанализированных образцов по памятникам.

Памятник	Материал	Кол-во
Аркаим	шлак	9
Сингашта	шлак	6
Сингашта	руда	3
Тюбьяк	шлак	2
Береговское	шлак	2
Бирск I	шлак	1
Петровка II	шлак	1
Новоникольское	шлак	1
Вишневка	шлак	1
Каргалы	руда	1
Дергамыш	руда	1
Ишкинино	руда	2
Воровская Яма	руда	1

В различные годы и на различной лабораторной базе (в химической лаборатории Челябинской геолого-съёмочной экспедиции и в Activation Laboratories Ltd., Ancaster, Ontario, Canada) был сделан ряд химических анализов древних шлаков Урало-Иртышского междуречья, датируемых эпохой бронзы (табл. 3, 4, 5).

Таблица 4.

Химические анализы шлака и руды,
выполненные в Activation Laboratories Ltd. (XRF).

Образец	Памятник	Материал	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₂ O ₃	MnO	MgO	CaO	Na ₂ O	K ₂ O	TiO ₂	P ₂ O ₅	LOI	TOTAL	Ba	Sr	Y	Sc	Zr	Be	V
			%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	%	ppm	ppm	ppm	ppm	ppm
1781	Аркаим	шлак	31,60	4,73	57,48	0,124	5,21	2,44	0,17	0,54	0,391	0,29	-3,88	99,10	385	165	11	14	71	-1	118
1787		шлак	51,06	6,55	35,62	0,191	3,37	2,55	0,07	1,78	0,289	0,33	-2,70	99,11	1255	227	30	15	105	-1	202
1789		шлак	32,61	3,75	58,93	0,083	5,50	1,70	0,24	0,77	0,172	0,20	-4,94	99,02	366	119	13	15	41	-1	124
1792		шлак	25,53	3,63	66,42	0,111	5,00	1,78	0,30	0,81	0,225	0,17	-4,46	99,51	401	154	11	21	35	-1	133
1795	Синташта	руда в сланце	58,42	3,37	6,90	0,193	0,68	5,84	0,34	0,38	0,072	0,13	13,71	90,04	494	112	97	62	42	1	542
1797		чагр. песчаник	54,41	1,63	39,90	0,014	0,21	1,02	0,44	0,12	0,081	0,79	1,84	100,46	53	89	11	37	59	7	16
1798		шлак	38,72	8,52	45,06	0,089	2,97	2,14	0,35	2,23	0,341	0,61	-3,11	97,91	692	163	41	25	74	-1	445
1799		шлак	36,36	3,22	41,33	0,349	11,63	4,89	0,47	1,18	0,150	0,39	-2,44	97,53	463	492	7	11	21	-1	54
1822		руда	35,83	1,60	14,51	0,038	26,11	0,23	0,41	0,10	0,065	0,05	15,89	94,82	10	35	3	20	2	-1	77
1923		Тюбяк	шлак	30,95	2,90	55,64	0,087	2,37	2,66	0,14	1,31	0,244	0,50	-3,44	93,36	212	111	19	8	36	2
1925	шлак		46,25	3,30	31,75	0,077	9,75	5,52	0,14	0,70	0,157	0,33	-2,39	95,59	329	121	4	13	37	-1	90
1937	Береговское	шлак	17,21	2,84	19,19	0,043	0,98	5,12	0,37	1,05	0,145	1,58	3,32	51,85	115200	3740	11	3	59	-1	128
1941		шлак	36,35	5,39	11,90	0,052	1,01	3,73	1,11	0,88	0,266	1,10	5,48	67,25	42930	2554	12	7	143	-1	260

1942	Бирск-I	шлак	35,71	5,11	10,32	0,063	1,07	4,32	1,04	0,92	0,250	1,32	7,36	67,48	43020	2645	12	8	130	1	231
1946	Синташта	шлак	36,31	8,40	46,29	0,107	3,41	2,05	0,46	2,11	0,484	0,24	-2,73	97,13	1037	196	39	38	100	2	318
2027	Каргалы	руда	15,99	2,81	1,66	0,013	0,51	0,54	0,57	0,44	0,124	0,04	22,48	45,18	52580	3399	9	6	35	-1	32
2165	Дергамыш	руда	36,46	10,46	9,34	0,077	15,80	0,75	0,01	0,04	0,192	0,01	17,88	91,03	9	39	2	21	19	-1	77
2167	Ишкинин	руда	29,59	0,34	15,20	0,056	26,70	0,15	-0,01	0,06	0,008	0,01	15,66	87,79	4	3	-1	4	7	-1	9
2172		руда	27,74	9,61	18,47	0,014	5,47	0,64	0,05	0,06	0,050	0,04	21,67	83,82	12	44	1	76	14	-1	124
2176	Воровская Яма	руда	21,09	1,08	20,43	0,798	0,13	17,47	-0,01	0,10	0,014	0,18	12,48	73,78	282	13	6	4	12	-1	60

Таблица 5.

Химические анализы шлака, выполненные в химической лаборатории Челябинской геолого-съёмочной экспедиции.

Образец	Памятник	SiO ₂	Al ₂ O ₃	Fe ₃ O ₄	MnO	FeO	Fe ₂ O ₃	CaO	SO ₃	TiO ₂
13	Петровка-II	53,50	0	9,76	0	20,4	0	1,51	0	0
46	Новоникольское	29,6	0	2,85	0	39,4	0	10,4	0	0
54	Вишневка	23,6	0	2,52	0	46,9	0	7,36	0	0
61	Синташта	43,6	0	1,65	0	29,3	0	1,2	0	0
63	Синташта	34,5	0	2,2	0	39,6	0	2,77	0	0
83	Синташта	10,8	0	0,4	0	0,21	0	0,42	0	0
677	Аркаим	40,9	4,83	0	0,11	32,8	10,26	1,98	0,07	0,31
678	Аркаим	31,1	4,35	0	0,19	43,7	7,53	2,66	0,09	0,28
682	Аркаим	29,9	3,57	0	0,13	50,2	3,66	2,34	0,15	0,32
686	Аркаим	30,8	3,57	0	0,12	47,8	4,85	2,39	0,15	0,32
690	Аркаим	21,9	4,63	0	0,11	49,6	5,68	1,67	0,12	0,24

Однако данные этих анализов имели довольно ограниченное применение. Преимущественно они использовались для расчета вязкости шлака при определенной температуре [Wachmann и.а., 1987; Григорьев, 2000. С. 489; 2003а]. Определение температурных параметров на этой базе дает не вполне достоверный результат в силу того, что химический анализ характеризует

весь химический состав вещества, включая как расплавленные, так и нерасплавленные части, хотя соответствующие способы и существуют. Определение температурных параметров более корректно при изучении химического состава различных компонентов шлака с помощью микрозонда (например, включений оливина, стекла и т. д.).

Исследования химического состава шлака в целом позволяют судить о составе рудовмещающей породы. Такое определение может быть сделано с помощью стандартных петрохимических расчетов. В настоящем исследовании была использована программа Minpet. Однако здесь следует сделать целый ряд оговорок. Эти расчеты были бы корректны в том случае, если в плавке использована только руда. Однако в случае использования флюсовых добавок мы неминуемо получаем искаженный результат. Правда, наше исследование больших серий шлака эпохи средней и поздней бронзы Урало-Иртышского междуречья позволило усомниться в широком использовании флюсовых добавок. Можно вполне определенно говорить, что синташтинская металлургия эпохи средней бронзы таковых почти не знала. Тем не менее, синташтинцы добавляли в плавку фрагменты костей животных, что привносило в шихту кальций и калий, способствуя созданию более жидкого шлака. Попадавший при этом в плавку фосфор способствовал повышению температуры при экзотермальной реакции его горения.

Это обстоятельство заставляет сомневаться в определении Са-содержащих пироксенов, таких, как волластонит⁴. В силу той же причины сомнительны определения апатита, нефелина и лейцита – минералов, содержащих Са и К. Реконструкция некоторых иных компонентов шихты, например, оливина и пироксена, в силу близости их химического состава, тоже не может быть признана удовлетворительной. Поэтому данный метод имеет лишь оценочный характер и может использоваться только как дополнение к основной методике [Григорьев, 1993, 2000]. Следует сказать еще об одном обстоятельстве. В нижеследующем тексте упоминается обнаружение с помощью данных расчетов того или иного минерала в шлаке. Но имеются в виду вовсе не минералы, реально присутствующие в шлаке, а нормативный минеральный состав, реконструируемый на основе пересчета химического анализа.

⁴ Информация по отдельным минералам взята из издания Дир и др. (1965, 1965а, 1966, 1966а, 1966б).

Минеральный состав шлака (по данным химического анализа)

Таблица 6.

Нормативный минеральный состав шлака и руды,
полученный с помощью программы Minpet.

Образец	Памятник	Материал	Всего	Кварц	Корунд	Ортоклаз	Альбит	Анортит	Нефелин	Лейцит	Диопсид	Диоп. (Wo)	Диоп. (En)	Диоп. (Fs)	Гиперстен	Гип. (En)	Гип. (Fs)	Оливин	Ол. (Fo)	Ол. (Fa)	Магнетит	Ильменит	Апатит
1781	Аркаим	шлак	102,98		0,12	3,25	1,47	10,41							15,51	2,33	13,18	54,94	7,59	47,35	12,86	0,76	0,65
1787	Аркаим	шлак	102,81	13,11	0,66	10,55	0,59	10,53							55,13	8,38	46,74				8,1	0,55	0,72
1789	Аркаим	шлак	103,96			4,6	2,05	6,95			0,22	0,11	0,02	0,1	16,86	2,59	14,28	55,5	7,83	47,68	13,01	0,33	0,44
1792	Аркаим	шлак	103,75					6,28	1,4	58,98	1,39	0,66	0,09	0,63				75,45	8,78	66,67	14,75		0,38
677	Аркаим	шлак	91,19	10,63	1,35			10,81							65,31		65,31				11,28	0,65	
678	Аркаим	шлак	89,81					13,2				1,32	0,62	0,7	45,33		45,33	25,92		25,92	13,68	0,59	
682	Аркаим	шлак	90,12					10,75			1,84	0,86		0,98	38,2		38,2	34,22		34,22	14,37	0,67	
686	Аркаим	шлак	89,85					10,8			2,09	0,98		1,11	44,48		44,48	27,93		27,93	14,07	0,67	
690	Аркаим	шлак	83,83		1,89			9,85							3,58		3,58	68,41		68,41	15,8	0,54	
1797	Синташта	чагр. песчаник	98,61	29,27	0,81	0,74	3,91								54,08	0,55	53,53					0,16	19,72
1795	Синташта	руда в сланце	76,33	55,99		2,96	3,8	8,64			24,75	11,88	2,04	10,83	1,2	0,19	1,01				2,06	0,18	0,37
1798	Синташта	шлак	101,03	3,18		13,56	3,05	6,83							43,86	5,01	38,85	17,22	1,8	15,42	10,18	0,67	1,37
1799	Синташта	шлак	100,97			7,15	4,08	3,27			16,01	7,93	2,92	5,17	5,77	2,08	3,69	50,89	17,22	33,68	9,56	2,24	0,87

Оливины характерны для большинства шлаков, кроме отдельных синташтинских образцов, некоторых образцов Казахстана и Приуралья, где вместо них присутствует гиперстен. Оливины образуют непрерывный изоморфный ряд от железистых к магнезиальным (от фаялита к форстериту).

Исследованиями выявлены различные типы пироксенов. Одним из таковых являются ромбические пироксены. Они обычно ассоциируют с оливином и шпинелидами. Ромбические пироксены образуют непрерывный ряд от магнезиальных к железистым: энстатит – бронзит – гиперстен – феррогиперстен – эвлит – ферросилит. Следует отметить, что осуществленные на сегодняшний день минералогические анализы шлаков с помощью оптического микроскопа, а также с помощью микронзонда, ромбических пироксенов не выявили. Однако в процессе плавки они вполне могли образовывать оливин. В частности, надежно установлено, что протозенстатит плавится с образованием форстерита и более кремнеземистой жидкости [Дир и др., 1965а. С. 34].

Количество ромбических пироксенов (в таблице они объединены в составе Fe-Mg пироксена – гиперстена) обратно пропорционально количеству оливина, что подтверждает сформулированное выше положение.

Сумма оливина и гиперстена варьирует от 21,33% до 75,45%. Максимальной (от 53,84% и выше) она является в шлаках синташтинских памятников и Тюбьяка. На всех прочих данная сумма заметно меньше. Это отражает предпочтение металлургами средней бронзы руды из ультраосновных пород.

Магнезиальные пироксены и оливины мало характерны для шлака. Среди пироксенов энстатит встречается редко. Он выявлен лишь в одном образце шлака с Петровки-II, где его содержание весьма существенно (44,8%), и одном, с поселения Тюбьяк. Более типичен ферросилит, что указывает на предпочтение более легкоплавких железистых пород сравнительно с магнезиальными. Та же закономерность наблюдается и для оливинов, где типичен фаялит, а не форстерит.

Четкой пропорциональной зависимости между содержанием магнезиальных и железистых компонентов не наблюдается. Доля магнезиальных минералов выше (от 5 до 25%) в некоторых синташтинских и абашевских шлаках, но в тех же образцах очень высока доля железистых компонентов. Последние резко преобладают. Суммарно по всем шлакам процент железистых пород превышает процент магнезиальных в 7,32 раза. Это объясняется для шлаков средней бронзы сортировкой руды, когда из серпентинитов выбирались преимущественно включения руды в оксидах железа, а для поздней бронзы – использованием халькопирита (в отдельных случаях) или, иногда, железистыми флюсами.

Другим характерным нормативным пироксеном является диопсид – силикат кальция и магния. В природе диопсид встречается в зонах контактового метаморфизма в кристаллических известняках и доломитах, регионально-метаморфизированных породах и метаморфических породах.

Диопсиды практически не характерны для шлака Аркаима, но лучше представлены на Синташте, в Приуралье и особенно на некоторых казахстанских памятниках: на них обычно относительно равномерное распределение между ферросалитом и волластонитом.

Волластонит ($\text{Ca}[\text{SiO}_3]$) является метасиликатом кальция. В природе он встречается только в термально метаморфизированных породах, чаще в известняках.

Таким образом, гиперстен, оливин и диопсид являются основными компонентами шлака. В подавляющем числе образцов сумма этих компонентов превышает 50%, обычно же более 60%.

При сопоставлении шлака Синташты и Аркаима можно выделить следующие закономерности: различия в оливинах и ромбических пироксенах практически не наблюдаются, но диопсиды более характерны для Синташты.

Наряду с главными компонентами в шлаке представлен ряд вторичных минералов. Одним из таковых является алюмосиликат кальция – анортит ($\text{CaAl}_2\text{Si}_2\text{O}_8$). Это сравнительно редкий минерал, который встречается в некоторых ультраосновных породах и более типичен для основных пород. Анортит типичен для всех шлаков, кроме казахстанских и отдельных образцов Синташты. Отчетливой связи с другими компонентами не обнаруживает. Поэтому он может быть связан как с породой, так и с добавками костей в шихту. Наблюдается некоторое различие в содержании этого минерала в шлаке Аркаима и Синташты. В шлаках Аркаима анортит присутствует в количестве 6–11%. В синташтинском шлаке его меньше и обнаруживается он далеко не во всех образцах.

Это проявляется и в химических анализах. Содержание Al_2O_3 очень варьирует в руде разных месторождений и в шлаке Синташты. На Аркаиме его колебания незначительны, но содержание довольно высоко – 3,5–6,5%.

Другим редким минералом в шлаке является корунд (Al_2O_3), который ассоциирует с магнетитом, слюдой, хлоритом, нефелином, серпентинитом, шпинелью – минералами изверженных и метаморфических пород.

Корунд представлен в отдельных образцах с рудников Дергамыш и Ишкенинское, в незначительных количествах встречается в отдельных образцах шлака Синташты и Аркаима. Все это не противоречит выводам о возможной связи синташтинской металлургии с этими рудниками, в особенности с Ишкенинским.

Встречен и ортоклаз – алюмосиликат калия (KAlSi_3O_8), обычный минерал магматических пород кислого состава и сланцев.

В руде ортоклаз хорошо представлен лишь в одном каргалинском образце, часто встречается в шлаке приуральских памятников (Бирск, Тюбьяк, Береговское), в некоторых образцах Синташты и Аркаима. Ортоклаз обычно встречается в ассоциации с альбитом ($\text{NaAlSi}_3\text{O}_8$). Повышенное содержание ортоклаза в шлаке, как правило, сопровождается повышенным содержанием альбита.

Альбит мало характерен для шлака. Большее его содержание наблюдается лишь в тех образцах, где сумма всех компонентов намного ниже 100%, поэтому достоверность его присутствия невелика. Но в шлаках Аркаима и Синташты он чуть более характерен для Синташты. Он содержится также в руде в углисто-кремнистых сланцах и чаграйском песчанике, выявленных на этом поселении.

Можно говорить и о связи обоих этих минералов с апатитом ($\text{Ca}_5(\text{PO}_4)_3(\text{OH},\text{F},\text{Cl})$), который присутствует в ряде образцов в незначительных количествах. Апатит встречается во многих породах, но в данном случае ана-

лиз мог показать использование костей в качестве флюсов: фосфатное вещество костей представлено минералогически как раз группой апатита.

Всю описанную ситуацию можно объяснить добавками в шихту дробленых костей, что привносило такие компоненты как калий и кальций, а слабая представленность апатита, возможно, вызвана выгоранием фосфора.

Еще два сравнительно редких для шлака минерала – это нефелин и лейцит.

Нефелин – алюмосиликат натрия и калия – минерал интрузивных вулканических пород.

Лейцит – алюмосиликат калия ($K[AlSi_2O_6]$) – характерен для богатых калием основных лав. В некоторых образцах данного химического состава очень много. Так, в одном образце Аркаима его содержание составляет 59%, много его и в единичных образцах Петровки, Новоникольского, Вишневки. В последних лейцит сопровождается повышенным содержанием воллостанита.

Ильменит – окись железа и титана ($FeTiO_3$), обычный минерал изверженных пород (габбро и диоритов). В шлаках встречен в ничтожных количествах. В руде изученных месторождений тоже встречается в незначительных количествах. Видимо, он связан с рудовмещающими породами, преимущественно основного состава.

Наконец, типичным для шлака минералом является магнетит. Во всех шлаках его содержание колеблется в пределах 8–14%. Но это практически ничего не дает, так как формирование его имеет разные причины. Так, шлак с Вишневки содержит магнетит потому, что он формируется в результате распада халькопирита. В синташтинских шлаках – это замещение по краям зерен хромита, часто формирование его связано с любыми оксидами железа и выпадением из расплава зародышей магнетитовой кристаллизации.

Таким образом, изучение химического состава шлака подтверждает сделанный ранее вывод, что в эпоху средней бронзы эксплуатации подвергались преимущественно руды из основных и ультраосновных пород.

В то же время, исследования руд Синташты выявили преимущественное использование руды из серпентинитов [Григорьев, 2000. С. 472]. Этот минерал довольно тугоплавкий и имеет магниезильный оливинный состав. Поэтому существовала необходимость более тщательной выборки рудных тел из рудовмещающей породы и использования флюсов. Необходимо было увеличивать долю железистого компонента. Не исключено, что для этой цели использовался железистый чаграйский песчаник, находки которого весьма типичны для этого поселения. Анализ образца этого песчаника, пересчитанный на нормативный состав, показал (табл. 7), что этот песчаник мог использоваться в качестве флюса, за счет высокого содержания железа, а присутствие нормативного апатита могло вести к поступлению в плавку фосфора, повышая температуру расплава⁵.

⁵ Любопытно, что этот песчаник обычно сопровождает на поселениях руды из ультраосновных пород и соответствующие шлаки. Этот комплекс выявлен даже на поселении поздней бронзы Мочище, расположенном далеко на севере от синташтинских городищ. Поэтому данное сочетание явно не случайно.

Таблица 7.

Химический анализ образца 1797 (чаграйский песчаник).

Кварц	Корунд	Ортоклаз	Альбит	Гиперстен (En)	Гиперстен (Fs)	Магнетит	Ильменит	Апатит
29,27	0,81	0,74	3,91	0,55	53,53	9,14	0,16	19,72

На других поселениях эпохи средней бронзы предпочтение отдавалось, по-видимому, руде из ультраосновных и основных пород, преимущественно железистого, а не магнезиального состава. При этом, на многих поселениях, как средней, так и поздней бронзы, мы можем предполагать намеренное привнесение в шихту компонентов, содержавших калий и кальций. Археологически это подтверждается обнаружением на синташтинских памятниках использования в качестве флюсов дробленых костей животных. Вместе с тем, на Аркаиме около металлургических печей были обнаружены небольшие кусочки кальцита, который вполне мог использоваться в качестве флюса. Химические анализы этому не противоречат. То же можно допускать и для металлургии эпохи поздней бронзы. Вместе с тем, присутствие калия, кальция и фосфора может быть связано и с особенностями рудовмещающей породы. Определенную долю этих компонентов могла привносить и зола древесного угля. Однозначный ответ на этот вопрос с помощью химического анализа получить нельзя.

Соотношение компонентов шихты

Далее все анализы были подвергнуты дополнительной статистической обработке и разделены на окислы, влияющие на повышение вязкости (SiO_2 , Al_2O_3 , MgO , TiO_2), и окислы, понижающие вязкость (Fe_2O_3 , MnO , K_2O , CaO , Na_2O). Для каждого образца была получена сумма этих окислов. При дальнейшей обработке учитывались лишь те анализы, в которых сумма этих компонентов была около 80% или выше. Соотношение этих двух групп оксидов между собой показано в таблице 8. К сожалению, в выборке было задействовано малое количество руды (два образца с Ишкининского, один с Дергамышского месторождений и два с поселения Синташта). Полученный коэффициент варьировал в пределах 0,16 – 0,45. Это указывает на то, что плавить руду такого состава без специальной компоновки шихты было бы проблематично. В шлаке синташтинских и абашевских (Тюбяк) поселений этот коэффициент был неизменно выше, колеблясь в пределах 0,64 – 2,14. Средний коэффициент для руды составил 0,3, а для шлака 1,3. При этом, данная ситуация не могла быть выправлена добавкой в шихту чаграйского песчаника, для которого данный коэффициент составляет 0,75. Следовательно, в шихту могли добавляться иные компоненты, например, дробленые кости и оксиды железа. Использование дробленых костей в шихте в синташтинское время установлено. Однако они не могли столь резко изменить ситуацию, поскольку сумма K_2O и CaO в шлаке этого времени варьирует от 2,47 до 6,22%.

Таблица 8.

Соотношение окислов, влияющих на снижение вязкости расплава, и окислов, влияющих на ее повышение.

Образец	Памятник	Материал	Соотношение
2165	Дергамыш	руда	0,16
1795	Синташта	руда в сланце	0,22
1822	Синташта	руда	0,24
2167	Ишкининское	руда	0,27
2172	Ишкининское	руда	0,45
1797	Синташта	чагр. песчаник	0,75
1925	Тюбяк	шлак	0,64
1787	Аркаим	шлак	0,66
61	Синташта	шлак	0,74
1799	Синташта	шлак	0,94
677	Аркаим	шлак	0,98
1798	Синташта	шлак	0,99
1946	Синташта	шлак	1,05
63	Синташта	шлак	1,29
1781	Аркаим	шлак	1,45
1789	Аркаим	шлак	1,47
678	Аркаим	шлак	1,52
686	Аркаим	шлак	1,59
1923	Тюбяк	шлак	1,64
682	Аркаим	шлак	1,67
1792	Аркаим	шлак	2,02
690	Аркаим	шлак	2,14
13	Петровка II	шлак	0,59
46	Новоникольское	шлак	1,78
54	Вишневка	шлак	2,41

Археологических и аналитических данных в пользу использования железистых флюсов нет. Вероятно, данная ситуация объясняется тем, что синташтинские металлурги тщательно сортировали руду, отбирая рудные включения из более железистых оливинов. Обилие руды в магнезиальном хризотиловом серпентините на поселении Синташта как раз и было связано с тем, что это были отходы, не поступавшие в плавку. В какой-то степени данное предположение подтверждается тем, что среднее значение обсуждаемого коэффициента для шлаков Синташты составляет 1, а для шлаков Аркаима – 1,5. Минералогическое изучение руды Аркаима в свое время показало, что, несмотря на малое количество образцов, найденных на поселении, большинство было в окислах железа. Причем, малое количество обнаруженной на Аркаиме руды и незначительные размеры образцов указывают на то, что большая часть руды поступила в плавку, и сортировка на поселении практически не производилась. Это заставляет поставить вопрос: использовали ли синташтинцы и аркаимцы один рудный источник. Спектральные анализы руды, как будто, позволяют предполагать, что в целом рудная база этих поселений различалась, хотя один из источников руды мог быть общим для населения обоих этих поселений [Григорьев, 2000. С. 475, табл. 4].

В шлаках поселения Аркаим силикатный компонент варьирует от 22 до 51%, а в шлаках Синташты – от 10 до 43%. Однако среднее значение для обоих памятников составляет 33%. Это довольно близко содержанию силикатного компонента на рудниках Ишкининский и Дергамыш, что тоже заставляет сомневаться в использовании железистых оксидов в качестве флюсов и указывает на эксплуатацию месторождений данного типа.

Использование костей или кусочков кальцита в качестве флюсов имеет археологическое подтверждение. Это должно было оказывать воздействие на содержание такого элемента, как оксид кальция, а использование костей – также на содержание оксидов калия и фосфора.

Содержание кальция в шлаке Аркаима и Синташты близко. В руде его намного меньше, чем в шлаке. Много его содержится лишь в образце руды из Воровской Ямы. Силикатов калия и натрия и минералов фосфора в руде очень мало, они гораздо лучше представлены в шлаке. При этом их содержание в шлаке Синташты и Аркаима особых различий не показывает. Все это может указывать на использование флюсов, однако может быть объяснено и металлургическими переделами, так как в металл эти элементы не переходят, и рост их содержания в шлаке естественен.

Между содержанием кальция и калия в шлаке зависимостей не наблюдается, хотя заметны слабые зависимости между содержанием кальция и фосфора. Есть также зависимость между содержанием калия и фосфора. Все эти данные, тем не менее, не указывают однозначно на использование обсуждаемых флюсов, зафиксированных археологически, тем более, что эти компоненты могут попадать в шлак и из золы.

В шлаках поселения Аркаим содержится несколько больше оксида марганца, чем в шлаке Синташты, однако на данном этапе трудно объяснить эти различия. Скорее всего, они связаны с некоторыми различиями в рудной базе.

Аналитических данных по шлакам эпохи поздней бронзы явно недостаточно, чтобы делать определенные выводы. Можно лишь отметить, что на поселении Петровка коэффициент соотношения окислов, понижающих вязкость, и окислов, понижающих ее, не высок, составляет лишь 0,59. В то же время, на поселении Новоникольское этот коэффициент достигает 1,78, а на поселении Вишневка – 2,41. На поселении Вишневка столь высокий коэффициент объясняется, главным образом, обилием железистого оксида, что вызвано использованием в плавке халькопирита. Высокое содержание в этом шлаке CaO (7,36%) на данном этапе объяснено быть не может.

На поселении Новоникольское на низкую вязкость шлака оказали влияние, в первую очередь, оксиды железа (39,4%) и кальция (10,4%). И в настоящее время тоже трудно сказать, с чем это было связано.

На основании обработки данных химических анализов можно говорить о правомерности сделанного ранее вывода об использовании металлургами средней бронзы преимущественно руд из основных и ультраосновных пород. При этом ощущается разница в рудной базе металлургии Синташты и Аркаима. Металлурги Аркаима добывали руду из более ожелезненных пород, или осуществляли тщательную сортировку руды непосредственно в местах ее добычи. Металлурги Синташты приносили на поселение руду из хризотиловых серпентинитов и сортировкой руды занимались непосредственно на поселении. Большая часть образцов руды, обнаруженной на этом поселении,

является, по-видимому, отходами производства. Очевидны различия в рудной базе этих поселений, хотя какие-то месторождения для них могли быть общими. Вместе с тем, не исключено, что основное месторождение, использованное металлургами поселения Синташта, находилось на более коротком расстоянии, чем поселение, использованное металлургами Аркаима.

Выявлена очевидная недостаточность использования чаграйского песчаника в качестве флюса металлургами Синташты. Данные же об использовании железосодержащих флюсов отсутствуют. Более предпочтительны в качестве флюса были, вероятно, дробленые кости животных.

Особый интерес представляет отмеченная связь синташтинской металлургии Зауралья с рудниками, расположенными на территории Оренбуржья. Выводы эти пока не безусловны и требуют дальнейшей аналитической работы. Проблема заключается в том, что руды в ультраосновных породах являются довольно бедными, и их транспортировка на значительные расстояния должна была быть экономически нецелесообразна. Мы уже высказывали свои сомнения по поводу возможности дальних транспортировок руд с Каргалинских рудников [Григорьев, 2004]. В данном случае речь идет не о столь отдаленных районах, но проблема остается. Не исключено, что решение проблемы следует искать в характере синташтинских памятников этого региона, которые хорошо представлены, но исключительно могильниками [Ткачев, 1995, 2000]. Нам уже приходилось останавливаться на том, что в районе синташтинских городищ было недостаточно биоресурсов для выпаса скота, поэтому предполагалось доминирование синташтинской популяции с обложением данью соседей [Григорьев, 1999]. Не снимая полностью этого тезиса, хотелось бы отметить возможность сезонного отгона скота на иные летние пастбища, что и будет объяснять характер памятников Оренбуржья. Это могло сопровождаться сезонными работами на рудниках этого региона со складированием руды и попутным вывозом при перегоне стад осенью в Зауралье. Косвенным образом данная гипотеза может подкрепляться обнаружением в одном из геологических разрезов на Ишкининском руднике небольших складов руды (сообщение В.В. Зайкова).

Тем не менее, проблема организации древнего металлургического производства очень далека от своего разрешения, и хотелось бы подчеркнуть, что голословные рассуждения на эту тему [напр. Епимахов, 2003] совершенно неуместны. Это исследование требует длительной аналитической работы, которая лишь одна способна приблизить нас к решению проблемы. При этом для подтверждения данной гипотезы необходимы не только археометаллургические исследования, но и сопоставления костных останков животных из памятников Оренбуржья и Зауралья, как остеологические, так и химические, сопоставление характера популяций, захороненных в синташтинских погребениях Оренбуржья и Зауралья, и многое другое. Но иного пути просто не существует.

Литература:

- Григорьев С.А. К вопросу об изучении древнего металлургического производства. // Знания и навыки уральского населения в древности и средневековье. Екатеринбург, 1993. С. 26–37.
- Григорьев С.А. Древняя металлургия Южного Урала: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Институт археологии РАН. М., 1994. 20 с.
- Григорьев С.А. Металлургические комплексы поселения Синташта // Материалы по археологии и этнографии Южного Урала. Челябинск, 1996. С. 106–116.
- Григорьев С.А. Экологохозяйственные аспекты функционирования и гибели синташтинской культуры // Тез. конф. «Взаимодействие человека и природы на границе Европы и Азии». Самара, 1999. 45, 46.
- Григорьев С.А. Металлургическое производство на Южном Урале в эпоху средней бронзы. // Древняя история Южного Зауралья. Челябинск, 2000. С. 444–531.
- Григорьев С.А. Проблема использования мышьяковистых бронз синташтинско-абашевскими металлургами // Бронзовый век Восточной Европы: характеристика культур, хронология и периодизация. Самара, 2001. С. 246–248.
- Григорьев С.А. Исследование хромшпинелидов и проблема рудной базы синташтинской металлургии // Известия Челябинского науч. центра, 2003. С. 56–60. Вып. 3.
- Григорьев С.А. Металлургия эпохи бронзы Центрального Казахстана // Степная цивилизация Восточной Евразии. / Под ред. К.А. Акишева (отв. ред.), В.В. Варфоломеева и др. Астана, 2003а. С. 136–158.
- Григорьев С.А. Спектральный анализ шлаков эпохи поздней бронзы Поволжья и Оренбургского Приуралья // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 2004..
- Дир У.А., Хауи Р.А., Зусман Дж. Породообразующие минералы. М., 1965. Т. I.
- Дир У.А., Хауи Р.А., Зусман Дж. Породообразующие минералы. М., 1965а. Т. II.
- Дир У.А., Хауи Р.А., Зусман Дж. Породообразующие минералы. М., 1966. Т. III.
- Дир У.А., Хауи Р.А., Зусман Дж. Породообразующие минералы. М., 1966а. Т. IV.
- Дир У.А., Хауи Р.А., Зусман Дж. Породообразующие минералы. М., 1966б. Т. V.
- Епимахов А.В. Анализ тенденций социально-экономического развития населения Урала эпохи бронзы // РА. № 1. 2003. С. 83–90.
- Зайков В.В., Бушмакин А.Ф., Юминов А.М., Зайкова Е.В., Зданович Г.Б., Таиров А.Д. Геоархеологические исследования исторических памятников Южного Урала: задачи, результаты, перспективы // Уральский минералогический сборник, 1999. № 9.
- Зайков В.В., Зданович Г.Б., Юминов А.М. Воровская яма – новый рудник бронзового века на Южном Урале // Археологический источник и моделирование древних технологий. Челябинск, 2000. С. 112–129.

Зайков В.В., Зданович Г.Б., Юминов А.М. Медный рудник бронзового века «Воровская яма» (Южный Урал) // Культуры древних народов степной Евразии и феномен протогородской цивилизации Южного Урала. Челябинск, 1995. Кн. 2.

Мелекесцева И.Ю., Зайков В.В., Тесалина С.Г., Оже Т. Хромшпинелиды в сульфидных рудах Главного Уральского разлома // Уральский минералогический сборник, 2001. № 11.

Ткачев В.В. О соотношении синташтинских и петровских погребальных комплексов в степном Приуралье // Россия и Восток: проблемы взаимодействия: материалы конф. Челябинск, 1995. Ч. V., кн. 1. С. 168–170.

Ткачев В.В. О юго-западных связях населения Южного Урала в эпоху ранней и средней бронзы // Проблемы изучения энеолита и бронзового века Южного Урала. Орск, 2000. С. 37–65.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М., 1970.

Vachmann H.-G., Lutz Ch., Thiemann U. Schlackenviskositäten // Archäometallurgie der Alten Welt (Hrsg. A. Heupmann, E. Pernicka, G. A. Wagner). Beiträge zum Internationalen Symposium «Old World Archaeometallurgy». Heidelberg, 1987.

Gale N., Stos-Gale S. Archaeometallurgical research in the Aegean // Die Anfänge der Metallurgie in der Alten Welt. Rahden/Westf.: Leidorf, 2002. P. 277–302.

Zaykov V.V., Yuminov A.M., Bushmakina A.Ph., Zaykova E.V., Tairov A.D., Zdanovich G.B. Ancient Copper Mines from Base and Noble Metals in the Southern Urals // K. Jones-Bley, D.G. Zdanovich (ed.). Complex Societies of Central Eurasia from the 3rd to the 1st Millennium BC. Journal of Indo-European Studies Monograph Series 45. Institute for the Study of Man. Washington D.C., 2002. P. 417–442.

ЭПОХА СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Кубанкин Д.А.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАСКОПКИ НА УВЕКСКОМ ГОРОДИЩЕ В КОНЦЕ XIX ВЕКА

Археологическое наследие Увекского городища¹ большинству исследователей известно преимущественно по данным раскопок начала XX в. [Кротков, 1913; Баллод, 1919; Баллод, 1923], а также благодаря деятельности членов Саратовской ученой архивной комиссии (далее СУАК), которые на рубеже XIX–XX вв. осуществляли сбор и закупку подъемного материала с территории памятника [Спицын, 1914]. Весомая часть этих артефактов была опубликована Л.Ф. Недашковским [Недашковский, 2000; Nedashkovsky, 2004]. Однако данные раскопок конца XIX в. практически не введены в научный оборот.

Нам известно о работах 1891 г. под руководством Л.Л. Голицына, С.С. Краснодубровского и 1895 г. под руководством В.П. Юрьева.

Основная информация о раскопках 1891 г. содержится в предварительном отчете одного из руководителей работ Л.Л. Голицына. Отчет был направлен в Императорскую археологическую комиссию (далее ИАК) [Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 8–11], к нему прилагались три фотографии, которые опубликованы Л.Ф. Недашковским [Nedashkovsky, 2004. Р. 184–185. Fig. 2–4]. Некоторые сведения содержатся в периодических изданиях того времени [С раскопок... 1891. № 3 С. 143, 148; Раскопки... 1893]. Выделенная группа источников содержит информацию, переданную участниками археологических работ. Подвергнуть критическому анализу отдельные высказывания исследователей позволяют записки очевидцев раскопок [Гусев, 1891. №№ 224–225; Горе-археологи, 1891; Д.П., 1892; Профан, 1892]. Особую ценность имеют сведения Ф.В. Духовникова, переданные в ИАК [Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 10. об. 14]. Сопоставление полученного материала дает следующую картину.

В 1891 г. СУАК удалось получить от ИАК 250 рублей на проведение археологических раскопок Увекского городища [Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 4–4об.; ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 965. Л. 1–6]. К этому времени главой архивной комиссии Л.Л. Голицыным и правителем дел СУАК С.С. Краснодубровским была написана и опубликована первая монография об Укеке [Голицын., Краснодубровский, 1890], вызвавшая интерес в научной среде [Лаппо-

¹ Увекское городище (золотоордынский город Укек) расположено на южной окраине города Саратова.

Данилевский, 1891; «Укек», 1891]. Авторы монографии и рецензий на эту работу однозначно высказывались в пользу проведения археологических раскопок на Увекском городище. Так научное сообщество поддержало идею полевых исследований Укека. Члены местной комиссии заручились также поддержкой своего попечителя – губернатора А.И. Косича, а один из владельцев Увека – А.Я. Шабловский – предоставил возможность проведения археологических работ на своих землях [Отчет... 1893. С. 126].

Раскопки велись под руководством правителя дел СУАК С.С. Краснодубровского, при участии и покровительстве основателя и главы Комиссии князя Л.Л. Голицына. Раскопы были заложены не менее чем в трех местах: в прибрежной части памятника, в 400–500 м к западу от берега и на северо-западной окраине городища в районе вала. Всего за время раскопок было проведено 11 разведочных траншей, заложено 5 крупных раскопов и частично вскрыто 3 или 4 постройки золотоордынского времени [Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 8–11; Гусев, 1891; С раскопок..., 1891. № 148; Раскопки..., 1893. С. 99–100].

Раскопки проводились с излишним рвением, спешно, что отрицательно сказалось на результатах, уровне составленной документации и вызвало бурное недовольство [Гусев, 1891; Горе-археологи, 1891; Д.П., 1892; Профан, 1892]. Окончательный отчет о работах 1891 г. так и не был составлен [ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 965. Л. 8–12, 15–17, 19–20, 23–26; Протокол..., 1894. С. 238]. Обнаруженные при раскопках вещи, вероятно, были переданы С.С. Краснодубровским в Версальский музей через барона И.А. де Бая [Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 20–21 об.; Хроника, 1895. № 211]. Их дальнейшая судьба нам не известна.

22 сентября 1895 г. Саратов с четырехдневным визитом посетил французский археолог И.А. де Бай². Основная цель его приезда – изучение коллекций музея СУАК, художественного музея им. А.Н. Радищева и посещение Увекского городища. Специально к приезду именитого гостя, очевидно на средства СУАК, были приурочены небольшие археологические раскопки на Увекском городище под руководством В.П. Юрьева, которые больше известны как «раскопки де Бая». Работы, начатые 24 сентября, вероятно, продолжались до 1 октября [Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 4, 6–14 об.; ZZ., 1895. № 207; Духовников, 1896.]. 8 октября 1895 г. В.П. Юрьев продолжил раскопки на полученные от полковника А.И. Иванова денежные средства. В этот раз основное внимание было уделено частично раскопанной в 1891 г. золотоордынской бане [Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 4, 6–14 об.; Духовников, 1896; Хроника, 1895. № 220]. Здание не было раскопано окончательно, и в целом, работы В.П. Юрьева ИАК признала не вполне удачными [СОМК. Архив А.А. Кроткова. Оп. 1. Д. 69. Л. 15].

Имеются отрывочные сведения о том, что в июне 1896 г. член СУАК В.Н. Смольянинов проводил на Увеке однодневные археологические раскопки. Вероятно, они стали продолжением раскопок В.П. Юрьева на месте двух

² Барон Иосиф Август де-Бай - член-корр. французского министерства народного просвещения, член-резидент общества национальных древностей Франции, почетный член Императорского исторического музея в Москве, Императорского московского археологического общества, Санкт-Петербургского археологического общества и т. д.

зданий [ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 59. Л. 105–106; Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 25–25 об.]. Результаты этих исследований нам не известны.

Таким образом, в конце XIX в. на территории Увекского городища неоднократно проводились археологические раскопки. К сожалению, уровень исследований оставляет желать лучшего, но сохранились отдельные материалы раскопок, которые позволяют составить определенное описание изученных объектов.

Общественная баня. Располагалась в юго-восточной части городища, в 200 м к югу от южной подошвы Мамайского шихана и порядка 200 м к западу от берега Волги. Здание примыкало к юго-восточному склону одной из возвышенностей Увека. Постройка имела большие размеры; благодаря находкам керамических труб и подпольных дымоходов еще в XIX в. она получила среди местных крестьян название «мамайская баня» [СОМК. Фонд А.А. Кроткова. Оп. 1. Д. 138. Л. 11–12; Гераклитов, 1910; Гераклитов, 1910а].

Вероятно, ее следы в 1846 г. описал Г.С. Саблуков: «на нижней части спуска, близ сада Белавина (?) – лежат основания четвероугольного здания: оно представляет квадрат, каждая сторона которого имеет до 30 шагов... За двумя западными (к горе) углами лежат осыпи в виде колец; не отделяясь от стен здания ... они своим положением заставляют считать себя пристройками или частями бывшего на месте этого квадрата здания» [Саблуков, 1884. С. 306].

Южную часть сооружения начали разбирать еще в 1878 г. на бут для мостовых Саратова. Основание постройки – из бутового камня, с твердой заливкой. Поверх камня обнаружены следы свода, выложенного из жженных квадратных кирпичей со сторонами 22–26 см и толщиной 5 см. Здесь же найдены известняковые блоки, некоторые из которых имели орнамент «в виде бараньей головы с рогами... звездочками и ромбами» [Хроника, 1878. № 168; 176; Сведения ..., 1879. С. 62–63]. «Кроме того, извлечено было из земли несколько карнизов, высеченных из камня, и один известковый; два массивных полукруга, с двойными поперечными прорезами; несколько камней с пробитыми в них нишами и пр.». Возле стены найден красноглиняный кувшин с железной крышечкой [Хроника, 1878. № 176]. Один из рабочих, разбиравших это здание, сообщил Ф.В. Духовникову о находке внутри дымоходного канала южной части постройки якобы клада серебряных джучидских монет [Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 11].

В 1891 г. основную часть бани раскопал С.С. Краснодубровский [Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 9–10; Архив ИИМК. Фонд 1/1893. Д. 107. Л. 107 об. – 108; С раскопок ..., 1891. № 143; Гусев, 1891. № 225.], в 1895 г. раскопки были продолжены В.П. Юрьевым [Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 10–14; Хроника, 1895а. № 220]. Однако окончательно эта постройка и прилегающие к ней участки так и не были изучены. В 1904 г. данная территория оказалась застроенной дворами местных жителей [СОМК. Фонд А.А. Кроткова. Оп. 1. Д. 138. Л. 11–12].

Площадь раскопанного С.С. Краснодубровским участка бани составила не менее 228 кв.м [Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 10]. Стены, толщиной более 1 м, местами сохранились на высоту до 2 м и сверху перекрывались «в 3 ряда отлично обложенным кирпичом, на которых вероятно были устроены крыши» [Хроника, 1878. № 168]. Нам известны лишь схематичный план рас-

копанного в 1891 г. здания (рис. 1) и три фотографии с раскопок [Nedashkovsky, 2004. P. 184–185. Fig. 2–4.]. Полагаем, что баня была ориентирована стенами по сторонам света. Южная часть уничтожена при добыче камня в 1878 г. Как и все прочие постройки подобного типа, увекская баня делилась на три основные части: раздевальная комната (рис. 1. помещения: G, H, M), собственно баня (рис. 1. помещения: C, D, E, F, I, K, L), хозяйственная часть с топкой (рис. 1. помещение Z) и цистернами для воды (рис. 1. помещения: A, J, B).

По типологии Л.Ю. Маньковской увекская баня относится к типу многокамерного здания «классического» вида [Маньковская, 1980. С. 72.]. Особым отличием нашего строения является вытянутая вдоль восточной стенки комната (помещения G, H, M). Вероятно, это раздевальная часть здания или место для отдыха, где могли располагаться также чайхана и парикмахерская, как это часто бывало в среднеазиатских хамам [Воронина, 1951. С. 119]. Функции раздевальни за этой комнатой в Средней Азии утвердились лишь в XX в., а ранее ее главное назначение – отдых, чаепитие и беседы [Воронина, 1983. С. 136]. Вход в «раздевальню» с улицы был с юго-восточной или южной стороны, которые были уничтожены в 1878 г. при добыче камня. Примечательно, что именно в этой части найдено наибольшее количество человеческих костей [Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 10].

Центральную часть бани Укека занимал зал с шестью или семью мыльнями (рис. 5. помещения: C, D, E, F, I, K, L), соединенными между собой керамическими водопроводными трубами [Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 9]. Подобная конструкция весьма характерна для восточных бань – хамам. Вот как ее описал Борнс: «Бани в Бухаре чрезвычайно просторны: они состоят из множества небольших комнат со сводами, устроенных вокруг большой круглой залы с куполом и нагреваемых до различных температур. Днем свет проходит через разноцветные стекла в куполе, а ночью одной лампы достаточно для освещения всех отделов» [Цит. по: Воронина, 1951. С. 118.]. Вероятно, в центральном зале или в комнате для отдыха располагалась каменная чаша фонтана округлой формы из двух половинок с отверстием в центре, со следами «белой глины» на дне и стенках [Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 12, 14]. Подобные фонтаны в центральной зале были обнаружены в Болгаре [Хованская, 1954. С. 408, 411, 412, рис. 11, 15], Мохше [Зиливинская, 1990. С. 131] и на Селитренном городище [Зиливинская, 1989. С. 268]. Относительно источников водоснабжения увекской бани ничего не известно. В Болгаре она снабжалась водой из ближних колодцев и через водопроводы, расположенные выше этих общественных зданий [Смирнов, 1974. С. 10]. На иранских миниатюрах XV–XVI вв. сохранилось изображение подобных бань, в которых, как это видно по изображению, вода в моечный зал с бассейном и фонтаном в центре подавалась вверх насосом, приводимым в движение быком [Пугаченкова, 1960. С. 140–142].

За комнатами для омовения, с северной стороны, находилась хозяйственная часть бани в виде топки (рис. 1. помещение Z) площадью около 7 кв.м., переполненной золой, углем, и двух каменных цистерн для воды (рис. 1. помещения A, J, B) [С раскопок ..., 1891. № 143]. Над топкой должен был размещаться котел для нагрева воды, которая затем поступала в цистерну. Из цистерн вода по керамическим трубам поступала в комнаты для омо-

вения. Северо-восточная цистерна (комната В) служила для хранения холодной воды, поскольку она отгорожена от топки. Этот резервуар был обложен белым камнем, скрепленным известью [С раскопок ..., 1891. № 143]. Размеры цистерн нам не известны. В одной из бань Болгара, называемой Красной палатой, также имелось два крупных хранилища для воды размерами 5,4 x 1,3 м, сохранившиеся на высоту 1,8–3,0 м [Хованская, 1954. С. 408, 413, рис. 11].

В.Л. Воронина считает помещение таких бань полным, если в него входит 7 или 8 комнат, без учета служебного помещения. Это соответствует количеству комнат увекской бани [Воронина, 1951. С. 120]. Здание было заглублено в землю для теплоизоляции и имело купольные перекрытия, следы которых обнаружены на полу при раскопках 1891 г [Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 9 об.-10]. Как правило, центральный зал имел невысокий кольцевой купол сфероконической формы, который позволял сохранять тепло [Воронина, 1983. С. 141]. Стены и дымоходы в полу выложены из камня, а внутренние перегородки мыльных комнат – вперемежку: слой кирпича, слой камня. В стенах обнаружены гончарные трубы разных диаметров от 9 см и уже, расположенные вертикально и горизонтально полу. Часть этих труб внутри оказались закопченными, а часть – совершенно чистые [Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 10 об.; Гусев, 1891. № 225]. Вертикальные трубы служили для вывода дыма из подпольных помещений и увеличения тяги [Хованская, 1954. С. 412], горизонтальные – для подачи воды.

С.С. Краснодубровский обнаружил внутри здания 19 или 20 полных скелетов и 1 или 2 черепа без костяка, нижнюю человеческую челюсть и кости человеческой же руки и ноги. Это послужило исследователю основанием для идентификации здания с могильником. Автор раскопок отмечает, что все костяки были уложены одинаковым способом: головой на север, лицом на восток [Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 9–9 об.; С раскопок ..., 1891. № 143]. Однако присутствовавшие на раскопах отрицают подобную унификацию и утверждают, что скелеты лежали в разном положении [Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 11 об.; Гусев, 1891. № 225]. Известно, что три человеческих скелета, из общего числа обнаруженных здесь костяков, найдены в одной из цистерн хозяйственных комнат (рис. 1. помещение I) [Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 10]. Раскопками В.П. Юрьева 1895 г. в бане обнаружено еще два скелета с разбитыми черепами [Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 11 об.; Хроника, 1895а. № 220]. Вероятно, нахождение костяков связано каким-то образом с пожаром в здании. На это указывают обгорелые обрушившиеся горизонтально и вертикально стоящие балки, а также оплавленные металлические детали [Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 13 об.-14.; Хроника, 1895а. № 220] Возможно, пожар в здании был спровоцирован какими-либо военными действиями, произошедшими в городе Укек. Упоминание о находке клада джучидских монет в одном из дымоходных каналов бани хотя и остается спорным, но удачно вписывается в разряд доказательств гибели здания вследствие военной катастрофы, хотя настаивать на этом утверждении сейчас невозможно.

Следы побоища в золотоордынских городах встречались и на территории бань. Так, в печи и центральном дымоходе бани № 2 золотоордынского Болгара найдены части скелета человека. О.С. Хованская предположила, что подобная находка связана с осадой Болгара Булак-Тимуром в 1361 г [Жиром-

ский, 1958. С. 90; Хованская, 1954. С. 407]. При раскопках, помимо костей человека и архитектурных деталей, в увекской бане обнаружены: кости домашних животных и рыб, «рожь, пшеница, просо и еще какое-то растение», «ножи, застежка, черепки посуды, ручной жернов и другие» предметы [Архив ИИМК. Ф. 1891. Д. 30. Л. 9 об.-10]. Какое отношение данные предметы имели к изучаемой постройке, установить не удалось.

Итак, здание, расположенное в юго-восточной части Увекского городища, являлось типичным сооружением гражданской архитектуры Золотой Орды. По своей конструкции (расположение комнат для омовения, наличие двух цистерн для воды) увекская постройка имеет близкие аналогии с общественной баней в Болгаре, называемой Красной палатой (середина XIV в. – 30-е гг. XV в) [Смирнов, 1951. С. 212–221, рис. 141–149; Хованская, 1954. С. 407–414; Шарифуллин, 2001. С. 219.]. Относительно строительных традиций наблюдаются схожие черты с болгарскими банями. Архитектурные основы зодчества, прежде всего, в планировке имеют много общего со Средней Азией, однако каменное строительство не исключает присутствие кавказских черт зодчества.

* * *

На территории Укека исследователи неоднократно отмечали скопления зданий. Однако их раскопок и детального изучения, как правило, не проводилось. Поэтому основное внимание уделялось крупным неординарным постройкам, к числу которых относится комплекс усадьбы на территории между Большим (Мамайским) и Средним буграми, у магистральной дороги Укека (2-й Увекский проезд), включающий «большое» и «малое» здания.

«*Большое здание*». В XIX в. выделялось на поверхности бугром квадратной формы со сторонами около 21 м, все пространство внутри которого было покрыто битыми золотоордынскими кирпичами. Постройка активно разрушалась распашкой под огороды. Обнаруженные крестьянами перегородки и своды были уничтожены [Духовников, 1896; Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 6–6 об.]. В сентябре 1895 г., по случаю приезда на Увек французского археолога барона И.А. де Бая, член СУАК В.П. Юрьев начал раскопки этого объекта, которые с перерывами продолжались в октябре того же года. Однако здание полностью так и не было раскопано.

Зафиксированы южная и восточная стены забора, сложенные из жженого кирпича. Толщина ограды на всем протяжении составила два кирпича, т. е. 0,5 м³. В южном направлении забор прослежен на протяжении 54,5 м, в восточном – не менее 15 м [Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 15], т. е. площадь усадьбы составляла не менее 817,5 кв.м. У одной из стен обнаружено «два кувшина и несколько медных монет» [ZZ, 1895].

Во дворе находилась постройка, судя по чертежу (рис. 2), ориентированная стенами по сторонам света, размерами 10,7 x 11,7 м. У восточной стены располагался узкий вытянутый айван с углублением в центре. Был ли здесь вход в здание – сказать трудно. В южной части постройки отмечен разрыв стены, который мог быть входом. Западная и северная стены сильно разрушены. Над частью здания зафиксирован обрушившийся свод купола. Запад-

³ Усадьба I в пригороде Царевского городища на начальном этапе существования была огорожена глинобитной стеной толщиной 35–40 см. [Федоров-Давыдов., Вайнер., Гусева., 1974. С. 93].

нее входа обнаружена лестница в девять ступеней, ведущая в сводчатый подвал, который остался неизученным [Хроника, 1895а, № 220; Духовников, 1896]. Вероятно, была обнаружена часть подсобного помещения. Стены, толщиной 1 м, были выложены исключительно из жженого кирпича [ZZ, 1895]. У западной стенки, ближе к юго-западному углу помещения, располагалась топка (по некоторым данным, в здании было 2 печи), «с орнаментикой ...: фигурные изображения из неглазированной массы. Кроме того, масса «кухонных» костей – остатки разных животных, употреблявшихся в пищу» [Поездка ..., 1895; ZZ, 1895].

Внутреннее убранство комнат выдает незаурядность постройки. Стены были украшены поливной мозаикой. На глубине 1 м от поверхности почвы обнаружены отдельные фрагменты майолики на кашине. В 4–6 м от них «найденная была известковая масса с углублениями или гнездами и при ней открыто пять изразцов» [Духовников, 1896]. В общей сложности было не менее 15 изразцов, по другим сведениям – порядка 150 экземпляров [Хроника, 1895а, № 220].

При совмещении изразцов с пустотами в известковой основе был реконструирован общий вид поливной облицовки стены: фон из белых ложных мозаик на кашине с процарапанным и выскобленным геометрическим орнаментом размерами около 9 см (тип 1 по классификации Л.М. Носковой [Носкова, 1976. С. 23, 37]). «В пустое пространство между восьмиугольными плитками вставлялись длинные небольшие плитки синего цвета и между ними – небольшие квадратные плиточки желтого цвета. Такими изразцами украшена была вся стена, за исключением верхней ее части, которое имело до самого потолка другое украшение. Из плиток голубого цвета образовались по длине стены две узкие полосы. Между полосками находились угольники синего цвета с квадратиками желтого цвета. Затем до самого карниза потолка из плиток образовывались фигурки в виде цветков и листьев. Тут были вставлены плитки голубого и синего цвета, разных форм и величин: круглые, узкие, широкие, прямые, изогнутые и пр.» [Духовников, 1896]. Очевидно, на одной из стен здания располагалось мозаичное панно, наподобие того, что было обнаружено в крупном дворцовом комплексе Селитренного городища [Носкова, 1984. С. 224–237]. Мозаики с Селитренного городища, по стратиграфическим данным, датируются второй четвертью XIV в [Носкова, 1984. С. 236]. Часто стены домов, изображенных на иранских миниатюрах, «имеют высокую панель, иногда облицованную изразцами, верхний бордюр которой огибает контуры дверей» [Пугаченкова, 1960. С. 154]. Возможно, к декору увекской постройки относятся обнаруженные возле «большого здания» фрагменты обработанного камня, которые С.А. Щеглов принял за капитель, или «грубой отделки голову статуи» [ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 968. Л. 101].

При раскопках было обнаружено большое количество обрушившихся горизонтальных и вертикальных деревянных балок, которые, по мнению авторов газетной публикации, свидетельствуют о гибели сооружения от пожара [Хроника, 1895. № 128].

Здание имело плохую сохранность, однако по внешнему контуру стен, по его площади и поливному архитектурному декору можно сделать заключение, что дом принадлежал богатому и знатному человеку и входил в территорию усадьбы, ограниченную кирпичной стеной.

Некоторое сходство наблюдается с центральным домом усадьбы на раскопе VIII Селитренного городища, площадью 15,2 x 10 м (после перестройки 24 x 16,8 м) [Федоров-Давыдов, 1994. С. 54–57, рис. 2]. В этом многокомнатном здании, построенном из сырцовых кирпичей (толщина стен – 0,90–1,05 м), имелась центральная зала с водоемом и возвышенном местом (аудиенц-зал), где хозяин принимал гостей, а также жилые и хозяйственные помещения. Дом был построен в середине XIV в., неоднократно перестраивался и прекратил свое существование в 1380–1390-е гг. [Федоров-Давыдов, 1994. С. 56–57]. Богатый дом большой усадьбы (II строительный период, размеры 24 x 16,8 м) аристократического квартала Царевского городища с увекским зданием сближает наличие входного центрального айвана и внешних стен из жженого кирпича (толщина стен 70–90 см) [Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1970. С. 149–161; Федоров-Давыдов, 1994. С. 52–53]. Однако неизвестно назначение центрального помещения в здании усадьбы Царевского городища. Известно лишь, что оно делило постройку пополам. Здание было построено в 1350-е гг. (I строительный период) и перестроено в 1360-е гг. (II строительный период).

Сооружение Увекского городища отличается от усадебных домов Селитренного и Царевского городищ меньшими размерами и более богатым сохранившимся архитектурным декором. Некоторое сходство рассматриваемого здания наблюдается с жилой постройкой из сырцового кирпича с территории городища ал-Аскер (Туркменистан, XI–XII в.). Квадратный в плане, он имел два этажа. В центре располагался крупный парадный зал, по краям – по 6 комнат на каждом этаже, но в отличие от увекского здания среднеазиатская постройка имела глубокий сводчатый айван [Пугаченкова, 1958. С. 215, 225]. Традиция построек с айванами берет свое начало в Средней Азии. По этнографическим наблюдениям, это был практически обязательный элемент жизни [Левина, Овезов, Пугаченкова, 1953. С. 11, 30, 54, рис. 5.].

Полагаем, что «большое здание» Увекского городища являлось центральной усадебной постройкой местного аристократа. Примечательно, что ханский дворец в Каракоруме располагался в западной части города и, по словам Рубрука, был огражден кирпичной стеной [Путешествие ... , 1997. С. 154; Майдар, 1971. С. 90], в Инцзине (Хара-Хото) монгольского времени крупные дома с просторными дворами были окружены стеной [Казин, 1961. С. 274], в городе XIII в. на реке Хирхира обнаружены целые кварталы огороженных усадеб. «Одни из них стоят отдельно, другие сливаются в сложную сетку дворов и закоулков. Между группами их видны переулки. Здесь же разбросаны холмики мелких домов» [Киселев, 1965. С. 28]. Ограждение внутренней территории является одним из признаков усадьбы. Золотоордынская усадьба Поволжья состояла из «дома владельца, жилищ прислуги, хозяйственных построек. Каждая усадьба имела свой водоем (хаус) и была обнесена забором (дувалом). Часто на ее территории располагались ремесленные мастерские, продукция которых использовалась внутри усадьбы и при избытке могла поступать на рынок» [Зиливинская, Алексейчук, 2003. С. 295]. Установлено, что усадьба золотоордынского феодала составляла 5–10 тыс. кв.м [Егоров, 2000. С. 268]. Внутренние перегородки «большого здания» усадьбы Увекского городища практически все уничтожены (по крайней мере, они не представлены на чертеже), поэтому судить о наличии парадной залы не представляется возможным.

Очевидно, что это не единственная усадьба Увекского городища, однако существование остальных пока не фиксируется по известным письменным и археологическим источникам. Был ли изучаемый участок города дворцовой территорией правителя Укека или же усадьбой одного из аристократов – пока ответить невозможно. Известно, что еще в среднеазиатских городах раннего средневековья дворец правителя мог располагаться как в городе, так и за его пределами [Воронина, 1959. С. 89]. Ю.А. Зеленева считает, что в золотоордынских городах наиболее богатые усадьбы выносятся за окраины [Зеленева, 2000. С. 156–157]. А.Н. Масловский полагает, что в средневековом Азаке аристократические усадьбы располагались на юго-восточной окраине [Масловский, 2006. С. 228]. Примечательно, что усадьба Увекского городища также расположена на окраине, предположительно, у одного из въездов, где встречается в большом количестве нумизматический материал.

«*Малое здание*». Располагалось приблизительно метрах в семи к востоку от «большого» здания и так же выделялось на поверхности многочисленными обломками золотоордынских кирпичей. Площадь, покрытая кирпичами, на этом участке была меньше, чем у предыдущей постройки [Духовников, 1896; Архив ИИМК. Ф. 1895. Д. 122. Л. 6 об.]. В.П. Юрьев, по случаю ожидающегося приезда на Увек французского археолога барона И.А. де Бая, начал раскопки этого здания, обнаружил одну из его стен «и не найдя там ценных вещей, ... перенес свою работу к северу от этой малой постройки» [Духовников, 1896; Архив ИИМК. Ф. 1895. Д. 122. Л. 9]. Вероятно, «малое здание» принадлежало к той же усадьбе, что и «большое». Однако его назначение нам не известно.

В районе расположения «большого» и «малого» зданий в 1860-е гг. были найдены два клада серебряных монет в синей глазурованной посуде (1-й клад из 103 монет, 2-й – из 120 монет). Помимо этих кладов, на указанных участках серебряные монеты находили россыпью до 300–400 штук [Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 6 об.-7]. Очевидно, что изучаемый участок городища был активно освоен местным населением, здесь проживали зажиточные люди общества и, возможно, велась торговля.

* * *

Мавзолей с подземным склепом. Располагался в западной части городища, у южного склона горы Каланча, с внутренней стороны вала. В 1891 г. был раскопан С.С. Краснодубровским. Под завалами камня, на глубине 1,4 м от поверхности раскопа, найдены остатки квадратного в плане здания, со сторонами длиной 8,5 м. Толщина стен, выложенных из рваного камня, составляла 1,3 м, они углублены в землю на 2,2 м [С раскопок ..., 1891. №№ 143, 148]. Здание было перекрыто кирпичным сводом (кирпич размером 18–20 см), основная часть которого обрушилась и заполнила пространство внутри комнаты. Судя по сохранившейся части перекрытия, его максимальная высота была 1,8–1,9 м. Не совсем понятным для нас остается реконструкция перекрытия здания, представленная авторами раскопок. Исследователи считают, что купол покоился не на верхней части стен, а отходил практически от их основания, начинаясь в 30–40 см выше уровня пола, покрытого битым кирпичом, и заканчивался на той же высоте или чуть ниже, чем стены [С раскопок..., 1891.

№№ 143, 148]. Таким образом, верхняя часть мавзолея представляла отдельно купол и стены, обрамляющие его и поднимающиеся на ту же высоту.

Погребальная камера имела свод диаметром 2,85 м. Свод «покоился на каменном устое, разделявшем подсводное помещение на две равных половины – восточную и западную. Устой выложен из дикого камня. По обеим его сторонам под небольшим слоем чистого песка найдены скелеты» [С раскопок..., 1891. № 148]. В восточной части найдено якобы 3 погребения, в западной – 4 погребения. На одном из скелетов зафиксированы фрагменты расшитой материи [С раскопок..., 1891. № 148]. Л.Л. Голицын утверждает, что возле черепа у каждого умершего находился сосуд с едой [Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 11]. Кроме вышеназванного автора никто более не упоминает о подобном факте. Как пишут участники раскопок, «Костяки обращены головою на юг. Лицо поднято кверху» [Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 11]. Однако очевидцы отмечают, что положение скелетов не было зафиксировано, а кости извлекались из земли по мере их обнаружения [Гусев, 1891. № 225]. Поэтому заключения авторов раскопок относительно положения умерших ничем не подтверждаются.

На Селитренном городище в районе некрополя был раскопан кирпичный склеп с округлым куполом и квадратными в основании стенами длиной 3,6 м. Максимальная высота склепа составила 0,9 м. Внутри погребальной камеры обнаружено 5 захоронений [Мухамадиев, Федоров-Давыдов, 1972. С. 308–313]. На Мечетном городище экспедицией Ф.В. Баллода раскопан мавзолей прямоугольной, близкой к квадрату, формы с подземным склепом, разделенном на две комнаты [Баллод, 1923. С. 24–25]. Дурбе Мухаммед-Шах-бея в Азизе, расположенное в предместье Бахчисарая, представляет собой квадратное в плане здание со сторонами 5,43–5,48 м, срезанными верхними углами и полукруглым удлиненным куполом, и имеет в подземной части склеп высотой 1,75 м. Время его создания не установлено [Боданинский, 1927. С. 5–6]. В Казахстане, возле мемориального комплекса Ахмеда Ясави, был обнаружен кирпичный склеп крестообразной планировки с куполом, датируемый XVI – началом XVII в., внутри которого обнаружено 7 захоронений [Ерзакович, Нурмуханбетов, Ордабаев, 1977. С. 59–72]. В средневековой архитектуре Азербайджана мавзолеи с подземными склепами были весьма распространенным явлением [Бретаницкий, Крупкин, Мамиконов, 1961. С. 227–244]. У с. Царевщина Балтайского района Саратовской области К.Ю. Моржериным раскопаны остатки двухкамерного золотоордынского мавзолея с подземным склепом [Моржерин, 2003. С. 206–208; Моржерин, 2006. С. 162–163].

Трактовка архитектуры мавзолея из раскопок 1891 г. затруднительна из-за недостаточного объема имеющейся у нас информации. Возможно, это было подземное сооружение, а на поверхности выделялся лишь купол и вход. Тогда Л.Л. Голицын неверно представил на схематичном плане стены, поднимающиеся выше купола. Возможно, постройка имела двойной купол, как один из типов маджарских мавзолеев [Ртвеладзе, 1979. С. 271–272], и авторами раскопок был обнаружена его внутренняя часть.

* * *

Прочие сооружения. В 400 м к западу от берега Волги, возле холма, на котором располагалась баня золотоордынского времени (см. выше «обществен-

ная баня»), на глубине 1 м от дневной поверхности зафиксирован кирпичный пол здания с остатками стен. «На полу – угли, зола, изразцы, разбитая посуда» [Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 8]. Кирпичный пол был выложен на слое кирпичного бута, который, в свою очередь, лежал на слое камня без следов обработки. На 0,5 м ниже каменной прослойки обнаружены следы деревянного сооружения, сохранившегося на высоту 0,7 м. Здесь встречены фрагменты глиняной (?) посуды грубой выделки, отдельные кирпичи и железный нож. На глубине 3,4 м от дневной поверхности обнаружены крупные камни, лежавшие на материке. Четыре камня располагались в одной плоскости и образовывали квадрат, а пятый находился выше их в центре квадрата. В 1,8 м к северу от этой конструкции обнаружено подобное скопление из 19 небольших камней. На камнях зафиксирован слой углей, золы и жженных костей животных. Л.Л. Голицын интерпретировал этот объект как очаг или жертвенник [Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 9-9об]. Возможно, это следы более ранней постройки, в сравнении с деревянным сооружением и лежащим выше кирпичным зданием.

В 400 м к западу от берега Волги, близ рощи у Набережного Увека, С.С. Краснодубровский зафиксировал фундамент крупного сооружения. Был заложен раскоп площадью 90–110 м². На глубине 1,4 м от дневной поверхности обнаружен портал и стены толщиной 1,4 м. Внутри постройки был выбран участок пола и на глубине 2,8 м обнаружен кирпичный бут. Дальнейшие раскопки здания были прекращены по причинам болезни С.С. Краснодубровского и недостатка имеющихся средств [Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30. Л. 10 об.-11; С раскопок ..., 1891. № 148].

В результате проведения археологических раскопок на Увекском городище в конце XIX в. было вскрыто значительное количество архитектурных памятников золотоордынского времени. Однако слабый уровень полевых исследований из-за отсутствия на раскопках археологов-профессионалов резко понизил результативность работ. Несмотря на все недостатки, следует отметить, что сохранившийся материал археологических раскопок конца XIX в. является важным источником для изучения истории золотоордынского города Увек.

Приложение 1

«Коллекция вещей, найденная г. Краснодубровским в 1891 г. на Увекке при раскопке остатков зданий.»

1. Топор-секарь, обычное орудие для мерянских древностей.
2. Железный обломок (край) молотка с кривым обухом.
3. Небольшой железный наконечник стрелы.
4. Маленькие перержавевшие железные ножи.
5. Железный стержень с крючком в форме неправильного полукруга.
6. Несколько обломков перержавевших железных вещей: ножа и других.
7. Изящная фигурка ангела; головки нет: она отбита; у кольца, который находится в нижней части фигурки, – прицепки, напоминающие свою форму цифру 8.
8. Металлическое зеркало.
9. Кнопка.
10. Кусочек стекловидного браслета в виде жгута.
11. Нижняя половинка стеклянного стаканчика, матового от времени.
12. Пилёные рога оленя, приготовленные для выделки из них вещей.
13. Листовидный кусок кости для инкрустации.
14. Обломок ... [неразборчиво - Д.К.] из кости.
15. Бусы (композиция).
16. Остатки двух глазированных ваз художественной работы.
17. Осколки блюда голубого цвета.
18. Простой небольшой горшок.
19. Глиняный остродонный предмет конусообразной формы с низкой шейкой и узким горлышком неизвестного назначения. Таких предметов на Увекке находят много [сфероконус - Д.К.]
20. Маленький горшочек с крышкой из красной необожженной глины, примитивной работы. Найден в каменном здании [мавзолей с подземным склепом (?) – Д.К.], что на площади у Большого бугра.
21. Шар из красной глины с просверленными дырами, расколотый на две части.
22. Светильник из красной глины.
23. Два глиняных пряслица.
24. Оселок.
25. Каменная форма для отливки женского украшения.
26. Вещь, такая же, как ... [неразборчиво, - Д.К.], детская игрушка.
27. Маленькое колечко из красной глины, подражание кольцу арбы: вероятно, детская игрушка.
28. Мозаичное лепное украшение: в цемент, известку вложены глазированные, из белого камня, плитки разных форм голубого цвета.
29. Обломки глиняного сосуда с выбитыми кривыми полосками.
30. Кусочки шелковой материи.
31. Перегоревшее просо, рожь, гречиха, конопля и какая-то мука.
32. Копушка.
33. Медные татарские монеты.

Р.С.: Опись этим вещам составлена совместно с членом Императорской Археологической Комиссии А.А. Спицыным при рассмотрении их в музее Саратовской

Ученой Архивной Комиссии. В настоящее время все эти вещи находятся у г. Краснодубровского, который потребовал их к себе для составления описи.

Заметка, помещенная в Саратовском Листке № 211 1895 г., выходит, «что г. Краснодубровский передает и эту коллекцию через барона де Бай версальскому археологическому музею». Цензор «Листка», он же и член СУАК, г. Военский не решился долго пропустить эту заметку для напечатания, чего настоятельно требовал г. Краснодубровский, ее автор, и только тогда, когда удостоверился, что автор ее Краснодубровский, цензор дозволили ее напечатать».

Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 20–21 об.

Приложение 2

Хроника // Саратовский листок. 1895. № 211

«Бывший здесь [в Саратове – Д.К.] на днях французский археолог барон де Бай и А.В. Толстой посетили, между прочим, С.С. Краснодубровского и осматривали вещи, найденные последним при раскопках Увека. По чертежам, фотографиям и предметам, извлеченных из раскопок, г. Краснодубровский ознакомил французского ученого с археологией Увека и Саратовского края. Через барона де Бай С.С. Краснодубровский передает версальскому археологическому музею составленную им археологическую карту губернии, «Археологию Саратовской губернии» и всю коллекцию вещей и монет, собранных как на Увеке, так и в пределах Саратовской губернии».

Литература:

- Архив ИИМК. Ф. 1/1891. Д. 30.
 Архив ИИМК. Ф. 1/1893. Д. 107.
 Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122.
 Баллод Ф.В. Отчет о раскопках на Увекe летом 1919 года. Саратов, 1919.
 Баллод Ф.В. Приволжские «Помпеи». М.; Пг., 1923.
 Боданинский У. Татарские «дурбе» - мавзолеи в Крыму: (из истории искусства крымских татар). Отдельный оттиск. Симферополь, 1927.
 Бретаницкий Л.С., Крупкин Э.Г., Мамиконов Л.Г. Мавзолей в сел. Хачен-Дорбатлы // СА. 1961. № 4.
 Воронина В.Л. Об узбекских банях // СЭ. 1951. № 1.
 Воронина В.Л. Раннесредневековый город Средней Азии: (по данным археологии и письменных источников) // СА. 1959. № 1.
 Воронина В.Л. Бани-хамам у народов Советского Союза и стран зарубежного Востока // АН. М., 1983. Вып. 31.
 ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 59.
 ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 965.
 ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 968.
 Гераклитов А.А. Увек // Витебские губернские ведомости. 1910. № 61.
 Гераклитов А.А. Увек // Труды Ставропольской ученой архивной комиссии. 1910а. Вып. II. С. 1-7.
 Голицын Л.Л., Красnodубровский С.С. Увек. Доклады и исследования по археологии и истории Увека. Саратов, 1890.
 Горе-археологи // Московские ведомости. 1891. № 233.
 Гусев С. Город мертвых (С раскопки древнего Увека) // Русская жизнь. 1891. №№ 224-225.
 Д.П. «Камаринские мужики» археологии: (по поводу раскопок Увека) // Русская жизнь. 1892. № 9.
 Духовников Ф. Несколько слов о старинной татарской постройке на Набережном Увекe // СП. 1896. 3 апр.
 Егоров В.Л. Города Руси и Золотой Орды в XIII-XIV вв. - общее и особенное // Труды ГИМ. М., 2000. Вып. 122: (научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы науч. конф).
 Ерзакович Л.Б., Нурмуханбетов Б., Ордабаев А. Подземное погребальное сооружение в Туркестане // Археологические исследования в Отраре. Алма-Ата, 1977.
 Жиромский Б.Б. К вопросу о походе Булак-Тимура // СА. 1958. № 1.
 Зеленев Ю.А. Город Мохши и другие золотоордынские города: особенное и общее // История в культуре, культура в истории: материалы V Сафаргалиевских научных чтений. Саранск, 2001.
 Зиливинская Э.Д. Средневековые бани Нижнего Поволжья // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М., 1989.
 Зиливинская Э.Д. Еще раз о банях города Мохши // Из истории области: очерки краеведов. Пенза, 1990. Вып. II.
 Зиливинская Э.Д., Алексейчук С.Н. Усадебное здание на XV раскопе Селитренного городища // Степи Евразии в эпоху средневековья. Донецк, 2003. Т. 3.

- Казин В.Н. К истории Хара-Хото // Труды ГЭ. Л., 1961. Т. V.
- Кисилев С.В. Город на реке Хирхира // Древнемонгольские города. М., 1965.
- Кротков А.А. Раскопки на Увек в 1913 году // Труды СУАК. 1915. Вып. 32. С. 111–133.
- Кубанкин Д.А. Погребальные памятники Увекского городища // АВЕС. Саратов, 2006. Вып. 4.
- Лаппо-Данилевский А.С. [Рецензия] – Рец. на кн.: Л. Голицын и С. Краснодубровский. Увек, доклады и исследования по истории Увека. Саратов, 1891 // ЖМНП. Июль, ч. (СCLXXVI). С. 235–244. 1891.
- Левина В.А., Овезов Д.М., Пугаченкова Г.А. Архитектура туркменского народного жилища. // Труды ЮТАКЭ. М., 1953. Т. III.
- Майдар Д. Архитектура и градостроительство Монголии: очерки по истории. М., 1971.
- Масловский А.Н. Планировочная структура Азака: общее и особенности в развитии золотоордынских городов // Современные проблемы археологии России: материалы Всероссийского археологического съезда (23–28 октября 2006 г., Новосибирск). Новосибирск, 2006. Т. II.
- Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии (IX–начало XX в.). Ташкент, 1980.
- Мендикулов М.М. Памятники архитектуры Казахстана с коническими или пирамидальными куполами // Архитектура республик Средней Азии: сб. ст. М., 1951.
- Моржерин К.Ю. Средневековый мавзолей у с. Царевщина // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность: материалы X Межрегиональных краеведческих чтений. Саратов, 2003.
- Моржерин К.Ю. Мавзолей у с. Царевщины Саратовской области // Город и степь в контактной евро-азиатской зоне: тез. докл. III Междунар. науч. конф., посвящен. 75-летию со дня рожд. Г.А. Федорова-Давыдова (1931–2000). М., 2006.
- Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки богатой усадьбы в Новом Сарая // СА. 1970. № 3.
- Мухамадиев А.Г., Федоров-Давыдов Г.А. Склеп с кладом татарских монет XV в. из Старого Сарая // Новое в археологии. М., 1972.
- Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Увек и его округа. М., 2000.
- Носкова Л.М. Мозаики и маойлики из средневековых городов Поволжья // Средневековые памятники Поволжья. М., 1976.
- Носкова Л.М. Декоративное убранство дворцового комплекса XIV в. в Сарая (Селитренное городище) // СА. 1984. № 4.
- Отчет о деятельности СУАК за 1899–1890 гг. // Труды СУАК. 1893. Т. IV. Вып. I.
- Поездка архивной комиссии на Увек // СЛ. 1895. 26 сент.
- Пономарев П. На развалинах города Увека, близ Саратова // Древняя и новая Россия. 1879. № 4.
- Протокол общего собрания СУАК 9.02.1893 г. // Труды СУАК. 1894. Т. IV. Вып. III.
- Профан. Увек и наши археологи // Саратовский Дневник. 1892. Август.

- Пугаченкова Г.А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма. // Труды ЮТАКЭ. М., 1958. Т. VI.
- Пугаченкова Г.А.* Восточная миниатюра, как источник по истории архитектуры XV–XVI вв. // Архитектурное наследие Узбекистана. Ташкент, 1960.
- Путешествие в Восточные страны / Г. де Рубрук. 3-е изд. М., 1997
- Раскопки в Саратовской губернии // ОАК за 1891 г. 1893. С. 99–100.
- Ртвеладзе Э.В.* Мавзолеи Маджара // СА. 1979. № 1.
- Саблуков Г.С.* Остатки древности в с. Усть-Набережном Увеке Саратовской губернии и уезда // ИОАИЭ. 1884. Т III. С. 298–322.
- Сведения о древностях, найденных близ деревни Увека. Приложение к протоколу заседания Совета от 24-го октября // ИОАИЭ. Казань, 1879. Т. I. С. 62–63.
- Смирнов А.П.* Волжские Болгары // Труды ГИМ. М., 1951. Вып. XIX.
- Смирнов А.П.* Новые данные об исторической и социальной топографии города Великие Болгары // Города Поволжья в средние века. М., 1974. СОМК. Архив А.А. Кроткова. Оп. 1. Д. 69.
- СОМК. Фонд А.А. Кроткова. Оп. 1. Д. 138.
- Спицын А.А.* Некоторые новые приобретения Саратовского музея // ИАК. 1914. Вып. 53. С. 96–106.
- С раскопок Увека. // СЛ. 1891. №№ 143, 148.
- «Ужек» кн. Л.Л. Голицына и С.С. Краснодубровского. // Русская жизнь. 1891. № 7. С. 312–313.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М., 1994.
- Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В.* Исследование трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- Хованская О.С.* Бани города Болгара // Труды Куйбышевской археологической экспедиции. Т. 1. М., 1954. (МИА. № 42).
- Хроника, 1878 // ССЛ. №№ 168, 176.
- Хроника, 1895 // СД. 1895. № 128.
- Хроника, 1895а // СЛ. 1895. №№ 211, 220.
- Шарифуллин Р.Ф.* Бани Болгара и их изучение // Город Болгар: Монументальное строительство, архитектура, благоустройство. М., 2001.
- Nedashkovsky L.F.* Ukek: The Golden Horde city and his periphery. Oxford, 2004.
- ZZ. Французский ученый-археолог в Саратове // СЛ. 1895. № 207.

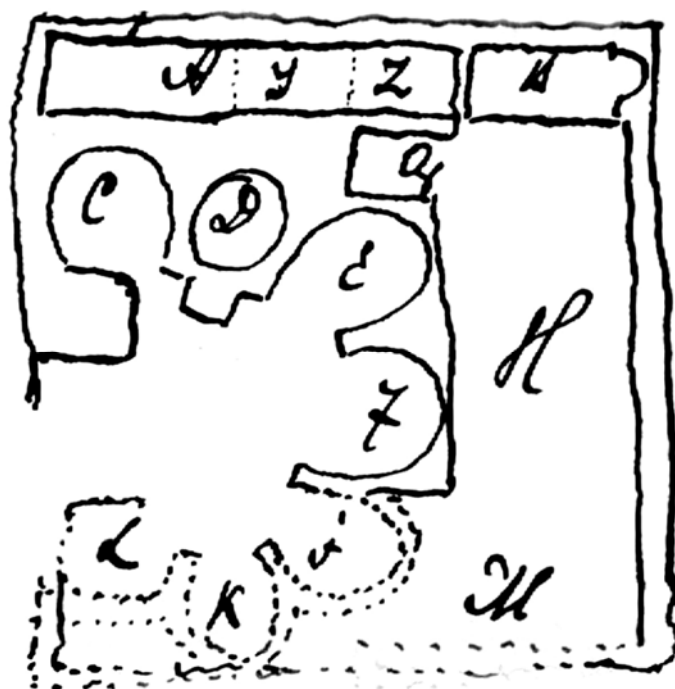

Рис. 1. Схематичный план общественной бани по материалам раскопок на Увекском городище 1891 г. Составлен Л.Л. Голицыным. [Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 30. Л. 9].

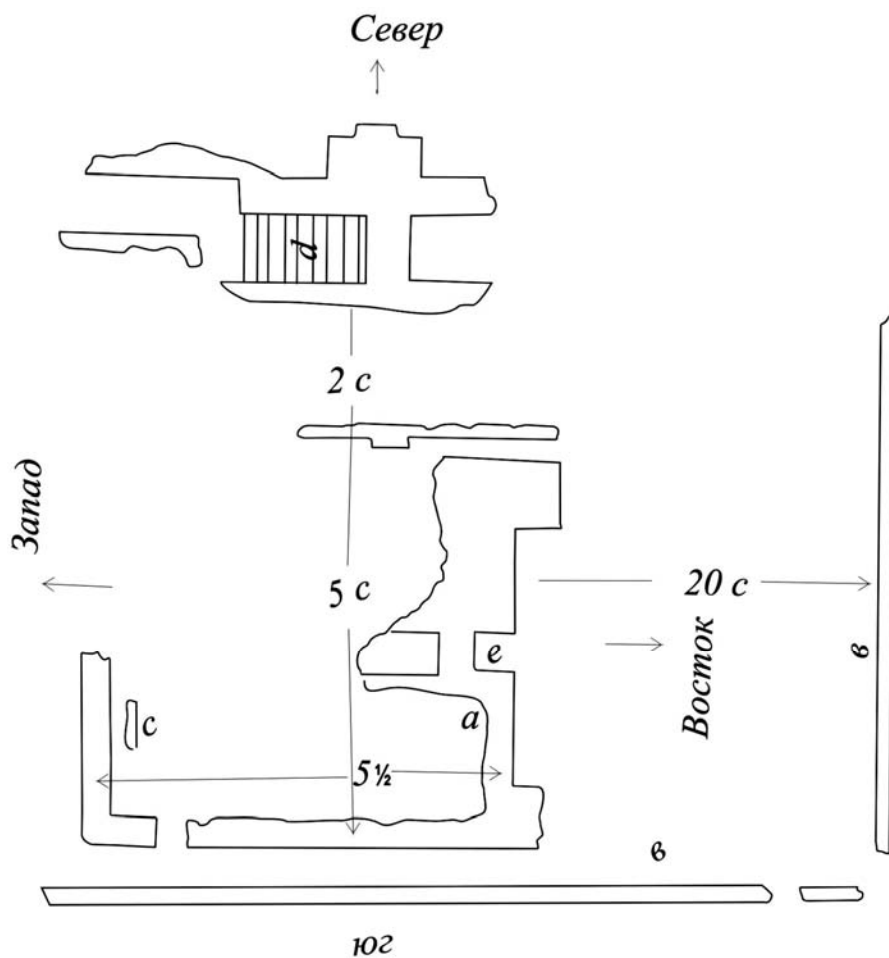

Рис. 2. Копия плана здания по материалам раскопок на Увекском городище В.П. Юрьева в 1895 г. Составлен инженером А. Рыкачевым. Копировал хранитель музея СУАК К.П. Медокс. [Архив ИИМК. Ф. 1/1895. Д. 122. Л. 15]. Условные обозначения: «а) здание; б) стены золотоордынских построек [забор? - Д.К.]; с) печка; d) лестница, ведущая в подвал; e) вход в здание».

Стародубцев Г.Ю.

НАХОДКИ ЛАЗУРИТОВЫХ ПОДВЕСОК НА ГОЧЕВСКОМ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОМПЛЕКСЕ

Гочевский археологический комплекс расположен на правобережной террасе р. Псел в 2 км к северу от с. Гочево и в 0,5 км к западу от х. Гочевок Беловского района Курской области. В 1995 и 1998 гг. во время работ Древнерусской экспедиции Курского государственного областного музея археологии на распаханной территории северной части поселения, прилегающей к бескурганному могильнику, среди многочисленного подъемного материала, были обнаружены две подвески, изготовленные из лазурита [Стародубцев, 1995. Д. 18967, рис. 2, 6; 1998. Д. 1-98, рис. 40, 18].

Находка 1995 г. (КМА 45/19/45) представляет собой ромбическую подвеску высотой 25 мм, шириной 22 мм, толщиной 5 мм. Вероятно, ее высота составляла 27 мм, однако верхняя часть изделия отломана. Отверстие для подвешивания проделано через боковые плоскости находки. С обеих сторон подвеска украшена гравированным узором в виде двух горизонтальных линий в ее верхней части и отходящих от них косых линий (рис. 1, 1).

По мнению Т.И. Макаровой, подвески такой формы являются характерными украшениями кочевников южно-русских степей и Сибири X-XI вв. При этом, ромбовидные подвески рассматриваются как мужские символы, а треугольные – как женские [Макарова, 1962. С. 130, 333]. Согласно мнению О.И. Давидан, кочевнические лазуритовые подвески треугольной и ромбической форм (наряду с подвесками из сердолика) представляют собой сильно схематизированные изображения священных жуков-скарабеев [Давидан, 1988. С. 114]. М.Д. Полубояринова выделяет их в тип I [Полубояринова, 1991. С. 65].

Находка 1998 г. (КМА 94/19/13) представляет собой подвеску высотой 18 мм, шириной 17 мм, толщиной 3 мм. Изделие имеет достаточно сложную форму. Верхняя часть представляет собой расширяющиеся ступенчатые стороны ромба. Ширина верхней ступени 5 мм, второй – 12 мм, третьей – 17 мм. Нижняя ее часть – полуокружность диаметром 17 мм. Отверстие для подвешивания проделано через боковые плоскости находки. С обеих сторон подвеска украшена гравированным узором в виде двух горизонтальных линий в ее верхней части. Подвеска имеет незначительную выщерблину в нижней полуокружности (рис. 1, 2).

Подвески из лазурита, помимо Гочевского комплекса, были обнаружены в ряде археологических памятников, в том числе и при раскопках в Саркеле-Белой Веже в слое третьего периода цитадели, раскопа II и в ряде погребений. Они датируются второй половиной XI – началом XII вв. [Плетнева, 2006. С. 227, 242–243]. Находки «небесных амулетов» из лазурита в погребениях, совершенных по степному обряду, по мнению С.А. Плетневой, позволяет уверенно связать их владельцев с половецким миром [Плетнева, 2006. С. 243]. Подобные изделия изредка встречаются в русских городах (Новгород, Муром и др.) в слое XII в. На Селитренном городище и в Булгаре они также были обнаружены в домонгольском слое [Полубояринова, 1991. С. 65]. Кроме того, они зафиксированы в золотоордынском городе Маджар на Северном Кавказе [Федоров-Давыдов, 1966. С. 76] и в Средней Азии.

Подвески, обнаруженные в Гочеве, вероятно, были изготовлены в мастерских Волжской Болгарии из лазурита, привезенного из Афганистана (Бадахшанское месторождение). Их появление на археологическом памятнике юго-востока Древней Руси, скорее всего, могло произойти из двух источников, которые не исключают друг друга. Во-первых, это кочевое население, имевшие достаточно тесные контакты с порубежным славянским населением. Во-вторых, это наличие оживленных связей посредством трансъевропейского торгового пути Киев-Булгар, существовавшего в XI–XII вв., через который товары из Средней Азии и Волжской Болгарии попадали на территорию Киевской Руси и далее: в Византию и Западную Европу.

Литература:

Давидан О.И. Скарабей из Старой Ладogi // Археологический сборник ГЭ. Л., 1988. Вып. 29.

Макарова Т.И. Украшения и амулеты из лазурита у кочевников IX–XI вв. // Археологический сборник ГЭ. Л., 1962. Вып. 4.

Могильников В.А. Кочевники северо-западных предгорий Алтая в IX–XI вв. М., 2002.

Плетнева С.А. Древнерусский город в кочевой степи: историко-стратиграфическое исследование. Воронеж, 2006.

Полубояринова М.Д. Украшения из цветных камней Болгара и Золотой Орды. М., 1991.

Стародубцев Г.Ю. Отчет об охранных раскопках курганного могильника у с. Гочево Беловского района Курской области в 1994 г. // Архив ИА РАН. Ф. Р-1. Д. 18967.

Стародубцев Г.Ю. Отчет об охранных раскопках Гочевской древнерусской экспедиции в 1998 г. // НАКГОМА. Д. I–98.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

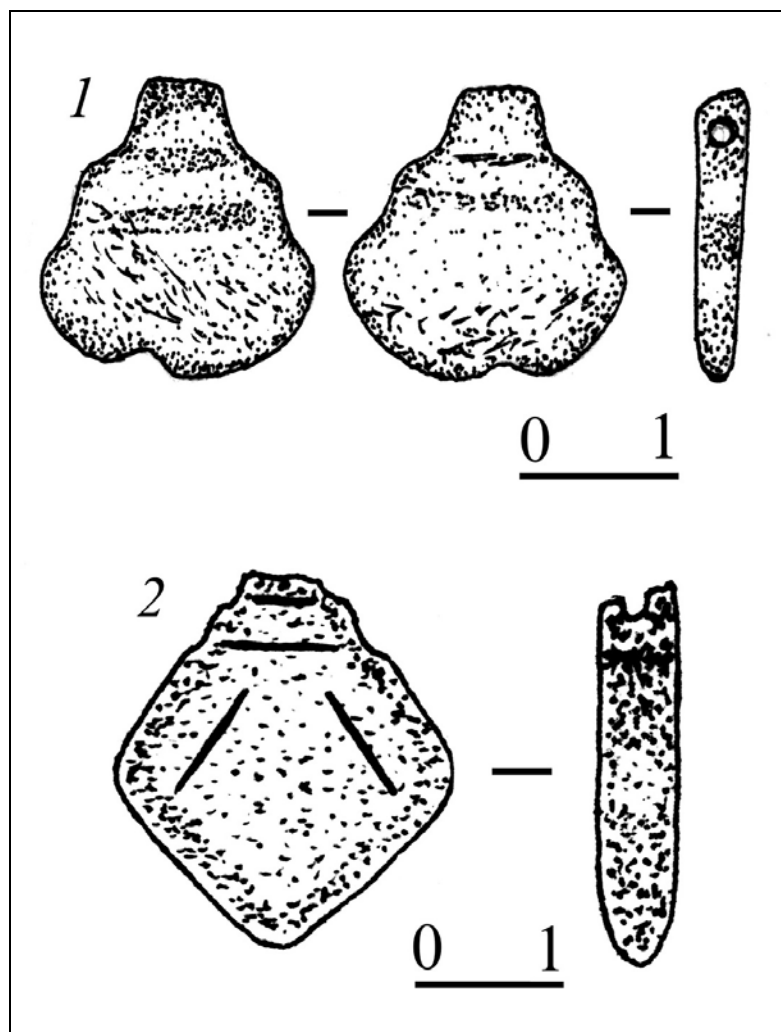

Рис. 1.

Евтеев А.А.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ МОГИЛЬНИКА
НИЖНЯЯ СТУДЕНКА-I¹

Данная статья является предварительным сообщением о результатах исследования краниологических и остеологических материалов из средневекового могильника Нижняя Студенка-I (Саратовская область). Основными задачами исследования были: внутригрупповой и межгрупповой анализ краниологической серии, а также изучение полового диморфизма строения черепа.

В то время как население сопредельных территорий представлено значительным количеством серий и подробно исследовано [Трофимова, 1949; Ефимова, 1974; Рудь, 1987; Акимова, 1968; Газимзянов, 2001; Алексеева, 1973; Алексеев, 1969; Яблонский, 1987 и др.], оседлое сельское население Нижнего Поволжья эпохи позднего Средневековья изучено гораздо хуже вследствие недостатка палеоантропологического материала. Поэтому серия из Нижней Студенки представляет особый научный интерес и может дать дополнительную важную информацию о сложных социальных и исторических процессах домонгольского и золотоордынского периодов.

Материал. Могильник Нижняя Студенка-I располагается на юге Саратовской области, на правом берегу Волги. С.И. Четвериков, автор раскопок, датирует могильник XIII–XIV вв. н. э. Погребальный обряд достаточно унифицированный: безынварные одиночные (в подавляющем большинстве случаев) погребения с ориентировкой покойного головой на юго-запад.

Использовались деревянные гробы своеобразной конструкции. В целом некрополь характеризуется высокой плотностью расположения могильных ям и тенденцией к образованию «семейных участков», где зачастую погребения располагаются горизонтально одно над другим. В погребальном обряде не прослеживается влияния ни мусульманских, ни христианских традиций.

Автор статьи исследовал антропологический материал из 130 погребений. В большинстве случаев каждый индивид был представлен черепом и посткраниальным скелетом. Сохранность материала очень хорошая. Половозрастной состав группы приведен в табл. 1.

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке программы фундаментальных исследований президиума РАН «Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям».

Таблица 1.

Половозрастной состав группы из могильника
Нижняя Студенка-I

Возраст	Количество индивидов	
Дети 1-3 лет	24 (20,0%)	
Дети 4-10 лет	14 (11,7%)	
Дети (возр. не опр.)	9 (7,5%)	
Подростки 11-17 лет	5 (4,2%)	
	Пол	
	Мужчины	Женщины
18-35 лет	10 (8,3%)	15 (12,5%)
36-55 лет	16 (13,3%)	21 (17,5%)
Старше 55 лет	1?	6 (5,0%)
Всего	26-27 (21,7%)	42 (35%)

Обращает на себя внимание преобладание женских скелетов, что не часто встречается в краниологических сериях [см. напр.: Алексеев, 1969, 1974], а также довольно высокий уровень детской смертности. Взрослых индивидов в серии чуть больше половины, в то время как во многих могильниках разных эпох их порядка 70–80% [Великанова, 1975; Яблонский, 1987; Бужилова, 2005]. Два этих необычных факта заставляют предполагать, в первую очередь, возможность оттока взрослого населения, особенно мужского, из группы, оставившей данный могильник.

Специального палеопатологического обследования материала не производилось, но, по наблюдениям, можно отметить почти полное отсутствие следов механических повреждений (травм), за исключением переломов носа, которые встречаются чаще у женщин. При этом, достаточно часты дегенеративно-дистрофические изменения позвонков (остеофитоз, краевые разрастания и т. д.).

К измерению оказались пригодны 23 мужских черепа и 36 женских.

Методы. Половозрастная диагностика производилась в большинстве случаев с использованием как черепа, так и посткраниального скелета. При определении возраста детей учитывалась степень созревания зубной системы [Buikstra, Ubelaker, 1994] и скелета [Пашкова, 1963]. При определении пола и возраста у взрослых учитывалась морфология черепа [Алексеев, Дебец, 1964], и посткраниального скелета [Алексеев, 1966; Пашкова, 1963], степень стертости зубов и облитерации швов черепа [Алексеев, Дебец, 1964, Пашкова, 1963], состояние лобкового симфиза [Suchey, Katz, 1986] и ушковидных поверхностей тазовых костей [Lovejoy etc., 1985].

Все черепа взрослых индивидов хорошей или средней сохранности были измерены по сокращенной краниометрической программе (см. табл. 2). Полученные эмпирические стандартные отклонения и коэффициенты полового диморфизма (КПД) сопоставлялись со средними («стандартными») величинами, приводимыми в литературе [Алексеев, Дебец, 1964].

Внутригрупповой и межгрупповой анализы материала проводились с помощью пакета статистических программ STATISTICA. Набор признаков, использованных во внутригрупповых анализах (№№ по Мартину): 1, 8, 17, 45, 48, 51, 52, 54, 55, 77, ^ZM, MC, MS, SC, SS (названия признаков – табл. 2). В межгрупповом анализе использовался тот же набор, за исключением MC, MS. Полученные главные компоненты (ГК) подвергались ротации Varimax por-

malized. Приводимые далее графики построены на основании индивидуальных значений первых двух ГК для всех черепов выборки (или всех групп, использованных в анализе).

Внутригрупповой анализ

Таблица 2.

Средние значения и стандартные отклонения признаков в серии из могильника Нижняя Студенка-I

№ признака	Мужчины			Женщины			КПД
	N	X	S	N	X	S	
1. Продольный диаметр	22	183,0	7,7	35	175,2	7,3	1,045
8. Поперечный диаметр	21	138,0	5,3	35	135,8	3,9	1,016
8/1	21	75,8	4,3	35	77,7	3,9	
17. Высотный диаметр	20	137,7	7,0	34	130,1	5,5	1,058
5. Длина основания черепа	20	103,4	4,4	36	97,2	3,8	1,064
9. Наименьшая ширина лба	23	98,0	5,5	34	95,1	4,1	1,030
11. Ширина осн. черепа	21	123,7	5,5	36	117,7	4,4	1,051
45. Скуловая ширина	21	132,5	5,6	35	123,2	4,8	1,075
40. Длина основания лица	20	98,2	5,4	32	92,8	4,6	1,058
48. Верхняя высота лица	23	69,7	4,3	34	64,2	3,2	1,086
48/45	21	52,5	2,6	34	52,2	3,1	
43. Верхняя ширина лица	21	105,9	4,7	33	101,1	3,9	1,047
46. Средняя ширина лица	22	95,9	4,8	34	90,2	4,7	1,063
60. Дл. альвеолярной дуги	22	50,6	2,9	28	49,0	2,9	1,033
61. Ширина альвеолярной дуги	21	61,6	3,4	27	58,9	3,7	1,046
55. Высота носа	23	50,6	3,6	34	47,3	2,5	1,070
54. Ширина носа	23	25,6	1,7	34	24,2	1,6	1,058
54/55	23	50,8	4,6	34	51,2	3,2	
51. Ширина глазницы	23	41,8	1,6	34	39,7	1,8	1,053
52. Высота глазницы	23	31,7	2,1	34	31,3	1,9	1,013
52/51	23	75,8	4,3	34	79,0	5,5	
77. Назомаллярный угол	21	139,2	4,1	34	141,1	4,5	0,987*
Зигомаксиллярная ширина	22	95,0	4,6	33	89,7	4,6	
ZM. Зигомаксиллярный угол	22	128,5	4,4	33	131,4	5,2	0,978*
SC. Симотическая ширина	23	10,4	2,1	34	9,4	1,6	1,106
SS. Симотическая высота	23	5,0	1,0	34	4,1	0,9	1,220
SS/SC	23	49,6	12,3	34	43,9	9,6	
MC. Максиллофронт. ширина	23	21,6	2,7	34	20,6	2,0	1,049*
MS. Максиллофронт. высота	23	9,3	1,3	34	8,6	1,2	1,081*
MS/MC	23	43,8	7,5	34	42,0	7,1	
Глубина клыковой ямки	23	4,5	1,6	34	4,1	1,5	1,098
75(1). Угол выступания носа	20	27,0	5,1	31	24,0	6,3	1,125*

Примечание: курсивом выделены стандартные отклонения, превышающие средние [по Алексеев, Дебец, 1964]; угол выступания носа вычислен тригонометрически. Среди КПД жирным шрифтом отмечены повышенные, в сравнении со средними, курсивом – пониженные, а звездочкой отмечены те, о которых сведения о среднем КПД в используемом источнике не приводятся.

Высокие значения стандартных отклонений большого числа признаков, как и отличающиеся от средних показатели полового диморфизма, свидетельствуют о возможности смешанного происхождения группы. Следует от-

метить, что средневековому населению Среднего и Нижнего Поволжья (как и современному) почти всегда свойственна антропологическая смешанность, что является отражением сложности и динамичности происходивших здесь исторических процессов [Трофимова, 1949; Алексеев, 1969; Яблонский, 1987; Газимзянов, 2001; Акимова 1968 и др.].

Поэтому дальнейшее изучение внутригрупповой изменчивости выглядело достаточно обоснованным. Был проведен факторный анализ по методу главных компонент [см. напр.: Герасимова, Пежемский, 2006] в мужской и женской частях выборки (см. также раздел «Методы»). Краткая информация о результатах этих анализов приведена в табл. 3, а визуализация результатов представлена на графиках (рис. 1 и 2).

Таблица 3.

Основные нагрузки на главные компоненты
внутригруппового анализа серии из могильника Нижняя Студенка-I

Мужчины (20 индивидов)			Женщины (30 индивидов)		
ГК 1 36,9%	ГК 2 18,5%	ГК 3 15,3%	ГК 1 19,3%	ГК 2 16,6%	ГК 3 14,5%
8. 0,87	1. 0,66	48. 0,40	1. 0,48	45. -0,43	45. 0,70
45. 0,80	17. 0,68	77. -0,86	17. 0,68	51. -0,67	52. -0,41
48. 0,80	54. 0,76	ZM. -0,49	48. 0,82	77. -0,40	54. 0,61
51. 0,72	MS. 0,84	MS. 0,92	54. 0,48	MS. 0,68	77. 0,49
52. 0,54	SC. 0,83	SS. 0,68	55. 0,78	SC. 0,67	MS. 0,59
55. 0,90			ZM. -0,65	SS. 0,84	SC. 0,46

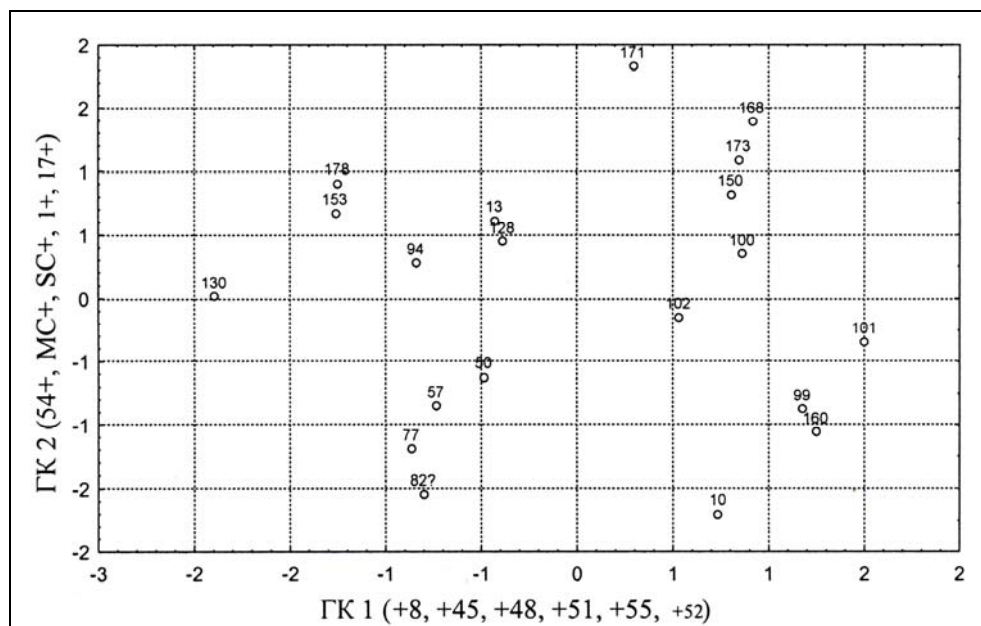

Рис. 1. Внутригрупповой анализ мужской части серии из могильника Нижняя Студенка-I

Главные компоненты представляют собой новые переменные, вычисляемые на основе внутригрупповой корреляционной матрицы признаков, используемые для сокращения числа рассматриваемых показателей и для описания вариации комплексов признаков [см. напр.: Дерябин, 2001]. При этом происходит некоторая потеря информации, зато достигаются большие преимущества за счет комплексного подхода к описанию морфологической изменчивости и возможности визуализации результатов анализа. Величина нагрузки признака на главную компоненту соответствует степени связи изменения данного признака с изменением значения ГК. ГК 1 любого анализа является наиболее важной, отражающей основные закономерности вариативности признаков в серии; значение ГК 2, 3 и т. д. последовательно уменьшается. Например, в анализе мужской части группы (табл. 2, рис. 1) ГК 1 испытывает наибольшие нагрузки со стороны следующих признаков: поперечный диаметр черепа (8), скуловая ширина (45), верхняя высота лица (48), ширина глазницы (51), высота носа (55), а в меньшей степени – высота глазницы (52). Это означает, что большие значения данной ГК свойственны индивидам, обладающим широким, по меркам данной серии, черепом, высоким и широким лицом, высоким носом, крупными глазницами. Эти индивиды расположены в правой части графика (рис. 1). Противоположная комбинация (сочетание узкого черепа с небольшими размерами лица) свойственна индивидам, характеризующимся малыми значениями ГК 1 и расположенным в левой части графика. Эта компонента описывает 36,9% изменчивости в серии.

ГК 2 описывает 18,5% изменчивости и является, таким образом, гораздо менее значимой в сравнении с ГК 1. Ее морфологический смысл состоит в одновременном увеличении ширины грушевидного отверстия, ширины переносья и носовых костей, в меньшей степени – в увеличении длины и высоты мозгового отдела черепа. Таким образом, индивиды, расположенные в нижней левой части графика (рис. 1), характеризуются небольшими размерами черепной коробки в целом, небольшими размерами лица, достаточно узким переносьем и носовыми костями. Индивиды, расположенные в верхней левой части графика, отличаются более широким переносьем и более удлинённым черепом. В верхней правой четверти графика окажутся индивиды с крупными размерами мозговой капсулы, крупным лицом, широким переносьем и носовыми костями, в левой нижней – с крупной, но укороченной черепной коробкой, достаточно крупным лицом, но относительно узким переносьем и носовыми костями.

Индивидуальные точки на графике (рис. 1) не располагаются единым «облаком», а образуют скопления, что подтверждает предположение о морфологической неоднородности выборки. Условно можно выделить четыре группы: 1) погребения 10, 99, 101, 160; 2) погребения 100, 102, 150, 168, 171, 173; 3) погребения 50, 57, 77, 82(?); 4) погребения 13, 94, 128, 130, 153, 178. Морфологические характеристики этих групп приведены в таблице 4.

Таблица 4.

Морфологические варианты мужской части серии из могильника Нижняя Студенка-I

№№ признаков	1 группа	2 группа	3 группа	4 группа
1. Продольный диаметр черепа	175,0	187,7	176,5	183,2
8. Поперечный диаметр черепа	145,0	140,7	132,8	133,8
8/1. Черепной указатель	82,9	75,0	75,2	73,0
17. Высота черепа от basion	135,0	144,9	132,3	135,8
45. Скуловая ширина	134,5	137,9	127,4	128,1
48. Верхняя высота лица	72,3	73,1	65,8	66,4
51. Ширина глазницы	42,9	42,7	40,2	41,0
52. Высота глазницы	33,7	31,6	31,3	30,6
54. Ширина носа	24,6	26,7	24,0	25,9
55. Высота носа	53,1	53,3	48,5	46,7
77. Назомалярный угол	140,1	139,4	140,2	137,6
^ZM. Зигомаксиллярный угол	126,2	126,4	129,8	130,4
MS. Максиллофронтальная ширина	20,1	22,9	18,4	22,2
MS. Максиллофронтальная высота	9,1	9,6	9,1	9,1
MS/MC Макс. указатель	45,2	42,1	49,4	40,9
SC. Симотическая ширина	8,2	11,2	8,5	12,0
SS. Симотическая высота	5,2	5,9	4,5	4,9
SS/SC Симотический указатель	62,9	52,8	52,5	40,7

Полученные результаты подтверждают наличие в составе мезодолхокранной в целом серии нескольких индивидов, отличающихся брахикранией и усиленным выступанием костного носа, при этом достаточно узкого. Основную часть индивидов группы объединяет удлинённая форма черепной коробки и европеоидные особенности в строении лицевого скелета,

но они весьма полиморфны как по абсолютным размерам обоих отделов черепа, так и по строению носовой области.

Внутригрупповой анализ женской части выборки также дал интересные результаты (табл. 3, 5; рис. 2).

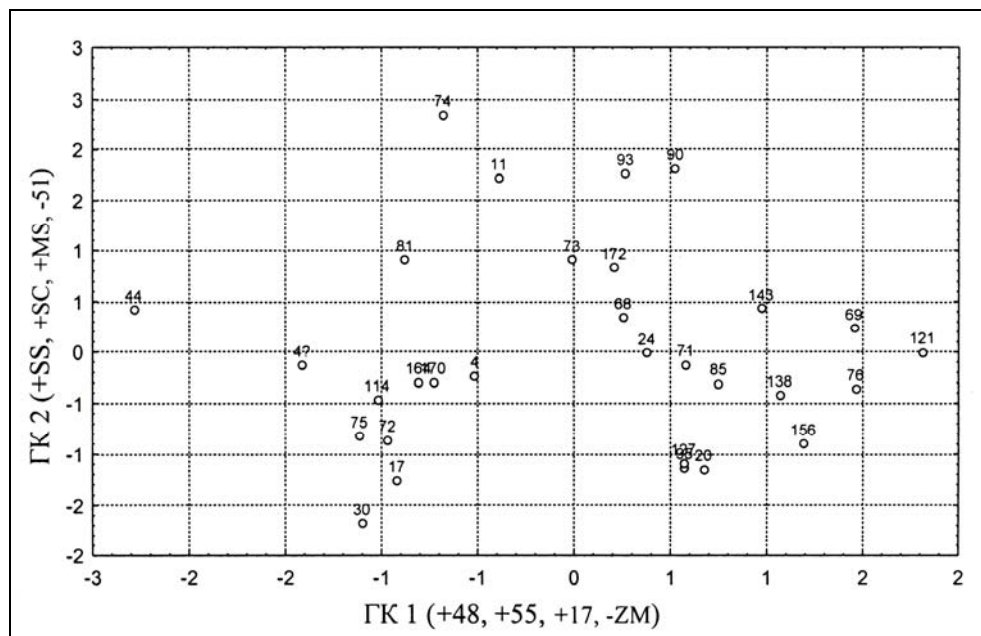

Рис. 2. Внутригрупповой анализ женской части серии из могильника Нижняя Студенка-1

Примечание: после предварительного статистического анализа из дальнейшего рассмотрения был исключен череп из погребения 105, отличающийся крайне своеобразной морфологией.

Хотя морфологическая дифференциация в женской части серии происходит по другим признакам, нежели в мужской, график анализа также подтверждает ее внутреннюю неоднородность. Мы выделим две основные группы – 1). 24, 68, 69, 71, 73, 76, 85, 121, 138, 143, 156, 172; 2). 4, 17, 30, 72, 75, 114, 164, 170, «4?» – морфологические характеристики которых приведены в табл. 5. В целях проверки соответствия морфологических вариантов двух половых групп была применена процедура пересчета женских значений признаков в мужские при помощи средних коэффициентов полового диморфизма (КПД) [Алексеев, Дебец, 1964]. Результаты пересчета приведены в таблице 5 в столбцах, обозначенных как «*КПД». Как можно видеть, прямого соответствия не наблюдается, хотя группа 1 женской части выборки по строению мозгового отдела напоминает группу 1 мужской части серии, а группа 2 женщин по строению лицевого скелета сходна с мужчинами групп 3 и 4.

Таблица 5.

Морфологические варианты женской части серии из могильника
Нижняя Студенка-I

№№ признаков	1 группа	*КПД	2 группа	*КПД
1. Продольный диаметр черепа	179,3	188,1	170,8	179,2
8. Поперечный диаметр черепа	136,0	141,0	136,1	141,1
8/1. Черепной указатель	75,8	75,0*	79,7	78,7*
17. Высота черепа от basion	134,5	140,8	127,8	133,8
45. Скуловая ширина	122,1	130,9	123,7	132,6
48. Верхняя высота лица	66,3	71,3	62,1	66,8
51. Ширина глазницы	39,9	41,5	40,2	41,8
52. Высота глазницы	31,3	31,5	31,8	32,0
54. Ширина носа	24,7	25,7	23,2	24,2
55. Высота носа	48,8	51,8	45,8	48,6
77. Назомалярный угол	141,3		142,6	
^ZM. Зигмаксиллярный угол	127,6		135,0	
MS. Максиллофронтальная ширина	20,3		20,1	
MS. Максиллофронтальная высота	8,6		7,9	
MS/MS Макс. указатель	42,5		39,2	
SC. Симотическая ширина	9,5	9,5	9,0	9,0
SS. Симотическая высота	4,2	5,1	3,5	4,2
SS/SC Симотический указатель	44,7	53,7*	39,1	46,7*

* указатель подсчитан по средним.

Такие отличия могут объясняться различным происхождением мужчин и женщин данной группы, или особенностями полового диморфизма. Разрешить эту дилемму в рамках текущего исследования не представляется возможным, так как сам феномен полового диморфизма в строении черепа остается недостаточно изученным [Алексеев, Дебец, 1964; Алексеев, 1969; Пашкова, 1963; Година и др., 2005; Властовский, 1961]. Но важно отметить следующие моменты: 1). комплексы наиболее вариабельных, дифференцирующих признаков отличаются в мужской и женской частях выборки; 2). графики анализов демонстрируют неоднородность мужчин и женщин в равной мере. Прямым следствием этих обстоятельств и являются различия выделенных морфологических вариантов.

Разделение группы по морфологическому принципу часто практикуется, хотя и вызывает вопросы, [Трофимова, 1949; Ефимова, 1974; Газимзянов, 2001], в целом же вопрос о методиках изучения внутригрупповой изменчивости является в отечественной антропологии одним из наиболее дискуссионных. Чаще всего при изучении данной формы изменчивости исследователи опираются на какие-то особенности погребального обряда или инвентаря, позволяющие подразделить группу [напр.: Шевченко, 1980; Яблонский, 1987; Герасимова, 2003]. Могильник Нижняя Студенка – безынвентарный и унифицированный с точки зрения погребального обряда, что не позволяет применить подобный подход. Однако особенности планиграфии могильника (см. раздел «Материал») дают возможность для поиска связи между морфологической неоднородностью серии и социальной структурой соответствующей группы населения. Для этой цели было выяснено расположение на территории могильника захоронений, относящихся к различным выделенным морфологическим вариантам (рис. 3 и 4). На рисунках 3 и 4 кривая линия обозначает линию берега реки, а погребения, чере-

па из которых относятся к одному морфологическому варианту, помечены значками одинакового цвета, а также соединены линиями. Схемы далеки от топографической точности и лишь приблизительно отражают взаимное расположение погребений. На рис. 3 только черепа группы 4 расположены дисперсно, а вот черепа остальных групп происходят из погребений, расположенных близко друг к другу. Таким образом, для мужской части группы можно достаточно уверенно говорить о связи морфологического облика погребенного с расположением соответствующего погребения. Это подтверждает предположение, что морфологический полиморфизм группы может иметь причины не только биологического, но также исторического или социального характера. В женской части выборки эта тенденция выражена не столь явно, но можно отметить компактность расположения большей части представительниц группы 1. Возможно, в отдельных частях могильника существовали «мужские» и «женские» участки, например: в районе погребений 99–102 (мужские) или 68–73 и др. (женские).

Наблюдаемое явление может объясняться разными причинами или, что вероятнее, комплексом причин, среди которых: 1). наличие в составе населения, оставившего могильник, групп разного происхождения; 2). семейно-родовая структура населения, возможно связанная с теми же культурными отличиями; 3). динамика населения во времени при одновременном использовании различных участков кладбища. Выявить и обосновать роль каждой из этих или других причин сложно, если вообще возможно, но сам факт неоднородности (в разных смыслах этого слова) представляется объективным.

Межгрупповой анализ. В начале II тыс. н. э. Нижнее Поволжье находилось в сфере интересов многих государственных образований, прежде всего, русских княжеств и Волжской Булгарии, однако, до завоевания этой территории монголами и строительства золотоордынских городов (Сарай-Бату, Сарай-Берке, Бельджамен и др.), она была, в первую очередь, местом обитания кочевых племен, не входя в состав того или иного государства [Греков, Якубовский, 1998; Федоров-Давыдов, 1966]. И, таким образом, предполагается, что в домонгольскую эпоху здесь была низкая плотность населения, а земледельческие поселения практически отсутствовали. Такое предположение отчасти подтверждается тем, что и кочевое, и, особенно, оседлое население Нижнего Поволжья домонгольской эпохи слабо представлено антропологическим материалом. Принято считать, что заметную роль в исторических процессах, происходивших в Поволжье, играли финно-угорские группы, принимавшие большое участие в формировании антропологического состава населения восточнославянских княжеств и Волжской Булгарии, а также заселявших и более южные земли [Ефимова, 1991; Газимзянов, 2001; Алексеева, 1973]. Во времена Золотой Орды происходила интенсивная колонизация этой территории, сопровождавшаяся строительством крупных и мелких городов и многочисленных поселений. Но и для этой эпохи практически отсутствуют серии, характеризующие сельское население Нижнего Поволжья. Антропологический облик населения крупных городов Золотой Орды хорошо изучен [Трофимова, 1949; Дебец, 1948; Яблонский, 1987; Евтеев, 2003, 2006]. Для него, по данным всех исследований, характерна высокая степень неоднородности, объясняющаяся, с одной стороны, этнической пестротой населения, а с другой – непродолжительностью существования городов и социальной стратификацией населения, не позволявшим далеко зайти процессам смешения.

Таким образом, в ходе межгруппового сопоставления исследуемой выборки, дополняемого результатами внутригруппового анализа, ставилась цель дать ответы на следующие вопросы:

1). Не является ли это население осевшими кочевниками, для которых возможность факультативного перехода к оседлому образу жизни и земледелию не исключается [Федоров-Давыдов, 1966];

2). Есть ли сходство с населением золотоордынских городов XIII-XV вв;

3). Есть ли сходство с какими-то группами населения Волжской Булгарии (при этом нужно отметить, что это население было очень разнообразно, менялось и перемещалось с течением времени [Газимзянов, 2001]);

4). Есть ли сходство с населением восточнославянских княжеств периода X-XIII вв.;

5). Достаточно интересен и важен вопрос о финно-угорском компоненте в составе населения, оставившего могильник Нижняя Студенка-I, однако разрешить его будет особенно сложно, так как лишь немногие средневековые краинологические серии Поволжья напрямую атрибутируются как финно-угорские. К таковым относятся некоторые выборки с территории Волжской Булгарии: «Барбашина поляна», серии чиаликской культуры, Танкеевский могильник [Газимзянов, 2001].

Межгрупповой анализ мужской части выборки был также проведен по методу главных компонент, но с использованием средних данных вместо индивидуальных. В качестве сравнительных материалов была использована 61 серия:

1). Население города Болгар XIII-XV вв.: 1 - Бабий Бугор (рядовой); 2 - Четырехугольник; 3 - Ханская усыпальница; 4 - Малый Минарет; 5 - Греческая палата; 6 - Мавзолеи Болгара; 7 - Усть-Иерусалимский; 8 - Культурный слой; 9 - Бабий Бугор (Братская могила);

2). Сельское население Волжской Булгарии и Казанского ханства золотоордынского и более позднего периода (XIII-XVI вв.): 10 - Средневековые кочевники Среднего Поволжья X-XV вв., 11 - Азметьево, 12 - Такталачук, 13 - Дербешки, 14 - Кожаевка, 15 - I Старокуйбышевский; 16 - II Большие Тиганы, 17 - Барбашина поляна; 18 - Муранский, 19 - Ташкирмень, 20 - Тангачи, 21 - Березовка; 22 - Окрестности Казани, 23 - Мари-Луговое (кочевники);

3). Сельское население Волжской Булгарии раннего периода (VIII-XIII вв.): 24 - III Рождественский; 25 - Измерский; 26 - II Семеновский; 27 - I Старокуйбышевский; 28 - Танкеевский; 29 - Биляр (суммарно); 30 - Большие Тарханы; 31 - Кайбельский (ранний); 32 - Кайбельский (поздний); 33 - Муромский городок;

4). Средневековые кочевники Поволжья, Приуралья и Сибири (IX-XV вв.): 34 - Кочевники Башкирии, 35 - Сынтъштамакский, 36 - Саркел «Малые Курганы», 37 - Половцы калмыцких степей; 38 - Кочевники южно-таежного Прииртышья; 39 - Курганы Нижнего Поволжья; 40 - Кочевники лесостепного Прииртышья;

5). Оседлое золотоордынское население Нижнего Поволжья (XIII-XV вв.): 41 - Селитренное («Сарай-Бату»); 42 - Водянское («Бельджамен»); 43 - Царевское («Сарай-Берке»);

6). Средневековые славяне (сельские и городские группы X-XIII вв.): 44 - Бранешты и Васильевское (совр. Молдавия), 45 - Ханска (совр. Молдавия), 46 - 49 - курганы вятичей; 50-54 - курганы кривичей; 55 - северяне, 56-57 - курганы полян; 58-59 - городские кладбища полян, 60 - курганы радимичей; 61 - дреговичи.

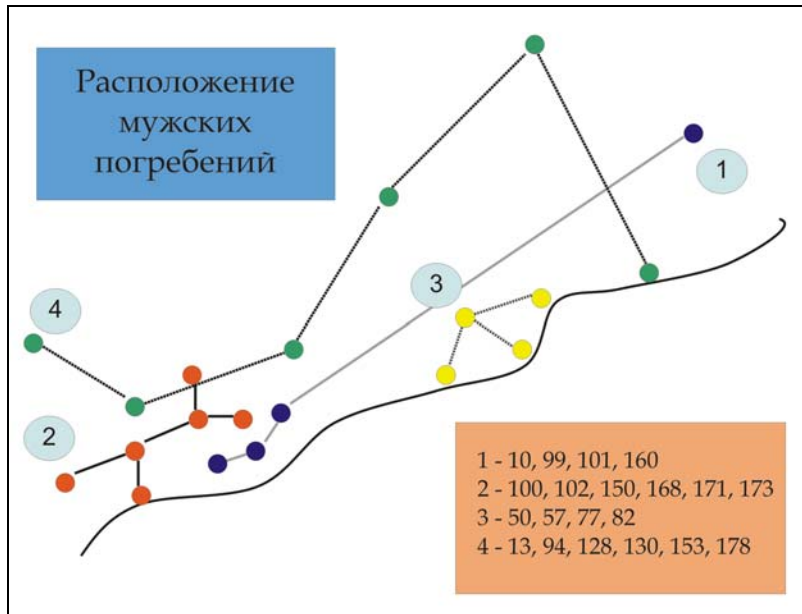

Рис. 3. Схема расположения мужских погребений в могильнике Нижняя Студенка-I

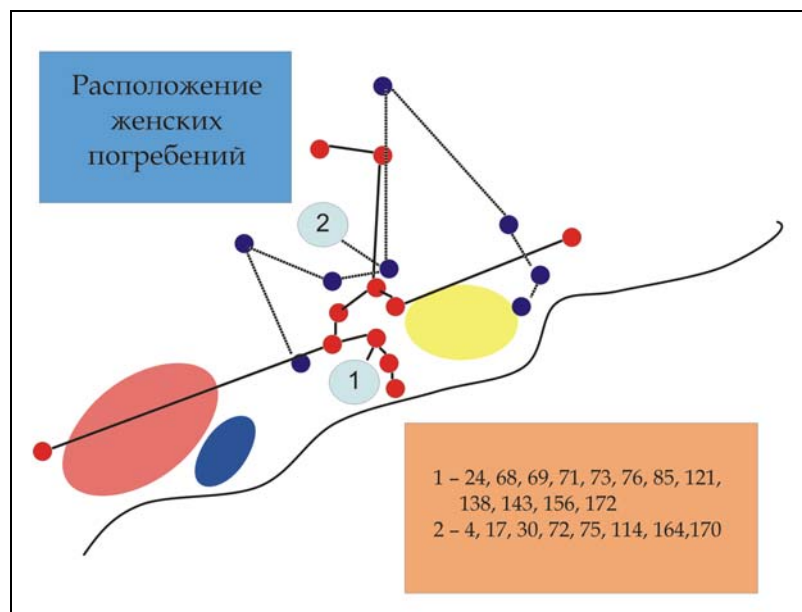

Рис. 4. Схема расположения женских погребений в могильнике Нижняя Студенка-I

В качестве источников материала были использованы следующие издания: серии 1–40 – Газимзянов, 2001; серии 41–43 – Яблонский, 1987; серии 44–61 – Алексеева, 1973. Нумерация серий совпадает с нумерацией на графике. Серия из Нижней Студенки обозначена «Stu». Кочевнические серии помечены дополнительно буквой «К». Круглыми значками обозначены славянские серии, треугольными – все остальные. Набор использованных признаков описан в разделе «Методы», нагрузки на ГК анализа приведены в табл. 6.

Таблица 6.

Основные нагрузки на главные компоненты межгруппового анализа

ГК 1 (45,5%)	8. +0,90	45. +0,89	48. +0,85	55. +0,73	51. +0,66	52. +0,63
ГК 2 (13,6%)	5С. -0,80	5S. -0,89				

В области больших значений ГК 1 расположились серии, характеризующиеся широкой черепной коробкой, крупными размерами лицевого скелета, большой высотой носа, крупными размерами глазниц. Выборкам, расположенным в области больших значений ГК 2, свойственны небольшая ширина и высота носовых костей.

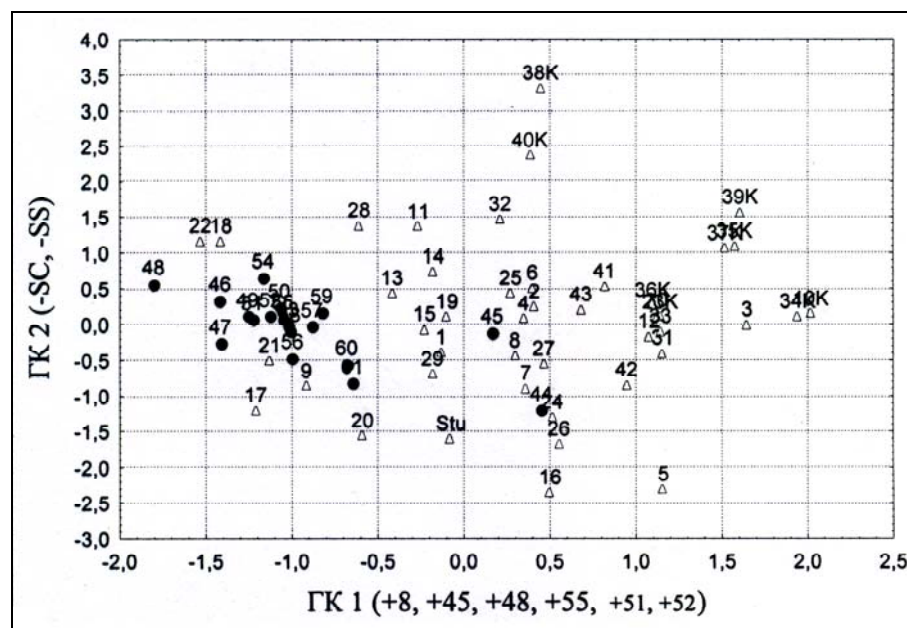

Рис. 5. Межгрупповой анализ мужской части серии из могильника Нижняя Студенка-I

Приведенный график анализа не следует воспринимать слишком буквально, но можно отметить некоторые тенденции:

- 1). Версию о связи исследуемого населения с кочевым миром поволжских степей следует исключить;
- 2). Морфологически данная серия заметно отличается от выборок, представляющих население крупных золотоордынских городов (41–43);
- 3). Серия из Нижней Студенки, занимающая промежуточное положение, не входит на графике в основной массив выборок с территории Волжской Булгарии, как и в массив славянских серий;
- 4). Морфологически к исследуемой серии наиболее близки выборки из Тангачи (20), Биляра (29), Усть-Иерусалимского могильника (7), Бранешты и Васильевского (44), в меньшей степени – из курганов дреговичей (61), Бабьего Бугра-рядового (1), III Рождественского (24), II Семеновского (26), II Большетиганского могильников (16).

На рассмотрении крайне интересного набора морфологически близких серий следует остановиться подробнее. Могильники Тангачи (чиаликская культура) и Усть-Иерусалимский, по имеющимся данным, напрямую связаны с финно-угорским населением Поволжья и Приуралья [Газимзянов, 2001]. Серии из Биляра и Бабьего Бугра (г. Болгар) представляют относительно нетипичный для городского населения Волжской Булгарии (на групповом уровне) мезокранный европеоидный грацильный вариант, происхождение которого не вполне ясно исследователям. Существует предположение, что компонент этот связан с населением более южных территорий [Ефимова, 1974; Газимзянов, 2001]. Рождественский и Семеновский могильники, расположенные, как и Нижняя Студенка, на берегу Волги, представляют сельское население домонгольского периода с территории Волжской Булгарии и не очень определены по своей культурной и религиозной атрибуции [Газимзянов, 2001]. Присутствуют в списке и две славянские серии, довольно удаленные друг от друга. Подобные результаты анализа дают некоторое представление о возможных связях и истоках населения, оставившего могильник Нижняя Студенка-I, но в то же время предостерегают от прямолинейных или однозначных интерпретаций.

Половой диморфизм в краниологической серии. Вопросы полового диморфизма в краниологической серии из некрополя Нижняя Студенка-I частично уже были рассмотрены в разделе «Внутригрупповой анализ». Напомним основные результаты:

- 1). При рассмотрении эмпирических коэффициентов полового диморфизма (КПД) было отмечено, что для большинства признаков они выходят за границы средних значений [Алексеев, Дебец, 1964], чаще в сторону увеличения.
- 2). Внутригрупповой анализ продемонстрировал морфологическую неоднородность и в мужской, и в женской частях выборки, но при различных наборах переменных (дифференцирующих) признаков.

На следующем этапе анализа полового диморфизма использовался ранее уже применявшийся прием [Евтеев, 2006]: внутригрупповой анализ всей серии в целом, без деления по половой принадлежности. Целью такого анализа является, во-первых, выявление комплекса наиболее ярких черт морфологических отличий мужских и женских черепов, а, во-вторых, – сте-

пени дифференциации двух подгрупп, то есть общий уровень межполовых отличий в строении черепа. Анализ проводился с использованием того же набора признаков, что и другие внутригрупповые анализы (раздел «Методы»), проанализированы 50 индивидов – 20 мужчин (треугольные значки) и 30 женщин (круглые значки). График анализа представлен на рис. 6, основные нагрузки на ГК приведены в табл. 7.

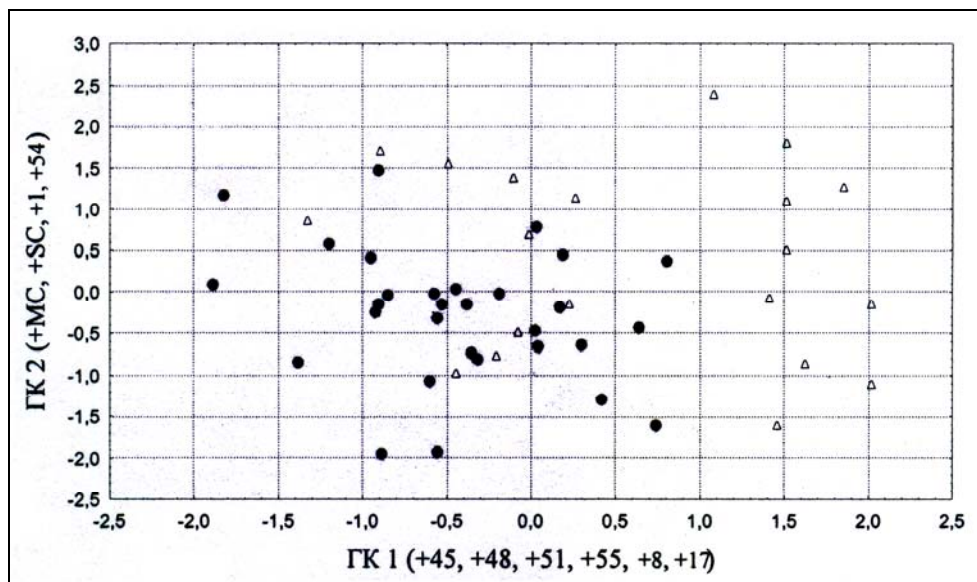

Рис. 6. Внутригрупповой анализ серии из могильника Нижняя Студенка-I без разделения по полу

Таблица 7.

Основные нагрузки на главные компоненты внутригруппового анализа. (мужчины; женщины)

ГК 1 (35,7%)	8 +0,60	17 +0,64	45 +0,75	48 +0,80	51 +0,73	55 +0,83
ГК 2 (13,5%)	1 +0,57	54 +0,68	MC +0,77	SC +0,80		

ГК 1 анализа связана с вариабельностью абсолютных размеров лицевого скелета, высоты носа и глазницы, в меньшей степени – ширины и высоты мозговой капсулы. В области больших значений ГК 2 расположены индивиды, характеризующиеся в первую очередь большой шириной переносья и носовых костей.

Полученный результат дополнительно свидетельствует о сложной картине внутригрупповой изменчивости, свойственной данной выборке. Несмотря на то, что в анализе одновременно задействованы мужские и женские

череп, фактор полового диморфизма не является единственным дифференцирующим и четкого разделения по половой принадлежности на графике не наблюдается. Но, учитывая значительную трансгрессию, наблюдаются и отличия, в первую очередь, по значениям ГК 1. В правой части графика, отдельно от основного массива, располагаются 10 мужских черепов, а в целом в области положительных значений ГК 1 расположены 60% мужских и 33,3% женских черепов. Несколько менее заметны отличия по ГК 2, но они также есть: в области ее положительных значений расположены 55% мужских и 30% женских черепов. Нахождение нескольких мужских черепов в самой «гуще» женских может быть, к сожалению, истолковано, в том числе, как ошибка в определении пола, так как вероятность такой ошибки редко опускается ниже 20%.

Но в целом существует тенденция к диагональному расположению мужского и женского массивов, отражающая комплекс характерных морфологических отличий. Это отличия в тотальных размерах черепа (в первую очередь – размера лица, в меньшей степени – мозговой капсулы) и, одновременно с этим, – в строении переноса. Важно, что во многих случаях эти отличия выступают комплексом на индивидуальном уровне.

Заключение

1). Половозрастной состав выборки из некрополя Нижняя Студенка-I своеобразен. Нетипичным является заметное преобладание женских скелетов и большое количество детских. Возможно, это отражает какие-то социальные аспекты жизни группы, например, отток взрослого, преимущественно мужского, населения.

2). Комплексное рассмотрение результатов внутригруппового и межгруппового анализа серии заставляет отказаться от однозначного соотнесения исследуемого населения с какой-то определенной культурной общностью (будь то «славяне», «финно-угры» или «болгары»), но требует учета всей сложности исторических процессов, имевших место в средневековом Поволжье. Эмиграция и иммиграция, взаимодействие пришлого и местного населения, культурная консолидация, широкий круг брачных связей – все эти факторы могли воздействовать на формирование данной группы. Не исключается и частичная смена населения, использовавшего могильник за время его функционирования.

3). Серия из Нижней Студенки морфологически сильно отличается от выборок кочевого населения, населения золотоордынских городов Нижнего Поволжья, а также основной массы серий, представляющих городское население Волжской Булгарии после монгольского завоевания. При этом наблюдается сходство с рядом групп сельского населения Волжской Булгарии раннего периода и тех выборок, которые могут быть соотнесены с финно-угорским населением региона. Также отмечена морфологическая близость к отдельным славянским сериям домонгольского периода.

4). Анализ полового диморфизма в серии показывает достаточно противоречивую картину: на фоне высоких значений КПД, при внутригрупповом анализе наблюдается заметная трансгрессия мужских и женских черепов, что

является дополнительным подтверждением морфологической неоднородности группы.

Литература:

- Акимова М.С.* Антропология древнего населения Приуралья. М., 1968.
Алексеев В.П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы: (краниологическое исследование). М., 1969.
Алексеев В.П. Происхождение народов Кавказа: (краниологическое исследование). М., 1974.
Алексеев В.П., Дебец Г.Ф. Краниометрия. М., 1964.
Алексеева Т.И. Этногенез восточных славян. М., 1973.
Бужилова А.П. Homo sapiens: история болезни. М., 2005.
Великанова М.С. Палеоантропология Прутско-Днестровского междуречья. М. 1975.
Властовский В.Г. О половом диморфизме расоводиагностических признаков // Вопросы антропологии. 1961. № 6. С. 58–70.
Газимзянов И.Р. Население средневекового Поволжья в составе Золотой Орды по данным краниологии (автореф. дисс. ... канд. ист. наук). М., 2001.
Герасимова М.М. Краниология средневекового населения Куртатинского ущелья (Северная Осетия) по материалам из могильника у с. Дзивгис // Вестник антропологии. 2003. № 10. С. 57–74.
Герасимова М.М., Пежемский Д.В. Мезолитический человек из Песчаницы. М., 2006.
Година Е.З., Хомякова И.А., Пурунджан А.Л., Задорожная Л.В., Гилярова О.А., Степанова А.В. Московские дети: основные тенденции роста и развития на рубеже столетий. Ч. 2 // Вопросы антропологии. М., 2005. № 92. С. 56–75.
Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998.
Евтеев А.А. Население золотоордынского города Маджара по данным краниологии // Вестник антропологии. М., 2003. № 10. С. 91–103.
Евтеев А.А. Половой диморфизм в краниологической серии из некрополя Селитренного городища // Вестник антропологии. М., 2006. № 14. С. 179–186.
Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.; Л., 1948.
Дерябин В.Е. Многомерные биометрические методы для антропологов. Рукопись, депонированная в ВИНТИ № 37 – В 2001. От 10.01.2001.
Ефимова С.Г. Краниологические материалы домонгольского времени из Биляра – города Волжской Булгарии // Вопросы антропологии. М., 1974. № 46.
Ефимова С.Г. Палеоантропология Поволжья и Приуралья. М., 1991.
Пашкова В.И. Очерки судебно-медицинской остеологии. М., 1963.
Рудь Н.М. Антропологические данные к вопросу об этнических взаимоотношениях на Средней Волге в X–XIV вв. // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.

Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии // Труды Института этнографии АН СССР. М.; Л., 1949. Т. 7.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Шевченко А.В. Антропологическая характеристика средневекового населения низовьев Волги: (по краниологическим материалам могильника Хан-Тюбе) // Исследования по палеоантропологии и краниологии СССР: сборник МАЭ. Л., 1980. Т. XXXVI.

Яблонский Л.Т. Социально-этническая структура золотоордынского города по данным археологии и антропологии: (монголы в средневековых городах Поволжья) // Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.

Buikstra J.E., Ubelaker D.H. Standards for Data collection from Human Skeletal Remains. Arkansas Archaeological Survey Research Series, 1994. № 44.

Lovejoy C.O., Meindl R.S., Pryzbeck T.R. and Mensforth R.D. Chronological metamorphosis of the auricular surface of the ilium: a new method for the determination of adult skeletal age of death. American Journal of Physical Anthropology. 1985. № 68. P. 15-28.

Suchey J.M., Katz D. Skeletal age standards derived from extensive multiracial sample of modern Americans. Paper presented at the 55-th annual meeting of the American Association of Physical Anthropologists, Albuquerque, NM, April 10, 1986.

Пигарев Е.М., Скисов С.Ю.

МАГИЧЕСКИЙ КВАДРАТ В ГОРОДСКОЙ КУЛЬТУРЕ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ.

Многолетние раскопки золотоордынских городищ дали разнообразный материал, с разных сторон раскрывающий городскую культуру Золотой Орды: нам многое известно о строительстве, искусстве, ремеслах, торговле и т. п. Верования населения Золотой Орды, в силу различных причин, получили меньшее освещение в научной литературе. Еще менее изученным является вопрос о закрытых формах религии – магии. Понятием «магия», принято считать различные человеческие действия, которые имеют целью влиять сверхъестественным образом на тот или иной материальный предмет или явление.

В средневековых источниках, относящихся к истории Золотой Орды, часто упоминаются лица (ламы, волшебники, бахши (шаманы)), способные совершать магические действия. Магические обряды упоминает И. Барборо [Барборо, 1996]. Известны эпизоды преследования магов во время исламизации, проводимой в период правления Узбека [Тизенгаузен, 1876. С. 174; 197]. При этом городская культура Золотой Орды оставалась насыщенной разнообразными магическими ритуалами. Археологами получены и материальные свидетельства существования магических обрядов. Это прежде всего разнообразные амулеты: тумары, подвески, перстни с изображениями и надписями благопожелательного содержания, бусы с магическими символами, раковины каури и т. п.

Ярким свидетельством распространения магии среди золотоордынского населения являются находки магических квадратов. Нам удалось собрать и обработать информацию о десяти магических квадратах, найденных в разное время на Царевском, Селитренном, Самосдельском и Маджарском городищах, а также в Старом Крыму. Три из них публиковались ранее [Федоров-Давыдов, 1974. С. 130; Полубояринова, 1980. С. 260], остальные публикуются впервые. Квадраты заполнены цифрами восточно-арабского начертания, либо цифрами в комбинации с буквами, иногда с добавлением иных символов. Графика цифр совпадает в деталях с изображением цифр на золотоордынских монетах. Как и на монетах, отдельные цифры – 2, 3, 4, 5, 9 – имеют варианты начертания. Встречается обратное (зеркальное) написание цифр.

Те из квадратов, которые найдены при проведении археологических раскопок и надежно датируются, обнаружены в слоях XIV века.

Главное математическое свойство квадрата: сумма (константа) чисел в каждом столбце и в обеих диагоналях – одинакова. Каждое число участвует не менее чем в двух суммах, числа диагоналей – в трех суммах. Помимо главного свойства, магический квадрат обладает еще и целым набором математических закономерностей, в частности, – симметрией расположения четных и нечетных чисел в строках и столбцах. Не менее интересны и геометрические свойства магического квадрата. Последовательность чисел внутри квадрата, представленная в виде линии, пересекающей его клетки, образует ломаную линию сложной конфигурации, жестко симметричную относительно некоего центра, который совпадает с центральным числом квадрата.

Центральное число квадрата теоретически может быть любым, но в разысканных нами образцах оно чаще всего равно числу пять или семь или производному от них, что не случайно, о чем будет сказано ниже. Чтобы получить константу квадрата, нужно центральное число умножить на количество клеток в ряду. Таким образом, центральное число является центром для числовой и геометрической симметрии, а также для симметрии чета-нечета.

Каталог.

1. Начертан тушью на фрагменте стенки гончарного красноглиняного сосуда, обнаружен в 1979 году на Селитренном городище (раскоп № IX, яма № 22). Девятиклеточный. Хранится в фондах АГОИАМЗ (АМЗ КП 39528/12), рисунок 1 [Федоров-Давыдов и др., 1980, С. 90, рис. 101.].

2. Процарапан на стенке гончарного красноглиняного сосуда, обнаружен в 1847 году при раскопках А.В. Терещенко на Царевском городище. Девятиклеточный, рисунок 2 [Федоров-Давыдов, 1974. С. 131, рис. 2].

3. Бронзовый амулет в виде тонкой прямоугольной пластины с обломанной петлей, с гравировкой на обеих сторонах, обнаружен в 1973 году на Царевском городище, на территории усадьбы № 2. Девятиклеточный, рисунок 3 [Федоров-Давыдов, 1974. С. 130–131, рис. 1].

4. Начертан темной тушью на тулове красноглиняного гончарного кувшина, обнаружен в 1977 году на Селитренном городище. Девятиклеточный, рисунок 4 [Полубояринова, 1980. С. 200].

5. Свинцовый амулет в виде тонкой прямоугольной пластины с изображением на одной стороне человека, держащего в руках меч и отрубленную голову, на другой – сорокадевятиклеточного квадрата; обнаружен на Царевском городище, хранится в частной коллекции, рисунок 7.

6. Бронзовая литая пластина, на одной стороне которой изображен квадрат, имеющий многочисленные утраты; найдена на Маджарском городище, хранится в частной коллекции, рисунок 8.

7. Фрагмент серебряной пластины с гравировкой; на одной стороне – квадрат, на другой – арабская надпись; найден в 2000 году на Самосдельском городище, хранится в АГОИАМЗ, рисунок 6 [Гречкина, 2001].

8. Медный амулет в виде тонкой квадратной пластины; на одной стороне – девятиклеточный квадрат; место находки неизвестно, хранится в АГОИАМЗ, рисунок 5 (АМЗ КП42647).

9. Бронзовая пластина, на одной стороне которой восьмидесятидвухклеточный квадрат, на другой – изображение человека, держащего меч и отрубленную голову; место находки неизвестно, частная коллекция, рисунок 9.

Впервые магический квадрат упоминается в Китае, в I тыс. до н. э., хотя китайская традиция удревняет эту дату до IV тыс. до н. э. К I веку нашей эры магический квадрат становится известен в Индии и на Тибете. В раннем средневековье магический квадрат распространяется в Средней Азии и на Переднем Востоке. В Европе магический квадрат появился относительно поздно – одно из первых его изображений известно по знаменитой гравюре А. Дюрера «Меланхолия» [1514 г., Парнов Е., 1991. С. 173]. В магической практике европейцев магический квадрат, или квадрат Сатурна, используется в XVI–XVIII веках.

Общеизвестна заслуга арабской математики и философии в сохранении, передаче и развитии античного наследия. Начальный этап разработки мистики чисел связан с деятельностью многочисленных школ гностиков, неоплатоников, укрепившихся внутри всех трех мировых религий библейского толка. К VIII веку основная территория деятельности таких школ вошла в зону Халифата. Их наследие активно усваивается мусульманскими учеными. Число, а следовательно и математика, были непосредственно связаны с философией, что для древности равнозначно теологии. Неслучайно все выдающиеся арабские математики: ал-Хорезми, аль-Фарраби, Омар Хайям – были крупными богословами.

В том же направлении развивается культура Дальнего Востока. В средневековом Китае возникает особая философия числа, утверждающая, что следование числу дает знание вещей и их начала [Топоров, 1992. С. 630]. В Китае 9-тикеточный магический квадрат используется как универсальная, базовая структура для организации правильного, удобного для существования человека, пространства, как реального (жилище, усадьба), так и мифологического (представляемая вселенная) : (так называемое искусство Фен-Шуй).

В настоящее время этнография фиксирует использование магического квадрата в бытовой магической практике Дальнего Востока (Китай, Корея), арабских стран Переднего Востока и в государствах Средней Азии.

Роль числа в древних культурах, начиная с ранней античности и до позднего средневековья, исключительно велика, но не совпадает со значением числа в современном мире. Как утверждал А.Ф. Лосев, уделивший в своем фундаментальном исследовании античной культуры этому вопросу большое внимание, «основным принципом античной эстетики является число. Оно неотделимо от вещей, а у иных античных мыслителей прямо тождественно вещам. Оно не есть просто результат счета, но всегда содержит в себе идею порядка, наконец, оно обладает материальной творческой силой, способной создавать вещи. Учение о числе, как первопринципе – общеантичное» [Лосев, 1963. С. 505].

Необходимо сказать о том, чем отличается восприятие числа, как такового, в древности от привычного в современном мышлении. Для человека нашего времени ряд натуральных чисел однороден и однообразен; между двумя последующими числами нет никаких качественных различий; число 7 отличается от числа 8 только тем, что одно больше другого на единицу. В древности все члены натурального числового ряда качественно отличались

друг от друга. Рудиментом такого сознания в нынешнем быту является отношение к числу 13. В древности любое число, особенно первой дюжины, вызывало в сознании человека ряд устойчивых ассоциаций с качествами и свойствами, не связанными с математикой. Числами кодировались все значимые составляющие природы, общества, личности. Через числа обозначались части света, металлы, планеты, времена года, календарные ритмы, части тела, буквы алфавитов, числами кодировались любые слова, особенно имена; причем, одно и то же число могло означать одновременно вещи и явления из разных областей. И, наоборот, в монгольских государствах XIII–XIV веков (и не только), известна традиция кодирования чисел буквами, т. н. хронограммы; они, в частности, использовались для датировки монет [Настич, 2000. С. 262].

На основе таких чисел строились упорядоченные множества, где решительно все элементы находятся между собой и со всем множеством в точно определенном отношении, и каждое число имеет символическое, сакральное значение. Примером такого упорядоченного множества и является магический квадрат – система, все элементы которой иерархически жестко и многократно связаны между собой.

Если в высших социальных слоях древних культур такие системы служили разработке теологических принципов, то в низовых, простонародных, они широко использовались в магической и гадательной практике, в которой учитывалась символика каждой отдельной позиции.

Наряду с магическим квадратом, еще одним примером такой системы могут служить китайские гексограммы, собранные в книгу гаданий И-Дзын. Обе эти системы существовали синхронно и использовались совместно. Китайская традиция прочно связывает открытие и разработку магического квадрата с мифом о происхождении «Книги перемен». В комментариях к И-Дзын была тщательно разработана каббалистика чисел.

Близость магического квадрата к гексограммам подтверждается находками, относящимися к концу XIX века. Так, при вскрытии Плаховым В.В. в 1986 г. позднего калмыцкого захоронения, был обнаружен исполненный типографским способом рисунок черепахи, в центре панциря которой находится девятиклеточный квадрат в окружении восьми триграмм. На месте центрально числа квадрата написано слово АУМ, одно из условных значений которого – «истина», «бог».

Другим источником раскрытия содержания магического квадрата, особенно девятиклеточного, служит ритуальная практика, которой пользовались монгольские и тюркские кочевые народы. Число 9 считалось священным для многих центрально-азиатских народов. В Монголии и на Тибете жертвенное возлияние молока производится ложкой с девятью лунками, расположенными по схеме магического квадрата. Монголы использовали гадание, в котором гадательное поле делится на 9 секций в три ряда [Герасимова, 1989. С. 182–184].

боги	люди	духи
предки	сам	дети
могила	дом	поле

Центральная клетка обозначала того человека, которому ставился диагноз. В наших квадратах центральное место, в основном, занято числом 5. Число 5 в древних культурах было эталоном описания наиболее важных характеристик мира и человека, что связано с особой ролью пятого места в пространстве: это центр для четырех сторон света, и, соответственно, – центр для всего. В квадрате № 8, заполненном цифрами и буквенными символами, комбинация знаков, занимающих центральное место, графически совпадает с комбинацией знаков на перстнях, амулетах с Селитренного городища и при прочтении слева направо дает число 9111, а справа налево – слово АЛЛАХ [Галкин, 1972. С. 360].

Существенным является соединение магических квадратов, выполненных в металле, с астральными, астрологическими символами и изображениями.

Квадрат № 3 сопровождался надписью: «пророческое созерцание звезды» (перевод Г.А. Федорова-Давыдова) и семью символами, которые автор публикации определил как знаки семи светил [Федоров-Давыдов, 1974. С. 130]. Герман Алексеевич считал, что математическая расшифровка заполнения квадрата невозможна. С учетом того, что на квадрате четко различимы три цифры, мы предлагаем допустимое прочтение, в котором сохраняются закономерности магического квадрата с константой 21 (рис. 3). Такое прочтение подтверждается тем, что буква «хайун», начертанная в правом верхнем углу квадрата, означает цифру 8 в абджадной системе нумераций. Центральное число квадрата – 7. Число 7 в арабской традиции связано с семью ангелами, семью днями недели, семью планетами, числом различных цветов, семью жизненно важными органами, семью поясами земли. Оно же совпадает с числом астральных символов, окружающих данный квадрат.

Символы есть на трех квадратах из девяти, причем, некоторые из них повторяются на всех трех. Всего на трех квадратах использовано 14 символов разного начертания.

Весьма характерно изображение, сопровождающее квадраты № 5 и № 9. На оборотной стороне пластин изображен персонаж, имеющий твердые аналогии в восточной средневековой культуре. Нам известно три таких изображения. Два – на разных экземплярах рукописи трактата ас-Суфи [Щеглов, 1986. С. 13] и одно – на страницах средневекового арабского астрологического сборника [Игнатенко, 1989. С. 119]. Трактат был написан для султана в X веке известным ученым ас-Суфи в качестве астрономического и астрологического пособия и стал очень популярен в исламском мире, и за его пределами он неоднократно переписывался в разных странах. Такое изображение в трактате ас-Суфи обозначает созвездие, которое в европейской традиции называется созвездием Персея. На мусульманском востоке Персей, держащий голову Медузы, превратился в героя, держащего отрубленную голову демона ал-Гула. Все характерные детали этих изображений совпадают полностью. Голова демона изображена с торчащими вверх волосами: характерный для всего средневековья прием изображения дьявольских существ. Ал-Гулы, и их мужская разновидность (кутруп), изображенная на квадратах, – один из трех классов джинов. Подчинение вредоносных духов воле человека составляло одну из проблем мусульманской оккультной науки средневековья, а один из

главных путей решения этой проблемы средневековым мистикам виделся в магических операциях с числами.

В астрологическом трактате такое изображение сочетается с зодиакальным знаком Рака. Все это показывает связь золотоордынских традиций начертания магического квадрата с астрологией и магией, поэтому можно утверждать, что квадраты исполняли роль магических оберегов, защищающих своих носителей от воздействия злых сил. По мировоззрению средневекового человека, от расстановки сакральных сил в клетках магического квадрата зависели его жизнь, здоровье и благополучие.

На территориях, входивших в состав Золотой Орды, традиции использования магического квадрата в бытовой магии сохранились в Средней Азии. На основе средневековых письменных источников и данных этнографии мы можем реконструировать практику использования магического квадрата золотоордынским населением. Квадраты заполнялись людьми, обученными магическим действиям – знахарями, шаманами, бахши. Изображения талисманов на стенках сосудов могло способствовать защите содержимого сосуда от порчи. Средневековые трактаты по магии советуют использовать квадраты для облегчения родов, для удачной выпечки хлеба, для вызывания дождя в засуху [Огудин, 2002. С. 75–77]. Они рекомендуют носить квадраты с собой как амулеты, зашивать их в одежду, даже проглатывать как лекарство. Квадраты № 4, 7 и 9 имеют отверстие или ушко для подвески.

Квадраты, начертанные на черепках керамических сосудов (а размещение квадрата в поле черепка не позволяет предполагать, что он был начерчен до того, как сосуд разбился), могли быть использованы также, как в традиции, зафиксированной этнографами в Европе – при начале значимых работ (постройка дома, засев поля) изображение магического квадрата закапывалось в землю.

Магические квадраты – это не единственные свидетельства распространения цифровой магии среди золотоордынского населения. Среди предметов, найденных на золотоордынских городищах, встречаются также магические таблицы округлой формы, заполненные рядами цифр (рис. 10). Такие же таблицы этнографически фиксируются в настоящее время в Средней Азии [Огудин, 2002. С. 74].

При создании золотоордынских магических квадратов использовались разнообразные материалы и техники: керамические сосуды и их фрагменты, литой и гравированный металл (серебро, медь, свинец, бронза). В средневековых трактатах среднеазиатского происхождения упоминаются квадраты, написанные на бумаге, а также – на панцирях черепах.

Учитывая, что находки магических квадратов происходят исключительно в культурных слоях городов, можно сделать вывод о существовании данной традиции только у оседлого населения.

На основании вышесказанного можно сделать следующие выводы.

Для нас принципиальными являются следующие положения:

– Практика использования магического квадрата сложилась на основе древней дальневосточной традиции. На первоначальном этапе в формировании участвовали и кочевые и оседлые народы. Эта традиция была трансформирована и развита на исламском востоке в эпоху средневековья.

– Все случаи находок магических квадратов на территории Золотой Орды относятся к городской (оседлой) культуре. Использование магических квадратов для различных целей фиксируется во всех крупных районах оседлости, за исключением Болгара.

– Судя по широте распространения, разнообразию материалов и техник, применяемых для изготовления магических квадратов, разнообразию форм бытования (амулеты, остраконы) такая традиция была устойчива, но она не была выработана непосредственно на золотоордынской территории. Источником попадания магического квадрата в золотоордынские города были страны мусульманского мира, где эта форма магии достоверно известна задолго до монгольского завоевания. Соответственно, в золотоордынских городах должны быть группы населения, влившиеся в число их жителей и принесшие с собой такую традицию.

На наш взгляд, районами заимствования могли быть Средняя Азия или (и) Закавказье, население которых вошло в состав улуса Джучи и активно участвовало в становлении золотоордынской городской культуры.

Литература:

- Барбаро Иосафат.* Путешествие в Тану // Каспийский транзит. ДИ-ДИК, 1996.
- Галкин Л.Л.* Перстни и амулеты с Селитренного городища // СА. 1972. № 3.
- Герасимова К.М.* Традиционные верования тибетцев в культовой системе ламаизма. Новосибирск, 1989.
- Гречкина Т.Ю.* Отчет об охранных научно-исследовательских работах на Самосдельском городище в Камызякском районе Астраханской области в 2000 г. // Архив АГОИАМЗ. Астрахань, 2001.
- Игнатенко А.А.* В поисках счастья. М., 1989.
- Лосев А.Ф.* История античной эстетики (ранняя классика). М., 1963.
- Настич В.Н.* Алматы – монетный двор XIII века. // Древности Поволжья и других регионов. Н. Новгород, 2000.
- Огудин В.Л.* Магия в бытовом исламе // ЭО. 2002. № 4.
- Парнов Е.* Трон Люцифера. Критические очерки магии и оккультизма. М., 1991.
- Полубояринова М.Д.* Знаки на золотоордынской керамике // Средневековые древности евразийских степей. М., 1980.
- Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. 1.
- Топоров В.Н.* Числа // Мифы народов мира. М., 1992.
- Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М., Егоров В.Л., Яблонский Л.Т., Паромов Я.М.* Отчет о раскопках Селитренного городища в 1979 г. // Архив ИА РАН № 8266.
- Федоров-Давыдов Г.А.* Астральный амулет из Царевского городища // Города Поволжья в средние века. М., 1974.
- Щеглов П.В.* Отраженные в небе мифы Земли. М., 1986.

9	9	~
μ	ε	v
λ	ι	φ

1

4	v	μ
ι	ο	9
λ	μ	μ

2

μ	v	
		μ

3

εv	φv	φ4
μ9	εο	4ι
εφ	εμ	φμ

4

4	9	2
3	5	7
8	1	6

6	7	2
1	5	9
8	3	4

12	1	8
3	7	11
6	13	2

57	47	46
39	50	61
54	53	43

ι9ι5	εμ	ι4ιι
ειι	9ιιι	φιι
ιιι	μιι	φ9ι

5

			ι
ι4	4	φ	
λ	ο	μ	ει

6

εφμ

φ	μ8	ι.	φι	ι4	φv	μ
μ9	ιι	φμ	ιv	φλ	μμ	8
ιμ	μ	ιλ	φ9	μφ	4	μ.
μv	ι9	φμ	μ8	v	μι	ιμ
μ.	φμ	μ4	ι	μμ	ιμ	μλ
φ8	μv	μ	μμ	λ	μ9	μι
μλ	μ	μμ	9	φ.	ι8	φ4

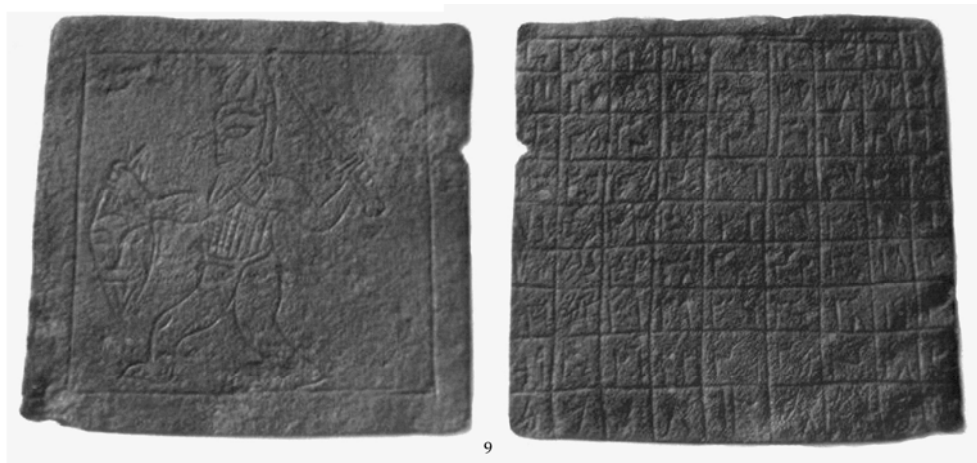
7

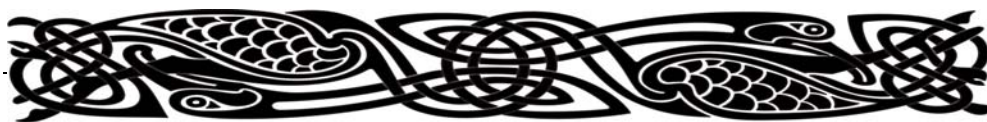
4	35	10	41	16	47	22
29	11	42	17	48	23	5
12	36	18	49	24	6	30
37	19	43	25	7	31	13
20	44	26	1	32	14	38
45	27	2	33	8	39	21
28	3	34	9	40	15	46

		ιιv	λh	ιvι
	εμ	ιμc	λp	ιλ
ιιι		ι	λd	ι.ö
	ιλ		λ4	φ
		ιιι	λv	μ
	ιιι		μλ	ι

8

ИСТОРИЯ НАУКИ

Волков В.А.

МУЗЕЙНО-АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПЕТРОВСКОГО ОБЩЕСТВА ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ АСТРАХАНСКОГО КРАЯ

Примерно к 1880 г. завершился важный этап в развитии русской археологии – этап первичного накопления материала и определения задач формирующейся отрасли знания. Период 1880–1890-х гг. характеризуется, прежде всего, разработкой и уточнением ее методов [Формозов, 1986. С. 68]. Важным обстоятельством является то, что в дореволюционный период в России самую большую группу специализированных научно-исторических обществ составляли именно археологические общества [Степанский, 1975. С. 49]. С конца XIX века, точнее с 1880-х гг., археологическая деятельность в Нижневолжском регионе осуществляется двумя крупными научными обществами: Саратовской ученой архивной комиссией и Петровским обществом исследователей Астраханского края (ПОИАК, 1872 г. – ?)¹.

Петровское общество исследователей Астраханского края было образовано 10 ноября 1872 г.² по инициативе преподавателя местной духовной семинарии Н.Ф. Леонтьева. По неустановленным причинам, в 1870-х гг. ПОИАК фактически бездействовало: было проведено лишь четыре собрания. 7 сентября 1886 г. деятельность Петровского общества была возобновлена [Отчет ПОИАК за время с 7 сентября 1886 г..., 1889. С. 7, 8]. В марте следующего года в рамках Общества были образованы две секции (отделения): историко-этнографическая и естественноисторическая [Отчет ПОИАК за время с 7 сентября 1886 г..., 1889. С. 9]. В состав первой из них, которая, собственно, и занялась проблемами археологии в крае, первоначально вошли: В.П. Быков, К.Н. Малиновский (преподаватель мужской гимназии), Н.П. Малешевский (и. д. инспектора реального училища), М.П. Розанов, Е.В. Воздвиженский, В.И. Склабинский, Н.Ф. Леонтьев (преподаватель духовной семинарии), Н.Г. Пальмов

¹ Конечная дата существования ПОИАК доподлинно не установлена. Общество осуществляло свою деятельность, как минимум, до середины 1920-х гг. Подробнее см.: Астрахань в кармане..., 1925. С. 1; Флейман, 1995. С. 100, 101.

² В этот день состоялось первое общее собрание учредителей Общества. Официальное открытие состоялось 4 октября 1874 года. См.: Отчет ПОИАК за время с 7 сентября 1886 г..., 1889. С. 1–4.

(законоучитель мужской гимназии, священник), А.В. Макаров и М.И. Рубцов (директор мужской гимназии) [Протоколы ПОИАК с 4 октября 1872 года..., 1888. С. 43].

В области археологического исследования губернии ПОИАК были поставлены достаточно широкие задачи. Прежде всего, это изучение уже известных к тому времени науке средневековых городищ (Царевское, Селитренное, Шареный бугор), а также многочисленных курганов [Малиновский, 1892. С. 1-17]. Для более успешного исследования предполагалось составление археологической карты края, «в которой были бы точно обозначены все замечательные урочища, остатки старинных сооружений, курганы, могилы и другие немые свидетели отдаленной древности» [Малиновский, 1892. С. 15].

Одним из важных видов деятельности Петровского общества исследователей Астраханского края было формирование собрания древностей. Как свидетельствуют источники, практически с момента своего открытия в 1874 г. ПОИАК начало постепенное накопление предметов для музея общества. В связи с нехваткой средств эти мероприятия носили ограниченный характер. Первоначально не было возможности приобрести значительное количество экспонатов. Вещи хранились у различных членов Общества и не представляли целостного собрания [Виноградский, 1908. С. 1]. Об этом обстоятельстве на заседании Общества в январе 1888 г. докладывал председатель естественно-исторической секции А.Ф. Коссовский. Он также отмечал, что вещи, хранящиеся у разных лиц, подвергаются порче, а потенциальные жертвователи не передают материалы из-за отсутствия специального помещения [Протоколы... ПОИАК. Протокол № 9 заседания совета..., 1888. С. 4, 5]. Не было и определенного места для заседаний секций. Затруднялось использование библиотеки. Все это негативным образом сказывалось на продуктивности работы Общества.

После своего повторного открытия, в сентябре 1886 г., ПОИАК начало разработку планов по созданию собственного музея. Предполагалось, что он будет состоять из трех отделений: естественноисторического, историко-этнографического и промышленного [Отчет ПОИАК за время с 7 сентября 1886 г..., 1889. С. 14, 15]. Видимо, члены Общества практически с самого начала были настроены на создание обширного музея краеведческой направленности. По замыслу он должен был отражать все страницы истории Астраханской губернии и прилегающих к ней территорий.

В конце 1888 г. Петровскому обществу были пожертвованы разнообразные коллекции от Астраханского губернского статистического комитета (ГСК), имевшего собственный Публичный музей. Возникла необходимость их размещения. После ходатайства ПОИАК перед Городским управлением музею и библиотеке Общества было выделено небольшое отдельное помещение в доме, принадлежавшем городу. На его обслуживание, включающее содержание дворника и плату за отопление, субсидировали сумму в размере 180 руб. [Виноградский, 1908. С. 1; Уварова, 1891. С. 268]. Это помещение, находящееся на втором этаже дома на Почтовой улице, Совет ПОИАК принял от Городского общества в январе 1889 года. Оно состояло из трех небольших комнат, кухни и прихожей. В зале проводились заседания Совета, здесь же располагалась большая часть коллекций Общества. Вторая комната также

была занята коллекциями, а третья служила библиотекой [Отчет о деятельности ПОИАК за 1889 год..., 1991. С. 4, 5]. Принятые от Астраханского ГСК материалы составили основу музейных коллекций Петровского общества. Было передано такое большое количество предметов, что музей просто не мог вместить их физически. Для этого необходимо было отдельное, гораздо более просторное помещение.

Одним из источников пополнения фондов музея Общества были экскурсии. В 1888 г. обе его секции ходатайствовали о выделении необходимых средств на летние поездки. 14 мая общее собрание ассигновало каждой из них по 150 руб. Предполагалось, что сотрудники будут осуществлять наблюдения за известными памятниками истории и собирать археологические коллекции. Член историко-этнографической секции Н.Ф. Леонтьев указал перспективные пункты исследования - «урочище Атель» (Шареный бугор) и городища Царевское и Селитренное [Отчет ПОИАК за 1888 год..., 1890. С. 5, 6]. Эти три золотоордынских городища были известны сотрудникам ПОИАК уже в конце XIX в. и представляли безусловный интерес для исследования. В том же году Н.Ф. Леонтьевым была составлена программа для собирания археологических, нумизматических, исторических и этнографических сведений по Астраханскому краю. Она распространялась по губернии путем рассылки и печати в местных периодических изданиях. В следующем году К.Н. Малиновский и Н.Ф. Леонтьев придали программе вид вопросника, который был издан в размере 500 экземпляров и распространен преимущественно в сельской местности. Целью рассылки был сбор сведений для представления на Казанскую научно-промышленную выставку. В перспективе предполагалось подробное и всестороннее описание истории Астраханского края. К началу 1890 г. были получены необходимые сведения из трех уездов [Отчет о деятельности ПОИАК за 1889 год..., 1891. С. 11]. На этих примерах можно видеть, как тесно переплетались музейная и археологическая деятельность Общества. Полевые исследования, включавшие описание состояния памятников и сбор подъемного материала (разведки) и выявление данных для археологической карты губернии, становились основополагающими в формировании отдела древней истории будущего музея.

В 1889 г. ПОИАК было предложено принять участие в Казанской научно-промышленной выставке. Инициатором выступил председатель Астраханского выставочного комитета, губернатор князь Л.Д. Вяземский. Речь шла о представлении древностей и старины Астраханской губернии в естественноисторическом и этнографическом отделах выставки. Для участия в мероприятии комитетом было выделено пособие в размере 900 руб. [Виноградский, 1908. С. 1; Отчет о деятельности ПОИАК за 1890 год..., 1891. С. 3, 4]. Общество предполагало принять участие экспонированием гербариев астраханской флоры, коллекций насекомых, пресмыкающихся, минералов и других объектов естественной истории края. Также было задумано представить описания по истории, этнографии, археологии и промышленности губернии. Кроме того, предполагалось экспонировать печатные и рукописные труды Общества [Отчет о деятельности ПОИАК за 1889 год..., 1891. С. 11, 12].

Естественноисторическая и историко-этнографическая секции разработали специальные программы для сбора материалов на выставку. Под руководством В.А. Хлебникова с этой целью были проведены две зоологические

экскурсии, во время которых составлялись коллекции птиц и пресмыкающихся. А.В. Сергеев во время поездок по Северному Прикаспию также составил коллекцию птиц. Собирал он и коллекцию насекомых, обитающих в окрестностях Астрахани. Профессор ботаники Томского университета С.И. Коржинский, являвшийся уроженцем Астрахани и почетным членом Общества, преподнес в дар полный гербарий растений дельты Волги. Труд собирался много лет, состоял из трех томов и включал в себя около 500 экземпляров местной флоры. От историко-этнографической секции на выставку были отправлены имевшиеся в распоряжении Общества археологические и нумизматические коллекции, а также фотоальбом. Экспонаты, представленные от ПОИАК, состояли из семи отделов: книжного, археологического, историко-этнографического, зоологического, ботанического, почвенно-геологического и промышленного. Археологические материалы включали предметы и монеты, обнаруженные на Селитренном и Царевском городищах, а также на Шареном бугре. Вниманию посетителей выставки аналогичным образом были предложены находки из других мест губернии и калмыцкой степи: некоторые виды оружия, наконечники бронзовых стрел, медный котел, каменные орудия и керамические обломки [Отчет о деятельности ПОИАК за 1890 год..., 1891. С. 4–8]. Археологический отдел Общества выглядел довольно представительно.

Благодаря усиленным трудам В.А. Хлебникова, В.М. Гаркемы и их сподвижников, коллекции музея были достойно представлены на выставке, за участие в которой ПОИАК наградили двумя почетными дипломами [Виноградский, 1908. С. 1]. Первая награда была присуждена Обществу «за альбом историко-этнографических фотографий, коллекции монет и разных археологических предметов», вторая – «за зоологическую коллекцию». Делегированный от ПОИАК В.А. Хлебников, проработавший на выставке в течение двух месяцев, получил почетный приз – «серебряную медаль». Похвальным отзывом за собранную ботаническую коллекцию был награжден ученик реального училища А. Смирнов [Отчет о деятельности ПОИАК за 1890 год..., 1891. С. 9]. Участие в Казанской научно-промышленной выставке было важной вехой в развитии музея Петровского общества. О его достижениях писали столичные и провинциальные газеты, положительные отзывы оставили видные ученые. Фактически после выставки музей ПОИАК приобрел тот статус, который имел и в последующие годы.

Ввиду катастрофической нехватки площадей для нормального функционирования музея Общество предпринимало многочисленные попытки по их расширению. В.А. Хлебников предложил открыть музей, совместный с научно-промышленным, который проектировался Городским управлением с 1884 года, и эта инициатива была принята. Вскоре были составлены проект и устав соединенного музея [Отчет о деятельности ПОИАК за 1889 год..., 1891. С. 7–9]. Решившись на его создание, Общество рассчитывало на предоставление городом необходимого по величине помещения и соответствующей субсидии. Тем самым должны были решиться две насущные проблемы музейщиков – размещение экспонатов и источник финансирования организационных и научных работ.

По возвращении коллекций с Казанской выставки Общество сочло возможным поставить вопрос о выделении для его музея более просторного по-

мещения. С разрешения городского головы В.М. Лазаревского для него были предоставлены свободные комнаты при городском училище в доме Сергеева у Татарского моста [Виноградский, 1908. С. 2]. Привезенные из Казани предметы были отправлены в это новое помещение, предназначенное для городского музея. Из членов Общества была избрана комиссия, занявшаяся разбором, классификацией, описанием и размещением экспонатов. В ее состав вошли В.А. Хлебников, П.М. Никольский, Н.Д. Пацукевич, А.Г. Алексеев, Н.А. Мартемьянов и К.Н. Малиновский. Позже в комиссию дополнительно были избраны А.М. Люцернов, В.М. Гаркема и М.Т. Шалевич. На отпущенные советом Общества средства были приобретены шкафы, витрины, рамы, реставрированы некоторые вещи. Работа осуществлялась с середины октября до конца декабря. А.Г. Алексеев занимался устройством «соляного» отдела, М.Т. Шалевич взял рыбный и судоходный, Н.Д. Пацукевич – отдел археологии и нумизматики, а П.М. Никольский и В.А. Хлебников разбирали все остальные отделы [Никольский, 1891. С. 45, 46]. 27 октября 1890 г. последовало постановление Городского общественного управления о принятии в городской музей коллекций ПОИАК. Это не совсем отвечало требованиям Общества, которое выступало за соединение двух музеев на равных правах. Согласно постановлению, от ПОИАК в состав правления музея должны были входить три лица – председатель и двое других членов [Отчет о деятельности ПОИАК за 1890 год..., 1891. С. 9–13]. Сотрудники Петровского общества приложили массу усилий для организации публичного музея краеведческого профиля. После проведенных перемещений и реорганизаций он стал открытым для многочисленных посетителей – как жителей губернии, так и многочисленных гостей-туристов.

Со 2 декабря 1890 г. музей был открыт для населения. Только за один этот день, пришедшийся на праздник, его посетило около 200 человек. В следующие дни их число колебалось от 400 до 100 [Никольский, 1891. С. 46], в зависимости от того, был день праздничным, или будним. В фондах музея были собраны редчайшие коллекции. В них были объединены материалы ПОИАК, коллекции, предназначавшиеся для городского музея, и предметы, которые предоставляли различные учреждения и частные лица на Казанскую выставку 1891 года [Штылько, 1896. С. 76–78]. Всего значилось около 5 тыс. экспонатов. Видимо, такое богатство собраний, необычность подобных учреждений для провинциальной глубинки и привлекали большое число посетителей. Необходимо также отметить, что с началом публичной деятельности музея резко увеличилось число пожертвований. В основном это были образцы местной фауны. Доставлялись также археологические и нумизматические материалы. И.В. Климов подарил глиняный сосуд, найденный на Шареном бугре, А.П. Блохин передал 700 серебряных монет общим весом более фунта [Никольский, 1891. С. 46].

В новое и гораздо более просторное помещение в доме Сергеева на Александровском бульваре музей и библиотека Общества переехали в июне 1892 г. За плату в 800 руб. в год снималась 12-комнатная квартира. П.М. Никольский в своем докладе Общему собранию ПОИАК отметил сразу три положительные стороны переезда: обширность помещения, расположение в центре города и доступная цена аренды [Никольский, 1908а. С. 11]. На его содержание ПОИАК получило от городской думы 1600 руб., но этого ока-

залось недостаточно, и Общество просило на будущий год субсидию уже в размере 2 тыс. руб. [Никольский, 1908а. С. 13]. Дума полностью удовлетворила ходатайство [Никольский, 1908б. С. 11].

После составления устава и подачи соответствующих прошений, Астраханская городская дума в ходе заседания 25 февраля 1893 г. ассигновала на содержание музея ежегодную субсидию в размере 2 тыс. руб. Она же, совместно с членами Петровского общества, избрала комиссию по заведыванию музеем. От Общества в нее вошли председатель В.Н. Виноградский, П.М. Никольский и К.Н. Малиновский. Являвшийся по профессии натуралистом П.М. Никольский был назначен казначеем и заведующим музеем. От города были делегированы городской голова В.М. Лазаревский, Н.К. Фонов, М.Г. Голубев, А.Н. Сергеев и А.П. Далингер [Виноградский, 1908. С. 2]. С 30 мая музей существовал уже официально [Отчет ПОИАК за 1893 год..., 1894. С. 10]. Служащие Петровского музея получали зарплату, премии и обмундирование из средств, выделяемых Городским управлением на его содержание. Некоторые суммы тратились на плату за помещение (800 руб. в 1896 г.), освещение, отопление, приобретение необходимого оборудования и консервирующих веществ, канцелярские расходы. Например, в 1896 г. на общее содержание музея была затрачена сумма в 3551 руб. 95 коп. [Отчет ПОИАК за 1896 год..., 1898. С. 14], а через два года – уже 3992 руб. 15 коп. [Отчет ПОИАК за 1898 год..., 1903. С. 33]. При том что субсидия Городского управления составляла всего 2 тыс. руб., остальные средства ПОИАК изыскивало самостоятельно, частью, видимо, из пожертвований и членских взносов.

5 марта 1897 г. товарищ министра внутренних дел утвердил устав Астраханского Петровского музея (далее – АПМ), выработанный еще тремя годами ранее советом Общества совместно с комиссией. Согласно уставу, музеем должно было руководить правление, состоящее из представителей Астраханского городского общественного управления и членов ПОИАК [Отчет ПОИАК за 1897 год..., 1899. С. 8]. Оно было избрано и одобрено местной городской думой в 1898 г. Первоначально в его состав вошли М.Г. Голубев, Х.Н. Сергеев, С.П. Серебряков, Г.С. Лионозов. Последний отказался от предложения, и вместо него был выбран П.М. Никольский [Виноградский, 1908. С. 2]. Было утверждено название «Астраханский Петровский музей». Оно обозначало исторически памятное для города событие – посещение его императором Петром I в 1722 году. Согласно уставу музея, его целью был сбор «коллекций и материалов для ознакомления с Астраханским краем в его настоящем и прошедшем, как то: с историей и этнографией, с климатическими и естественноисторическими особенностями, с его промышленностью, торговлей и естественными богатствами». При нем должны были находиться лаборатория для реставрации экспонатов, библиотека и хранилище. Предполагалось наличие четырех крупных отделов, таких, как историко-этнографический, естественноисторический, промышленно-технический и наглядно-педагогический [Устав АПМ, 1899. С. 57–59]. Первый из них состоял из предметов, относящихся к истории, этнографии, археологии и нумизматике края. Педагогический отдел, предназначенный для ознакомления населения с состоянием народного образования и последними методическими разработками в этой сфере, долгое время не удавалось создать из-за нехватки средств.

За два первых месяца работы, с 26 декабря 1890 г. по 1 марта 1891 г., музей посетило 3519 человек [Никольский, 1891. С. 46]. За весь 1891 г. цифра выросла до 8273, без учета учащихся [Отчет по музею за 1891 год..., 1908. С. 9]. Они никогда не включались в общие годовые подсчеты, потому что многие из них приходили по несколько раз. Из-за переезда и бушевавшей в губернии эпидемии во второй половине 1892 г. музей был открыт лишь со 2 августа по 15 ноября. Но и за столь небольшой промежуток времени здесь побывало 930 человек [Никольский, 1908а. С. 13]. Всего же за год его посетило 4113 гостей и, как отмечал хранитель, большая их часть (до 80%) была абсолютно безграмотна [Никольский, 1908 г. С. 18]. Здесь они могли получить хотя бы элементарные знания о своем крае и его истории. Известен и график работы Петровского музея. В 1893 году он был открыт уже в течение 305 дней. Прием посетителей осуществлялся с 11 до 14 часов. За этот год их общее число достигло 10 тысяч, большая часть (6,5 тыс.) приходила в праздничные и воскресные дни [Никольский, 1908б. С. 13]. Основной контингент состоял из учащихся и взрослых мужчин. Некоторые из них приходили по несколько раз. Доля посетителей женского пола среди взрослых составляла не более четверти. Видимо, это зависело от традиции различной социальной активности полов в русском обществе. На деле, зачастую, посетителей было гораздо больше, чем читывалось в записной книге. Например, туристы могли осмотреть музей и в неприятный день, по договоренности с сотрудниками. В следующем, 1894 году, при том же графике работы, количество взрослых посетителей выросло до 12 тысяч, из них 8 тыс. прибывало по праздникам, то есть, по 200 человек в день. Большей популярностью музей пользовался в летнее время года [Никольский, 1908в. С. 16]. П.М. Никольский совершенно справедливо отмечал: «... Музей имеет благотворное нравственное влияние: в несколько часов посетитель представляет себе довольно верную картину о нашем крае. Это тысячи народа выходят из музея с некоторыми знаниями, которых не имели ранее и служащих в семьях темой разговора о том, что пришлось им видеть и узнать из объяснений при обзоре коллекций» [Никольский, 1908в. С. 17].

С каждым годом число посетителей увеличивалось³. Большая часть (около 10 тыс.), как и ранее, приходила по праздничным дням. Петровский музей взял на себя важные образовательные функции. По замечанию его заведующего П.М. Никольского, он являлся одним из самых видных образовательных учреждений: «Благодаря музею эта темная масса имеет возможность хотя бы немного расширить свой кругозор, и таким образом музей повышает умственный уровень населения» [Никольский, 1908д. С. 21]. Традиционно большое число посетителей составляли воспитанники учебных заведений. Обычно, данные о них не включались в итоговую годовую отчетность Общества. Но все же известно, что в 1896 г. в музее побывало около 5 тыс. учащихся [Никольский, 1908д. С. 22], то есть более четверти от общего числа посетителей. Следовательно, общая численность посетителей за этот год возрастает до 18 тыс. человек. Будничные и праздничные дни резко отличались. В будни музей могли посещать люди, располагавшие свободным временем, не занятые службой, – по праздникам ходили лица, задействованные на работе в

³ Информацию о ежегодной численности посетителей музея ПОИАК см. в приложении.

будни. Но и среди тех, кто являлся лишь в свободные дни, выделялись две противоположные группы. Самая многочисленная – это безграмотное население губернии. Следующая группа – это служащие. В связи с большой занятостью они имели мало возможности расширить свой кругозор путем чтения книг [Никольский, 1908д. С. 21]. Петровский музей успешно осуществлял функцию повышения образовательного уровня населения.

Музей посещали не только жители города и многочисленные учащиеся. Интерес к астраханским древностям проявляли и многочисленные туристы, путешествовавшие по Волге. Например, в 1897 г. музей удостоили вниманием гости из Японии и Африки, а также европейские и американские участники геологического конгресса. Туристы составляли значительный контингент посетителей музея, и сокращение или увеличение их количества происходило по объективным причинам. Когда в 1897 г., из-за необыкновенного мелководья на Волге, возникли проблемы с судоходством, число посетителей Петровского музея сократилось на 1 тысячу [Никольский, 1908е. С. 24]. Но уже в следующем году им было принято 13,5 тыс. гостей, что было на 1650 человек больше, чем в прошлом. Видимо, сказалось и то, что прием осуществлялся уже в течение 320 дней [Никольский, 1908ж. С. 25].

В 1891 году в фондах музея, без учета монет, находилось 5196 предметов. [Отчет по музею за 1891 год..., 1908. С. 10]. В следующем году их число выросло до 6 тысяч. В основном рост происходил за счет частных пожертвований. Большое число находок в 1893–1894 гг. поступило от сотрудника Императорской археологической комиссии (ИАК) А.А. Спицына, исследовавшего ряд археологических памятников губернии (Шареный бугор, Селитренное городище и т. д.). От ИАК в виде дара было передано около 400 монет золотоордынского времени [Никольский, 1908б. С. 14]. К концу 1894 г. число экспонатов достигло уже 7 тыс. [Никольский, 1908в. С. 17]. В археологическом отделе были собраны обширные коллекции золотоордынских и русских монет, находки с Царевского и Селитренного городищ, карты и планы городов, церковные древности [Штылько, 1896. С. 78]. Увеличение количества единиц хранения привело к тому, что некогда казавшееся просторным здание становилось тесным и малоприспособленным. Это обстоятельство было отмечено в отчете хранителя музея П.М. Никольского за 1898 г. [Никольский, 1908ж. С. 26]. В следующем году, по просьбе ПОИАК, городская дума рассмотрела вопрос о постройке нового музейного здания и дала разрешение на миллионный заем [Отчет по заведыванию музеем... за 1899 год..., 1908. С. 28].

14 января 1901 г. скончался хранитель Петровского музея П.М. Никольский, приложивший массу усилий по организации этого богатейшего хранилища древностей. Руководство было возложено на помощника хранителя П.М. Новикова. Приступив к новым обязанностям, он, прежде всего, начал составление инвентарной описи [Отчет АПМ за 1901 год..., 1908. С. 3, 4].

По проекту П.С. Кравченко была проведена перепланировка музея. Он наметил следующие отделы и их составляющие: историко-археологический, этнографический (калмыцкий и киргизский), естественноисторический (зоологический, ботанический, минералогический), промышленно-технический (соляное дело, земледелие, скотоводство, садоводство и специальные культуры, кустарный и фабрично-заводской), рыбопромышленный и судоходной [От-

чет АПМ за 1902 год..., 1908. С. 6]. В 1902 г. помещение музея было увеличено на 4 комнаты, что дало возможность разместить коллекции более наглядно. Был расширен рыбопромышленный отдел, под который была отведена отдельная большая галерея более наглядно. Была приобретена новая мебель, отремонтирована старая [Отчет ПОИАК за 1902 год..., б. г. С. 11]. Весь музей состоял теперь из 16 комнат и большой стеклянной галереи: из них 10 комнат и галерея были отведены под экспонаты, по две комнаты под библиотеку, лабораторию и помещение для служебного персонала. Из-за этих перестановок музей вынужден был целый месяц не принимать посетителей. При этом их число достигло за год 12232 человек [Отчет АПМ за 1902 год..., 1908. С. 8]. Реконструкция музея и наплыв туристов резко увеличили количество посетителей. В 1903 году их число достигло рекордной, с момента основания, величины в 15276 человек [отчет АПМ за 1903 год..., 1908. С. 10]. Помогала музейщикам и Астраханская городская дума, увеличившая ассигнование до 2360 руб. в год [Сведения о денежных средствах Петровского музея..., 1908. С. 16]. По подсчетам, за 15 лет существования Петровского музея (с 1891 по 1905 гг.) его посетило около 170 тыс. человек [Отчет ПОИАК за 1905 год..., 1910. С. 4]. Если к этому значению прибавить имеющиеся данные 1906-1907 гг. [Ежегодник АПМ... за 1906 год..., б. г. С. 5; Ежегодник АПМ... за 1907 год..., б. г. С. 5, 7], сумма возрастает до 196,5 тыс. за 17 лет.

11 ноября 1903 г. П.М. Новиков стал хранителем музея [Отчет АПМ за 1903 год..., 1908. С. 9]. По имеющимся данным, он занимал эту должность как минимум до 1905 г. включительно [Отчет ПОИАК за 1905 год..., 1910. С. 4]. Он давал объяснения и проводил экскурсии для посетителей. Для удобства работы был создан картонный каталог вещей музея. С целью пополнения коллекций осуществлялись археологические экскурсии. Например, на Селитренном городище были собраны различные украшения, остатки глиняных и других золотоордынских изделий [Отчет АПМ за 1904 год..., 1908. С. 13, 14].

В историко-этнографическом отделе выставлялись нумизматические находки с Шареного бугра и Селитренного городища в сопровождении соответствующих описаний ИАК. К ним прилагался план Шареного бугра, составленный И.И. Розенфельдом, с пояснительным текстом И.А. Житецкого [Отчет АПМ за 1902 год..., 1908. С. 7]. Некоторые археологические материалы поступили в музей в 1903 г. от С.С. Краснодубровского, бывшего члена Саратовской и Симбирской ГУАК. Перебравшись в Астрахань, он стал преподавателем местной мужской гимназии. В состав Петровского общества его избрали 7 февраля 1903 года [Отчет ПОИАК за 1903 год..., 1909. С. 22]. В сентябре, в районе с. Сеитовки Красноярского района, на левом берегу р. Ахтубы, им было исследовано не известное ранее золотоордынское городище. Находки, включавшие около 20 серебряных и медных монет, обломки керамики и кирпича, различные металлические предметы, были сданы в музей [Отчет ПОИАК за 1903 год..., 1909. С. 8, 9; Краснодубровский, 1904. С. 1].

Отделу археологии в Петровском музее и библиотеке ПОИАК посвящена брошюра С.С. Краснодубровского. Он описал состояние музея в очень критических тонах. Особо он остановился на археологических материалах, которые уже много лет находились в сфере его интересов. По словам Степана Семеновича, весь археологический отдел музея находился в темной, не имевшей окон, передней. В расположении коллекций отсутствуют какие-

либо логические схемы. Материалы поздних периодов зачастую предшествуют более ранним. Антропологические и археологические материалы в витринах смешаны. Нет порядка и в нумизматических коллекциях. Особо он отметил бедность палеонтологического, геологического, археологического и нумизматического отделов, а также отсутствие каталога музея. С.С. Краснодубровский писал о необходимости ежегодных ассигнований историко-этнографической секции на археологические экспедиции с целью пополнения музейных фондов [Краснодубровский, 1902. С. 4, 8, 9]. Видимо, с частью критических замечаний С.С. Краснодубровского можно согласиться. При этом не стоит забывать, что и ПОИАК создавалось не как историко-археологическое общество. Оно формировалось и осуществляло деятельность как объединение краеведов. ПОИАК проводило исследования по различным научным направлениям. Археологические изыскания были лишь одним из многих видов его деятельности. В этом одно из отличий Петровского общества от других поволжских научных объединений, например, Симбирской и Саратовской ГУАК. В них археологическое изучение древней истории края было одним из важнейших направлений. Научно-исследовательские интересы провинциальных научных обществ достаточно точно отражались в комплектовании их музеев, архивов и библиотек.

Известно мнение, противоположное точке зрения С.С. Краснодубровского. Астраханский Петровский музей удостаивали своим посещением и высокие гости. В 1905 г. с визитом был профессор Бернского (Швейцария) университета, специалист по географии и этнографии, Г.Г. Бруннгофер. Он был удивлен богатством и разнообразием коллекций. По мнению профессора, Петровский музей занимал ведущее место среди других поволжских хранилищ древности и преуспел значительно больше, чем Самарский, Симбирский и Саратовский. Отметил он и минусы работы музея. Это, прежде всего, отсутствие печатного каталога, замененного в работе рукописным, что было существенной помехой в придании ему широкой известности среди других научных учреждений [Отчет АПМ за 1905 год..., 1908. С. 15]. Проблему отсутствия каталога музея отмечал и С.С. Краснодубровский. Это, действительно, было досадной и серьезной помехой в музейной работе. Вообще, у ПОИАК были достаточно серьезные проблемы с публикацией печатных изданий. Видимо, это стоит связывать с нехваткой материальных средств.

Последний опубликованный ежегодник Петровского музея содержал информацию за 1907 год. Время его выпуска неизвестно. После 1910 года перестали издаваться и отчеты Общества. Причем, последний из них включал материалы лишь за 1905 год. В архивном фонде ПОИАК также отсутствует информация о дальнейшей музейной деятельности. Имеющиеся источники позволяют лишь незначительно восполнить пробел. Из газет известно, что в 1910 г. в музее имелось шесть отделов: 1) сельскохозяйственный, 2) рыболовный и судоходный, 3) этнографический, 4) соляной, 5) археологический и 6) зоологический, а сам он располагался на частной квартире [Астраханские губернские ведомости. 1910. № 158]. В Петровский музей продолжали поступать археологические находки. В марте этого года в него были переданы материалы, обнаруженные в Приморском округе киргизской степи – печать Сасанидского времени с вырезанной на ней фигурой и детали конской уп-

ряжи [Астраханские губернские ведомости. 1912. № 32], а в мае – «медная ваза» из Царевского уезда [Астраханский листок. 1912. № 185]. В 1913 г. вышел каталог Астраханского Петровского музея по соляному отделу [Каталог АПМ. Соляной отдел..., 1913]. Некоторые данные о ПОИАК и музее представлены в ежегодном издании «Памятная книжка Астраханской губернии». В справочниках с 1908 по 1912 гг. значится, что он располагался в здании на Александровском бульваре (дом Сергеева), был открыт во все дни, кроме понедельника. Прием осуществлялся, как и раньше, с 11 до 14 часов. Вход был бесплатный [Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1908 год..., 1908. С. 100, 179; Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1909 год..., 1909. С. 100, 138; Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1910 год..., 1910. С. 108, 144; Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1911 год..., 1911. С. 112; Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1912 год..., 1912. С. 145]. В изданиях за 1913-1915 гг. изменился только адрес музея. Теперь он значился как дом городского общества [Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1913 год..., 1913. С. 148; Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1914 год..., 1914. С. 170; Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1915 год..., 1915. С. 137]. По данным за 1915 г., в правление Петровского музея от ПОИАК входили В.А. Хлебников (председатель Общества), Г.И. Лакин и Н.Л. Сахаров. Библиотекарем и казначеем значился член совета Общества П.М. Новиков [Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1915 год..., 1915. С. 113, 114]. Данным «Памятных книжек» противоречат материалы изданного в 1967 г. путеводителя по Астрахани и области. По данным его составителей, новое здание было предоставлено музеем в 1911 г., после завершения его строительства по проекту городской думы. Музеем выделили левое крыло нового дома. В этом здании он находится и в настоящее время. С приходом к власти большевиков Астраханский Петровский музей был реорганизован в краеведческий естественно-географического профиля [Путеводитель по Астрахани и области..., 1967. С. 75, 76; Викторин В.М., Виноградов С.Н., Воронов С.К. и др., 2000. С. 1122].

Специфика научной деятельности Петровского общества исследователей Астраханского края предопределила характерные черты музейного строительства. В Астрахани музей фактически формировался как городское публичное заведение. Помещение было выделено городскими властями, они же, в значительной степени, обеспечивали финансирование. Управление осуществляла объединенная комиссия представителей местной власти и членов научного Общества. Безусловно, важную роль в работе музея играли члены ПОИАК. Именно им принадлежит заслуга его образования и обустройства. Они формировали его фонды, проводили прием посетителей, выстраивали экспозиции и составляли отчетную документацию. Особо необходимо выделить важную образовательную функцию музея. Самые широкие слои населения могли повысить свой интеллектуальный уровень, получить хотя бы элементарные знания по истории и современности родного края. Музейная работа Общества была непосредственно связана с его археологиче-

ской деятельностью. Фонды пополнялись за счет многочисленных пожертвований и некоторых личных исследований сотрудников и приглашенных столичных археологов. С самого начала музей сформировался как краеведческий. Были собраны редчайшие нумизматические, археологические, этнографические, ботанические, геологические и другие коллекции, которые ныне хранятся в фондах Астраханского краеведческого музея, являющегося составной частью Астраханского государственного объединенного историко-архитектурного музея-заповедника.

Литература:

- Астраханские губернские ведомости. 1910. № 158.
 Астраханские губернские ведомости. 1912. № 32.
 Астраханский листок. 1912. № 185.
 Астрахань в кармане: иллюстрированный альманах-ежегодник. Астрахань, 1925.
 Викторин В.М., Виноградов С.Н., Воронов С.К. и др. История Астраханского края. Астрахань, 2000.
 Виноградский В.Н. Краткий исторический ход основания Астраханского Петровского музея // Ежегодник Астраханского Петровского музея. Отчеты за 1891–1900 годы. Астрахань, 1908а.
 Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1908 год. Астрахань, 1908.
 Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1909 год. Астрахань, 1909.
 Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1910 год. Астрахань, 1910.
 Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1911 год. Астрахань, 1911.
 Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1912 год. Астрахань, 1912.
 Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1913 год. Астрахань, 1913.
 Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1914 год. Астрахань, 1914.
 Вся Астрахань и весь Астраханский край. Памятная книжка Астраханской губернии на 1915 год. Астрахань, 1915.
 Ежегодник Астраханского Петровского музея. Отчет за 1906 год. Астрахань, б. г.
 Ежегодник Астраханского Петровского музея. Отчет за 1907 год. Астрахань, б. г.
 Каталог Астраханского Петровского музея. Соляной отдел. Астрахань, 1913.
 Краснодубровский С.С. В защиту старины: (открытое письмо правлению общества Рязано-Уральской железной дороги). Астрахань, 1904.
 Краснодубровский С.С. Отделы археологии и истории в музее и библиотеке Петровского общества исследователей Астраханского края. Астрахань, 1902.

Малиновский К.Н. О задачах деятельности Петровского общества исследователей Астраханского края // Сб. тр. членов ПОИАК. Астрахань, 1892.

Никольский П.М. Доклад о состоянии музея в память пребывания в Астрахани императора Петра Великого // Ежегодник АПМ: отчеты за 1891-1900 годы. Астрахань, 1908а.

Никольский П.М. Отчет по заведыванию музеем в память пребывания в Астрахани императора Петра Великого за 1893 год // Ежегодник АПМ: отчеты за 1891-1900 годы. Астрахань, 1908б.

Никольский П.М. Отчет по заведыванию музеем в память пребывания в Астрахани императора Петра Великого за 1894 год // Ежегодник АПМ: отчеты за 1891-1900 годы. Астрахань, 1908в.

Никольский П.М. Отчет по заведыванию музеем в память пребывания в Астрахани императора Петра Великого за 1895 год // Ежегодник АПМ: отчеты за 1891-1900 годы. Астрахань, 1908г.

Никольский П.М. Отчет по заведыванию музеем в память пребывания в Астрахани императора Петра Великого за 1896 год // Ежегодник АПМ: отчеты за 1891-1900 годы. Астрахань, 1908д.

Никольский П.М. Отчет по заведыванию музеем в память пребывания в Астрахани императора Петра Великого за 1897 год // Ежегодник АПМ: отчеты за 1891-1900 годы. Астрахань, 1908е.

Никольский П.М. Отчет по заведыванию музеем в память пребывания в Астрахани императора Петра Великого за 1898 год // Ежегодник АПМ: отчеты за 1891-1900 годы. Астрахань, 1908ж.

Никольский П.М. Отчет по устройству музея // Отчет о деятельности ПОИАК за 1890 год. Астрахань, 1891.

Отчет Астраханского Петровского музея за 1901 год // Ежегодник АПМ: отчеты за 1901-1905 годы. Астрахань, 1908.

Отчет Астраханского Петровского музея за 1902 год // Ежегодник АПМ: отчеты за 1901-1905 годы. Астрахань, 1908.

Отчет Астраханского Петровского музея за 1903 год // Ежегодник АПМ: отчеты за 1901-1905 годы. Астрахань, 1908.

Отчет Астраханского Петровского музея за 1904 год // Ежегодник АПМ: отчеты за 1901-1905 годы. Астрахань, 1908.

Отчет Астраханского Петровского музея за 1905 год // Ежегодник АПМ: отчеты за 1901-1905 годы. Астрахань, 1908.

Отчет о деятельности Петровского общества исследователей Астраханского края за 1889 год. Астрахань, 1891.

Отчет о деятельности Петровского общества исследователей Астраханского края за 1890 год. Астрахань, 1891.

Отчет по заведыванию музеем в память пребывания в Астрахани императора Петра Великого за 1899 год // Ежегодник АПМ: отчеты за 1891-1900 годы. Астрахань, 1908.

Отчет по музею за 1891 год // Ежегодник АПМ: отчеты за 1891-1900 годы. Астрахань, 1908.

Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1888 год. Астрахань, 1890.

Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1893 год. Астрахань, 1894.

- Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1896 год, с приложением рефератов, читанных в заседаниях общества. Астрахань, 1898.
- Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1897 год. Астрахань, 1899.
- Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1898 год. Астрахань, 1903.
- Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1902 год. Астрахань, б. г.
- Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1903 год. Астрахань, 1909.
- Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за 1905 год. Астрахань, 1910.
- Отчет Петровского общества исследователей Астраханского края за время с 7 сентября 1886 года по 31 декабря 1887 года. Астрахань, 1889.
- Протоколы общих собраний и собраний совета Петровского общества исследователей Астраханского края: протокол №9 заседания совета, от 6 февраля // Протоколы ПОИАК за январь-апрель 1888 года. Астрахань, 1888.
- Протоколы Петровского общества исследователей Астраханского края с 4 октября 1872 года по 31 декабря 1887 года, с приложениями. Астрахань, 1888.
- Путеводитель по Астрахани и области. Волгоград, 1967.
- Сведения о денежных средствах Петровского музея // Ежегодник АПМ: отчеты за 1901-1905 годы. Астрахань, 1908.
- Степанский А.Д. К истории научно-исторических обществ в дореволюционной России // Археографический ежегодник за 1974 год. М., 1975.
- Уварова П.С. Областные музеи // Труды VII Археологического съезда в Ярославле. 1887. М., 1891.
- Устав Астраханского Петровского музея // Отчет ПОИАК за 1897 год. Астрахань, 1899.
- Флейман Е.А. Краеведение в Поволжье. Кострома, 1995.
- Формозов А.А. Страницы истории русской археологии. М., 1986.
- Штылько А. Иллюстрированная Астрахань. Саратов, 1896.

Приложение:

Таблица посещений музея ПОИАК*

Год	по буд-ним дням	по выход-ным дням	учащиеся	посетители		общее число посетителей**	Примечание по работе музея
				мужчины	женщины		
1891 г.						8273 чел.	
1892 г.						4113 чел.	не работал некоторое время
1893 г.	ок. 3,5 тыс.	ок. 6,5 тыс.		7494 чел.	2495 чел.	9989 чел.	за 305 дней
1894 г.	ок. 4 тыс.	ок. 8 тыс.				11758 чел.	за 305 дней
1895 г.						12417 чел.	
1896 г.	3214 чел.	9896 чел.	ок. 5 тыс.	9635 чел.	3475 чел.	13110 чел.	
1897 г.	2836 чел.	9001 чел.		8888 чел.	2949 чел.	11837 чел.	
1898 г.	3123 чел.	10361 чел.		10340 чел.	3144 чел.	13484 чел.	за 320 дней
1899 г.	3133 чел.	8555 чел.		8674 чел.	3014 чел.	11688 чел.	
1900 г.						ок. 11 тыс.	
1901 г.	2513 чел.	8413 чел.		8408 чел.	2518 чел.	10926 чел.	
1902 г.	3117 чел.	9115 чел.		9479 чел.	2753 чел.	12232 чел.	не работал 1 месяц
1903 г.	3734 чел.	11522 чел.		11366 чел.	3910 чел.	15276 чел.	
1904 г.						ок. 11 тыс.	
1905 г.						более 12,5 тыс.	
1906 г.						12337 чел.	
1907 г.						14332 чел.	

* Таблица составлена по данным отчетов, протоколов и ежегодников ПОИАК и его музея.

** Общее число посетителей дается без учета учащихся.

Соломонов В.А.

«В ИЗУЧЕНИИ ИСТОЧНИКА
ОН ВЫСТУПАЕТ МАСТЕРОМ БОЛЬШОГО КАЛИБРА»
(С.Н. Чернов о научной деятельности А.А. Гераклитова)

Среди саратовских ученых-гуманитариев, немало сделавших для процветания отечественной исторической науки, своей необыкновенной самоубытностью и широтой научного кругозора особенно выделяется имя общепризнанного знатока истории местного края, опытного архивиста, специалиста по палеографии, бумажным водяным знакам и истории мордовского народа, профессора Саратовского университета Александра Александровича Гераклитова (18 (30).11.1867 – 11.04.1933).

Будучи известным краеведом и палеографом, с открытием историко-филологического факультета А.А. Гераклитов был приглашен на преподавательскую работу в Саратовский университет. Начиная с 1918 г. он читал курс по истории колонизации и социально-экономического развития края в XVI–XVIII вв., вел практические занятия по вспомогательным историческим дисциплинам: русской палеографии, дипломатике, описанию рукописей, хронологии, русской допетровской сфрагистике и латинской палеографии. Во время этих занятий Александр Александрович широко привлекал архивные документы из коллекций бывшей Саратовской Ученой Архивной Комиссии (СУАК) и поныне хранящегося в университетской научной библиотеке рукописного собрания профессора И.А. Шляпкина. В 1920-е гг. по инициативе А.А. Гераклитова в университете была предпринята большая коллективная работа – семинарий со студентами-историками по разработке и изучению ревизских сказок III ревизии Завального и Узинского станов Пензенского уезда. «Для выработки цифрового материала, – вспоминала участница этого семинария Ю.А. Кузнецова, – была разработана статистическая таблица, богатый бытовой материал выносился в примечания. Перед студентами ставилась задача: помимо умения разнести все сведения сказки по пунктам таблицы и в примечания, на основе проработанного материала написать историю данного (обычно разноместного) населенного пункта»¹.

¹ Кузнецова Ю.А. Александр Александрович Гераклитов: материалы для биографии // Учен. зап. Сарат. ун-та. Саратов, 1959. Вып. научной библиотеки (Гр. НБ СГУ. Вып. 2). С. 123.

Предпринятая А.А. Гераклитовым первая попытка освоения богатых архивных материалов осталась, к сожалению, не завершенной. Впрочем, отдельные ее результаты нашли свое частичное отражение в публикациях Ю.А. Кузнецовой и Е.П. Подъяпольской².

Без оценки выдающейся роли А.А. Гераклитова невозможно представить сегодня и историю возникновения при фундаментальной библиотеке университета отделения рукописей и старопечатных книг, а также многосложную работу по систематизации и описанию его богатейших коллекций. Много сил и времени ученый потратил и на создание при педагогическом факультете Саратовского университета единственного тогда в стране «отделения мордовского языка и культуры, получившего свое начало в виде частных занятий со слушателями из мордвы в 1925 г. и к 15 июля сего 1930 г. давшего уже два выпуска педагогов для мордовской средней школы»³.

Немногом даже университетским гуманитариям известно, что последние три года жизни А.А. Гераклитова прошли под знаком нескончаемо тягостного душевного стресса, ибо из-за тяжелого заболевания гортани и потери трудоспособности⁴ 8 июня 1930 г. он вынужден был подать заявление об уходе с преподавательской работы.

Сообщая в письме В.И. Веретенникову от 24 августа 1930 г. о своем новом незавидном положении, Александр Александрович писал: «Еще в начале прошлого года у меня обнаружилась опухоль в гортани, лишившая меня способности человеческой речи. Но за лето, после отдыха, опухоль пропала и голос вновь вернулся, так что я спокойно прозанимался со слушателями вплоть до февраля с[его] г[ода]. В феврале опухоль вновь появилась и на этот раз в более злокачественной форме. Не помогли ни клиническое лечение, ни поездка в Сочи. В конце концов, чтобы спасти меня от злой напрасной смерти, пришлось срочно сделать трахеотомию и я теперь хожу с серебряным горлом. Относительно свойства опухоли наши и приезжие профессора разногласят: по одним это туберкулез, по другим – рак. В одном лишь согласны все специалисты: голос ко мне не вернется. Как не горько это было, но пришлось покориться неизбежности и 8 июня я подал заявление об уходе из у[ниверсите]та и просьбу об исходатайствовании мне пенсии. Дальше пошла слякотная история и я не стану утруждать ею Вашего внимания. Кратко

² См.: Кузнецова Ю.А. К истории колонизации Сердобского уезда: (Материалы для историко-географического словаря) // Тр. Н.-В. науч. о-ва краеведения. Саратов, 1928. Вып. 35, ч. 2. С. 62–82; Подъяпольская Е.П. О поместном землевладении и колонизации в районе Аткараского уезда // Изв. Краевед. ин-та изучения Ю.-В. области при Сарат. ун-те. Саратов, 1927. Т. 2. С. 145–213.

³ Гераклитов Александр Александрович. (Автобиография): Машинопись. [Саратов], 10.VII.1930 г. // Архив СГУ. Д. 28 (А.А. Гераклитов). Л. 73 об.

⁴ В выданном 12 июня 1930 г. А.А. Гераклитову медицинском заключении наблюдавший за течением его заболевания Н. Николаев отмечал: «Клиническая картина заболевания укладывается в форму туберкулезного процесса гортани. Ввиду стойкого поражения гортани при общем упадке сил проф[ессор] Гераклитов А.А. должен быть признан как педагог абсолютно нетрудоспособным. Проф[ессор] Гераклитов А.А. около 1 ½ лет находится под моим наблюдением. Вначале заболевание гортани проявлялось в форме ларингита. Б[оль]ному неоднократно давался совет временно воздержаться от преподавательской деятельности и работы в архивах, но в силу объективных условий он этого выполнить не мог, процесс прогрессировал и вылился в вышеуказанную форму, а посему нужно считать, что утрата трудоспособности и произошла в условиях, связанных с преподавательской деятельностью» (Архив СГУ. Д. 28 (А.А. Гераклитов). Л. 81–81 об.)

лишь скажу, что сильно сомневаюсь, чтобы ко мне был применен новый закон о пенсиях научным работникам и у меня складывается уверенность, что придется получить гроши, на которые по нынешним временам не прожить, тем более при разных семейных обязательствах, на мне лежащих.

Одновременно с этим произошло и еще одно неожиданное обстоятельство. Основываясь, м[ежду] пр[очим], и на том, что у меня туберкулез легких (стадия переходная от В – С), жрецы Асклепия после операции определили мне месяц жизни и, т[аким] о[бразом], уже в конце июня я бы должен был переселиться в лоно Авраамле. Между тем, я не только жив до сего дня, но и чувствую себя значительно крепче и обнаруживаю в себе не только волю к жизни, но и желание и кое-какие силы к работе»⁵.

Однако о возвращении к любимому преподавательскому ремеслу мечтать А.А. Гераклитову было уже бесполезно. Словно подытоживая свой земной путь, ученый с тревожной безысходностью признавался: «Грустно после стольких лет работы видеть крушение всего, чему ты отдавал свою душу. Исторический архив пошел к черту, рукописное отделение в забросе, а теперь большие сомнения и на счет дальнейшей участи последнего моего детища – мордовского отделения»⁶.

Александр Александрович Гераклитов ушел из жизни в возрасте 66 лет, так и не успев завершить многого из намеченных некогда творческих планов. За четверть века своей научной и педагогической деятельности в высших учебных заведениях, государственных и общественных архивных учреждениях он проявил себя как весьма проникновенный и вполне сформировавшийся исследователь, опубликовавший 70 научных работ по краеведению, истории мордовского народа и книговедению. Не имея за плечами университетского образования, А.А. Гераклитов, тем не менее, навсегда останется в памяти волжан как «один из тех представителей духовных и умственных сил нашего города, чья деятельность определяла высокий интеллектуальный уровень Саратова и составляла его славу и гордость»⁷.

Тем горше и печальнее сознавать неоспоримый факт, что, несмотря на внушительное научно-педагогическое наследие А.А. Гераклитова⁸, о жизненном и творческом пути этого самоотверженного подвижника исторической науки мы до сих пор почти ничего не знаем. Специальной литературы на эту тему, увы, не много⁹. Поэтому в преддверии 140-летия со дня рожде-

⁵ Письмо А.А. Гераклитова В.И. Веретенникову от 24 августа 1930 г. Машинописная копия // ОРРК ЗНБ СГУ. Личный фонд А.А. Гераклитова.

⁶ Там же.

⁷ Попкова Н.А. Александр Александрович Гераклитов (к 125-летию со дня рождения) // Краеведческие чтения: доклады и сообщения IV–VI чтений. Саратов, 1994. С. 107.

⁸ См. список трудов и обзор архивных фондов А.А. Гераклитова: Кузнецова Ю.А. Александр Александрович Гераклитов: материалы для биографии // Учен. зап. Сарат. ун-та. Саратов, 1959. Вып. научной библиотеки (Тр. НБ СГУ. Вып. 2). С. 125–127; Гераклитов А.А. Воспоминания / Подгот. текста, публ., коммент. и вступ. статья Н.А. Попковой. Саратов, 2004. С. 19–24; Исколь С.Н. Обзор фонда А.А. Гераклитова // Историографический сборник. Саратов, 1974. Вып. 2 (5). С. 181–187; Любенко В.И. Материалы личного архива А.А. Гераклитова в фондах научной библиотеки Саратовского университета // Там же. Саратов, 1987. Вып. 13. С. 147–150.

⁹ См.: Соколов С.Д. Саратовцы – писатели и ученые // Тр. СУАК. Саратов, 1913. Вып. 30. С. 329–330; Хованский Н.Ф. Краткие биографии некоторых членов Саратовской ученой архивной комиссии за 25 лет ее существования // 25-летие Саратовской ученой архивной комиссии. Саратов, 1911. С. 8; Кузнецова Ю.А. Указ. соч. С. 117–127; Дербов Л.А. Историческая наука в Саратовском

ния А.А. Гераклитова любые ранее неизвестные документальные материалы, так или иначе характеризующие его жизнь и деятельность, для науки представляют исключительный интерес.

Публикуемый ниже архивный документ представляет собой глубоко развернутый и обстоятельный отзыв о работе А.А. Гераклитова на ученом поприще: сначала в качестве архивного деятеля, а затем – научного сотрудника и преподавателя высшего учебного заведения. Составлен он был 20 мая 1927 г. близким другом и коллегой Александра Александровича на всех этапах его многоплановой деятельности, человеком, в высокой степени обладавшим «чувством истории»¹⁰ – профессором Саратовского университета Сергеем Николаевичем Черновым (28.01.(9.02).1887–26.12.1941)¹¹.

Наряду с комплексом других материалов этот отзыв был необходим руководству педагогического факультета для возбуждения перед университетской администрацией и центральными органами власти ходатайства «по вопросу назначения доц[ента] А.А. Гераклитова на должность профессора по каф[едре] истории мордовского народа»¹².

Текст документа за отсутствием рукописного оригинала приводится по заверенной в канцелярии педфака машинописной копии с авторской правкой, хранящейся в Архиве СГУ в составе личного дела А.А. Гераклитова¹³, и публикуется в полном объеме, с сохранением всех стилистических особенностей и необходимыми в подобных случаях комментариями и уточнениями. Встречающиеся в тексте сокращения, кроме общепринятых, раскрываются квадратными скобками.

ОТЗЫВ

об научных работах доцента Саратовского Государственного им[ени] Н.Г. Чернышевского Университета А.А. Гераклитова

Ученая деятельность А.А. Гераклитова началась с избранием его в действительные члены Саратовской Губернской Ученой Архивной Комиссии (ныне Нижне-Волжское Областное Общество Краеведения в Саратове) 23 марта 1908 г. и до лета 1918 г. исключительно в ней и в прямой связи с ее

университете. Саратов, 1983. С. 51–53, 75–77; *Попкова Н.А.* Александр Александрович Гераклитов (к 125-летию со дня рождения)... С. 105–107; *Она же.* Александр Александрович Гераклитов // Гераклитов А.А. Воспоминания. С. 5–25; *Соломонов В.А.* Из истории кафедры истории России Саратовского университета // *Историографический сборник.* Саратов, 2002. Вып. 20. С. 86–89.

¹⁰ *Сергеенко М.Е.* Воспоминания о Бестужевских курсах и Саратовском университете // Вступ. статья, публ. и коммент. Т.В. Андреевой // *Деятели русской науки XIX–XX веков.* СПб., 2000. Вып. 2. С. 299.

¹¹ Подробнее о нем см.: *Андреева Т.В., Соломонов В.А.* Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Саратов, 2006.

¹² Сопроводительное письмо деканата педфака в Правление университета от 18 июня 1927 г. // Архив СГУ. Д. 28 (А.А. Гераклитов). Л. 43. Наряду с публикуемым отзывом С.Н. Чернова в делопроизводство по указанному вопросу входило еще семь документов: Curriculum vitae А.А. Гераклитова, список его печатных работ, отзыв о его работе профессора П.Г. Любомирова, выписки из протоколов заседаний общественно-экономического отделения от 1 июня 1927 г. и заседания деканата педфака СГУ от 6 июня 1927 г. и двух опросных листов на А.А. Гераклитова (см.: Там же).

¹³ См.: *Чернов С.Н.* Отзыв об научных работах доцента Саратовского Государственного им. Н.Г. Чернышевского Университета А.А. Гераклитова. [Саратов], 20 мая 1927 г. Машинопись // Архив СГУ. Д. 28 (А.А. Гераклитов). Л. 53–57 об.

работою протекала. Летом 1918 г. историко-филологический факультет Саратовского Университета избрал А.А. Гераклитова на должность младшего ассистента по кафедре русской истории; осенью того же года факультет поручил ему ведение практических занятий по палеографии; в 1919 г. А[лександр] А[лександрович] был избран доцентом по той же кафедре с поручением ему курса лекций по истории Саратовского края. С осени 1918 г. и особенно с 1919 г. ученая деятельность А[лександра] А[лександровича] сильнейшим образом связывается с Саратовским Университетом; можно сказать, что Университет становится ее совершенным сосредоточием, и прежние работы А[лександра] А[лександровича] в Архивной Комиссии отходят на второй план, а иные – ос[обенно] по ее Историческому Архиву – замирают почти совершенно. Лишь на короткий промежуток времени соперником А.А. Гераклитова оказалась очень тесно связанной с его научной и преподавательской работой в Университете. Еще более связанной с нею оказалась его работа в научно-исследовательских Институтах при нашем Университете – бывшем Археологическом и ныне существующем Краеведческом. Высшим выявлением концентрации А[лександра] А[лександровича] всех своих занятий в университете (и в связи с его научной и преподавательской деятельностью) было создание им Рукописного Отделения в библиотеке нашего Университета и при нашем факультете кабинета Вспомогательных Исторических Дисциплин. Таким образом время с лета 1918 г. – университетский период ученой работы А.А. Гераклитова. В дальнейшем введу ее общее обозрение в порядке этих периодов.

В старой Архивной Комиссии А.А. Гераклитову был поручен ее обширный и богатый содержанием Исторический Архив. Он много способствовал дальнейшему росту и упорядочению этого драгоценного собрания и вместе с этим провел большую работу по созданию для него описей. Из них мне известны три напечатанных и одна в рукописи. Из напечатанных первая – серии «документов разных» – вышла в 1910 г. в составе 777 №№; в 1916 г. появилось ее продолжение в 466 №№¹. К ней очень тесно примыкает «Краткая опись Калачовского фонда...», вышедшая в 1911 г. и насчитывающая 378 №№². В 1914 г. вышла опись серии «сенат» в 3825 №№³. Все описи, кроме «Калачовской» снабжены указателями, сильно облегчающими – ос[обенно] богато развитой «предметный» указатель – пользование ими. При «Калачовской» описи напечатано приложение несколько документов и писем. Следует особенно заметить, что при составлении описи серии «Сенат» А.А. Гераклитов поставил себе «непременным условием» «не доверяя заголовкам, заносить в опись название дела только ознакомившись, путем прочтения, с содержанием его» и что поэтому огромное количество дел серии в его описи носит измененный или даже совсем заново составленный заголовок. Местами, не довольствуясь этим, А.А. Гераклитов переводил свою опись в коротенькое описание. Все это делает его опись серии «сенат» чрезвычайно удобною для пользования, – хотя отдельные погрешности в описи некоторых дел и ставят препятствия к их правильному использованию. Очень хорошо составлено и продолжение описи серии «документов разных»; зато их основные 777 №№ описаны не всегда удачно, что и естественно, так как их опись была по времени первою. Большим шагом вперед была составленная

А.А. Гераклитовым опись «архива» М.Н. Галкина-Врасского⁴, оставшаяся, к сожалению, в рукописи и по своему объему (с предисловием, биографией владельца архива, приложениями и указателями – 30 печ[атных] л[истов]) едва ли доступная для печати в ближайшем будущем⁵. «Архив» Галкина-Врасского в своей основной части состоит из писем, всегда особенно трудных для составителя описи. Думается, что А.А. Гераклитову удалось довольно удачно разрешить некоторые специфические трудности их описи, хотя в вопросе о приемах включения в опись помет на письмах адресата (Галкина-Врасского) и не оказалось полного единообразия. Выборка документов и писем для приложений мне представляется в общем удачной. В биографии Галкина-Врасского с особенною подробностью рассказан ее саратовский период; много свежего в ее среднеазиатском и рижском периодах. Составлена она по разнообразному материалу, но в центре работы изученный автором в подробностях личный архив Галкина-Врасского⁶. Пользование самою описью чрезвычайно облегчено подробными указателями и пояснительными замечаниями ее составителя в самом ее тексте.

Одновременно с составлением описей А.А. Гераклитов печатал разнообразные документы, как по местной старине, так и общего характера. Из публикаций последнего рода особенный интерес представляют изданные в 1914 г. грамоты Кирилло-Белозерского монастыря⁷. Не перечисляя иных его публикаций, отмечу, что, сколько могу судить, они все сделаны удовлетворительно, а иные – особенно позднейшие – и очень хорошо. Надо также отметить, что уже тогда А.А. Гераклитов обратился к публикации сокровищ Московского архива Министерства юстиции⁸.

Работа в архиве, составление описей и публикация документов близко подвели А.А. Гераклитова к вопросам архивоведения, с одной, и палеографии, дипломатики, сфрагистики, генеалогии и геральдики, с другой стороны. Занимаясь этими вспомогательными историческими дисциплинами, А.А. Гераклитов рано начал со все возрастающим вниманием присматриваться к своему архивному «делу» или «документу», как своеобразному историческому источнику, и с этой точки зрения проводить его палеографо-дипломатическое изучение. Отсюда и его очень ранние работы о некоторых рукописях Саратовской Архивной Комиссии (еще 1908 г.)⁹ и рано начатое собирание бумажных водяных знаков. Отсюда, в другом смысле, и его неожиданные работы по геральдике (о гербе дворян Дубенских¹⁰) и генеалогии (о роде Жедринских¹¹). От упорной работы над созданием своего «Архива» и стремления учесть имеющиеся в губернии архивные фонды идет ряд его любопытных «архивных» статей: отчеты¹², обзор «архивов Саратовской губернии»¹³, обзор «исторических архивов при ученых архивных комиссиях»¹⁴ и рассмотрение очередных вопросов по их строительству¹⁵. «Архивные» интересы владеют А.А. Гераклитовым и на новгородском археологическом съезде (сужу по его остроумной и в известной мере скептической статье отчетного характера об этом съезде¹⁶). Любопытно отметить, что на петербургских совещаниях 1914 г. по архивному делу он стоит в круге и курсе основных вопросов архивоведения и в рядах его признанных организаторов и усерднейших работников¹⁷.

В значительной степени на архивном материале строятся и его статьи по истории нашего края. Из них наибольший интерес представляют две, посвя-

щенные истории соляного дела в крае: «Очерки из жизни и быта эльтонских соляных ломщиков и возчиков XVIII в.» и «Учреждение в Саратове соляного комиссарства»¹⁸. В первой из них автор хорошо справился с задачей подчинения архивного материала своему построению, хотя и в ней и во второй статье почти не вышел – и не мог выйти – за широкие, но однообразные рамки материалов фонда Саратовской соляной конторы. Интересна по материалу и обзорная статья о «пугачевских» материалах Астраханского губернского архива¹⁹. Ряд сравнительно мелких статей, основанных на архивном же материале, вырос, по-видимому, из повседневных работ автора в архиве над его упорядочением и составлением к нему описей. Таковы статьи о саратовском садоводстве XIX в., игравшем некоторую роль в хозяйственной жизни края, о саратовских пожарах 1754, 1757, 1800 и 1801 [гг.], жестоко разрушавших хозяйство города и сильно менявших его внешний облик, о быте саратовских чиновников XVIII в., о случаях «слова и дела государевых» в Саратове и губернии, об учреждении почты от Саратова до Москвы в связи с образованием в Саратове соляного комиссарства (собств[енно] издание 4-х относящихся до того документов), об устройстве в Саратове в XVIII в. городских часов, о первой квартире саратовских епископов в конце 20-х гг. XIX в., о поимке в Петровске Викентия Мигурского «эmissара польских мятежников»²⁰. Все они касаются разных отдельных сторон или случаев местной политической и хозяйственной жизни, городского и частного быта. Эта связь иногда не вскрывается заглавием статейки: укажу, напр[имер], что статья «Первая квартира саратовских епископов», в сущности говоря, толкует об очень своеобразных мерах административного воздействия, примененных к одному «видному лицу в Саратове, связанному» едва ли не по доходной соляной операции с бывшим – и в то время «опальным» – Саратовским губернатором А.Д. Панчулидзевым²¹. Что касается статейки о поимке Мигурского, то следует иметь в виду, что, 1) о том же рассказано в любопытнейших саратовских главах воспоминаний Е. Феллинской²² и 2) Мигурский – персонаж известного рассказа Л.Н. Толстого «За что?»²³. К сожалению, автор не был обо всем этом осведомлен и не поставил перед собой ряда сложных и трудных вопросов, неминуемо вытекающих из сопоставления рассказов русского архивного дела, воспоминаний польской патриотки и высоко художественного морально-поэтического памфлета величайшего мастера русского слова²⁴.

Перу А.А. Гераклитова за тот же период времени принадлежит и ряд работ, основанных не на архивном или не только на архивном материале. Таковы его статьи: «К вопросу о начальной истории Саратовского Спасо-Преображенского монастыря», «По поводу находки в Саратове каменного креста с надписью XVII в.», «По поводу записи 1682 г. на Прологе библиотеки Братства Святого Креста в Саратове»²⁵. Пользуясь разнообразным материалом, автор попытался приоткрыть ими несколько страничек саратовской истории XVII в. Можно сказать, что в них он проявил себя мастером и в комментировании своего источника, и в извлечении из него разнообразных – иногда мелких – сведений и – часто косвенных – указаний. В этот же ряд следует поставить его прекрасную небольшую работу «Где был построен Саратов в 1590 г.»²⁶. В ней он сумел очень удачно использовать счастливую находку в архивном деле и, думается, умело комбинируя материал разного происхождения, убедительно показать, где в 1590 г. был построен Саратов. Из

всех исторических разысканий А.А. Гераклитова за первый период эту статью по методу работы склоняюсь ставить выше других, – и по ней считаю его методологически зрелым исследователем²⁷.

Особое место в его работах этого периода занимает довольно полно составленный «Список саратовских и царьцынских воевод XVII в.»²⁸.

Из предыдущего явствует, что во второй период своей научной работы А.А. Гераклитов вступил с хорошою подготовкой и большими достижениями. Перехожу к ее очень общему обозрению.

В этот второй период своей работы А[лександр] А[лександрович] мало занимается внутреннею работой архивариуса; даже огромная работа по спасению саратовских архивов проходит без его участия; в первых мероприятиях по организации архивного дела он также принимает мало участия²⁹; лишь позже, с лета 1919 г., он начинает снова работать по старым архивным путям³⁰: до того полно и прочно захвачен он университетской работой. Но и новая архивная «служба» продолжается недолго, – и вскоре А[лександр] А[лександрович] совсем отходит от дела архивного строительства³¹. Однако старая работа над рукописным материалом продолжается, – только меняется ее объект: вместо описей архивных дел и документов появляется описание рукописей и старопечатных книг³². Из них особенный интерес представляет описание богатых собраний И.А. Шляпкина³³, составленное при участии С.И. Быстрова³⁴ и ос[обенно] Ю.А. Кузнецовой³⁵ и, к сожалению, доселе остающееся не напечатанным³⁶. По своим качествам это описание, сколько осведомлен и могу судить, далеко превосходит описи первого периода.

Но печатание А[лександром] А[лександровичем] архивных³⁷ материалов не прекратилось и во втором периоде: так, в статье «К истории волжского транспорта в конце XVII в.»³⁸ им опубликованы с большою, сколько могу судить, тщательностью очень любопытные материалы Московского Государственного Архива.

Во втором периоде очень расширились и углубились занятия А.А. Гераклитова по палеографо-дипломатическому изучению «письменных» исторических источников. Основное место в этом изучении занимает бумага; ряд очень специальных и тонких исследований (к сожалению, почти все они остались не напечатанными), напр[имер]: «Об одновременном употреблении на одной фабрике разных марок для метки бумаги», «О метрическом способе отметки расположения «vergeures» и «pontusaux»», «О парных филигранях», «Несколько замечаний по поводу одной датированной филигрании», «К датировке филигрании «la folie»»³⁹ и уничтожающий критический этюд на описание Г.П. Георгиевским⁴⁰ рукописного собрания Т.Ф. Большакова⁴¹, соединенных с продолжающимся усердным и, более того, неутомимым собиранием бумаги и бумажных водяных знаков, поставил перед А[лександром] А[лександровичем] возможность подведения некоторых общих итогов; приготовленное им к печати собрание «знаков» и приложенное к нему исследование несомненно должны обогатить, когда будут напечатаны, всякого исследователя огромным количеством новых конкретных све-

* От этой работы отложилась ценная наблюдениями статья «Долговечны ли наши архивы» [см.: Архивное дело. 1925. Вып. 2. С. 8-15] – Прим. С.Н. Чернова.

дений и тонким и глубоким подходом к материалу и методам его использования, которым проникнут его долголетний скептик-собираатель⁴².

Развивая наблюдения Н.П. Лихачева⁴³ и Н.Н. Щепкина⁴⁴, А.А. Гераклитов с особой силой настаивает на необходимости, в виду крайней редкости и случайности «полных совпадений» «знаков», проводить их типологическое изучение: «рассмотрение данного типа в его целом и установление тех особенностей, которые свойственны ему в тот или иной период его существования». «Правда, пользуясь этим методом, – говорит наш автор, – при установлении дат нельзя говорить об определенных годах, а придется довольствоваться в большинстве [случаев] десятилетиями, но зато [можно] с уверенностью, а не гадательно»⁴⁵. Исследование, которым собиратель предварил свою огромную коллекцию, и проводит с большою тщательностью и с не меньшим остроумием «установление» интересующих его «особенностей» «знаков» коллекции. Кажется, что следует честь по полноте и строгости метода его работу – по крайней мере, в русской литературе – единственной⁴⁶. Из работ А.А. Гераклитова о бумажных водяных знаках напечатана только одна: «Один из бумажных водяных знаков XVII века», – об знаке «à la mode papier»⁴⁷.

Рядом с этими работами А.А. Гераклитова можно поставить его разыскания о некоторых старопечатных книгах, выросшие из его занятий по отделению рукописей и старопечатных книг нашей университетской библиотеки⁴⁸. Укажу, напр[имер], его строгую методом работу «Три издания XVI в. без выходных листов из библиотеки Саратовского университета (К вопросу о начале книгопечатания в Москве)»⁴⁹; статья переходит в интереснейший этюд по общей истории культуры в Москве XVI в.

Постоянная работа над рукописным материалом толкала А[лександра] А[лександровича] к постановке и разрешению некоторых общих и частных вопросов вспомогательных исторических дисциплин. Рассмотрение этих вопросов он очень охотно вносил и в свое университетское преподавание. В итоге им оказались подготовлены к печати курс по сфрагистике и обширное исследование по метрологии – «Меры определенной вместимости»⁵⁰. И курс, и исследование остаются не напечатанными. Не напечатанным осталось и специальное исследование по золотоордынской нумизматике, написанное в связи с некоторыми спорными вопросами древнерусской сфрагистики⁵¹.

В работе по истории края А[лександр] А[лександрович] дал ряд специальных исследований и опытов общей сводки. В изучаемом периоде первые по времени последуют за вторыми. Из опытов общей сводки первый посвящен Саратову и выдержал два издания⁵². Он очень краток и популярен, но, несмотря на это, насыщен цитатами и непосредственным духом источников в тех частях, которые основаны на собственных разысканиях автора. Его основной сюжет – в области исторических географии и топографии; хозяйство и культура города представлены слабее, а в XIX в. Сведены к коротеньким замечаниям; маленькие биографии саратовских деятелей, немногочисленные количеством и случайные подбором, не восполняют этого недостатка. Зато книжечка дает точную канву фактов за ранний период жизни Саратова и ряд полезных справок. Книжечка вышла в 1919 г. И повторена с дополнениями в 1923 г.; в настоящее время в продаже отсутствует; это показывает, что онашла и удовлетворила своего читателя. В 1925 г. вышла в альманахе «Весь Са-

ратов» статейка А.А. Гераклитова «Прошлое Саратова»⁵³. Это – беглый, прелестно написанный общий очерк истории города; он замирает на конце XVIII – нач[але] XIX в.

В конце 1923 г. вышел курс университетских лекций А.А. Гераклитова по истории Саратовского края⁵⁴. Выход этой книги был крупнейшим событием в истории изучения нашего обширного и своеобразного края. Полагаю, что всякое дальнейшее изучение краевой истории будет еще очень долгое время базироваться именно на этой книге. Не останавливаясь на ней подробно, потому что об ней есть тщательная рецензия проф[ессора] П.Г. Любомирова в журнале «Нижнее Поволжье», 1924, № 6*; отмечу только, что в ней очень хорошо сказывается отличное конкретное знание автором края и его природы, помогающее автору ставить и разрешать свои вопросы в условиях, можно сказать «наибольшего благоприятствования». С твердою уверенностью, которую автору создает это знание, нельзя не сопоставить проникающее его настроение недоверия и к источникам, и к ученым предшественникам. В этом смысле некоторые страницы курса оказываются богаты тонким скепсисом и уничтожающим анализом источника или ученого мнения, укажу, напр[имер], главы 7, 8 и 9. Мне кажется, что порою, напр[имер], в замечаниях о времени написания летописи Шериф-еддин-Булгари, его скепсис даже приобретает черты необщительности. Рядом с сильно развитым в авторе недоверием к источнику и чужому ученому мнению странно видеть в его книге изложение по чужим работам, – напр[имер], Перетятковича⁵⁵ или Писаревского⁵⁶. Проведенное без оговорок и оспаривания, оно разрушает психологическую цельность книги. Вместе с этим следует заметить, что книга в своей основной части самостоятельна и сплошь основана на изучение источников; в этом смысле идущие от Перетятковича или Писаревского куски текста разрушают своим вторжением ее живое тело, ломают кропотливое, местами почти чеканное, строение книги. Все эти замечания, конечно, не лишают книгу ее значения базы для всякого исследования в области истории нашего края – и базы крепкой и значительной.

Из специальных исследований А.А. Гераклитова по истории нашего края надо отметить его статьи о «Саратовских бобылях по сказкам 1723–1724 гг.» и «Саратовской мордве»⁵⁷, а также несколько находящихся в рукописи работ. Исследование о бобылях, основанное на точном материале сказок, представляет большой интерес при изучении социального состава населения в первой половине XVIII в. и его корней в первой половине XVII в. Оставляя пока в стороне статью А.А. Гераклитова о саратовской мордве, отмечу несколько оставшихся в рукописи его исследований: два из них о Самаре и Самарском крае в XVII в. и о построении саратовского водопровода⁵⁸ любопытны по материалу, на котором сработаны, – первое по записям Печатного Приказа, второе по газетным статьям и заметкам. Первая представляет образец кропотливого сочетания мелких частностей и местами подробную и убедительно поставленную картину. Две других любопытны по силе напряжения, с которой автор сумел использовать скудный материал своих источников: «Распросные речи Мисюря Соловцова»⁵⁹ и «Допросные речи о посылке саратовских стрельцов на ногайские улусы»⁶⁰.

* К которой я совершенно присоединяюсь. – Прим. С.Н. Чернова.

Перехожу к исследованиям А.А. Гераклитова по истории мордвы. Ряд любопытных замечаний к ней находится в его курсе по истории края. Но уже в позднейшей статье «Саратовская мордва» содержится крупная поправка к его построению истории мордвы в пределах нашего края: вопреки прежнему представлению о позднем приходе мордвы в наш край, он в названной статье говорит о появлении мордвы в нашем крае уже «не позднее самого начала XVII в.» Следует заметить, что установленное в этой статье понимание «зимницы» автор меняет на основе нового материала в специальном не напечатанном этюде о ней⁶¹. В рукописи же находятся поездные обзоры мордвы⁶², остроумное определение «Кирдановской мордвы», хорошо документированное разыскание о «беляка», кропотливая сводка сведений о «мордовских должностных лицах» и любопытнейшая заметочка «о раздаче мордвы по жеребью боярам для крещенья»⁶³. Автор во всеоружии аргументов разрушает легенду и воссоздает долженствующий быть текст искаженного в передаче Мельникова⁶⁴ документа. Только нельзя не признать рискованной его попытку объяснить это искажение желанием Мельникова показать русскому правительству 60-х гг. XIX в. пример «национальной» политики. В рукописи же находятся популярный «краткий очерк истории Саратовской мордвы»⁶⁵ и статья «Новые публикации по истории мордвы»⁶⁶. Если в последней работе и есть при разборе мнений М.Е. Евсевьева⁶⁷ вполне убедительные возражения нашего автора, то зато его разбор новой работы проф[ессора] А.Е. Любимова⁶⁸, затрагивающей основные вопросы мордовской истории XVI и последующих столетий, нельзя не считать прекрасно аргументированным. В рукописи находится и библиография по истории мордвы, насчитывающая свыше 400 №№⁶⁹.

Если от сделанного общего обзора ученой деятельности А.А. Гераклитова перейти к общим замечаниям о нем, как ученом, то нельзя не отметить, во-первых, его большой разносторонности. Историк края и в частности одной из его национальностей, он прекрасно ориентирован в широкой области вспомогательных исторических дисциплин; а в этой широкой области он выступает с работами и по архивоведению, и по палеографии, и по сфрагистике, и по нумизматике, и по геральдике, и по генеалогии, и по метрологии; сверх того, он историк книги и книгопечатания. Во-вторых, следует отметить его большую самостоятельность перед чужим ученым мнением и установившееся стремление искать опору своему в новом материале. В-третьих, большую тщательность в изучении и исторического источника, и исторического факта. В-четвертых, очень осторожный, можно сказать скептический, подход ко всякому источнику. Я бы сказал, что в изучении своего источника – при его интерпретации и критике – он иногда выступает мастером большого калибра. В-пятых, остроумие в подборе источников и приемов к построению исторического факта. При этом следует иметь в виду, что А.А. Гераклитову наиболее удаются исследования по исторической географии и истории колонизации (не даром и в его курсе эти темы получили исключительное развитие); сделанные им на базе достижений в этой области попытки историко-экономических исследований (см[отри], напр[имер], некоторые части курса, этюд о «зимницах», статью по истории волжского транспорта), по-видимому, увенчиваются успехом; но вопросы общей культуры, видимо, меньше интересуют автора. В этом смысле чрезвычайно показательным, что его «курс» остановился там, где его изложение

должно вестись в широких рамках более общих вопросов и более прочных связей с общим русским историческим процессом. Зато в сложных и трудных специальных вопросах с контрверзю ученых мнений и недостатком источников он опять выступает большим мастером: твердо станет между противоречивыми мнениями, истолкует непонятный, отыщет никем невиданный источник и разрешит по-своему старый спорный вопрос.

20 мая 1927 г.

С. Чернов.

Копия верна:

Завканц[елярией] Педфака Печать и подпись

[В. Лисин].

Примечания:

¹ См.: Гераклитов А.А. *Опись документов и дел исторического архива. Дела серии «Документ».* Саратов, 1916. Вып. 3. С. 1–75.

² См.: Гераклитов А.А. *Краткая опись «Калачовского» фонда исторического архива Саратовской ученой комиссии // Труды Саратовской ученой архивной комиссии (Тр. СУАК).* 1910. Вып. 27. С. 5–39.

Калачов Николай Васильевич (1819–1885), российский историк, правовед, археограф, архивист, академик Петербургской АН (1883). Автор трудов по теории и практике архивного дела и публикаций памятников древнерусского права. Личный фонд ученого, насчитывающий 1007 единиц хранения за период с 1819 по 1885 г., в настоящее время находится в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО. Ф. 408).

³ См.: Гераклитов А.А. *Опись документов и дел исторического архива. Саратов, 1914. Вып. 1: Дела «Сенатские».* 428 с.

⁴ Галкин-Враской Михаил Николаевич (1834–1916), государственный и общественный деятель, этнограф, саратовский губернатор (1870–1879), член Государственного Совета (1896–1916).

⁵ Речь идет о подготовленном А.А. Гераклитовым к печати и до сих пор не опубликованной рукописи «Описание документов и бумаг М.Н. Галкина-Враского (с предисловием, биографией владельца архива, приложениями и указателями)» (30 печ. л.) (Архив Санкт-Петербургского Института истории РАН (Архив СПб ИИ РАН). Ф. 32).

⁶ Личный фонд М.Н. Галкина-Враского (659 единиц хранения за 1834–1916 гг.) в настоящее время находится в ГАСО (Ф. 1221).

⁷ См.: Гераклитов А.А. *Акты и грамоты Кирилло-Белозерского монастыря (Из архива Саратовской архивной комиссии) // Тр. СУАК.* 1914. Вып. 31. С. 3–27.

⁸ См.: Гераклитов А.А. *Материалы для истории Саратовского Поволжья. Столбцы Московского архива Министерства юстиции // Там же.* 1912. Вып. 29. С. 62–87.

⁹ См.: Гераклитов А.А. *Рукописное Евангелие музея Саратовской ученой архивной комиссии // Саратов. духовн. вестн.* 1908. № 33 (Отд. оттиск – 8 с.); Он же. *Новое приобретение местной архивной комиссии: (палеографическое описание старинной рукописи) // Там же.* № 52. С. 2–4.

¹⁰ См.: Гераклитов А.А. *Гербы Дубенских // Гербовед.* 1913. Май. С. 83–86.

¹¹ Явная опечатка; в рукописном варианте отзыва, вероятно, стояло «о роде Жуковых», имея в виду работу А.А. Гераклитова «Фамильные бумаги дворян Жуковых» (Тр. СУАК. 1910. Вып. 26. С. 254–259).

¹² См.: Гераклитов А.А. Отчет по историческому архиву за 1909 г. // Там же. Отд. II. С. 52–60; Он же. Отчет по историческому архиву за 1914 г. // Там же. 1915. Вып. 32. С. 195–212.

¹³ См.: Гераклитов А.А. Архивы Саратовской губернии // Там же. 1913. Вып. 30. С. 3–31.

¹⁴ См.: Гераклитов А.А. Исторические архивы при ученых архивных комиссиях // Там же. 1915. Вып. 32. С. 57–71.

¹⁵ См.: [Гераклитов А.А.] Записки хранителя исторического архива А.А. Гераклитова // Там же. 1911. Вып. 28. С. 50–54.

¹⁶ См.: Гераклитов А.А. XV Археологический съезд в Новгороде: (Отчет о командировке) // Там же. 1912. Вып. 29. С. 41–57.

¹⁷ Имеется в виду Первый Всероссийский съезд деятелей архивных комиссий, проходивший в Петрограде в 1914 г.

¹⁸ См.: Гераклитов А.А. Очерки из жизни и быта эльтонских соляных ломщиков и возчиков второй половины XVIII в. // Тр. СУАК. 1910. Вып. 26. С. 59–82; Он же. Учреждение в Саратове Соляного Комиссарства (1747) // Там же. 1911. Вып. 28. С. 1–137.

¹⁹ См.: Гераклитов А.А. Обзор «Пугачевских дел» из Астраханского губернского архива // Там же. 1913. Вып. 30. С. 33–51.

²⁰ См.: Гераклитов А.А. Некоторые данные о садоводстве и погоде в минувшем столетии // Саратов. садовод. 1909. № 5; Он же. Мелочи из прошлого Саратовского края: (по архивным документам) // Тр. СУАК. 1911. Вып. 28. С. 1–19 (Содержание: К истории саратовских пожаров 1754 и 1757 гг.; Из быта саратовского чиновничества половины XVIII века; Слово и дело; Учреждение почты от Саратова до Москвы); Он же. Саратовские пожары 1800 и 1801 гг. // Там же. 1916. Вып. 33. С. 5–18; Он же. Часоводец Решетов и устройство им городских часов в Саратове // Там же. 1912. Вып. 29. С. 58–61; Он же. Первая квартира саратовских епископов // Там же. 1916. Вып. 33. С. 19–22; Он же. Поимка в Петровске Викентия Мигурского // Там же. С. 23–24.

²¹ Панчулидзева Алексей Давыдович (1758–1834), саратовский гражданский губернатор (1808–1826).

«В этом человеке с удивительной причудливостью переплетались порой совершенно несовместимые качества. Природа щедро наделила его незаурядными способностями. «Людовик XIV моей Саратовской истории», – как говорил Н.Г. Чернышевский об А.Д. Панчулидзева, являвшем собой излучающего энергию прирожденного администратора и умного карьериста, крупного коммерсанта и покрывавшего губернским произволом казнокрада, радетеля просвещения и умелого интригана, щедрого мецената и бесстыдного взяточника, благочестивого отца и небыстрого семьянина». Многим «...бросалось в глаза его умение извлекать собственную выгоду из любой ситуации» (Лысикова О. О прежнем губернаторе замолвлю я слово... (К 235-летию со дня рождения Алексея Давыдовича Панчулидзева) // Земское обозрение. 1995. 24 июня. № 23 (33). С. 6).

«В результате Панчулидзева по Высочайшему повелению 9 декабря 1826 года был отрешен от должности губернатора и привлечен к суду Правительствующего сената, который, правда, по завершении разбирательства не счел нужным применение каких-то дополнительных наказаний. Алексей Давыдович ушел в отставку с

полным пансионом в 3000 рублей в год» (Семенов В.Н. Начальные люди Саратова. От первого воеводы до последнего первого секретаря. Саратов, 1998. С. 91).

²² Установить источник не удалось.

²³ Рассказ Л.Н. Толстого «За что?» (первоначальное название – «Непоправимо») впервые был опубликован в книге «Круг чтения» (М., 1906. Т. 2).

²⁴ Указывая на незнание А.А. Гераклитовым дополнительных печатных материалов по «делу Мигурского», С.Н. Чернову, видимо, также не было известно, что сюжет для своего знаменитого рассказа Л.Н. Толстой взял из книги С.В. Максимова «Сибирь и каторга» (СПб., 1891. Ч. 1–3), который, в свою очередь, заимствовал его из рассказа В.И. Даля «Ссылный» (см.: Луганский В. [Даль В.И.] Небывалое в былом, или Былое в небывалом: Часть вторая и последняя // Отеч. зап. 1846. Т. 46. № 6. Июнь. Отд. 1. С. 153–156). См. также: Большаков Л.Н. Дело Мигурских. Повесть в документах // Прометей: ист.-биограф. альманах. М., 1972. Т. 8.

²⁵ См.: Гераклитов А.А. К вопросу о начальной истории Саратовского Спасо-Преображенского монастыря // Саратов. духовн. вестн. 1910. № 8; Он же. По поводу находки в Саратове каменного креста с надписью XVII века // Тр. СУАК. 1911. Вып. 27. С. 1–8; Он же. По поводу записи 1682 г. на Прологе библиотеки Братства Св. креста в Саратове // Там же. 1913. Вып. 30. С. 53–60.

²⁶ См.: Гераклитов А.А. Где был построен Саратов в 1590 г.? // Там же. 1914. Вып. 31. С. 29–37.

²⁷ В 1988 г. в брошюре профессора Саратовского университета Н.Н. Студенцова, посвященной анализу различных версий о месте основания Саратова, предположение А.А. Гераклитова о закладке крепости на правом берегу Волги, южнее нынешнего села Пристанное, впервые за 74 года своего существования подверглось уничтожающей критике. Серьезным основанием для этого, по мнению автора, послужили многочисленные погрешности и неточности в трактовке Гераклитовым исторических документов (подробнее об этом см.: Студенцов Н.Н. Две загадки Саратова. Саратов, 1988).

²⁸ См.: Гераклитов А.А. Список Саратовских и Царицынских воевод XVII в. // Тр. СУАК. 1913. Вып. 30. С. 61–82.

²⁹ Данное утверждение не вполне соответствует истине, о чем может свидетельствовать содержание писем С.Н. Чернова тех лет С.Ф. Платонову, А.С. Николаеву и А.А. Гераклитову (подробнее об этом см.: Андреева Т.В., Соломонов В.А. Историк и власть: Сергей Николаевич Чернов. 1887–1941 / Отв. ред. А.Н. Цамутали. Саратов, 2006. С. 149–159). Сам же А.А. Гераклитов, вспоминая о том времени, писал: «По должности первого уполномоченного Главархива, мною положено начало Саратовскому архивному бюро и той репутации, которой оно до недавнего времени по справедливости пользовалось, подыскано для него помещение, организован штат служащих, сосредоточено и взято на учет огромное количество ведомственных архивов. М[ежду] пр[очим], удалось образовать особый военный отдел Губархива, где были сосредоточены и приведены в порядок дела 64 воинских частей. К сожалению, этот отдел вместе с сложившейся при нем библиотекой исчез бесследно при ближайших моих приемниках по выведыванию губархивом» (Гераклитов Александр Александрович. (Автобиография): Машинопись. [Саратов], 10.VII.1930 г. // Архив СГУ. Д. 28 (А.А. Гераклитов). Л. 73об.)

³⁰ 4 июля 1918 г. в Саратове был создан Центральный губернский архив (губархив) и учреждена должность уполномоченного Главного архивного управления по Саратовской губернии. По предложению Д.Б. Рязанова ее занял А.А. Гераклитов, который «...с небольшими перерывами стоял здесь во главе архивного дела до 1 января 1921 г.» (Там же. Л. 72).

³¹ См. коммент. № 29.

³² В 1919–1929 гг. А.А. Гераклитов заведовал отделением рукописей и старопечатных книг фундаментальной библиотеки Саратовского университета, «куда в то время поступили такие значительные в количественном и качественном отношении книжные собрания, как библиотеки И.А. Шляпкина, А.П. и Н.П. Барсуковых, П.М. Мальцева, М.К. Ушкова.

Александр Александрович, – замечает Н.А. Попкова, – подошел к порученному делу со свойственной ему обстоятельностью: он выбирал не только рукописные книги, как предполагалось вначале, но и первопечатные книги, отечественные и европейские, раритеты, которых немало было в поступивших собраниях.

Практические навыки Гераклитова, библиотекаря, палеографа, его удивительная работоспособность проявились и на сей раз, вскоре рукописное отделение стало активно функционировать в библиотеке. Его богатые фонды способствовали успешной работе палеографического семинара Гераклитова, проведению занятий по истории книги...» (Гераклитов Александр Александрович. (Автобиография)... Л. 72–72об.; Попкова Н.А. Александр Александрович Гераклитов // Гераклитов А.А. Воспоминания / Подгот. текста, публ., коммент. и вступ. статья Н.А. Попковой. Саратов, 2004. С. 11–12).

³³ Речь идет об уникальном библиотечном собрании, завещанном Саратовскому университету крупным русским ученым-литературоведом, заслуженным профессором Петербургского университета Илейей Александровичем Шляпкиным (1858–1918).

По мнению Л.К. Бурьян, его книжная коллекция, состоящая из 70 тысяч томов (17700 отдельных изданий), являлась одним «из лучших частных собраний». Начав коллекционировать книги с гимназических лет (с 1873 г.), «Шляпкин покупал отдельные книги и части библиотек и архивов, добываясь полноты своих коллекций. В его библиотеку влились книги из хорошо известных библиотек А.Т. Болотова, А.Н. Пыпина, Н.А. Надеждина и др.» Среди прочего, эта «библиотека была богата раритетами. Среди старопечатных русских и западных книг находились книги анонимной типографии, книги Ивана Федорова, инкунабулы, альды и эльзевирь. В рукописную коллекцию Шляпкина входило несколько сотен рукописей 14–20 вв.» (Бурьян Л.К. И.А. Шляпкин и библиотека Саратовского университета // Тр. НБ СГУ. Саратов, 1959. Вып. 2. С. 130–131).

³⁴ Быстров Самсон Иванович (1884–1933), историк, краевед и музеевед, исследователь старообрядчества и сектантства, член СУАК (с 1912).

³⁵ Кузнецова Юлия Александровна (1900–1960), историк, палеограф и библиограф, сотрудник кафедры истории мордовского народа (1921–1929), заведующая отделом систематизации (1935–1937) и редких книг (1937–1960) Научной библиотеки Саратовского университета.

³⁶ Работы, посвященной описанию собраний И.А. Шляпкина, в списке как печатных, так и неопубликованных трудов А.А. Гераклитова не значится (см.: Попкова Н.А. Указ. соч. С. 19–24). Возможно, С.Н. Чернов имел в виду одну из не опубликованных до сих пор работ ученого: «Списки рукописей Рукописного отдела, списки новых поступлений (40 л.)» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 32. Оп. 1. Д. 107) или «Описание рукописей собрания Мальцева. Формат фолио. № 1–250» (Отд. редких книг и рукописей ЗНБ им. В.А. Артисевич СГУ).

³⁷ Подчеркнуто С.Н. Черновым.

³⁸ См.: Гераклитов А.А. К истории волжского транспорта в конце XVII в. // Тр. Н.-Волж. о-ва краевед. 1924. Вып. 34, ч. 2. С. 11–25.

³⁹ Рукописи указанных работ А.А. Гераклитова в настоящее время хранятся в Архиве СПб ИИ РАН (Ф. 32).

⁴⁰ Георгиевский Григорий Петрович (1866–1948), историк, археограф, палеограф, краевед, помощник хранителя (с 1892), хранитель (с 1903) Отделения рукописей и старопечатных книг библиотеки Румянцевского музея.

⁴¹ Речь идет о неопубликованной рецензии А.А. Гераклитова на кн.: Георгиевский Г.П. Рукописи Т.Ф. Большаякова, хранящиеся в Императорском Московском и Румянцевском музее // Изв. отд. рус. яз. и словесн. Имп. АН. 1915. VIII. 455 с. (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 32).

Большаков Тихон Федорович (1794–1863), русский купец, антиквар-букинист, собиратель рукописей, старопечатных книг, икон. Личная коллекция Т.Ф. Большаякова состояла из рукописей, старопечатных книг, икон, бытовой и церковной утвари. Наиболее ценной частью его собрания были хронографы-летописцы, сборники старинных повестей, нотные сочинения.

⁴² Речь идет о капитальном труде А.А. Гераклитова «Систематический сборник филиграней на русских документах XVII века: (Атлас рисунков, предваренных критическим разбором материала)», увидевшего свет лишь через 30 лет после смерти автора (См.: Гераклитов А.А. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963. 259 с.). Осуществить это издание стало возможным «...благодаря усилиям крупнейшего специалиста в области филиграноведения С.А. Клепикова, который считал работу Гераклитова «капитальным вкладом в мировую историю водяных знаков», имеющим «большое научное значение наравне с работами Брикке, Хивуда и Мошина-Тралича». Особую ценность альбома Гераклитова для отечественных исследователей Клепиков видел в том, что «в этом сборнике филиграней очень ярко вырисовывается ассортимент бумаги, бывшей в употреблении на Московском печатном дворе в первой половине XVII в.»» (Попкова Н.А. Указ. соч. С. 12).

⁴³ Лихачев Николай Петрович (1862–1936), историк, археограф, палеограф, искусствовед, академик АН СССР (1925); преподаватель Петербургского археологического института (1892–1902), помощник директора Публичной библиотеки (1902–1914), сотрудник ГАИМК (1919–1921), директор Музея палеографии АН СССР (1925–1930).

⁴⁴ Щепкин Вячеслав Николаевич (1863–1920), историк древнеславянского искусства, палеограф, языковед-славист; хранитель Отделения рукописей и книг старой печати Исторического музея (с 1887), профессор Московского университета (с 1907), член-корреспондент Петербургской АН (1913).

⁴⁵ См.: Гераклитов А.А. Филиграния XVII века на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963. С. 15.

⁴⁶ После выхода в свет в 1963 г. этот труд А.А. Гераклитова заслужил высокую оценку не только отечественных, но и зарубежных исследователей. Английский книговед Ж.С. Симмонс замечал по поводу следующее: «Книга <...> является достойным памятником провинциальному русскому ученому. В то же время она является замечательным добавлением к возрастающему числу русских работ о водяных знаках, имеющих международное значение» (Цит. по: Попкова Н.А. Указ. соч. С. 12–13).

⁴⁷ См.: Гераклитов А.А. Один из бумажных водяных знаков XVII века // Сборник статей по русской истории, посвященных С.Ф. Платонову. Пб., 1922. С. 305–313.

⁴⁸ См.: Гераклитов А.А. Отделение рукописей и старопечатных книг Саратовского университета // Студенческая мысль. 1923. № 3–4. С. 21–22.

⁴⁹ См.: Гераклитов А.А. Три издания XVI в. без выходных листов из библиотеки Саратовского университета: (К вопросу о начале книгопечатания в Москве)

// Учен. зап. Саратов. ун-та. 1926. Т. 5, вып. 2. С. 1–20. По точному определению Н.А. Попковой, в этой статье «в полной мере воплотились свойственные Гераклитову – исследователю качества: логика, основательность, точность. Он убедительно доказал московское происхождение безвыходных первопечатных изданий, подтвердил новыми данными мысли А.Е. Викторова и Л.А. Кавелина о существовании книгопечатания в России до выпуска Иваном Федоровым «Апостола» в 1564 году.

После этой работы А.А. Гераклитова предположение стало фактом, термин «дофедоровские издания» стал правомерным. Эта статья Гераклитова наряду с его последующими работами о Радищевском и украинских первопечатниках создала и закрепила за ним авторитет «великого знатока первопечатной книги», «саратовского книгочея» (Попкова Н.А. Указ. соч. С. 15).

⁵⁰ Имеются в виду работы А.А. Гераклитова «Сфрагистика до-Петровского времени» и «Меры определенной вместимости (Этюды по метрологии)» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 32).

⁵¹ Сведений о данной рукописи обнаружить не удалось.

⁵² См.: Гераклитов А.А. Саратов. Краткий исторический очерк. Саратов, 1919. (2-е изд. Саратов, 1923).

⁵³ См.: Гераклитов А.А. Прошлое Саратова // Весь Саратов: альманах-справочник на 1925 год / Под ред. Д. М. Борисова. Саратов, 1925. 2-й отд. С. 65–71.

⁵⁴ См.: Гераклитов А.А. История Саратовского края в XVI–XVIII вв. Саратов, 1923.

⁵⁵ Перетяткович Георгий Иванович (1840–1908), историк, профессор Новороссийского университета (с 1886). Автор трудов по истории колонизации и экономического развития Нижнего и Среднего Поволжья XV–XVIII вв.

⁵⁶ Писаревский Григорий Григорьевич (1868–не ранее 1947), историк, профессор Варшавского (с 1917 – Донского), Смоленского (с 1918) и Азербайджанского (с 1926) университетов. Автор трудов по истории немецких колонистов XVIII – первой четверти XIX вв.

⁵⁷ См.: Гераклитов А.А. Саратовские бобыли по сказкам 1723–1724 гг. // Учен. зап. Саратов. ун-та. Т. 3, вып. 3. С. 75–87; Он же. Саратовская мордва: (К истории мордовской колонизации в Саратовском крае) // Изв. Краевед. ин-та изучения Юж.-Волж. обл. при СГУ. 1926. Т. 1. С. 137–155, карта.

⁵⁸ Имеются в виду неопубликованные работы А.А. Гераклитова «Самара и Самарский край XVII века по записям в книгах Печатного приказа» и «Устройство водопровода в Саратове» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 32).

⁵⁹ Сведений о данной рукописи обнаружить не удалось.

⁶⁰ Два рукописных варианта данной статьи в настоящее время хранятся в личном фонде А.А. Гераклитова в Архиве СПб ИИ РАН (Ф. 32) и Отд. редких книг и рукописей ЗНБ им. В.А. Артисевич СГУ.

⁶¹ См.: Гераклитов А.А. Мордовские зимницы // Изв. Краевед. ин-та изучения Юж.-Волж. обл. при СГУ. 1927. Т. 2. С. 125–130.

⁶² Возможно, речь идет о неопубликованных работах А.А. Гераклитова: «Алфавитный перечень мордовских деревень с указанием количества дворов в Залесном и Узинском станах»; «Таблицы сопоставления количества мордовских и русских деревень XVI–XVIII вв.»; «Алфавитный перечень мордовских сел с указанием имен владельцев дворов» и «Территория уезда и его административное деление» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 32).

⁶³ См.: Гераклитов А.А. Кирдановская мордва // Изв. Краевед. ин-та изучения Юж.-Волж. обл. при СГУ. 1927. Т. 2. С. 133–136; Он же. Мордовский «беляк» (происхождение термина) // Там же. С. 103–112; Он же. Мордовские должностные лица

// Там же. С. 113–123; Он же. Раздача мордвы «по жеребью» боярам «для крещения»
// Там же. С. 139–142.

⁶⁴ Установить личность не удалось.

⁶⁵ Неточное название неопубликованной работы А.А. Гераклитова «Краткий очерк Саратовской мордвы» (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 32).

⁶⁶ Сведений о данной рукописи обнаружить не удалось.

⁶⁷ Евсевьев Макар Евсевьевич (1864–1931), мордовский педагог-просветитель, краевед и этнограф.

⁶⁸ Речь идет о неопубликованной рецензии А.А. Гераклитова на кн.: Любимов А.Е., проф. Краткий исторический очерк мордовского народа. Мордовское население Пензен. губ. / Под ред. Г.А. Полумордвинова. Пенза, 1927. С. 1–64 // (Архив СПб ИИ РАН. Ф. 32)

⁶⁹ Рукопись неопубликованной работы А.А. Гераклитова «Библиография русской литературы о мордве (около 400 названий с аннотациями)» в настоящее время хранится в Архиве СПб ИИ РАН (Ф. 32).

Черкасова Е.В.

САРАТОВСКИЙ АРХЕОЛОГ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ДЕРЕВЯГИН

Деятельность саратовского ученого, археолога Ю.В. Деревягина (1926–1970) приходится на шестидесятые годы XX столетия. Это был талантливый и увлеченный человек, который, несомненно, стал бы крупным исследователем, если бы не ранняя смерть.

Он очень долго служил в армии. После войны, на Западной Украине, их армейская часть сражалась с отрядами националистов; потом, по делам службы, долго ездил по стране, а когда демобилизовался, его часто отзывали на военные сборы, и для таких случаев всегда наготове стоял собранный чемодан. За время военной службы умерла в Саратове его мать. Юрий Владимирович очень тяжело переживал это горе, тем более, что по трагическому стечению обстоятельств он не смог приехать вовремя и, возможно, спасти ее.

С детства он не оставлял мечту об исторической науке, поэтому после демобилизации сразу поступил в Саратовский университет, на исторический факультет, где был намного старше всех своих сокурсников. В это время в университете работал известный археолог Иван Васильевич Сеницын, единственный ученик П.С. Рыкова, оставшийся в Саратове после сталинских репрессий. Юрий Владимирович увлеченно занимался в семинаре И.В. Сеницына, стал археологом, закончил аспирантуру, и все эти годы рядом с ним находилась его супруга Софья Александровна Бондарь, самый близкий друг и опора в жизни.

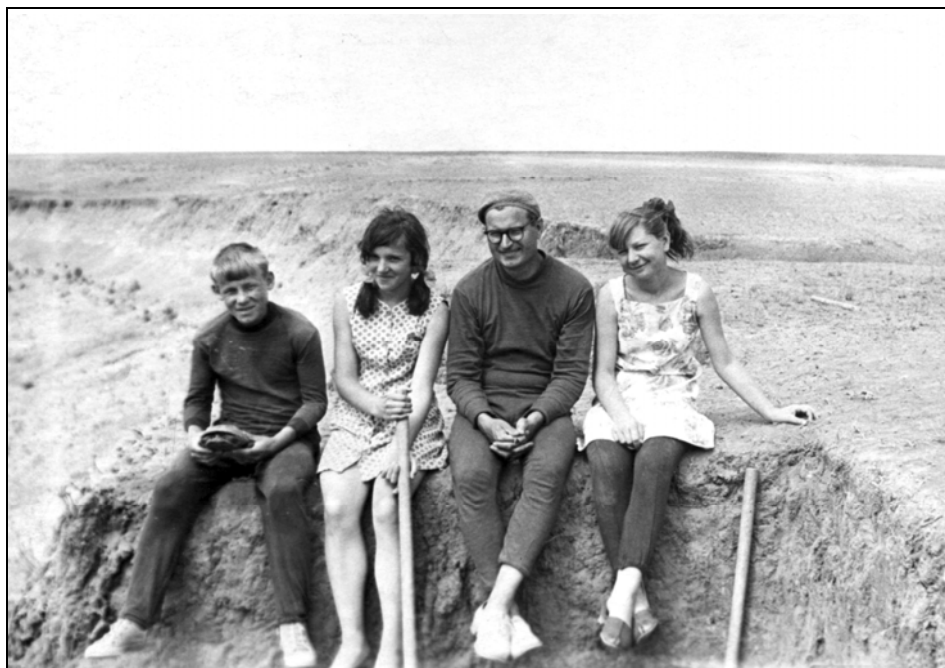
Ю.В. Деревягин обладал блестящими знаниями и научной интуицией, он подавал большие надежды как исследователь и педагог, но после выпуска места в университете ему не нашлось. Уже не молодой специалист, он стал преподавать историю в Саратовском художественном училище и одновременно продолжил научную работу в области археологии. Юрий Владимирович очень тепло отзывался о коллективе преподавателей, в котором работал, много рассказывал о своих студентах, отмечая их особые отличия в среде прочей молодежи, их художественный дар, которые он всегда учитывал при общении с этими ребятами. Он вспоминал один эпизод, когда несколько человек явились на занятия к середине урока, объяснив опоздание тем, что задержались на этюдах: «был замечательно редкий свет, хотелось закончить работу». Юрий Владимирович счел этот аргумент вполне убедительным и без лишних слов пустил их на урок. Знания учеников он оценивал строго,

оценки не завышал, но на экзаменах «становился добрее», и студенты очень радовались этому обстоятельству и своим приличным оценкам.

Долгие годы Юрий Владимирович был в добрых отношениях с археологом и краеведом Евгением Константиновичем Максимовым и его супругой Майей Дмитриевной. Вместе, например, они проводили раскопки Суловского могильника на Карамане в 1969 году.

В последние годы жизни Ю.В. Деревягин встречался с Павлом Дмитриевичем Степановым, когда приезжал к нему в Саранск. П.Д. Степанов – видный археолог рыковской школы, переживший чистки 30-х годов, полюбил Юрия Владимировича как человека и ученого, в нем он видел достойного продолжателя традиций саратовской археологии.

Помимо основной работы в Художественном училище, Ю.В. Деревягин сотрудничал с Саратовской областной детской экскурсионно-туристической станцией (ОблДЭТС), где вел кружок археологии. В кружке занимались, в основном, учащиеся ПТУ, в большинстве, – сироты. Эти мальчишки, обделенные в детстве родительской заботой, очень тонко чувствовали доброту и порядочность своего преподавателя, искренне любили его, а он умел уделить внимание каждому из них, возил с собой по экспедициям, ненавязчиво воспитывал и прививал им знания большой жизни.

Ю.В. Деревягин с дергачевскими ребятами. 1969 г.

Ю.В. Дервягин, возможно, первым из археологов, имея прекрасные педагогические способности, начал привлекать к поисковой археологической работе школьников. Дети подвижны, энергичны, любознательны, имеют острое зрение и неиссякаемую жажду искать и открывать неведомое. Эти замечательные качества, присущие детству, оказали огромную помощь в исследованиях памятников археологии Саратовского края. В 60-е годы археологов в нашей области было мало, а сама Саратовская область с археологической точки зрения во многом была еще слабо изучена. Учитывая все это, Ю.В. Дервягин задумал разработку археологической карты области и решил привлечь к этому делу школьников. Участвуя в судейских коллегиях областных туристических слетов, в конкурсах краеведческих сообщений, он каждому докладчику показывал фрагменты древней керамики и спрашивал, не приходилось ли им встречать подобное в походах.

Однажды, на очередном слете, школьники Дергачевского района обратились к нему за консультацией по поводу одной заинтересовавшей их находки. Эта инициатива очень обрадовала Юрия Владимировича, и он дал ребятам задание провести у себя в районе археологическую разведку. Ученый говорил с детьми серьезно и уважительно, на равных объясняя важность и большую ответственность порученной им работы. Он называл ребят первооткрывателями, и это в характере Дервягина не было чем-то показным: всегда, составляя научный отчет для Отдела полевых исследований Института археологии АН СССР, он указывал в списке исполнителей фамилии всех школьников, участвовавших в разведках.

На том туристическом слете 1967 года, в свободное от текущей работы время, Юрий Владимирович обследовал верхнюю террасу р. Терешки и обнаружил не известное ранее поселение срубной культуры эпохи бронзы. Потом, встретившись в лагере с дергачевской командой, он показал ребятам собранную керамику и составленный паспорт, чтобы наглядно объяснить поставленную задачу. Паспорт содержал сведения о местонахождении и характере нового памятника. Школьники запомнили привязки поселения на местности, отправились на поиски самостоятельно и сразу нашли это место. В доказательство усвоенной науки они принесли Юрию Владимировичу незамеченные им черепки древней посуды.

Вернувшись после слета домой, дергачевцы тут же собрались в разведку и в первый же день нашли на р. Алтате срубное поселение, а позже – еще шесть подобных памятников, и были безмерно счастливы. Они сами составили отчет в РОНО и сообщили о своих находках Ю.В. Дервягину. Вскоре он лично прибыл в Дергачи, осмотрел новые памятники на Алтате, а коллекции, составленные детьми планы и описания селищ забрал с собой в Саратов. Они и теперь хранятся в фондах Областного музея краеведения, в коробках, аккуратно подписанных рукой Юрия Владимировича. Тогда же, в первое посещение алтагинской степи, он пообещал ребятам, что обязательно приедет к ним вновь, и они вместе проведут настоящие археологические раскопки. Надо отметить, что он сдержал свое слово.

Работая в ОблДЭТС, в поездках на турслеты Ю.В. Дервягин сблизился с Дмитрием Сергеевичем Худяковым, который тогда руководил этими мероприятиями и был главным судьей. Эти незаурядные люди стали большими друзьями. Д.С. Худяков, человек творчески очень разносторонний, тогда

только начинал на телевидении свою детскую программу «Не за тридевять земель», и на экранах телевизоров во многих передачах любознательные школьники могли видеть сообщения об археологических находках. Для участия в одной из передач 1968 года друзья-краеведы решили пригласить юных археологов из Дергачей. В те годы сама мысль об участии в телепередаче, или простом посещении телестудии, для ребят из далекого района была более чем волнующей, но дети справились, они обстоятельно рассказали о своих поисках и находках, о самой походной жизни. Ужасно волновались, поскольку выступать пришлось в прямом эфире, но все закончилось благополучно. Надо ли сомневаться, что они запомнили это на всю жизнь?!

Уже в следующем, 1969, году Д.С. Худяков и Ю. В. Деревягин задумали снять документальный фильм о поисковой работе дергачевских школьников. Вместе написали сценарий, режиссером был Дмитрий Сергеевич, а операторскую работу выполнял Ю. Беляков. В фильме был занят Юрий Владимирович, который комментировал многие сюжеты и рассказывал о большом научно-познавательном и воспитательном значении школьной поисковой археологии. В кадрах были показаны реальные археологические разведки, волнующий процесс поисков, раскопок и обнаруженные находки, оживленные споры ребят о том, как жили древние люди на поселении бронзового века, звучал знакомый всем голос Д.С. Худякова. Фильм «Право на открытие», шедший 17 минут, был снят на широкой цветной пленке. Уже осенью того же года Юрий Владимирович привез его в Дергачи, и три раза подряд он был продемонстрирован на экране совхозного клуба при огромном стечении зрителей. Неоднократно он был показан и по центральному телевидению.

Особо следует рассказать о том, как была обнаружена Алтатинская энеолитическая стоянка, поскольку ребята нашли ее при непосредственном участии и под руководством Ю.В. Деревягина. Еще в 1968 году дергачевцы открыли серию срубных селищ, которым, из-за отсутствия в плоской степи видимых привязок, были присвоены порядковые номера. В конце лета приехал Деревягин, чтобы осмотреть памятники и забрать в Саратов находки. Юные археологи, с автором этих строк и во главе с Юрием Владимировичем, отправились в поход, показали места находок и решили пройти дальше по еще не разведанным берегам Алтаты. Нашли новое срубное поселение № 17, переправились на противоположный берег и пошли назад, в направлении лагеря.

Это было 18 августа. Стояла сильная жара, и все очень устали. Но усталость как рукой сняло, когда группа внезапно оказалась на ровном участке террасы, сплошь усеянном мелкими блестящими кварцитовыми осколками. Все бросились собирать камешки и носить их Деревягину, а он, сам немного в радостном недоумении, только успевал называть ребятам найденные ими предметы: «отщеп, скребок, ножевидная пластина, наконечник стрелы»... Осмотрев речной обрыв, нашли выход мощного культурного слоя, и ученый был особенно рад тому, что слой оказался целым и не размытым паводками.

В 1969 году, когда снимался фильм «Право на открытие», на Алтатинской стоянке были проведены небольшие раскопки, и все мечтали найти круглое доньшко энеолитического сосуда, ведь самая ранняя керамика должна была быть круглодонной. Но, при большом количестве изделий из камня, керамика попадалась редко, доньшко так и не нашли. В следующем,

1970, году раскопки на энеолитической стоянке были продолжены. Керамики по-прежнему было мало, но запомнились очень красивые крупные наконечники копий листовидной формы, изготовленные из плотного голубовато-серого кварцита. Все находки, как и прежде, поступили на хранение в Саратовский краеведческий музей. Это был последний год жизни Юрия Владимировича, осенью он скоропостижно скончался. Эту странную и жестокую утрату до сих пор невозможно осознать.

Спустя некоторое время, я задумалась о судьбе алтатинских материалов, ведь необходимо было составить отчет и представить его в Москву, чтобы раскопки в Дергачевском районе с участием Ю.В. Деревягина не оказались забытыми. Будучи в Саратове, поговорила об этом с Е.К. Максимовым и он сказал, что, действительно, заниматься отчетом некому. Решение возникло как-то само собой и сразу: я попросила поручить отчет мне, ведь все исследования проходили на моих глазах, и Евгений Константинович согласился. Мой отчет о работах на Алтате утвердили в Москве в 1972 году, и в последующие годы Отдел полевых исследований ИА АН СССР еще трижды выдавал мне открытые листы формы № 3. Мы занимались с ребятами археологическими разведками, снова и снова обходили берега Алтаты, собирали материалы, учились составлять глазомерные планы, рисовали керамику и каменные орудия. Дети с восторгом ходили в походы – так выросло несколько поколений юных археологов из Дергачей.

Юрий Владимирович мечтал собирать отряды юных археологов со всей области один раз в год, чтобы они делились друг с другом своими впечатлениями и опытом, встречались, участвуя в раскопках с настоящими учеными-археологами, учились заниматься археологией всерьез. Это были мысли об археологических слетах, которые, наравне с туристическими, могли бы сделать жизнь и досуг подростков цельнее и разнообразнее и, одновременно, принести пользу науке. В память о Ю.В. Деревягине первый такой слет юных археологов был проведен в 1971 году именно на дергачевской земле. Организатором и главным судьей учрежденного слета был Д.С. Худяков, а средства на его проведение выделила Областная ДЭТС. Большую помощь в проведении слета оказали В.В. Сулова, К.А. Коптелов, В.И. Дьячков, руководители команд Орлова Гая, Хвалынска и других городов и сел Саратовской области.

В дальнейшем понадобилось немало времени, чтобы идея археологических слетов окончательно оформилась и получила постоянное материальное обеспечение. Так, в следующем, 1972, году археология была представлена в рамках XV слета туристов лишь небольшой секцией: школьники просто осматривали памятники Хопра в Балашовском районе. По-настоящему полный и большой слет был создан в 1980 году. Он проходил в Воскресенском районе у с. Синодское, и руководил слетом тогда еще молодой, но уже авторитетный исследователь – Николай Михайлович Малов. Были представлены команды Вольска (М.Г. Ким), Балашова (А.А. Хреков), Дергачей (Е.В. Черкасова), Балаково (Н.И. Попова) и другие районные коллективы. В программе слета значилось много конкурсов, но особенно важными были раскопки кургана эпохи бронзы, где ребята на деле подтверждали свой уровень полевой работы, а также – конференция, в докладах которой прозвучали сообщения о новых походах и находках в разных уголках Саратовской области. Школьники и их руководители узнали тогда очень много нового и интересного.

Н.М. Малов руководил областными слетами не менее 10 лет кряду, и из года в год задания становились все сложнее и интереснее. В слете 1982 года, на раскопках поселения бронзового века у с. Нижняя Покровка в Вольском районе, принимал участие Владимир Анатольевич Лопатин, который организовал для школьников творческую игру «Посвящение в археологи». Команды показали свои знания и умения, фантазию, смекалку и чувство юмора: это был настоящий импровизированный спектакль на тему первобытной жизни. В последующие годы на детские слеты привозили свои команды школьников молодые археологи И.И. Дремов, И.В. Семенова, Ю.А. Матюхина, Д.А. Хоркин. Балаковцы приезжали во главе с прекрасным и удивительно эрудированным человеком Ниной Ивановной Поповой. Среди нас она была наиболее профессионально подготовлена и энергична, и ее команда занимала обычно первые места.

Слеты проходили ежегодно и становились все более насыщенными. Каждая команда готовила несколько научных докладов по археологии, привозила выставку, где экспонировались находки, собранные самими детьми, а специально подготовленный экскурсовод комментировал экспозицию. Все команды участвовали в раскопках и получали баллы за качество исследований на своих участках. В конкурсе топографов необходимо было показать умение в составлении глазомерных планов реальных памятников. В соревновании чертежников нужно было, уложившись в определенное время, точно и аккуратно вычертить археологическую находку, чаще всего фрагмент керамики с орнаментом, показать его форму, фактуру и светотень. Каждая команда готовила свою программу на конкурс художественной самодеятельности, причем судейская коллегия особенно высоко оценивала настоящее творчество – песни и номера собственного сочинения. После выступления команд, у большого костра, для детей начинали петь археологи, которые хорошо знали походный репертуар, а многие и сами сочиняли свои песни.

Слава о саратовских слетах разошлась далеко, несколько раз к нам приезжала группа школьников из Татарстана (г. Чистополь). Именно на саратовской земле, у с. Смеловка в Энгельском районе, в 1985 году был проведен I Всероссийский слет юных археологов. Саратовскую область представляла команда г. Балаково, которая и здесь заняла первое место.

Видимо, именно об этом мечтал когда-то Ю.В. Деревягин – сделать школьную археологию реальным делом, заинтересовать древней историей как можно больше детей, чтобы они знали и ценили прошлое своего края, бережно относились к историко-культурному наследию, ставили в своей жизни далеко идущие цели и задачи. И пусть не все, а только некоторые из тех детей, побывавших на слетах, избрали археологию главным делом всей своей жизни. Я точно знаю, что тот, кто хотя бы раз оказался в походе, на археологических раскопках, кто ночевал в палатках и пел песни у дымного костра, – никогда не забудет об этом и будет вспоминать действительно счастливое детство.

«Нам очень повезло, – говорят многие поколения взрослых людей в Дергачах, которые были тогда детьми, – что мы встретили такого человека, как Юрий Владимирович Деревягин. С ним мы сделали первые открытия на родной земле, он многому научил нас, и потом, уже без него, мы не могли не изучать древнейшую историю края. Мы нашли две стоянки эпохи энеолита,

35 поселений бронзового века, 11 курганных могильников – это наш вклад в большую и самую интересную науку о том, как жили наши предки».

Юрий Владимирович Деревягин. Удивительный человек не от мира сего. Держался очень просто, никогда не пьянствовал, не курил, не ругался, даже голоса никогда не повышал, но все его слушали и очень уважали. Он не любил подолгу молчать, наверное потому, что очень много знал. Шагая по степным просторам с ватагой ребятишек, он всегда неторопливо рассказывал что-нибудь о своей армейской жизни, о текущих событиях и, конечно, о своей любимой археологии. Очень добрый, чуткий, всегда готовый помочь, если это в его силах, и почему-то немного грустный человек.

Это о нем потом очень точно сказал один из коллег – преподавателей Художественного училища: «Мы знаем, что главным делом его жизни была археология. Он занимался далеким прошлым человечества, а сам жил по законам далекого будущего».

Каргин Ю.Ю.

КРУЖОК ЮНЫХ КРАЕВЕДОВ «ИСКАТЕЛИ» ГОРОДА БАЛАКОВО
(О «МАЛОЙ» АРХЕОЛОГИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ
В 1970–1990 гг. XX в.)¹

На рубеже 1960–1970 гг. во многих городах СССР возникло характерное молодежное движение – школьная археология. Его история в Саратовской области неразрывно связана с именами заметных ученых-археологов, краеведов и педагогов Ю.В. Деревягина, Д.С. Худякова, Н.М. Малова, Е.В. Черкасовой, М.Г. Кима, Н.И. Поповой, А.А. Хрекова, Д.А. Хоркина, В.А. Лопатина. Возникновение школьной археологии стало закономерным следствием усиления общественного интереса к историко-культурному наследию. В эти годы археологическая наука переживала динамичный подъем, и особенно показательно в этом смысле поступательное развитие региональной археологии, где формировалась особая культура экспедиционной повседневности со своими традициями, стилем общения, фольклором. С одной стороны, жизнь экспедиций была пропитана романтикой и жаждой новых открытий, с другой – носила оттенок свободомыслия и противостояния официозу [Кузнецов П.Ф., 1998. С. 10].

В 1970-е годы по всей области, в школах, на экскурсионно-туристических станциях и краеведческих музеях стали возникать кружки юных археологов, возглавляемые энтузиастами. Среди этих самоотверженных людей были не только специалисты, но и любители истории и природы родного края – учителя, туристы, краеведы.

В г. Балаково Саратовской области археолого-палеонтологический кружок возник в 1973 г., и роль основателя балаковской школьной археологии по праву принадлежит Нине Ивановне Поповой (рис. 1). Судьба этой замечательной женщины уникальна. Не имея исторического образования, Нина Ивановна и ее ученики внесли весомый вклад в развитие не только «малой» археологии, но и большой науки. В 1994 г. балаковский краевед А. Деревянченко опубликовал книгу (краеведческий очерк для широкого круга читателей, не претендующий на строгую научность) «У реки велико-

¹ Автор выражает глубокую признательность своему первому научному руководителю Н.И. Поповой за неоценимую помощь, устное интервью и переданные ему на хранение архивы, материалы раскопок.

россов», в которой значительное внимание уделено археологическим исследованиям, в том числе работам Н.И. Поповой. Много было написано по ее личным воспоминаниям и на основе материалов раскопок балаковского кружка. В 2000 г. Областной центр дополнительного образования «Поиск» (бывшая ОблДЭТС) издал на правах рукописи брошюру «Любитель древней истории», в которую вошли материалы V Областных чтений учащихся по древней истории края им. Ю.В. Деревягина. В этом сборнике были опубликованы статья Н.И. Поповой об итогах деятельности кружка юных археологов [Попова Н.И., 2000], а также доклады ее воспитанников – Н. Наумовой, А. Тополева и Ю. Каргина, которые демонстрируют разносторонность работы кружка на вполне профессиональном исследовательском уровне.

В работе над статьей, которая представлена в настоящем сборнике, использованы устные интервью с Н.И. Поповой и Е.В. Черкасовой, любительские видеосъемки, а также материалы личного архива Н.И. Поповой (протоколы-описания работы кружка, полевые дневники, фотографии, карты разведочных маршрутов и рисунки находок). Карты-схемы разведочных маршрутов и раскопок в Хвалынском, Балаковском и Духовницком р-нах Саратовской области составлены по материалам научных отчетов Н.И. Поповой, существующих археологических карт, разработанных саратовскими археологами, и по результатам мониторингов памятников археологии, проводившихся в последние годы [Четвериков С.И., 1987; Малов Н.М., 1993; Дремов И.И., Кондольский И.В., 1993; Тихонов В.В. 1994; Волков В.А., 2007].

Н.И. Попова родилась в 1935 году, в с. Никольское Енотаевского района Астраханской области, окончила Северо-Осетинский с/х институт в г. Орджоникидзе, после чего работала в колхозе агрономом, экономистом, а затем – младшим научным сотрудником на Богдинской опытной лесомелиоративной станции. После смерти матери, в 1964 г., Нина Ивановна, по приглашению своей близкой подруги, приехала в Балаково, где устроилась в школу № 11 учителем химии и биологии. В районе современной Саратовской ГЭС, где обнажены меловые отложения (рис. 3, 1), молодая учительница проводила с детьми палеонтологические разведки и ежегодно привозила их на областные олимпиады, в которых те становились беспорными лауреатами. В ее характере удивительно совмещались большой талант педагога и любовь к детям, педантичность и требовательность, терпение и трудолюбие.

В 1973 году произошло событие, которое перевернуло всю ее жизнь. Летом, со своим 10-м классом, она приехала на экскурсию в краеведческий музей г. Хвалынска, где познакомилась с сотрудником древнего отдела В.А. Непочатых. Заметив ее интерес к археологической экспозиции, он пригласил всю группу посмотреть на археологические раскопки и принять в них участие. Осенью этого же года первый отряд балаковских школьников под руководством Н.И. Поповой и В.А. Непочатых прибыл на древнее поселение у с. Алексеевка Хвалынского района (рис. 2, 8), где юные археологи учились собирать подъемный материал и закладывать разведочные шурфы. С этого момента началась история «малой археологии» в Балаково.

С 1973 по 2000 гг. Н.И. Попова вместе со школьниками отработала 27 полевых сезонов. За это время в раскопках участвовало более 500 учащихся, исследовались 14 археологических памятников различных эпох – от энеолита до XVIII в. н. э., проводились разведки в Хвалынском, Вольском, Балаковском

и Духовницком районах Саратовской области по берегам рек Волги, Большого и Малого Иргизов, а также вдоль Балаковского оросительного канала. Каждому поколению кружковцев довелось участвовать в раскопках какого-либо крупного археологического памятника [Попова Н.И., 2000. С. 18]. Исследовательскую работу балаковского кружка юных краеведов «Искатели» условно можно разделить на 2 основных этапа, которые демонстрируют процесс его становления и зрелости. На первом этапе, с 1973 по 1985 гг., балаковцы участвуют в работе второго археологического отряда Средневолжской археологической экспедиции Куйбышевского государственного педагогического института (КГПИ), а также, при участии и под руководством куйбышевских специалистов, ведут собственные полевые работы (рис. 2). На втором – с 1985 по 2000 гг. – ведут самостоятельные работы в Балаковском и Духовницком районах (рис. 3).

В 1974 году небольшая группа балаковских школьников вошла в состав археологической экспедиции Куйбышевского дома пионеров, которой руководил И.Б. Васильев (в то время лаборант Пединститута). Работы проводились на городище Лысая гора, у с. Алексеевка Хвалынского района Саратовской области [Попова Н.И., 1997] (рис. 2, 15). С этого времени вплоть до 1985 г. весной и осенью совершались разведочные походы по берегу водохранилища. В результате таких походов были открыты три могильника эпохи бронзы у с. Алексеевка, Хвалынский энеолитический могильник, а также различные местонахождения полностью разрушенными водохранилищем памятников.

С 1975 года в составе Поволжского отряда Куйбышевской археологической экспедиции, которой руководила В.И. Пестрикова, балаковские школьники продолжили раскопки многослойного поселения Алексеевское № 1 (рис. 2, 8). Одновременно исследовался Первый алексеевский могильник (рис. 2, 7; 5), в котором, кроме захоронений срубной культуры эпохи поздней бронзы, было обнаружено детское погребение золотоордынского времени в колоде, датированное по зафиксированной здесь монете.

Именно балаковцы первыми обнаружили в 1977 г. разрушающийся могильник, ставший эпонимом хвалынской энеолитической культуры (рис. 2, 6). Раскопками могильника руководили И.Б. Васильев, В.И. Пестрикова и С.А. Агапов, которые позже посвятили этому памятнику множество публикаций, учебных пособий и монографий по энеолиту Поволжья. С момента открытия этого чрезвычайно важного для науки археологического комплекса силы археологов из многих научных центров были сосредоточены на его раскопках. Юные краеведы из Балаково активно им помогали. Основные работы здесь велись в течение всего лета 1978 г., но даже в сентябре, во все выходные дни Н.И. Попова вывозила на раскопки этого уникального памятника свою мобильную группу школьников (рис. 6). Здесь собирались археологи из Куйбышева, Казани, Воронежа и Москвы, что позволяло балаковцам приобрести опыт полевой работы и получить новые теоретические знания [Попова Н.И., 1997].

В том же 1978 году Н.И. Поповой предложили возглавить кружок археологии Детской экскурсионно-туристической базы (ДЭТБ) при ГорОНО г. Балаково, и она распрощалась со школой, вплотную занявшись новой и более интересной для нее работой. Предстояло сделать многое, но было немало сложностей, прежде всего, с поиском литературы и методических посо-

бий, поскольку они выходили, преимущественно, в виде малотиражных региональных изданий. Археологи Куйбышева, а затем и Саратова, делились с Н.И. Поповой своей литературой, но этого было недостаточно: поэтому она выписывала книги через центральную областную библиотеку и ночами их конспектировала. Стопки исписанных тетрадей стали основой для подготовки юных археологов, служили справочными источниками при разработке научных докладов.²

Городской отдел народного образования г. Балаково учредил стабильное финансирование деятельности археологического кружка, и вплоть до 1990 г. ребята совершали экскурсионные поездки по городам Союза, объехали весь Крым, были в Новгороде, Харькове, городах Поволжья, где знакомились с различными памятниками древней истории и культуры [Попова Н.И., 2000. С. 20]. Занятия кружка не ограничивались археологией: весной и осенью учащиеся ходили в турпоходы, собирали палеонтологический материал, учились делать масштабную съемку плана местности. Зимой они готовились к научным викторинам и конференциям областных слетов, а в конце 1990-х г.г. – к семинарам-практикумам и олимпиадам (рис. 7).

В 1978–1980-м гг. раскопки по-прежнему велись в Хвалынском районе Саратовской области, теперь уже на раннеэнеолитическом могильнике Липовый Овраг, относящемся к самарско-прикаспийской культуре, генетически близкой хвалынской (рис. 2, 5). Здесь в береговой линии было обнаружено 5 погребений, а также большое количество каменных полированных тесел [Васильев И.Б., 1980. С. 137]. Здесь же, с 1980 по 1985 гг. под руководством С.А. Агапова велись раскопки поселения металлургов эпохи поздней бронзы [Васильев И.Б., 1981. С. 126] (рис. 2, 4).

В 1980 г. в экспедицию к балаковским археологам приезжал Саратовский клуб «Не за тридевять земель» во главе с Д.С. Худяковым, который организовал съемки фильма «Хождение за море Саратовское». В этом же году гостями экспедиции были кандидаты исторических наук И.Б. Васильев и Р.С. Габяшев, которые провели для балаковцев несколько тематических лекций (рис. 8).

В этом богатом на события сезоне начались раскопки на острове Солнечный, что расположен в 4 км севернее г. Балаково. Остров образовался после сооружения Саратовского водохранилища и получил свое имя от юных археологов. Под этим названием он фигурирует в археологических отчетах и публикациях [Малов Н.М., 1981. С. 139]. Во время сооружения дамбы для охладителя АЭС здесь были разрушены ценнейшие археологические памятники. Об этом стало известно в 1976 году, когда строители начали приносить в археологический кружок фрагменты керамики и кости, поднятые экскаватором. Медлить было нельзя, и весной 1977 г. остров был осмотрен С.А. Агаповым и В.И. Пестриковой, тогда же под их руководством было расчищено 5 погребений. На месте были обнаружены фрагменты керамики от 51 сосуда срубной культуры, что говорило об уничтожении большого количества древних захоронений. Археологический памятник представлял собой срубно-алакульский грунтовый могильник – первый, зафиксированный на данной территории [Агапов С.А., Ватазина А.П., Пестрикова В.И., 1978.

² Сегодня эти тетради – образец упорства и любви к науке – находятся у автора этих строк.

С. 151] (рис. 3, 3). В это же время на острове были обнаружены 2 кургана (рис. 3, 4), и один из них уже был разрушен до уровня погребения. Раскопки второго кургана велись по Открытому листу 4 формы, который был выдан на имя Н.И. Поповой, с 1980 по 1983 гг. (рис. 9). Основным в этом кургане являлось полтавкинское погребение эпохи средней бронзы, которое было устроено под индивидуальной насыпью. Позже в курган были впущены более поздние полтавкинские, затем срубные, а после – сарматские погребения. Здесь найдены керамические сосуды, бронзовый нож, биконическое сарматское пряслице [Попова Н.И., 2000. С. 19].

Тогда же проводились разведки по коренному правому берегу р. Волги от Саратовской ГЭС до г. Вольска, в результате которых были открыты: разрушающееся городище у с. Девичьи Горки и поселение эпохи поздней бронзы у с. Терса [Попова Н.И., 1997].

С 1980 по 1986 гг. велись охранные раскопки поселения Сазанлейское-I, расположенного в черте г. Балаково, у начала оросительного канала (рис. 3, 2). Этот памятник стал учебным полигоном для юных археологов. Здесь, на разрушенной части поселения, были обнаружены фрагменты керамики срубной культуры и каменные орудия. В 1984–1985 гг. работы велись на мордовском Старояблонском могильнике XVIII в., который находился в Хвалынском районе Саратовской области (рис. 2, 1), недалеко от мог. Липовый Овраг. Старояблонский могильник был открыт М.А. Радищевым в 1913 г., в 1920-х годах его исследовал хвалынский краевед И.Ф. Орехов. В последующее время отдельные захоронения могильника неоднократно подвергались разграблению. В раскопе балаковские школьники нашли запечатанное в бутылке письмо И.Ф. Орехова от 2 июня 1926 года с его подписью (рис. 10). В письме указывалось название могильника – «Калма Лисима или Старояблонский», выходные данные публикации М.А. Радищева о его раскопках, вкратце описывались работы, произведенные на могильнике экспедицией Хвалынского музея под руководством И.Ф. Орехова и К.Ю. Кросс, а также перечислялись фамилии членов Хвалынского общества по изучению местного края, принявших участие в раскопках [Попова Н.И., 1997]. Письмо было передано в дар Хвалынскому краеведческому музею.

В середине 1980-х гг. кружок переехал в помещение экскурсионно-туристической станции по адресу ул. Ленина, 60. Здесь же силами школьников под руководством Н.И. Поповой был создан небольшой, но плотно насыщенный экспонатами музей, где, помимо археологических находок, были представлены палеонтологические (черепки бизонов, носорогов, зубы и бивни мамонтов) и этнографические коллекции (костюмы, предметы быта, подборка самоваров, весы и гири), реконструкции, макеты, богатый иллюстративный материал, изготовленные самими кружковцами (рис. 11).

Крутые перемены в общественной жизни рубежа 1980–1990-х гг. отрицательно сказались на археологических исследованиях. Курс на развитие свободного рынка и резкое снижение государственных дотаций привели к свертыванию объемов полевых работ. Их организация с привлечением большого числа студентов и школьников стала фактически невозможной [Кузнецов П.Ф., 1998. С. 10–11]. Изменился характер работы и балаковского кружка археологии: были утрачены регулярные связи с университетскими центрами, сократилась продолжительность полевых сезонов. Несмотря на переимено-

вание в 1990 г. кружка «Искатели» в Клуб юных археологов, что, казалось бы, способствовало повышению его статуса, из-за отсутствия финансирования по линии ГорОНО 1994–1996 гг., наладить работу в прежнем режиме не удалось, экспедиции уже не снаряжались. С 1997 г. родители школьников, занимавшихся в кружке, начали помогать в поиске средств для экспедиций – и выезды возобновились. Однако этих средств было мало, полевой сезон ограничивался всего двумя-тремя неделями, и такая ситуация сохранялась вплоть до закрытия кружка в 2004 году, когда он уже был перемещен в подсобное помещение Первой гимназии.

Еще с 1987 г. юные археологи Балаково вели постоянное наблюдение за берегами Малого Иргиза, где после сооружения Саратовского водохранилища в зону разрушения попало огромное количество археологических памятников, находившихся на первой надпойменной террасе (рис. 4). До 2001 г. ребята периодически осматривали берега, фиксируя разрушения археологических памятников, сообщая о них сотрудникам археологической лаборатории СГУ и ОЦ ДО «Поиск». В результате было открыто 12 памятников и местонахождений, в том числе – поселения Малый Иргиз-4-6, Чемеричное, Березовое (Сыртучий дол), могильник Чемеричный (на п-ове Калач). Иногда приходилось проводить экстренные работы по спасению некоторых памятников, среди которых – Малый Иргиз-3 (рис. 4, 12) и Малый Иргиз-5 (рис. 4, 19).

В результате разведок по левому берегу реки, недалеко от Зоринского моста, в обрыве был обнаружен котлован разрушающейся постройки, собрано большое количество керамики. Было принято решение незамедлительно развернуть работы по спасению поселения «Малый Иргиз-3» (рис. 4, 12): в результате раскопок 1989–1991 гг. полностью вскрыта оставшаяся часть металлургической мастерской эпохи поздней бронзы с теплотехническим комплексом (ямы с углем, рудой и охрой, канавка). В стене землянки, в непосредственной близости от плавильни, выявлено захоронение ребенка 10–12 лет.

На археологической карте Балаковского района, составленной В.В. Тихоновым в 1994 г., данный памятник не был учтен [Тихонов В.В., 1994].

В 1989 г., также в результате разведок в р-не с. Хлебновка, было обнаружено поселение в северо-западной части острова, образованного с севера р. Малый Иргиз, с юга – Кочкарным долом, с востока – р. Солянкой и с запада – р. Куличихой. Оно получило условное название «Малый Иргиз-5» (рис. 4, 19). В 1990 г. берег оказался разрушен еще сильнее, а в береговой линии обозначились 3 новых разрушающихся сооружения. Над одним из них был заложен небольшой раскоп (20 кв. м). В результате вскрыт угол постройки – предположительно, кожевенной мастерской. В раскопе и подъемном материале обнаружены костяные лоцила, проколка, костяное пряслице, керамическое колесико, каменные терочки, обильный остеологический материал, фрагмент керамической крышки, позднерубная керамика [Попова Н.И., 1988–1991]. В ходе разведок, проводившихся автором данной статьи в 2007 г., была зафиксирована периферия этого поселения.

С 1988 г. начались работы на поселении «Малый Иргиз-1» (Малоиргизское) (рис. 4, 1), которые продолжались вплоть до 2000 г. Поселение погибло в результате пожара, что позволило проследить особенности его конструкции – перекрытия, столбы, перегородки, плетни. За все это время на поселении бы-

ли раскопаны котлованы двух построек и обнаружен угол третьей полуземлянки. Постройки располагались в линию с юго-запада на северо-восток выходами на юго-восток. В культурном слое обнаружены: каменный пест и половина разбитой ступки, костяные штампы, развалы крупных корчаг. Постройка № 1 была идентифицирована как комплексное хозяйственно-жилое сооружение по классификации В.А. Лопатина [Лопатин В.А., 1992]: у входа примерно треть ее была отгорожена плетнем, в котловане имелся один основной и три небольших очага, канавообразное углубление вдоль осевой линии столбов. У входа на столбовых опорах был сооружен длинный плетневый тамбур. Постройка № 2 оказалась хозяйственным сооружением. В ее северо-западном углу, вблизи очага, обнаружены следы мелкого металлургического производства – медные слески, куски шлаков, каменный терочник и наковаленка, а также обломок двусторонней каменной литейной формы для отливки крестовидной подвески и булавки с декоративным навершием. Здесь же была обнаружена глиняная льячка с обломанной ручкой. Экспериментальные замеры позволили установить, что объема льячки хватало для изготовления семи подвесок или булавок [Тополев А., 2000. С. 39]. В центре постройки № 2 обнаружена яма глубиной 2,5 м от уровня пола со ступеньками, обмазанными глиной. По сторонам от штольни устроена ступенька шириной 0,5 м. Яма была заполнена золой, ее северная стена сильно обожжена и имела кирпичный оттенок. Рядом обнаружены камни и развал прокаленной докрасна корчаги. Яма представляла собой двухкамерное сооружение с нижним и верхним отсеками. Поскольку следов металлургического производства в яме не обнаружено, было сделано предположение, что это сооружение могло представлять собой двухкамерный горн для обжига керамики с вертикальным ходом горячего воздуха [Попова Н.И., 2000. С. 19]. На территории Поволжья аналогии этому сооружению не выявлены [Тополев А., 2000. С. 40].

Юные археологи Балаковского клуба на всех слетах, конференциях, научных семинарах демонстрировали высокий уровень теоретической подготовки, эрудиции и умений в полевой практике. В 1975 году в Лысогорском районе, на Третьем Областном слете юных археологов впервые участвовавшая в такого рода мероприятиях балаковская команда в составе всего лишь трех человек заняла 1-е место. И после этого, вплоть до XXIII слета, юные краеведы из Балаково занимали только первые и призовые позиции: на семнадцати слетах они были первыми, на двух – вторыми и на двух – третьими. Балаковцы были сильнейшими на двух Всероссийских слетах юных археологов: в 1985 году, в Смеловке Энгельсского района Саратовской области, и в 1986 году, в Карачаево-Черкесии. Их исследовательские работы дважды награждались грамотами Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры и Министерства просвещения РСФСР. В 1980 г. город, благодаря стараниям кружковцев, получил переходящее областное Красное Знамя за образцовые показатели в туристско-краеведческой работе, которое удерживал в течение последующих двух лет.

С 1998 по 2000 гг. кружковцы принимали активное участие в работе Саратовских семинаров-практикумов, где их доклады неизменно получали высокие оценки. Тематика докладов и сообщений за всю историю кружка была разнообразна – от анализа материалов раскопок до реконструкций одежды и комплексов украшений, жилищ и планировки поселений, знаковых и прото-

письменных систем, и даже внешнего облика ребенка по черепу из Смеловского могильника (по методике М.М. Герасимова). Два воспитанника кружка – А. Тополев и Ю. Каргин – представляли в 2000 году всю Саратовскую область на IV Всероссийской олимпиаде по школьному краеведению, проводившейся в Москве, где их работы были отмечены дипломами лауреатов (рис. 13).

С 2001 г. Н.И. Попова уже не вывозила школьников в экспедиции, но все еще продолжала заниматься с ними на базе Первой Гимназии. В 2004 г. по состоянию здоровья она вышла на заслуженный отдых, а вместе с ее уходом прекратил свое существование и Клуб юных археологов г. Балаково. До настоящего времени не нашлось энтузиаста, готового продолжить здесь дело Н.И. Поповой.

Малая археология переживает глубокий кризис. По всей видимости, это закономерное следствие замкнутости школьных кружков, которым было сложно адаптироваться в современных условиях. Материалы раскопок, отчеты Н.И. Поповой и музейные экспонаты были переданы на хранение в Балаковский краеведческий музей. Хранителем архива Клуба юных археологов, в котором содержатся все наработанные материалы, конспекты источников и литературы, тексты докладов, фотографии, книги по археологии, является автор этих строк.

Литература:

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Раскопки энеолитических могильников в Хвалынском районе Саратовской области // АО 1974 года. М., 1975.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник // АО 1977 года. М., 1978.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Раскопки энеолитических могильников в Хвалынском районе Саратовской области // АО 1978 года. М., 1979.

Агапов С.А., Ватазина А.П., Пестрикова В.И. Работы на севере Саратовской области // АО 1977 года. М., 1978.

Агапов С.А., Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Хвалынский энеолитический могильник. Самара, 1990.

Васильев И.Б., Непочатых В.А., Пестрикова В.И. Раскопки и разведки на севере Саратовской области // АО 1975 года. М., 1976.

Васильев И.Б., Ватазина А.П., Миронов В.Г., Пестрикова В.И. Раскопки в Саратовской области // АО 1976 года. М., 1977.

Васильев И.Б. Работы на Волге // АО 1979 года. М., 1980.

Васильев И.Б. Работы в Среднем и Нижнем Поволжье // АО 1980 года. М., 1981а.

Васильев И.Б. Энеолит Поволжья. Степь и лесостепь.: Учеб. пособ. к спецкурсу. Куйбышев, 1981б.

Васильев И.Б., Пестрикова В.И. Памятники бронзового века в районе села Алексеевка Хвалынского района Саратовской области // Проблемы археологии Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1976.

- Волков В.А.* Отчет об археологических разведках в Духовницком районе Саратовской области в 2006 году. Саратов, 2007 // Архив УНАЛ СГУ.
- Деревянченко А.* У реки великороссов. Балаково, 1994.
- Дремов И.И., Кондольский И.В.* Археологическая карта Духовницкого района Саратовской области. Саратов, 1993 // Архив ГУК НПЦ по историко-культурному наследию.
- Каргин Ю.* Восстановление облика по черепу. Описание к реконструкции // Любитель древней истории: (на правах рукописи). Саратов, 2000а.
- Каргин Ю.* Постройка 1 поселения «Малый Иргиз-1» (текстовая часть работы) // Любитель древней истории: (на правах рукописи). Саратов, 2000б.
- Кузнецов П.Ф.* Студенческая археология в контексте новых времен // Материалы XXX Урало-Поволжской археологической конф. молодых ученых. Самара, 1998.
- Лопатин В.А.* Постройки срубных поселений степного Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.
- Лопатин В.А.* Срубные поселения степного Волго-Уралья. Саратов, 2002.
- Максимов Е.К., Миронов В.Г.* Полевые исследования Саратовского университета в 1945–1984 гг. как продолжение рыковских традиций // АВЕС. Саратов, 1989. Вып. 1.
- Малов Н.М.* Раскопки в Саратовском Поволжье // АО 1980 года. М., 1981.
- Малов Н.М.* Археологическая карта Хвалынского района Саратовской области. Саратов, 1993 // Архив УНАЛ СГУ.
- Наумова Н.* Волжский торговый путь // Любитель древней истории: (на правах рукописи). Саратов, 2000.
- Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Саратов, 1993. Вып. В 1–10. Т. I.
- Попова Н.И.* Отчет о разведках по левобережью р. Малый Иргиз за 1988–1991 г. // Личный архив Ю.Ю. Каргина.
- Попова Н.И.* Старо-Яблонский могильник по раскопкам 1983–1984 гг. // Личный архив Ю.Ю. Каргина.
- Попова Н.И.* Исследовательская работа юных археологов г. Балаково Саратовской области.: тез. докл. 1997.
- Попова Н.И.,* Исследовательская работа юных археологов // Любитель древней истории: (на правах рукописи). Саратов, 2000.
- Радищев М.А.* Старояблонский могильник // Труды СУАК. Саратов, 1914. Вып. 31.
- Семенова А.П.* Работы на севере Саратовской области // АО 1978 года. М., 1979.
- Сергеева О.В.* Очерк о жизни и деятельности Юрия Владимировича Деревягина (1926–1970) // Любитель древней истории: (на правах рукописи). Саратов, 2000.
- Тихонов В.В.* Отчет о Научно-исследовательской работе «Выявление, изучение и картографирование археологических памятников в Балаковском районе Саратовской области. Открытый лист № 503. Саратов, 1994 // Архив ГУК НПЦ по историко-культурному наследию.
- Тополев А.* Мастерская на поселении Малый Иргиз-1 // Любитель древней истории: (на правах рукописи). Саратов, 2000.

Хоркин Д.А. Учебно-исследовательская деятельность в археологическом кружке как средство развития творческих способностей учащихся // *Любитель древней истории: (на правах рукописи)*. Саратов, 2000.
Четвериков С.И. Отчет об археологических исследованиях в бассейне р. Малый Иргиз в 1986 году. Саратов, 1987 // Архив УНАЛ СГУ.
Устное интервью с Н.И. Поповой, 2007.
Устное интервью с Е.В. Черкасовой, 2007.
Любительское видео из экспедиций и занятий кружка юных краеведов // Видео-архив Ю.Ю. Каргина.

Рис. 1. Попова Нина Ивановна

- - Городище
- ⊗ - Поселение
- ∩ - Грунтовой могильник
- ▲ - Местонахождение

- 1 - Старояблонский мог. (Калма Лисима)
- 2 - Ивановская стоянка
- 3 - пос. Яблоновское № 1
- 4 - пос. в устье Липового оврага
- 5 - мог. Липовый овраг
- 6 - мог. Хвалынский I
- 7 - мог. Алексеевский № 1
- 8 - пос. Алексеевское № 1
- 9 - пос. Алексеевское № 5
- 10 - мог. Алексеевский № 3
- 11 - мог. Алексеевский у насосной
- 12 - пос. Алексеевское № 3
- 13 - мог. Алексеевский № 2
- 14 - пос. Алексеевское № 4
- 15 - городище Лысая гора

Рис. 2. Археологические исследования кружка юных археологов г. Балаково в Хвалынском р-не (1973–1985)

1 - пос. Малый Иртыз-1 (Малоиртызское)	12 - пос. Малый Иртыз-3
2 - грунтовые могильники п-ова Калач	13, 14, 24 - курганы
3 - пос. Чемеричное	15, 16, 20, 23 - поселения эпохи бронзы
4 - пос. Берёзовое (Сиртучий дол)	17 - мог. Татарский
5 - курганная группа Сиртучий дол (9 насыпей)	18 - пос. Малый Иртыз-4
6 - курганная группа Берёзовый дол (7 насыпей)	19 - пос. Малый Иртыз-5
7 - курганная группа	21 - пос. Малый Иртыз-6
8 - курган близ с. Софьинка	22 - пос. Куличиха
9 - курганная группа близ с. Софьинка	25 - курганная группа (5 насыпей)
10 - пос. Новозахаркино-1	26 - курганная группа (14 насыпей)
11 - пос. Малый Иртыз-2 (Новозахаркино-2)	

Рис. 3–4. Археологические исследования кружка юных археологов г. Балаково в окрестностях г. Балаково и по р. Малый Иртыз

Рис. 5. Раскопки могильника Алексеевский № 1, 1976

Рис. 6. Балаковские школьники на раскопках Хвалынского энеолитического могильника, 1978

Рис. 7. Н.И. Попова на занятиях кружка юных археологов «Искатели» в Доме пионеров, 1980

Рис. 8. Н.И. Попова и кружковцы на лекции археологов. Мог. Липовый Овраг, 1979

Рис. 9. Кружковцы исследуют разрушенный курган 1 на о-ве Солнечный, 1983

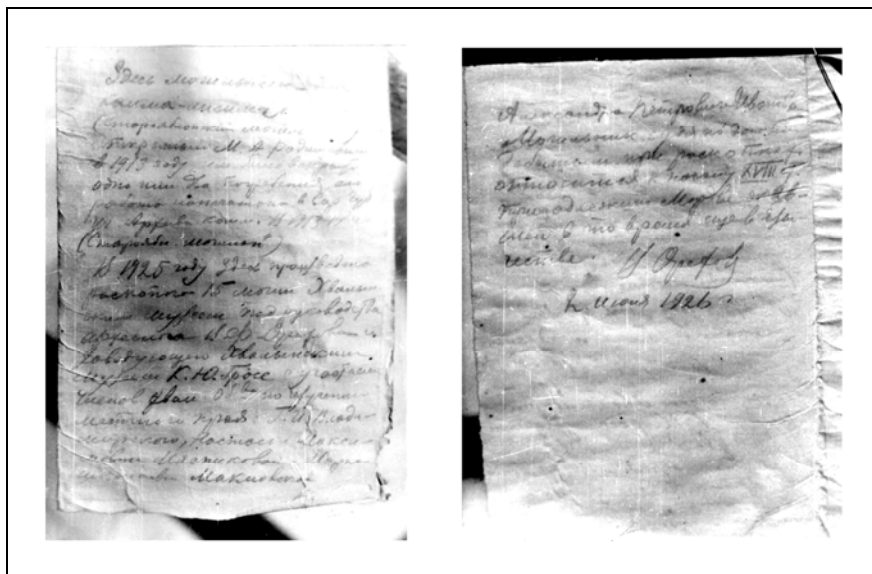

Рис. 10. Письмо И.Ф. Орехова от 2 июня 1926 г.,
обнаруженное на территории Старояблонского могильника

Рис. 11. Н.И. Попова в на экскурсии в музее кружка, 1993

Рис. 12. Балаковцы-победители XXIII областного слета юных археологов, 2000.

Рис. 13. Ю. Каргин и А. Тополев – победители IV Всероссийской Олимпиады по школьному краеведению, 2000